

**Бюллетень
Суда Евразийского
экономического союза
2020 год**

**ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

Бюллетень Суда Евразийского экономического союза является печатным изданием и официальным источником опубликования актов Суда, учрежден в соответствии с пунктами 4 и 116 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Электронная версия Бюллетеня Суда размещена на официальном интернет-сайте Суда <http://courteurasian.org/>.

Содержание

Вступительное слово Председателя Суда Евразийского экономического союза Ж.Н. Баишева	8
Вступительное слово Председателя Суда Евразийского экономического союза Ж.Н. Баишева (на английском языке)	11
Судебные акты Суда Евразийского экономического союза	
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 23 января 2020 года о принятии к производству заявления ООО «Электронная таможня»	14
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 10 марта 2020 года о прекращении производства по делу по заявлению ООО «Электронная таможня»	17
Особое мнение судьи Федорцова А.А. от 10 марта 2020 года	24
Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 10 марта 2020 года	26
Особое мнение судьи Скрипкиной Г.А. от 12 марта 2020 года	34
Резюме	37
Summary	39
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 10 февраля 2020 года о принятии к производству заявления Российской Федерации в лице Министерства юстиции	41
Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 10 июля 2020 года по делу по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции	46
Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 10 июля 2020 года	58
Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 10 июля 2020 года	69
Особое мнение судьи Колоса Д.Г. от 14 июля 2020 года	82
Резюме	97
Summary	100

Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 февраля 2020 года по заявлениям ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках»	102
Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 11 февраля 2020 года	133
Особое мнение судьи Туманяна А.Э. от 13 февраля 2020 года	142
Постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 5 марта 2020 года о принятии к производству жалоб ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК»	150
Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по жалобам ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 февраля 2020 г.	152
Особое мнение судьи Колоса Д.Г. от 11 ноября 2020 года	167
Резюме	189
Summary	192
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 18 февраля 2020 года о принятии к производству заявления ООО «Монокристалл»	195
Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по заявлению ООО «Монокристалл» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза»	199
Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 6 ноября 2020 года	217
Постановление Апелляционной палаты Суда от 1 декабря 2020 года о принятии к производству жалобы Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда от 6 ноября 2020 года (дело по заявлению ООО «Монокристалл»).	223

Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года об отмене решения Коллегии Суда от 6 ноября 2020 года по делу по заявлению ООО «Монокристалл»	226
Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 15 февраля 2021 года	242
Резюме	254
Summary	257
Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 26 марта 2020 года по заявлению АО «Транс Логистик Консалт» об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии	260
Особое мнение судьи А.М. Ажибраимовой от 30 марта 2020 года	272
Особое мнение судьи Э.В. Айриян от 30 марта 2020 года	285
Особое мнение судьи Д.Г. Колоса от 31 марта 2020 года	293
Постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 23 апреля 2020 года о принятии к производству жалобы Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 26 марта 2020 года (дело по заявлению АО «Транс Логистик Консалт»)	301
Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 7 октября 2020 года по жалобе Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 26 марта 2020 года (дело по заявлению АО «Транс Логистик Консалт»)	303
Особое мнение судьи Туманяна А.Э. от 7 октября 2020 года	314
Особое мнение судьи Сейтимовой В.Х. от 12 октября 2020 года	322
Постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 7 октября 2020 года о внесении вопроса на рассмотрение Большой коллегии Суда	330
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 8 декабря 2020 года	333

Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 8 декабря 2020 года	336
Резюме	344
Summary	346
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 23 апреля 2020 года об оставлении заявления Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» без движения	348
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 1 июня 2020 года о принятии к производству заявления Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений разделов XVIII и XX Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	354
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 7 июля 2020 года о прекращении производства по делу в связи с отзывом заявления Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен»	360
Резюме	362
Summary	363
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 мая 2020 года об отказе в принятии ходатайства общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд»	364
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 2 июня 2020 года об отказе в удовлетворении ходатайства общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд»	366
Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 2 июня 2020 года	369
Резюме	376
Summary	378
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 29 июня 2020 года об оставлении заявления Общества с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» без движения	380

Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 9 июля 2020 года об отказе в принятии к производству заявления Общества с ограниченной ответственностью «Поларис Инт»	385
Резюме	391
Summary	393
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 октября 2020 года о принятии к производству заявления Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	395
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года о принятии к производству заявления Общества с ограниченной ответственностью «Поларис Инт»	398

Ж.Н. БАИШЕВ
Председатель Суда
Евразийского
экономического союза

Уважаемые читатели!

Представляю Вашему вниманию очередной выпуск Бюллетеня Суда Евразийского экономического союза.

Вызовы 2020 года глобального масштаба поставили перед интеграцией в Евразийском экономическом союзе новые задачи усиления координации совместных усилий по актуальным вопросам, выработки стратегии развития Союза, совершенствования правосудия в условиях цифрового общества.

Несмотря на угрозы и риски, Суд, осуществляя деятельность по отправлению правосудия, в 2020 году принял 3 решения по спорам, 2 решения по апелляционным жалобам, 1 консультативное заключение и 18 постановлений.

Так, в 2020 году Российская Федерация обратилась в Суд с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору, и Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору. 10 июля 2020 года Большая коллегия Суда вынесла консультативное заключение о том, что лизинговые услуги, оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком, входят в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам. Большая коллегия констатировала, что введение государством – членом Союза пруденциального регулирования лизинговой деятельности, осуществляемой лизинговыми компаниями, включая установление требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), установление финансовых нормативов и отчетности, соответствует Договору. Кроме того, Суд указал, что установление

особенностей налогообложения прямыми налогами относится к компетенции государств-членов и не входит в сферу действия права Союза.

В 2020 году в полной мере проявилась функция Апелляционной палаты Суда, осуществляющей судопроизводство по пересмотру решений Коллегии Суда, вынесенных в качестве суда первой инстанции.

Так, если по спору в области конкуренции решением от 11 февраля 2020 года Коллегия Суда признала решение Коллегии ЕЭК от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – Решение № 165) соответствующим Договору, международным договорам в рамках Евразийского экономического союза, то Апелляционная палата Суда решением от 6 ноября 2020 года установила, что Решение № 165 не соответствует Договору и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза в связи с неверной квалификацией нарушения и преждевременной констатацией Комиссией статуса ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» как конкурентов на рынке.

По обращению общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» решением Коллегии Суда от 6 ноября 2020 года решение Коллегии ЕЭК от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 84) признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза. Решением от 15 февраля 2021 года, которое также публикуется в настоящем Бюллетене, Апелляционная палата Суда отменила это решение Коллегии Суда и признала оспариваемое Решение № 84 соответствующим Договору и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

26 марта 2020 года Коллегия Суда объявила бездействие Комиссии при рассмотрении запроса акционерного общества «Транс Логистик Консалт» о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов не соответствующим Договору, международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Апелляционная палата Суда 7 октября 2020 года отменила это решение Коллегии Суда и признала бездействие ЕЭК правомерным.

Указанные примеры демонстрируют практическую востребованность и повышение эффективности контрольной функции апелляционной инстанции Суда.

Предметом рассмотрения становятся вопросы исполнения решений Суда. Так, полагая, что решение Коллегии Суда от 18 июня 2019 года не исполнено, общество с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» обратилось в Суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению. Коллегия Суда в постановлении от 2 июня 2020 года указала, что пунктом 103 Статута Суда уста-

новлено, что без ущерба положениям пунктов 111–113 Статута стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда. Суд пришел к выводу, что Коллегия ЕЭК приняла решение от 28 января 2020 года «О внесении изменения в решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15» во исполнение решения Суда от 18 июня 2019 года.

Выработанные Судом в 2020 году правовые позиции о защите конкуренции, полномочии Комиссии по контролю за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках, определении географических границ товарного рынка, квалификации нарушений антимонопольного права по пунктам 3-6 статьи 76 Договора, таможенном регулировании, процедуре принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, правовом регулировании финансовых услуг, применении пруденциальных мер к лизинговой деятельности, вносят существенный вклад в обеспечение функционирования и развития единого рынка в рамках Союза.

Надеюсь, что публикуемые в настоящем выпуске Бюллетеня Суда материалы судебной практики будут востребованы юристами-практиками, учеными-правоведами, а также широким кругом читателей, интересующихся развитием права Союза и евразийской интеграцией.

С уважением,
Председатель Суда
Евразийского экономического союза

Ж.Н. Баишев

Dear readers!

I am pleased to bring to your attention another issue of the Bulletin of the Court of the Eurasian Economic Union.

The global challenges of 2020 set new objectives for integration in the Eurasian Economic Union with regard to strengthening coordination of joint efforts on matters of current interest, formation of strategy for the development of the Union, and improving the administration of justice in the digital society.

Despite the threats and risks, the Court, in the context of its activities in the administration of justice, in 2020 adopted 3 judgements on disputes, 2 judgements on appeals, 1 advisory opinion, and 18 orders.

In 2020, Russian Federation applied to the Court for clarification of the provisions of the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 (hereinafter referred to as the Treaty), the Protocol on Trade in Services, Establishment, Activities and Investment, which is Annex No. 16 to the Treaty, and the Protocol on Financial Services, which is Annex No. 17 to the Treaty. On July 10, 2020, the Grand Chamber of the Court issued an advisory opinion stating that leasing services provided by a leasing company, which is not a bank, shall be governed by the Protocol on Financial Services. The Grand Chamber stated that the introduction by the Member State of prudential regulation of leasing activities carried out by leasing companies, including the establishment of requirements for the minimum amount of own funds (capital), the establishment of financial standards and reporting, is in line with the Treaty. At the same time, the Court pointed out that the determination of the specifics of charging direct taxes shall be within the competence of the Member States and does not lie within the scope of the Union law.

In 2020, the function of the Court's Appeals Chamber, which carries out legal proceedings to review the judgements of the Chamber of the Court delivered as the first-instance court, became fully apparent.

For instance, though by its judgement of February 11, 2020 in a case regarding competition the Chamber of the Court recognized decision of the Board of the EEC No. 165 "On Violation of the General Rules of Competition in Cross-Border Markets" dated September 17, 2019 (hereinafter referred to as Decision No. 165) as in line with the Treaty and international treaties of the Eurasian Economic Union, the Appeals Chamber of the Court by its judgement dated November 6, 2020 established that Decision No. 165 does not comply with the Treaty and international treaties of the Eurasian Economic Union due to the incorrect designation of the violation and premature conclusion by the Commission that Delrus CJSC and Delrus RK LLP were competitors on the market.

Pursuant to the request of Monocrystal Limited Liability Company, the Chamber of the Court by its judgement dated November 6, 2020 declared the Decision of the Board of the EEC No. 84 "On classifying artificial corundum in accordance with the Eurasian Economic Union's Commodity Nomenclature for Foreign Economic Activities" (hereinafter referred to as Decision No. 84) dated June 4, 2019 to be in

conflict with the Treaty and international treaties of the Union. By its judgement of February 15, 2021, which is also published in this Bulletin, the Appeals Chamber of the Court overturned this judgement of the Chamber of the Court and declared that disputed the Decision No. 84 is in line with the Treaty and international treaties of the Eurasian Economic Union.

On March 26, 2020, the Chamber of the Court declared that the Commission's failure to act when considering the request of Trans Logistic Consult Joint-Stock Company to initiate the procedure on adoption of decision with regard to the classification of small vessels is in conflict with the Treaty and international treaties of the Union and violates the rights and legitimate interests of the economic entity in the field of entrepreneurial and other economic activities. On October 7, 2020, the Appeals Chamber of the Court overturned this judgement of the Chamber of the Court and recognized the EEC's failure to act as lawful.

The examples mentioned demonstrate the practical relevance and increased effectiveness of the control function of the Appeals Chamber of the Court.

Moreover, issues relating to the execution of Court judgements have become the subject of consideration. Thus, believing that the judgement of the Chamber of the Court dated June 18, 2019 has not been executed, Shiptrade Limited Liability Company appealed to the Court with a request to take measures to ensure the execution thereof. The Chamber of the Court, in its judgement dated June 2, 2020, stated that paragraph 103 of the Statute of the Court established that, without prejudice to the provisions of paragraphs 111-113 of the Statute, the parties to the dispute may independently determine the form and method of execution of the Court's judgement. The Court concluded that the EEC Board adopted decision dated January 28, 2020 "On Amending Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 15 dated January 31, 2018" in pursuance of the Court's judgement dated June 18, 2019.

The legal findings established by the Court in 2020, on the protection of competition, the powers of the Commission to monitor compliance with the general rules of competition in cross-border markets, the definition of geographical boundaries of the commodity market, the designation of violations of antimonopoly law under paragraphs 3-6 of Article 76 of the Treaty, customs regulation, the Commission's decision-making procedure with regard to the classification of certain types of goods, the legal regulation of financial services, the application of prudential measures to leasing activities, made a significant contribution to the functioning and development of the single market within the Union.

I believe that the Court's case law published in the current issue of the Bulletin will be helpful for practicing lawyers, legal scholars, and the wider readership interested in the development of Union law and Eurasian integration.

Yours faithfully,
President of the Court
of the Eurasian Economic Union

Zh. Baishev

**Бюллетень
Суда Евразийского
экономического союза
2020 год**

**ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

23 января 2020 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Чеченовой Н.С., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза кода 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные»,

УСТАНОВИЛА:

Общество с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» (далее – ООО «Электронная таможня», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» (далее – Решение № 113) в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза кода 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

ООО «Электронная таможня» считает, что решение не соответствует Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (далее – Конвенция о Гармонизированной системе), Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и нарушает его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно пункту 39 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут), по заявлению хозяйствующего субъекта Суд рассматривает споры о соответствии решения Евразийской экономической комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

ООО «Электронная таможня» является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Рассмотрение спора в части признания Решения № 113 не соответствующим Конвенции о Гармонизированной системе и Договору относится к компетенции Суда в силу подпункта 2 пункта 39 Статута. В указанной части заявление ООО «Электронная таможня» соответствует пункту 2 статьи 9 Регламента Суда, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент).

ООО «Электронная таможня» соблюдены требования пункта 1 статьи 9 Регламента к содержанию заявления хозяйствующего субъекта.

В заявлении указаны права и законные интересы, которые, по мнению истца, нарушены оспариваемым решением, приведены обстоятельства и доводы в обоснование заявленных требований. К заявлению приложены документы, установленные пунктом 3 статьи 9 Регламента.

К заявлению приложены документы о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора.

Заявление подписано уполномоченным лицом, что подтверждается выпиской из Единого государственного реестра юридических лиц и протоколом общего собрания участников ООО «Электронная таможня».

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору, между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Пошлина за обращение хозяйствующего субъекта в Суд уплачена в полном размере.

Документы и материалы представлены в объеме, достаточном для принятия заявления к производству.

На основании изложенного и руководствуясь пунктом 39 Статута Суда, статьями 9, 33, 34, 84 Регламента, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза кода 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» не соответствующим Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров и Договору о Евразийском экономическом союзе и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 10 часов 00 минут 27 февраля 2020 года в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

К.Л. Чайка

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

10 марта 2020 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи - докладчика Чайки К.Л., судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Федорцова А.А., Туманяна А.Э., при секретаре судебного заседания Чеченовой Н.С., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза кода 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», с участием: представителей истца Казакова И.В., Смирновой М.А., Лисицыной Е.А., Барахович Н.Я., Бронникова В.А., Пятова А.А.; представителей ответчика Юрлова И.А., Киризлеева Р.О., Варламова С.Н., Жихаревой А.В., заслушав представителей сторон, специалиста Руденко Ю.Ф., исследовав материалы дела,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Общество с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» (далее – ООО «Электронная таможня», истец) является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В марте 2016 года ООО «Электронная таможня», действуя в качестве таможенного представителя на основании договора транспортной экспедиции и оказания услуг таможенного представителя в области таможенного дела от 1 февраля 2016 года, от имени и по поручению хозяйствующего субъекта Российской Федерации ОАО «СУЭК-КУЗБАСС» произвело таможенное декларирование товара, ввезенного на таможенную территорию Евразийского

экономического союза (далее – Союз). При этом таможенный представитель в сведениях о декларируемом товаре, необходимых для исчисления и взимания таможенных и иных платежей, указал комплект очистного узкозахватного комбайна EICKHOFF SL 900 с комплектующим EX-оборудованием, заявив код данного товара 8430 39 000 0 «врубные машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС, Товарная номенклатура).

Таможенный орган Российской Федерации решением от 16 ноября 2016 года, принятым по результатам камеральной таможенной проверки, проведенной у декларанта – ОАО «СУЭК-КУЗБАСС», изменил код Товарной номенклатуры, заявленный в отношении ввозимого товара, на 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», ставка таможенной пошлины по которому составляла 5 %. Как следует из акта камеральной таможенной проверки, основанием для изменения товарной подсубпозиции послужил тот факт, что с 11 октября 2015 года для очистных узкозахватных машин применяется новый код Товарной номенклатуры 8430 50 000 2 в связи с вступлением в силу решения Коллегии Евразийской экономической комиссии «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» от 10 сентября 2015 года № 113 (далее – Решение № 113).

Согласно материалам дела постановлением от 20 февраля 2017 года таможенный орган привлек ООО «Электронная таможня» к административной ответственности, предусмотренной частью 2 статьи 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, за заявление таможенным представителем при таможенном декларировании товара недостоверных сведений о его классификационном коде ТН ВЭД ЕАЭС.

ООО «Электронная таможня» обжаловало решение и постановление таможенного органа в арбитражные суды Российской Федерации, которые отказали в удовлетворении требований истца.

24 сентября 2019 года ООО «Электронная таможня» в рамках досудебного урегулирования спора направило в Евразийскую экономическую комиссию (далее – Комиссия) жалобу на Решение № 113. В срок, установленный пунктом 14 Порядка рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений (актов) Евразийской экономической комиссии, Комиссии таможенного союза, их отдельных положений и (или) действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии, утвержденного решением Комиссии от 19 марта 2013 года № 46, окончательный ответ за подписью члена Коллегии Комиссии истцу не представлен.

15 января 2020 года ООО «Электронная таможня» обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании Решения № 113 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС кода 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» не соответствующим Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (далее – Конвенция о Гармонизированной системе) и Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности и его отмене.

Постановлением Коллегии Суда от 23 января 2020 года заявление ООО «Электронная таможня» принято к производству.

Истец заявлением об уточнении требований от 26 февраля 2020 года просил признать Решение № 113 в части включения в Товарную номенклатуру кода 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» не соответствующим Договору и Конвенции о Гармонизированной системе, исключив требование об отмене оспариваемого решения.

В судебном заседании представители ООО «Электронная таможня» поддержали заявленные требования с учетом уточнения. Представители ответчика просили Суд отказать в удовлетворении заявления истца.

2. Выводы

В соответствии с подпунктом 2) пункта 39 Статута Суда, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут), Суд по заявлению хозяйствующего субъекта рассматривает споры о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

В ранее рассмотренных делах (решение от 7 апреля 2016 года по делу по заявлению ООО «Севлад», решение от 28 декабря 2015 года по заявлению ИП Тарасика К.П.) Судом сформулирована позиция, согласно которой споры по заявлению хозяйствующего субъекта рассматриваются Судом при одновременном наличии следующих обязательных условий:

решение Комиссии или его отдельные положения непосредственно затрагивают права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

решение Комиссии или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Отсутствие непосредственного влияния соответствующего решения Комиссии или его отдельных положений на права и законные интересы хозяйствующего субъекта, которые предоставлены Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, исключает возможность Суда на рассмотрение дела по существу.

На стадии принятия заявления к производству Суд предварительно (*prima facie*) установил наличие по делу всех необходимых элементов компетенции Суда по рассмотрению спора.

Пунктом 2 статьи 401 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) установлено, что отношения таможенного представителя с декларантами или иными заинтересованными лицами строятся на договорной основе.

Согласно пункту 1.2 договора транспортной экспедиции и оказания услуг таможенного представителя в области таможенного дела от 1 февраля 2016 года, заключенного между ООО «Электронная таможня» и ОАО «СУЭК-КУЗБАСС», истец принял на себя обязательства по поручению ОАО «СУЭК-КУЗБАСС» выполнить услуги таможенного оформления, к которым относятся, в том числе декларирование товаров, предоставление таможенному органу документов и дополнительных сведений, необходимых для таможенных целей.

В соответствии с пунктом 4 статьи 405 ТК ЕАЭС в случае совершения таможенных операций таможенным представителем от имени декларанта таможенный представитель несет с декларантом солидарную обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин в полном размере подлежащей исполнению обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин.

В судебном заседании представитель ООО «Электронная таможня» пояснил, что обязанность по уплате ввозных таможенных пошлин в связи с изменением классификационного кода товара исполнена ОАО «СУЭК-КУЗБАСС». Как следует из материалов дела, декларантом при ввозе товаров являлось ОАО «СУЭК-КУЗБАСС».

Согласно пункту 1 статьи 83 ТК ЕАЭС декларантом товаров, помещаемых под таможенные процедуры, может выступать лицо государства-члена:

являющееся стороной сделки с иностранным лицом, на основании которой товары перемещаются через таможенную границу Союза;

от имени и (или) по поручению которого заключена сделка, указанная в абзаце втором настоящего подпункта;

имеющее право владения, пользования и (или) распоряжения товарами, – если товары перемещаются через таможенную границу Союза не в рамках сделки, одной из сторон которой является иностранное лицо;

являющееся стороной сделки, заключенной с иностранным лицом или с лицом государства-члена в отношении иностранных товаров, находящихся на таможенной территории Союза;

являющееся экспедитором, – при заявлении таможенной процедуры таможенного транзита.

Как видно из текста статьи 83 ТК ЕАЭС, таможенные представители выступать декларантами товаров не могут.

В соответствии с подпунктами 1 и 4 пункта 2 статьи 84 ТК ЕАЭС декларант обязан произвести таможенное декларирование товаров и уплатить таможенные платежи, специальные, антидемпинговые, компенсационные пошлины и (или) обеспечить исполнение обязанности по их уплате в соответствии с ТК ЕАЭС.

Согласно положениям статьи 46 ТК ЕАЭС ввозная таможенная пошлина является одним из видов таможенных платежей. В соответствии с пунктом 2 статьи 53 ТК ЕАЭС для исчисления ввозных таможенных пошлин применяются ставки Единого таможенного тарифа Союза.

Таким образом, решение Комиссии, которым установлен классификационный код товара для целей его таможенного декларирования, а также ставки ввозной таможенной пошлины, применяется только к декларанту товара.

В соответствии со статьей 400 ТК ЕАЭС за несоблюдение требований международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования юридические лица, осуществляющие деятельность в сфере таможенного дела, несут ответственность в соответствии с законодательством государств-членов.

Заявив при таможенном декларировании товаров недостоверные сведения об их классификационном коде по ТН ВЭД ЕАЭС, ООО «Электронная таможня», как таможенный представитель, понесло ответственность в соответствии со статьей 16.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Исходя из природы правоотношений между декларантом и таможенным представителем, а также системного прочтения норм ТК ЕАЭС, Коллегия Суда приходит к выводу, что оспариваемое решение Комиссии непосредственно не затрагивает права и законные интересы ООО «Электронная таможня» в связи с его хозяйственной деятельностью.

Согласно норме-определению подпункта 9) пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС под заинтересованным лицом понимается лицо, интересы которого в отношении товаров затрагиваются решениями, действиями (бездействием) таможенных органов или их должностных лиц. В силу подпункта 44) пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС таможенный представитель – это юридическое лицо, включенное в реестр таможенных представителей, совершающее таможенные операции от имени и по поручению декларанта или иного заинтересованного лица.

Взаимосвязанное прочтение указанных правовых норм позволяет Коллегии Суда сделать вывод, что при проведении таможенных операций таможенный представитель не входит в число заинтересованных лиц.

В своем заявлении ООО «Электронная таможня» просит признать Решение № 113, в том числе не соответствующим Конвенции о Гармонизированной системе.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суд по заявлению хозяйствующего субъекта рассматривает споры о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Согласно пункту 41 Статута вопрос о наличии компетенции по разрешению спора разрешается Судом. Суд при определении того, обладает ли он компетенцией рассматривать спор, руководствуется Договором, международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза с третьей стороной.

Конвенция о Гармонизированной системе не относится к международным договорам в рамках Союза и международным договорам с третьей стороной в понимании пункта 41 Статута, и заявленное в Суд требование о соответствии Решения № 113 Гармонизированной системе выходит за пределы компетенции Суда.

Согласно подпункту 3 пункта 95 Статута Суд в сроки, установленные Регламентом, принимает по процедурным вопросам деятельности Суда постановления, включая постановления о прекращении производства по делу.

В соответствии с подпунктом а) пункта 1 статьи 56 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), Суд прекращает производство по делу, если установит, что рассмотрение спора не относится к компетенции Суда.

Исходя из изложенных обстоятельств, Коллегия Суда приходит к выводу, что рассмотрение заявления не относится к субъектной, а в части требования соответствия Конвенции о Гармонизированной системе и к предметной компетенции Суда, в связи с чем производство по делу подлежит прекращению.

В соответствии с пунктом 64 Статута возврат пошлины, уплаченной хозяйствующим субъектом при обращении в Суд, осуществляется в случае удовлетворения Судом его требований.

На основании изложенного и руководствуясь подпунктом 2) пункта 39, пунктами 41, 64, подпунктом 3 пункта 95 Статута, подпунктом а) пункта 1 статьи 56, статьей 84 Регламента, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Прекратить производство по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» в части включения в Товарную номенклатуру кода 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» не соответствующим Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года и Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

2. Пошлина, уплаченная обществом с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» при обращении в Суд Евразийского экономического союза, возврату не подлежит.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

4. Копии постановления направить сторонам.

Председательствующий

К.Л. Чайка

Судьи:

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Федорцова А.А.
(дело № СЕ-1-2/1-20-КС)

10 марта 2020 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) прекратила производство по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза кода 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

Считаю, что Коллегия Суда пришла к правильному выводу о необходимости прекращения производства по делу в связи с отсутствием у Суда субъектной компетенции, а в отношении заявленного самостоятельного требования о признании оспариваемого решения не соответствующим Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года – и предметной компетенции.

Разделяя общий подход, что Суд не наделен компетенцией по рассмотрению дел о соответствии решений, действий (бездействия) Комиссии Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года, полагаю, что он нуждается в дополнительной мотивировке.

Положения Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, далее – Договор), в частности пунктов 39, 108 и 109, а также статьи 9 и 45 Регламента определяют рамки судебной оценки решений, действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии. Они ограничены установлением соответствия (несоответствия) решений, действий (бездействия) Комиссии Договору и международным договорам в рамках Союза, под которыми понимаются международные договоры, заключаемые между государствами-членами по вопросам, связанным с функционированием и развитием Союза (статья 2 Договора).

Исходя из положений Статута, по результатам рассмотрения дела по заявлениям хозяйствующих субъектов Суд выносит решения о соответствии

решений, действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, а не нормам, которые применяются Судом при осуществлении правосудия (пункт 50 Статута).

Международная конвенция о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года не относится к категории договоров, заключаемых между государствами-членами по вопросам, связанным с функционированием и развитием Союза.

В соответствии с пунктом 2 статьи 25 Договора, пунктом 2 статьи 19 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года) Гармонизированная система описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации является международной основой единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

Судья

А.А.Федорцов

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-1-2/1-20-КС)

город Минск

10 марта 2020 года

1. 10 марта 2020 года Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) вынесено постановление о прекращении производства по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» (далее – ООО «Электронная таможня», истец) о признании не соответствующим Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (далее – Конвенция о Гармонизированной системе) и Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) решения Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» (далее – Решение № 113) в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – Товарная номенклатура) кода 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение.

Исхожу из того, что согласно взаимосвязанному уяснению пункта 1 статьи 79, абзаца 3 пункта 2 статьи 84 Регламента судья Суда Евразийского экономического союза вправе заявить особое мнение к постановлению о прекращении производства по делу, вынесенному в виде отдельного судебного акта и являющемуся окончательным актом, завершающим рассмотрение дела.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

2. Коллегия Суда, прекратив производство по делу, установила, что рассмотрение заявления ООО «Электронная таможня» не относится к субъектной и предметной компетенции Суда.

Обосновывая позицию об отсутствии субъектной компетенции, Коллегия Суда исходила из того, что Решение № 113, которым установлен классифика-

ционный код товара для целей его таможенного декларирования, применяется только к декларанту товара, а не к таможенному представителю. Тот факт, что ООО «Электронная таможня» не являлось декларантом и осуществляло деятельность по декларированию ввозимого товара на основании гражданско-правового договора с ОАО «СУЭК-КУЗБАСС», позволил Суду сделать вывод, что оспариваемое решение не затрагивает права и законные интересы истца.

В основу подхода Суда об отсутствии предметной компетенции по разрешению спора по заявлению ООО «Электронная таможня» положен вывод, согласно которому Конвенция о Гармонизированной системе не относится к международным договорам в рамках Союза и международным договорам с третьей стороной в понимании пункта 41 Статута, вследствие чего заявленное требование о соответствии Решения № 113 Гармонизированной системе выходит за пределы компетенции Суда.

Полагаю, что позиция Коллегии Суда противоречит праву Союза и устоявшимся правовым позициям Суда.

3. Компетенция Суда по разрешению спора по заявлению хозяйствующего субъекта определена подпунктом 2 пункта 39 Статута. В соответствии с указанной правовой нормой Суд рассматривает заявление хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, непосредственно затрагивающего его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое решение повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Пункт 108 Статута, посвященный актам, которые Коллегия Суда принимает по итогам разрешения спора, инициированного хозяйствующим субъектом, содержит положение, в силу которого по результатам рассмотрения дела о соответствии решения Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных указанными актами прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, Коллегия Суда признает оспариваемое решение соответствующим или не соответствующим праву Союза.

Взаимосвязанное уяснение подпункта 2 пункта 39 и пункта 108 Статута свидетельствует, что основанием наличия у Суда компетенции по проверке соответствия решения Комиссии праву Союза служит тот факт, что оспариваемое решение затрагивает права и законные интересы хозяйствующего субъекта. В свою очередь, нарушение таких прав и законных интересов является

результатом несоответствия решения Комиссии Договору и международным договорам в рамках Союза.

Данный вывод согласуется с позицией, изложенной в постановлении Коллегии Суда по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» от 21 декабря 2015 года, согласно которой Статут предоставляет хозяйствующим субъектам право на обращение в Суд в случае, если, во-первых, оспариваемый акт Комиссии или отдельные его положения непосредственно затрагивают их права и законные интересы и, во-вторых, касаются предмета их предпринимательской и иной экономической деятельности (абзац 2 раздела «Выводы Коллегии Суда»).

В решении от 7 апреля 2016 года по заявлению ООО «Севлад» (абзац 2 подпункта 7.2.1) Коллегия Суда пришла к выводу, что без оценки соответствия решения Комиссии праву Союза не представляется возможным установить факт нарушения прав и законных интересов субъекта хозяйствования. Соответственно, непосредственный интерес лица в оспаривании решения Комиссии служит основанием для рассмотрения дела, а нарушение прав и законных интересов является следствием несоответствия решения праву Союза.

Право Союза не раскрывает содержание понятия «непосредственный интерес». Буквальное толкование данной правовой категории позволяет сделать вывод, что характеристика решения как «непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта» означает, что указанное решение применяется или может быть применено к хозяйствующему субъекту, регулирует общественные отношения с участием указанного лица. Обращаясь к данному вопросу в решении от 7 апреля 2016 года по заявлению ООО «Севлад», Коллегия Суда отметила, что в соответствии с принципом правовой определенности решение Комиссии или его отдельные положения могут признаваться непосредственно затрагивающими права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе, когда соответствующее решение применяется к конкретному субъекту в связи с его хозяйственной деятельностью (абзац 1 пункта 6.2 решения). Схожий подход приведен в решении Коллегии Суда от 4 апреля 2016 года по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт», в котором указано, что решение Комиссии непосредственно затрагивает права и законные интересы хозяйствующего субъекта, если влечет для него правовые последствия (абзац 3 раздела «Процедура в Суде»).

Изложенный в постановлении Коллегии Суда подход, в соответствии с которым таможенный представитель лишен права на оспаривание решения Комиссии, не согласуется с практикой Суда Союза, а ранее и Суда ЕврАзЭС, которые при рассмотрении дел по заявлениям ЗАО «Юнитрейд» и ООО «ОНП» признавали таможенных представителей надлежащими истцами.

При таких обстоятельствах вывод Коллегии Суда о том, что Решение № 113 непосредственно не затрагивает права и законные интересы ООО «Электрон-

ная таможня», не согласуется с пунктом 39 Статута и противоречит устойчивой практике Суда.

4. Коллегия Суда, установив, что Решение № 113 не затрагивает права и законные интересы ООО «Электронная таможня» в связи с наличием у него статуса таможенного представителя, не исследовала нормы права Союза, относящиеся к порядку декларирования товаров в части установления субъектов данных правоотношений.

Применение Товарной номенклатуры хозяйствующими субъектами регламентировано статьями 104 и 106 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС). В соответствии с пунктом 2 статьи 104 и пунктом 1 статьи 106 ТК ЕАЭС таможенное декларирование, включающее указание в таможенной декларации кода товара в соответствии с Товарной номенклатурой, осуществляется декларантом либо таможенным представителем. Из смыслового значения указанных норм следует, что право самостоятельно определять классификационный код Товарной номенклатуры при декларировании товара предоставлено как декларанту, так и *таможенному представителю*. Данное право является одним из элементов правосубъектности таможенного представителя, под которой понимается его способность приобретать и осуществлять права и обязанности.

В соответствии с подпунктом 44 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС таможенный представитель – это юридическое лицо, совершающее таможенные операции от имени и по поручению декларанта. Уяснение пункта 1 статьи 401, пункта 1 статьи 404 ТК ЕАЭС позволяет сделать вывод, что таможенный представитель при совершении таможенных операций обладает теми же правами, что и лицо, которое уполномочивает его представлять свои интересы во взаимоотношениях с таможенными органами. Изложенное означает, что таможенный представитель осуществляет функции декларанта, а, значит, нормы права Союза, которые влияют на правовое положение декларанта, аналогичны нормам, затрагивающим права и законные интересы таможенного представителя.

С учетом данного подхода положения статьи 84 ТК ЕАЭС, регламентирующие правовой статус декларанта, применимы к таможенному представителю.

Таможенный представитель, осуществляя декларирование товара, применяет классификационные коды Товарной номенклатуры, а, значит, внесение в нее изменений затрагивает его права и законные интересы, даже если оно не привело к возникновению негативных последствий.

Обращение к фактическим обстоятельствам рассматриваемого дела свидетельствует, что в рамках правоотношений по декларированию товара от имени и по поручению ОАО «СУЭК-КУЗБАСС» к истцу применены санкции по национальному законодательству на основании Решения № 113.

5. Пунктом 3 статьи 1 ТК ЕАЭС государства – члены Союза приняли обязательство, что таможенное регулирование в Союзе осуществляется на принципе *гармонизации* международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования *с нормами универсального международного права*. Исходя из нормы-определения статьи 2 Договора под гармонизацией понимается сближение нормативного правового регулирования, направленное на установление сходного регулирования в соответствующих сферах экономики.

Понятие «ведение Товарной номенклатуры», содержащееся в статье 45 Договора и пункте 5 статьи 19 ТК ЕАЭС предусматривает выполнение Комиссией функций по:

- мониторингу изменений международной основы Товарной номенклатуры и пояснений по ее толкованию;
- приведению Товарной номенклатуры и пояснений к ней в соответствие с ее международной основой;
- внесению по предложениям государств-членов изменений в Товарную номенклатуру и пояснения к ней.

Телеологическое толкование пункта 1 статьи 42 и пункта 1 статьи 45 Договора, пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС однозначно свидетельствует, что Конвенция о Гармонизированной системе является источником Товарной номенклатуры, в связи с чем полномочия Комиссии на принятие решений по утверждению и ведению Товарной номенклатуры, включая внесение в нее изменений, ограничены необходимостью обеспечения ее соответствия Конвенции о Гармонизированной системе.

Данный вывод согласуется с позицией Суда об обязательности для Союза требований норм универсальных международных договоров. Согласно решению Апелляционной палаты Суда от 21 июня 2016 года по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» международный договор, не являющийся международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, подлежит применению в рамках Союза при наличии двух кумулятивных условий: (1) все государства – члены Союза являются участниками международного договора; (2) сфера действия международного договора относится к области единой политики в рамках Союза (абзац 11 пункта 5.1.1 решения). На этом основании Апелляционная палата установила, что Конвенция о Гармонизированной системе наряду с правом Союза подлежит применению для регулирования таможенно-тарифных отношений в рамках Союза (абзац 15 пункта 5.1.1 решения).

К аналогичному выводу пришла Апелляционная палата Суда в решении от 31 октября 2019 года по заявлению ООО «Шиптрейд», которым Конвенция о Гармонизированной системе признана подлежащей применению для регулирования таможенно-тарифных отношений в Союзе (абзац 8 пункта 5.1 решения).

Анализ права Союза свидетельствует об использовании юридической техники, предусматривающей отсылку к международным договорам, участниками которых являются государства-члены. В сфере таможенно-тарифных правоотношений подобное правовое регулирование содержится в статье 25 Договора и статье 19 ТК ЕАЭС посредством указания на Конвенцию о Гармонизированной системе. Примером бланкетной нормы в сфере тарифного регулирования служат пункт 1 статьи 1 и пункт 1 статьи 2 Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы, которые подлежат применению в силу Протокола о функционировании Союза в рамках многосторонней торговой системы, являющегося приложением № 31 к Договору. В соответствии с данными правовыми нормами с даты присоединения любой из Сторон к Всемирной торговой организации (далее – ВТО) положения Соглашения ВТО, как они определены в Протоколе о присоединении этой Стороны к ВТО, включающем обязательства, взятые в качестве условия ее присоединения к ВТО и относящиеся к правоотношениям, полномочия по регулированию которых в рамках Союза делегированы Сторонами его органам, и правоотношениям, урегулированным международными соглашениями, составляющими договорно-правовую базу Союза, становятся частью правовой системы Союза и имеют приоритет над соответствующими положениями международных договоров, заключенных в рамках Союза, и решений, принятых его органами.

Уяснение указанных норм права Союза позволяет прийти к выводу, что если в тексте Договора или международного договора в рамках Союза выражена воля государств-членов на применение универсального международного договора, не поименованного в пункте 1 статьи 6 Договора, для признания его источником права Союза не требуется выполнение дополнительных условий, указанных в решении Апелляционной палаты Суда по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт». В этом случае универсальный международный договор входит в число источников права Союза и в круг актов, применяемых Судом в соответствии с пунктом 50 Статута.

Истолкование права Союза, подтвержденное устойчивой практикой Суда, свидетельствует, что проверка решения Комиссии на соответствие не только Договору и международным договорам в рамках Союза, но и Конвенции о Гармонизированной системе входит в предметную компетенцию Суда.

Изложенное позволяет констатировать, что публично-правовая обязанность Комиссии соблюдать положения Конвенции о Гармонизированной системе при ведении Товарной номенклатуры влечет возникновение у лица законного интереса по ее надлежащему исполнению органом интеграционного объединения.

Применение сформулированного правового подхода к обстоятельствам рассматриваемого дела дает основания для вывода о наличии у истца, как хо-

зьяствующего субъекта, наделенного статусом таможенного представителя в соответствии со статьей 401 ТК ЕАЭС, к которому в рамках административного производства применялось Решение № 113, законного интереса в обеспечении его соответствия Конвенции о Гармонизированной системе.

Коллегия Суда, прекратив производство по делу со ссылкой на наличие гражданско-правового договора между ООО «Электронная таможня» и собственником товара проигнорировала публично-правовые обязательства Комиссии и устранилась от реализации возложенной на нее пунктом 39 Статута функции по разрешению спора.

6. Учитывая, что Суд обладает исключительной компетенцией по проверке соответствия решения Комиссии праву Союза и принимая во внимание, что в силу пункта 3 статьи 84 Регламента постановление о прекращении производства по делу является окончательным и обжалованию не подлежит, считаю необходимым обозначить вопрос о соблюдении права истца на судебную защиту.

Преамбулой Договора предусмотрено учреждение Союза на основе соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод. В консультативном заключении от 20 декабря 2018 года, раскрывая содержание данной нормы, Суд указал, что уровень прав и свобод, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах (абзац 5 пункта 3.1 раздела III «Выводы Суда»).

В силу подпункта 1 пункта 50 Статута Суд при осуществлении правосудия применяет общепризнанные принципы и нормы международного права. В связи с изложенным полагаю, что при вынесении судебного акта целесообразно основываться на общих конституционных традициях государств-членов, а также международных соглашениях о защите прав человека и формулировать на их основе общие принципы права Союза, одним из которых является право на суд.

Право на доступ к суду гарантировано Конституциями всех государств – членов Союза (статья 61 Конституции Республики Армения, статья 60 Конституции Республики Беларусь, пункт 2 статьи 13 Конституции Республики Казахстан, пункт 1 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики, часть 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации), что соотносится со статьей 8 Всеобщей декларации прав человека и статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Право на доступ к суду следует толковать в свете общего принципа верховенства права, согласно которому стороны должны располагать эффективными средствами защиты, включающими не только возможность инициировать судебное разбирательство, но и *право на разрешение спора* судом по существу. При этом эффективность права на доступ к суду выражается в наличии у лица

возможности оспорить акт, которым затронуты его права и законные интересы. В свою очередь, реальный и эффективный характер права на доступ к суду может быть нарушен наличием процессуальных барьеров, препятствующих или ограничивающих возможность обращения в суд или особенно строгим толкованием процессуальных норм.

Применение перечисленных правовых позиций к обстоятельствам рассматриваемого дела свидетельствует о том, что Коллегия Суда, прекратив производство по делу в связи с излишне строгим толкованием критерия приемлемости, допустила нарушение процессуальных норм права Союза, что привело к лишению истца права на доступ к суду.

7. С учетом изложенного полагаю, что Коллегии Суда следовало рассмотреть по существу требование истца о несоответствии Решения № 113 Договору и Конвенции о Гармонизированной системе.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Скрипкиной Г.А.
(дело № СЕ-1-2/1-20-КС)

город Минск

12 марта 2020 года

Коллегия Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) 10 марта 2020 года вынесла постановление о прекращении производства по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» (далее – ООО «Электронная таможня, истец) об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» (далее – Решение № 113) в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) новой подсубпозиции с кодом 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

Прекращая производство по делу в своем постановлении Коллегия Суда указала, что рассмотрение заявления ООО «Электронная таможня» не относится к субъектной и предметной компетенции Суда Союза.

Исходя из совокупности положений пункта 1 статьи 79, пункта 2 статьи 84 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, считаю своим правом и необходимостью заявить особое мнение.

В обоснование позиции об отсутствии субъектной компетенции в постановлении Коллегии Суда указывается, что Решение № 113 непосредственно не затрагивает права и законные интересы ООО «Электронная таможня» в связи с его хозяйственной деятельностью, так как при проведении таможенных операций таможенный представитель не может выступать декларантом товаров и не входит в число заинтересованных лиц.

Соглашаясь с выводом об отсутствии в данном случае субъектной компетенции, однако, считаю неверным подход, основанный на мотивировке отсутствия субъектной компетенции исключительно на анализе правосубъектности таможенного представителя, коим в конкретных правоотношениях выступал истец.

Представляется, что здесь имеет место совокупность обстоятельств, влияющих на вопрос субъектной компетенции. Основу позиции Коллегии Суда должен составлять анализ специфичности предмета регулирования оспарива-

емого Решения №113, а затем даваться оценка непосредственного влияния на права и законные интересы истца. Именно через такой анализ, на мой взгляд, предопределяются границы субъектной компетенции Суда.

Так, в постановлении Коллегии Суда от 21 декабря 2015 года по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» предельно четко сформулирована позиция о том, что Статут Суда предоставляет хозяйствующим субъектам право на обращение в Суд в случае, если, во-первых, оспариваемый акт Комиссии или отдельные его положения непосредственно затрагивают их права и законные интересы и, во-вторых, касаются предмета их предпринимательской и иной экономической деятельности.

Как следует из названия и текста Решения № 113 его регулирующее воздействие заключается во внесении изменения в единую ТН ВЭД ЕАЭС путем исключения подсубпозиции 8430 41 000 9 из Товарной номенклатуры и включения в нее новой подсубпозиции 8430 50 000 2, непосредственно не затрагивает вопросов классификации конкретных товаров при их таможенном декларировании, равно как и не относится к категории решений о классификации отдельных видов товаров, принимаемых в соответствии со статьями 20-22 ТК ЕАЭС и специальным Порядком принятия Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденным решением Коллегии ЕЭК от 2 декабря 2013 года № 284.

Оспариваемое Решение № 113 принято в рамках реализации Комиссией полномочий по вопросам таможенно-тарифного регулирования (в частности, ведения единой ТН ВЭД ЕАЭС), предоставленных статьями 42 и 45 Договора, статьей 19 ТК ЕАЭС, в соответствии с Регламентом работы Евразийской экономической комиссии, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 98.

Из вышеизложенного следует, что предмет регулирования оспариваемого Решения №113, а отсюда и предмет настоящего спора кардинально отличаются от тех, что имели место в судебной практике Суда ранее, например, по заявлениям «Дженерал Фрейт», «Севлад», «Шиптрейд»), и их не следует отождествлять, так как последние касались непосредственно решений о классификации отдельных видов товаров.

Регулятивный уровень оспариваемого Решения №113 определяется деятельностью Комиссии по ведению единой ТН ВЭД ЕАЭС. Анализ фактических обстоятельств дела и приводимых истцом доводов указывает на то, что сущность спора напрямую связана с обстоятельствами ввоза на таможенную территорию Союза и таможенного декларирования конкретного товара, а также последующим привлечением ООО «Электронная таможня», как таможенного представителя, к административной ответственности в соответствии с национальным законодательством Российской Федерации, а именно: за недостоверное описание декларируемого товара и его характеристик в графе 31 деклара-

ции на товары (далее – ДТ); за заявление неверной классификации товара по ТН ВЭД ЕАЭС в графе 33 ДТ. Кроме этого, ООО «Электронная таможня» не является собственником перемещаемого на таможенную территорию Союза товара, как и обязанным плательщиком ввозных таможенных пошлин, в силу чего не может быть отнесено к категории декларантов и иных заинтересованных лиц в значении нормы-определения подпунктов 7 и 9 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС.

Следует также отметить, что истец указывал, что Решение № 113 «причиняет вред наднациональному правопорядку ЕАЭС, нарушает в нем единообразную справедливость в понимании и применении правил Союза, нарушает сложившуюся практику кодирования подобных товаров, оставляет экономическое положение участников единого рынка на произвол национальных властей...».

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что в таком случае ООО «Электронная таможня» берет на себя уже функции публичного лица (коим оно, исходя из своего юридического статуса, являться не может), оспаривающего акт нормативно-правового характера, распространяющийся на неограниченный круг лиц и затрагивающий целую сферу таможенно-тарифного регулирования, опять же, без четкого указания на непосредственную логико-юридическую связь регулятивного воздействия Решения № 113 на деятельность истца в качестве таможенного представителя, на уровень добросовестного и профессионального выполнения им обязательств от имени и по поручению декларанта.

Таким образом, установление факта отсутствия непосредственного влияния Решения №113 на права и законные интересы ООО «Электронная таможня», которые предоставлены Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, исключает в данном случае возможность рассмотрения Судом спора по существу.

Судья

Г.А. Скрипкина

Резюме
по делу СЕ-1-2/1-20-КС
(«Общество с ограниченной ответственностью
«Электронная таможня»)

Ключевые слова:

Общество с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

Об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза кода 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

Таможенный представитель – таможенное декларирование товара – декларант – очистной узкозахватный комбайн – компетенция Суда.

Международная конвенция о гармонизированной системе описания и кодирования товаров – Договор о Евразийском экономическом союзе – Таможенный кодекс ЕАЭС – ТН ВЭД ЕАЭС.

Постановление Коллегии Суда – принятие к производству – постановление Коллегии Суда – прекращение производства – особые мнения.

Описание:

ООО «Электронная таможня» обратилось в Суд ЕАЭС с заявлением об оспаривании решения Коллегии ЕЭК от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин», указав на противоречие между решением и Международной Конвенцией о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров, а также Договором о ЕАЭС.

ООО «Электронная таможня», действуя в качестве таможенного представителя, произвело таможенное декларирование товара, ввезенного на территорию ЕАЭС, и впоследствии привлечено к административной ответственности за заявление недостоверных сведений о его классификационном коде ТН ВЭД ЕАЭС.

Постановлением Коллегии Суда от 10 марта 2020 года производство по делу прекращено на том основании, что решение Комиссии об установлении классификационного кода отдельного вида товара применяется только к декларанту. Учитывая, что обязанность по уплате таможенных пошлин исполнена ОАО «СУЭК-КУЗБАСС», выступившим декларантом товара, оспариваемое решение Комиссии непосредственно не затронуло права и законные интересы ООО «Электронная таможня» в связи с его хозяйственной деятельностью.

Коллегия Суда также отметила, что Конвенция о Гармонизированной системе не является международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, в связи с чем несоответствие решения Коллегии ЕЭК данной Конвенции не рассматривается в качестве отдельного требования.

К постановлению Суда приложены особые мнения судей А. А. Федорцова и К. Л. Чайки.

Case Summary
No. CE-1-2/1-20-KC
(ECustoms Limited Liability Company)

Keywords:

ECustoms Limited Liability Company (economic entity, legal person) - Eurasian Economic Commission (EEC)

On contesting the decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 113 “On amendment of the Unified Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of Eurasian Economic Union and the common customs tariff of the Eurasian Economic Union in relation to certain types of sinking and tunneling machinery ” dated September 10, 2015 in the part of inclusion of the code 8430 50 000 2 “narrow-web shearer loader” in the Eurasian Economic Union Unified Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature.

Customs representative - customs declaration of goods - declarant - narrow-web shearer loader - competence of the Court.

International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System - Treaty on the Eurasian Economic Union - Customs Code of the EAEU - EAEU FEACN.

Judgment of the Chamber of the Court – acceptance of the application for proceedings – Judgment of the Chamber of the Court – termination of proceedings - separate opinions.

Substance of the case:

ECustoms Limited Liability Company filed an application with the EAEU Court contesting the decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 113 “On amendment of the Eurasian Economic Union Unified Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature and the common customs tariff of the Eurasian Economic Union in relation to certain types of sinking and tunneling machines” dated September 10, 2015, and pointed out the contradiction between the decision and the International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System, as well as the Treaty on the EAEU.

ECustoms Limited Liability Company, acting as a customs representative, completed customs declaration of goods imported into the territory of the EAEU, and was held administratively liable for stating false information about the classification code under EAEU FEACN.

Pursuant to the Judgment of the Chamber of the Court dated March 10, 2020, the proceedings were terminated on the grounds that the decision of the Commission on establishing the classification code of a particular commodity type applies to the declarant only. Considering that the obligation to pay customs duties was fulfilled by

SUEK-KUZBASS OJSC acting as the declarant of the goods, the contested decision of the Commission did not directly affect the rights and legitimate interests of ECustoms LLC with regard to its economic activities.

The Chamber of the Court also noted that the Convention on the Harmonized System is not an international treaty within the Union or an international treaty of the Union with a third party, and therefore the discrepancy between the decision of the EEC Board and the Convention may not be considered as a separate claim.

The separate opinions of Judges A.A. Fedortsov and K.L. Chaika are attached to the judgment of the Court.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

10 февраля 2020 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Чайки К.Л., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., при секретаре судебного заседания Чеченовой Н.С.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

I. Вопрос заявителя

Российская Федерация в лице Министерства юстиции (далее – заявитель) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору (далее – Протокол о торговле услугами), пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору (далее – Протокол по финансовым услугам).

Основанием для обращения послужили следующие обстоятельства.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 3 Протокола по финансовым услугам к финансовым услугам относятся банковские услуги, в число которых включен финансовый лизинг.

Пунктом 3 статьи 65 Договора предусмотрено, что в отношении услуг, охватываемых разделом XVI «Регулирование финансовых рынков», действуют в первую очередь его положения, тогда как нормы раздела XV «Торговля услуга-

ми, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций» применяются в части, не противоречащей разделу XVI Договора.

Во исполнение пункта 40 Протокола о торговле услугами решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 110 утвержден перечень секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок в рамках Евразийского экономического союза, включающий отдельные виды лизинговых услуг. По мнению заявителя, лизинговые услуги, в отношении которых в данном перечне отсутствует указание на исключение из их числа финансовых услуг, например лизинговых услуг небанковских организаций, являются предметом регулирования Протокола о торговле услугами. Соответствующее правовое регулирование налагает на государства – члены обязательства не применять разрешительные требования и процедуры, которые аннулируют или сокращают выгоды и способны потенциально создавать барьеры для входа на рынок.

Возможность государства – члена Союза осуществлять пруденциальное регулирование, включающее принятие мер по защите интересов инвесторов, вкладчиков, страхователей, выгодоприобретателей и лиц, перед которыми поставщик услуг несет фидуциарную ответственность, установлена пунктом 19 Протокола по финансовым услугам и является, по мнению заявителя, особенностью регуляторного режима финансовых услуг.

Необходимость пруденциальных мер в отношении лизинговой деятельности обусловлена макро- и микроэкономическими факторами, а также целями защиты прав физических лиц и индивидуальных предпринимателей при заключении договоров лизинга в случае недобросовестного поведения лизингодателей. По информации заявителя в Российской Федерации проводится законодательная реформа регулирования лизинговой деятельности, в рамках которой планируется введение пруденциального регулирования рынка. Пруденциальное регулирование лизинговой деятельности в качестве финансовой услуги предполагает лицензирование и пруденциальный надзор. В частности, в законодательстве Республики Армения и Республики Беларусь закреплены полномочия центральных банков в сфере лизинговой деятельности, аналогичные изменения планируется внести в законы Кыргызской Республики.

Действующее законодательство государств – членов Союза относит лизинговые услуги к числу финансовых. Аналогичный подход сложился в международной договорной практике, например, в Кейптаунской конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования, в международных стандартах финансовой статистики, в подходах иных международных организаций.

На основании изложенного заявитель просит Суд разъяснить:

- входят ли лизинговые услуги, оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком, в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам либо они регулируются положениями Протокола о торговле услугами;
- соответствует ли Договору введение государством-членом Союза пруденциального регулирования лизинговой деятельности, включая, в частности, установление требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), установление финансовых нормативов и отчетности;
- вправе ли государство – член Союза при введении пруденциального регулирования лизинговой деятельности устанавливать особенности налогообложения прямыми налогами (налогом на прибыль и налогом на имущество организаций) организаций, заключающих договоры лизинга.

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут), Суд по заявлению государства – члена Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Пунктом 49 Статута предусмотрено, что обращение в Суд от имени государства – члена с заявлением о разъяснении осуществляется уполномоченными органами и организациями государства – члена, перечень которых определяется каждым государством – членом и направляется в Суд по дипломатическим каналам.

Нотой от 8 июня 2015 года № 4913/1 дснг Министерство иностранных дел Российской Федерации уведомило Суд, что в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 мая 2015 года № 252 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на обращение в Суд Евразийского экономического союза» федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на обращение в Суд от имени Российской Федерации с заявлением о рассмотрении спора, а также с заявлением о разъяснении положений Договора, международных договоров, заключенных в рамках Союза, и решений органов Союза, является Министерство юстиции Российской Федерации.

Таким образом, заявитель является уполномоченным органом по смыслу пункта 49 Статута и имеет право на обращение в Суд с заявлением о разъяснении в соответствии с пунктом 46 Статута.

Разъяснение положений Договора, Протокола о торговле услугами, Протокола по финансовым услугам, являющихся неотъемлемой частью Договора, входит в предметную компетенцию (*ratione materiae*) Суда на основании пункта 46 Статута.

Заявление соответствует требованиям, предусмотренным пунктом 1 статьи 10 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденно-го решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в части указания реквизитов заявления и положений Договора, Протокола о торговле услугами, Протокола по финансовым услугам, по которым требуется разъяснение.

Согласно пункту 2 статьи 10 Регламента заявление о разъяснении под-сывается лицом, указанным в пункте 1 статьи 31 Регламента. В соответствии с подпунктом б) пункта 1 статьи 31 Регламента представителями государств – членов в Суде могут выступать руководители уполномоченных органов и ор-ганизаций государств-членов, определенных согласно пункту 49 Статута.

Заявление подписано надлежащим лицом – Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека – заместителем Мини-стра юстиции Российской Федерации М.Л. Гальпериным, в подтверждение полномочий которого представлена копия приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 24 декабря 2019 года № 302 «О распределении обя-занностей между Министром юстиции Российской Федерации и его замести-телями».

Большая коллегия Суда отмечает, что ранее по вопросам, указанным в за-явлении Министерства юстиции, консультативное заключение по тем же ос-нованиям и обстоятельствам Судом не принималось.

Таким образом, у Суда отсутствуют основания для отказа в принятии за-явления Министерства юстиции к производству, предусмотренные статьей 73 Регламента.

Руководствуясь пунктами 46, 49, 73, 74, подпунктом 1 пункта 95 Статута, статьями 10 и 74 Регламента, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Российской Федерации в лице Ми-нистерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

2. Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 6 апреля 2020 года на 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского эконо-мического союза.

3. Копию постановления направить в адрес Министерства юстиции Российской Федерации.

4. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

10 июля 2020 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: Председательствующего, Председателя Суда Баишева Ж.Н., судьи – докладчика Чайки К.Л., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., при секретаре судебного заседания Чеченовой Н.С., исследовав материалы дела, заслушав судью – докладчика, руководствуясь пунктами 46, 47, 50, 68, 69, 73 – 75, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 14, 19, 72, 75, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза, предоставляет консультативное заключение по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

I. Вопрос заявителя

Российская Федерация в лице Министерства юстиции (далее – заявитель) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору (далее – Протокол о торговле услугами), пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору (далее – Протокол по финансовым услугам).

Заявитель полагает, что в праве Евразийского экономического союза (далее – Союз) имеется неопределенность в вопросе отнесения финансового лизинга, представляемого хозяйствующими субъектами, не являющимися банками, к финансовым услугам по смыслу пункта 3 Протокола по финансовым услугам и в правомерности распространения на него пруденциальных мер.

Заявление Министерства юстиции основано на следующих нормах права Союза.

Подпунктом 2в) пункта 3 Протокола по финансовым услугам, принятого для достижения целей раздела XVI «Регулирование финансовых рынков» Договора, предусмотрено, что к финансовым услугам относятся банковские услуги, в число которых включен финансовый лизинг.

Исходя из пункта 3 статьи 65 Договора в отношении финансовых услуг, охватываемых разделом XVI Договора, действуют в первую очередь его положения, тогда как нормы раздела XV «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций» применяются в части, не противоречащей правовому регулированию финансовых рынков.

Правовые основы торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций в государствах-членах определяются Протоколом о торговле услугами. Во исполнение пункта 40 данного Протокола решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 110 утвержден перечень секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок в рамках Союза (далее – Единый перечень секторов услуг в рамках Союза). Данный перечень включает отдельные виды лизинговых услуг, в отношении части из которых сделана оговорка об исключении из их числа финансовых услуг, предусмотренных разделом XVI Договора. По мнению заявителя, лизинговые услуги, в отношении которых Единый перечень секторов услуг в рамках Союза не содержит положение об исключении из их числа финансовых услуг, например, лизинговые услуги небанковских организаций, входят в сферу действия Протокола о торговле услугами. Министерство юстиции со ссылкой на пункт 62 Протокола о торговле услугами отмечает, что подобное правовое регулирование налагает на государства-члены обязательство не применять в отношении лизинговых услуг, предоставляемых небанковскими организациями, разрешительные требования и процедуры, которые аннулируют или сокращают выгоды и способны потенциально создавать барьеры для входа на рынок.

Заявитель указывает, что в отличие от общего правового режима оказания услуг, предусмотренного Протоколом о торговле услугами, пункты 15 и 19 Протокола по финансовым услугам предоставляют государствам-членам возможность осуществлять пруденциальное регулирование посредством принятия мер, относящихся к квалификационным требованиям и процедурам, техническим стандартам и требованиям лицензирования.

Необходимость пруденциальных мер в отношении лизинговой деятельности Министерство юстиции объясняет макро- и микроэкономическими факторами, а также целями защиты прав физических лиц и индивидуальных предпринимателей при заключении договоров лизинга в случае недобросовестного поведения лизингодателей. Заявитель, мотивируя данную позицию, обращается к опыту иных государств-членов и отмечает, что в законодательстве Республики Армения и Республики Беларусь закреплены полномочия

центральных банков в сфере лизинговой деятельности, аналогичные изменения планируется внести в законы Кыргызской Республики.

Министерство юстиции, определяя экономическую природу финансового лизинга, со ссылкой на международную договорную практику, международные стандарты финансовой статистики, подходы международных организаций и законодательство государств – членов Союза акцентирует внимание на кредитных (финансовых) характеристиках данной услуги. По его мнению, отнесение финансового лизинга к предмету регулирования Протокола о торговле услугами или Протокола по финансовым услугам не может быть поставлено в зависимость от статуса лица, оказывающего соответствующую услугу.

Заявитель, полагая, что взаимосвязанное уяснение положений Договора не позволяет установить подход права Союза к регулированию лизинговой деятельности, просит Суд разъяснить:

- входят ли лизинговые услуги, оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком, в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам либо они регулируются положениями Протокола о торговле услугами;
- соответствует ли Договору введение государством – членом Союза пруденциального регулирования лизинговой деятельности, включая, в частности, установление требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), установление финансовых нормативов и отчетности;
- вправе ли государство – член Союза при введении пруденциального регулирования лизинговой деятельности устанавливать особенности налогообложения прямыми налогами (налогом на прибыль и налогом на имущество организаций) организаций, заключающих договоры лизинга.

II. Выводы

Большая коллегия, осуществляя разъяснение права Союза, в соответствии с пунктом 50 Статута Суда, являющегося приложением № 2 к Договору, руководствуется нормами Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее – Венская конвенция), в частности, статьей 31 данной Конвенции, согласно которой международный договор толкуется добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, учитывая его преамбулу и приложения, а также в свете объекта и целей договора. Наряду с контекстом учитываются, в том числе любое последующее соглашение между участниками относительно применения положений договора, практика его применения и соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками.

1. Согласно пункту 1 статьи 65 Договора целью раздела XV является обеспечение свободы торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществ-

вления инвестиций в рамках Союза в соответствии с условиями настоящего раздела и Протокола о торговле услугами.

Правовые основы регулирования торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций в государствах-членах определяются Протоколом о торговле услугами.

Положения раздела XV в соответствии с пунктом 2 статьи 65 Договора применяются к мерам государств-членов, затрагивающим поставку и получение услуг, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций.

Исключение составляют государственные (муниципальные) закупки, регулируемые разделом XXII Договора, а также предоставляемые услуги и осуществляемая деятельность во исполнение функций государственной власти.

Пунктом 3 статьи 65 Договора установлено, что услуги, охватываемые разделами XVI, XIX, XX и XXI настоящего Договора, регулируются положениями этих разделов соответственно. Положения раздела XV действуют в части, не противоречащей указанным разделам Договора.

Из данной правовой нормы следует, что раздел XV устанавливает общее регулирование для всех видов (секторов) услуг, в то время как разделы XVI, XIX, XX и XXI Договора устанавливают специальное регулирование для таких видов услуг как: финансовые (раздел XVI), естественных монополий (раздел XIX), энергетики (раздел XX), транспортные (раздел XXI). Это значит, что в соответствии с правовым принципом *lex specialis derogat generali* (специальный закон вытесняет общий) при наличии противоречий между общим и специальным регулированием применяются правила, установленные специальными нормами. К отношениям, которые не охвачены специальным регулированием, применяются общие нормы.

В соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 66 Договора в целях обеспечения свободы торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций государства-члены проводят поэтапную либерализацию условий взаимной торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, а также стремятся к созданию и обеспечению функционирования единого рынка услуг, предусмотренного пунктами 38 – 43 Протокола о торговле услугами, в максимальном количестве секторов услуг.

Либерализация торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций согласно пункту 1 статьи 67 Договора осуществляется с учетом международных принципов и стандартов путем гармонизации законодательства государств-членов и организации взаимного административного сотрудничества компетентных органов государств-членов.

Одним из принципов, которым руководствуются государства-члены в процессе либерализации торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, в соответствии с подпунктом 4 пункта 2 статьи 67 Договора является принцип последовательности, то есть принятие любых мер

в отношении торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, в том числе гармонизация законодательства государств-членов и административное сотрудничество, исходя из следующего:

– ни в одном из секторов услуг и видов деятельности недопустимо ухудшение условий взаимного доступа по сравнению с условиями, действующими на дату подписания настоящего Договора, и условиями, закрепленными в настоящем Договоре;

– поэтапное сокращение ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий, предусмотренных индивидуальными национальными перечнями ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий, утвержденных Высшим советом, указанных в абзаце 4 пункта 2 и пунктах 15-17, 23, 26, 28, 31, 33 и 35 Протокола о торговле услугами.

Следовательно, государства-члены взяли на себя обязательства не ухудшать условия взаимного доступа по сравнению с условиями:

а) существующими в соответствующем государстве-члене на дату подписания Договора;

б) закрепленными в самом Договоре.

Кроме этого, пунктом 1 статьи 66 Договора государства-члены установили, что не будут вводить новые дискриминационные меры в отношении торговли услугами, учреждения и деятельности лиц других государств-членов по сравнению с режимом, действующим на дату вступления в силу настоящего Договора.

Вместе с тем, пунктом 7 статьи 65 Договора установлено, что положения раздела XV не препятствуют государству-члену принимать или применять меры:

1) необходимые для защиты общественной морали и поддержания общественного порядка. Исключения по соображениям общественного порядка могут быть применены в тех случаях, когда складывается реальная и достаточно серьезная угроза в отношении одного из коренных интересов общества;

2) необходимые для защиты жизни или здоровья людей, животных или растений;

3) необходимые для соблюдения законодательства государств-членов, не противоречащего положениям настоящего раздела, включая меры, имеющие отношение к:

предотвращению вводящей в заблуждение и недобросовестной практики или последствий несоблюдения гражданско-правовых договоров;

защите от вмешательства в частную жизнь отдельных лиц при обработке и распространении сведений о личной жизни и счетов;

безопасности;

4) несовместимые с пунктами 21 и 24 Протокола о торговле услугами, при условии, что различие в фактически предоставляемом режиме продиктовано

стремлением обеспечить справедливое или эффективное обложение прямыми налогами и их взимание с лиц другого государства-члена или третьих государств в отношении торговли услугами, учреждения и деятельности и такие меры не должны противоречить положениям международных договоров государств-членов;

5) несовместимые с пунктами 27 и 29 Протокола о торговле услугами, при условии, что различие в отношении режима является результатом соглашения по вопросам налогообложения, в том числе об избежании двойного налогообложения, участником которого является соответствующее государство-член.

При этом пунктом 8 статьи 65 Договора определено, что применение вышеперечисленных мер не должно приводить к произвольной или неоправданной дискриминации между государствами-членами или к скрытым ограничениям в торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций.

Согласно пункту 2 Протокола о торговле услугами его положения, как и положения раздела XV Договора, применяются к любым мерам государств-членов, затрагивающим поставку и получение услуг, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций.

В соответствии с пунктом 7 Протокола по торговле услугами услуги определяются и классифицируются на основе Международного классификатора основных продуктов, утвержденного Статистической комиссией Секретариата Организации Объединенных Наций (Central Products Classification; далее – СРС).

Решением Высшего совета от 23 декабря 2014 года № 110 утвержден Единый перечень секторов услуг в рамках Союза. В этот перечень включены:

– услуги в области лизинга или аренды строительных машин и оборудования без оператора, оказываемые в рамках строительных работ (СРС 5480) (подпункт 24 пункта 5 Единого перечня секторов услуг в рамках Союза);
– услуги в области лизинга и аренды машин и оборудования без оператора (СРС 73112, 73114, 73121-73123) (пункт 24 Единого перечня секторов услуг в рамках Союза):

1) автотранспортных средств без водителя, предназначенных для перевозки грузов,

2) мотоциклов, домов на колесах и жилых автоприцепов, предназначенных для перевозки грузов,

3) пассажирских транспортных средств,

4) сельскохозяйственных тракторов с навесным оборудованием, сеялок, сажалок, жаток, косилок и сортировальных машин,

5) тракторов для строительных и земляных работ, дорожных грейдеров, паровых катков, бульдозеров, экскаваторов, ковшовых фронтальных погрузчиков, неразборных лесов, строительных вагончиков,

б) всех видов офисных технических средств и оборудования, офисной мебели, сейфов;

– прокат предметов личного пользования в части услуг по лизингу всех видов бытовой аппаратуры, используемой для проведения досуга (СРС 73210) (пункт 25 Единого перечня секторов услуг в рамках Союза);

– услуги по аренде и лизингу прогулочных судов без оператора (экипажа), за исключением финансовых услуг, предусмотренных разделом XVI Договора (СРС 73240) (пункт 47 Единого перечня секторов услуг в рамках Союза).

Большая коллегия утверждает, что из указанных выше и отмеченных в решении Высшего совета от 23 декабря 2014 года № 110 секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок, ни одна не относится к финансовому лизингу и финансовым услугам. В СРС финансовый лизинг выделен как подкласс 71140 в группе 711 (финансовые услуги, кроме инвестиционных услуг банков, услуг по страхованию и пенсионному обеспечению) раздела 71 (финансовые и смежные услуги) секции 7 (финансовые и смежные услуги; услуги, связанные с недвижимым имуществом; лизинговые и арендные услуги). Наряду с этим в секции 7 СРС имеется раздел 73 (услуги по лизингу и аренде без оператора), куда по построению секции 7 включены не относящиеся к финансовым и смежным услугам лизинговые и арендные услуги. В пояснениях к СРС указано, что подкласс 71140 не включает услуги операционного лизинга раздела 73.

Учитывая изложенное, Большая коллегия констатирует, что услуги по финансовому лизингу не входят в Единый перечень секторов услуг в рамках Союза, в которых функционирует единый рынок, утвержденный решением Высшего совета от 23 декабря 2014 года № 110, куда входят иные виды услуг, которые в целом регулируются положениями раздела XV и Протокола о торговле услугами.

Согласно пункту 1 Протокола по финансовым услугам настоящий Протокол разработан в соответствии со статьей 70 Договора и применяется к мерам государств-членов, затрагивающим торговлю финансовыми услугами, а также учреждение и (или) деятельность поставщиков финансовых услуг.

При этом пунктом 3 Протокола по финансовым услугам определено понятие «финансовых услуг» как услуг финансового характера, в круг которых включены банковские услуги. Договором финансовый лизинг отнесен к банковским услугам и входит в понятие финансовых услуг.

Таким образом, деятельность по предоставлению такой финансовой услуги как финансовый лизинг регулируется положениями раздела XVI Договора и Протокола по финансовым услугам. Положения раздела XV Договора и Протокола о торговле услугами применимы к финансовому лизингу в части, не противоречащей разделу XVI и положениям Протокола по финансовым услугам.

2. Применительно ко второму вопросу Министерства юстиции Большая коллегия отмечает, что заявитель просит разъяснить, соответствует ли Договору введение государством – членом Союза пруденциального регулирования лизинговой деятельности, включая, в частности, установление требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), установление финансовых нормативов и отчетности.

Пруденциальное (упреждающее, ориентированное на потенциальные риски) регулирование представляет собой правовую форму закрепления экономически обоснованных требований к функционированию организаций в целях повышения их финансовой устойчивости и минимизации рисков неликвидности и неплатежеспособности.

В частности, установление требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), установление финансовых нормативов и отчетности, включаемых в пруденциальное регулирование, согласно вопросу заявителя, не является по смыслу Договора, норм иных международных договоров барьерами, ограничениями, разрешительными требованиями и процедурами, запретами или дискриминационными мерами, которые прямо или косвенно аннулируют или сокращают выгоды лизингодателей.

Финансовые нормативы являются показателями, отражающими минимальные, средние или максимально предельные величины, регулирующие формирование, распределение и перераспределение финансовых ресурсов организации.

К отчетности относится регулярно подводимый итог деятельности хозяйствующего субъекта, включающий определенный набор показателей, полученных доходов и произведенных расходов за истекший период, а к минимальному размеру собственных средств (капитала) – числовое значение норматива достаточности собственных средств.

Наличие данных финансовых инструментов присуще любому виду хозяйственной деятельности и является, *a priori*, неотъемлемым и общепринятым элементом государственного регулирования деятельности организаций в сфере финансов и движения материально – денежных средств.

Большая коллегия констатирует, что институт пруденциального регулирования не зависит от субъектного состава лиц, осуществляющих лизинговую деятельность и ее видов.

Установление такого регулирования исключительно для кредитных организаций – лизингодателей неизбежно повлечет нарушение прав и законных интересов не только данных хозяйствующих субъектов по сравнению с иными категориями лизингодателей, в отношении которых пруденциальное регулирование не применяется, но и лизингополучателей, ввиду существенного увеличения для них неоправданных рисков.

Следуя целям судебного разъяснения заявленных положений Договора в контексте взаимосвязанных норм, Большая Коллегия считает, что анализ положений пункта 1 статьи 66 Договора, пунктов 21, 24, 61 и 62 Протокола о торговле услугами, показывает отсутствие противоречий и запретов на установление пруденциального регулирования государствами-членами Союза лизинговой деятельности без привязки к дате вступления Договора в силу по следующим основаниям.

Согласно пункту 1 статьи 66 Договора «государства-члены не будут вводить новые дискриминационные меры в отношении торговли услугами, учреждения и деятельности лиц других государств-членов по сравнению с режимом, действующим на дату вступления в силу настоящего Договора».

Применение пруденциальных мер к лизинговой деятельности не тождественно введению дискриминационных мер в отношении торговли услугами, учреждения и деятельности других государств-членов, а наоборот – приводит к поддержанию стабильности и доверия к небанковским лизинговым организациям. Данный вывод соотносится с нормой пункта 57 Протокола о торговле услугами о том, что каждое государство-член обеспечивает, чтобы все меры этого государства-члена, влияющие на торговлю услугами, учреждение и деятельность, применялись разумным, объективным и беспристрастным образом.

Учитывая, что пруденциальное регулирование не имеет взаимосвязи с дискриминационными мерами, его введение в государствах – членах Союза пункту 1 статьи 66 Договора не противоречит.

При этом Большая коллегия констатирует, что положения пунктов 61 и 62 Протокола о торговле услугами устанавливают:

«61. Для обеспечения того, чтобы разрешительные требования и процедуры не создавали неоправданных барьеров при торговле услугами, учреждении и деятельности, Комиссия по согласованию с государствами-членами разработает правила, утверждаемые Высшим советом. Эти правила имеют целью обеспечить, чтобы такие разрешительные требования и процедуры среди прочего:

- 1) основывались на таких объективных и гласных критериях, как компетентность и способность осуществлять торговлю услугами и деятельность;
- 2) не были более обременительными, чем это необходимо для обеспечения безопасности осуществляемой деятельности, а также безопасности и качества поставляемой услуги;
- 3) не являлись ограничением для торговли услугами, учреждения и (или) деятельности».

«62. Государства-члены не применяют разрешительные требования и процедуры, которые аннулируют или сокращают выгоды и:

1) не соответствуют критериям, указанным в пункте 61 настоящего Протокола;

2) не были установлены законодательством государства-члена и не применялись соответствующим государством-членом на дату подписания Договора».

Правила регулирования торговли услугами, учреждения и деятельности, утвержденные Решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 года № 24, разработанные в развитие пункта 61 Протокола о торговле услугами, не взаимосвязаны с вопросами пруденциального регулирования лизинговой деятельности. Как следствие, введение государством – членом Союза пруденциального регулирования не противоречит данному предписанию и относится к национальной юрисдикции.

В соответствии с абзацем пятым пункта 3 Правил «неоправданные барьеры (ограничения)» – это обязательные требования и (или) процедуры, приводящие к экономическим издержкам более значительным, чем это необходимо для достижения целей регулирования, в том числе целей обеспечения безопасности и качества поставляемых услуг, безопасности осуществляемых деятельности и (или) действий, с учетом социально-экономических последствий и последствий для бюджетов бюджетной системы государства-члена, осуществляющего соответствующее регулирование.

Смысловое содержание термина «разрешительные требования и процедуры» в пункте 62 Протокола о торговле услугами следует из норм подпунктов 16 и 17 пункта 6 данного Протокола и показывает отсутствие его тождественности понятию пруденциального регулирования.

К разрешительным процедурам отнесена совокупность процедур, реализуемых компетентными органами в соответствии с законодательством государства-члена, связанных с выдачей и переоформлением разрешений и их дубликатов, прекращением, приостановлением и возобновлением либо продлением срока действия, лишением (аннулированием) разрешений, отказом в выдаче разрешений, а также рассмотрением жалоб по таким вопросам.

К разрешительным требованиям относится совокупность стандартов и (или) требований (в том числе лицензионных, квалификационных) к заявителю, владельцу разрешения и (или) поставляемой услуге, осуществляемой деятельности, соответствующей законодательству государства-члена, направленных на обеспечение достижения целей регулирования, установленных законодательством государства-члена.

Большая коллегия считает, что разъяснение юридической конструкции термина «пруденциальное регулирование» необходимо в целях формулирования вывода о том, является ли данный вид регулирования правовым аналогом разрешительных процедур и разрешительных требований по смыслу пункта 62 Протокола о торговле услугами.

По целевому назначению и содержанию разрешительные процедуры и разрешительные требования имеют иной, самостоятельный предмет правового регулирования, чем институт пруденциального регулирования.

Меры пруденциального регулирования, перечисленные в пункте 19 Протокола по финансовым услугам и в основополагающих принципах эффективного банковского надзора Базельского комитета по банковскому надзору, не идентичны определениям разрешительных процедур и разрешительных требований в подпунктах 15 и 16 пункта 6 Протокола о торговле услугами.

Большая коллегия считает, что отсутствует противоречие между институтом пруденциального регулирования лизинговых организаций и нормой пункта 62 Протокола о торговле услугами.

3. Большая коллегия, отвечая на вопрос заявителя о праве государства-члена при введении пруденциального регулирования лизинговой деятельности предусматривать особенности налогообложения прямыми налогами, приходит к следующим выводам.

Содержание статей 3 и 5 Договора свидетельствует, что Союз осуществляет свою деятельность в пределах и объемах компетенции, предоставленной ему государствами-членами на основании Договора и международных договоров в рамках Союза. Уяснение смыслового содержания данных правовых норм позволяет Большой коллегии прийти к выводу о том, что полномочия, не переданные Союзу, представляют собой компетенцию государств-членов.

Из анализа права Союза следует, что статьями 71 – 73 Договора и Протоколом о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг, являющимся приложением № 18 к Договору, установлены принципы и порядок взимания косвенных налогов.

Допустимость введения государствами-членами прямого налогообложения в отношении торговли услугами, включая взимание соответствующих налогов с лиц другого государства-члена, предусмотрена подпунктом 4 пункта 7 статьи 65 Договора.

Договор и международные договоры в рамках Союза не наделили интеграционное объединение компетенцией в области прямого налогообложения, что свидетельствует о регулировании соответствующих правоотношений законодательством государств-членов. Данному подходу соответствует позиция Суда, изложенная в решении Апелляционной палаты от 2 июня 2016 года по делу ООО «Севлад», согласно которой налоговые правоотношения отнесены правом Союза к национальной юрисдикции (абзац 9 пункта 7.3 решения).

Применение данной позиции в аспекте вопроса заявителя дает основания для вывода, согласно которому установление особенностей налогообложения прямыми налогами относится к компетенции государств-членов и не входит в сферу действия права Союза.

4. С учетом изложенного Большая коллегия считает обоснованным предоставить следующие ответы на вопросы заявителя.

4.1. Лизинговые услуги, оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком, входят в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам.

4.2. Введение государством – членом Союза пруденциального регулирования лизинговой деятельности, осуществляемой лизинговыми компаниями, включая установление требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), установление финансовых нормативов и отчетности, соответствует Договору.

4.3. Установление особенностей налогообложения прямыми налогами относится к компетенции государств-членов и не входит в сферу действия права Союза.

III. Заключительные положения

Копию настоящего консультативного заключения направить заявителю.

Текст консультативного заключения опубликовать на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-2-1/2-20-БК)

10 июля 2020 года

город Минск

Полностью согласна с резолютивной частью консультативного заключения Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд, Суд ЕАЭС) от 10 июля 2020 года (далее – консультативное заключение). Одновременно не могу согласиться с мотивировочной частью консультативного заключения, поскольку в ней в нарушение пункта 50 Статута Суда (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) исключается международно-правовой характер как вопроса, так и отсутствует международно-правовой анализ норм (в частности, пункта 2 статьи 1, статьи 2 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор, Договор о ЕАЭС)).

Нахожу данный подход не соответствующим нормам о толковании международных договоров, установленных в самом Договоре, статьях 31, 32 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее – Венская конвенция), поскольку национальное право может быть использовано для толкования норм международного права как часть контекста, в котором действует соответствующая норма международного права (подпункт b пункта 2 статьи 31 Венской конвенции).

Полагаю необходимым дополнить правовое обоснование выводов Суда, изложенных в консультативном заключении, и в соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, заявляю особое мнение.

1. Договор о ЕАЭС является сложным с точки зрения юридической техники: основополагающую роль в нем выполняют принципы (например, свободы движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы, согласно пункту 1 статьи 1 Договора), которым подчиняются все остальные разделы, нормы, затем раскрываемые в специальных нормах протоколов к Договору.

Применительно к настоящему делу содержание указанных принципов раскрывается в нормах Договора: о единой, согласованной, скоординированной политиках в Евразийском экономическом союзе (далее – Союз, ЕАЭС) (статьи 1, 2 Договора), согласованной макроэкономической политике (статья 62 Договора), торговли услугами, учреждении, деятельности и осуществления инвестиций (статьи 65-69 Договора), регулировании финансовых рынков

(статья 70 Договора); а также раскрываются в специальных нормах Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к Договору; далее – Приложение № 16), Протокола по финансовым услугам (приложение № 17 к Договору; далее – Приложение № 17).

Договор не содержит определения понятия «лизинг», однако использует данное понятие для регулирования различных общественных отношений: как совместную меру по развитию экспорта (статья 41 Договора), как один из видов финансовых услуг (подпункт 2в) пункта 3 Приложения № 17)), в связи с особенностями применения налоговых ставок НДС (пункт 4 Протокола о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг (приложение № 18 к Договору)) и иное.

Учитывая, что преамбула Договора устанавливает, что данный международный договор заключен на основе приверженности целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права, принимая во внимание нормы, правила и принципы Всемирной торговой организации (далее – ВТО), Суду следует установить, как эти понятия определяются в нормах общего международного права и права ВТО.

Следовательно, исходя из того, что Договор не определяет понятия «лизинг», «финансовый лизинг», «оперативный лизинг», «возвратный лизинг», Суду следовало разъяснить указанные экономические понятия в их юридическом смысле, руководствуясь пунктом 1 статьи 31 Венской конвенции, согласно которому договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Обычное значение понятия «лизинг», «финансовый лизинг» установлено в источниках международного права – Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге от 28 мая 1988 года, Конвенции Содружества Независимых Государств о межгосударственном лизинге от 25 ноября 1998 года, Кейптаунской конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования от 16 ноября 2001 года.

В силу пункта 2 статьи 1 Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге от 28 мая 1988 года сделка финансового лизинга – это сделка, включающая следующие характеристики:

- а) арендатор определяет оборудование и выбирает поставщика, не полагаясь в первую очередь на опыт и суждение арендодателя;
- б) оборудование приобретает арендодателем в связи с договором лизинга, который, и поставщик осведомлен об этом, заключен или должен быть заключен между арендодателем и арендатором; и

в) периодические платежи, подлежащие выплате по договору лизинга, рассчитываются, в частности, с учетом амортизации всей или существенной части стоимости оборудования.

Применительно к настоящему делу ключевым вопросом является то, на чьи средства (собственные или заемные) происходит приобретение оборудования.

Согласно статье 1 Конвенции Содружества Независимых Государств о межгосударственном лизинге от 25 ноября 1998 года под финансовой арендой (лизингом) понимается вид инвестиционно-предпринимательской деятельности, связанной с приобретением имущества и передачей его в пользование по договору государству в лице его уполномоченных органов, физическому или юридическому лицу на определенный срок в целях получения прибыли (дохода) или достижения социального эффекта с учетом амортизации предмета лизинга при участии лизингодателя, поставщика, лизингополучателя и других участников лизингового проекта.

Кроме того, Кейптаунская конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования от 16 ноября 2001 года устанавливает, что лизинговые правоотношения не ограничиваются исключительно сдачей оборудования в аренду, но также включают в себя комплексные вопросы финансирования данного вида сделок.

Таким образом, конвенционное регулирование предполагает, что в рамках лизинговых правоотношений арендодателем с использованием заемных средств приобретает имущество (оборудование) по указанию арендатора для его пользования. Арендатор при этом осуществляет периодические платежи в течение действия договора лизинга как за пользование чужими денежными средствами, так и за пользование арендованным имуществом.

Следовательно, сделка, оформляемая в виде договора финансового лизинга, предполагает, что в ней реализуются две группы правоотношений, связанные, во-первых, с привлечением заемных средств, а затем с приобретением и передачей в пользование вещей за плату (правоотношений займа, купли-продажи и аренды), во-вторых, с выплатой лизингополучателем платы за пользование денежными средствами лизингодателя, выражаемой в процентах годовых на размер финансирования (финансовые правоотношения).

2. Учитывая, что лизингом считаются лишь отношения, первоначально связанные с заемными (кредитными) средствами, полагаю, что передача в наем оборудования за плату относится к классическим арендным отношениям, и в отсутствие отношений займа (кредита) эти отношения не могут считаться лизингом.

Данный вывод также подтверждается подходами высших судов Российской Федерации, которые рассматривают договор лизинга в качестве смешанного договора, содержащего в себе элементы договора аренды и купли-про-

дажи (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2014 года по делу № А56-70987/2012; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2011 года по делу № А28-732/2010-31/18), а также констатируют, что в ходе лизинговых правоотношений имеется особенность – получение лизингодателем платы за финансирование в процентах годовых на размер финансирования (пункт 3.5 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 года № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга»).

Из этого следует, что лизинговые правоотношения образуют сложный юридический состав, фактически опосредованный четырьмя гражданско-правовыми договорами:

- 1) займа (при привлечении заемных средств и получении лизингодателем платы за финансирование сделки);
- 2) купли-продажи (приобретение лизингодателем предмета лизинга);
- 3) аренды (сдача в пользование лизингополучателю за плату);
- 4) купли-продажи (в случае выкупа лизингополучателем у лизингодателя предмета лизинга).

Иными словами, лизинговые правоотношения распадаются на финансовое обязательство (заем, кредит – долговое финансовое обязательство) и имущественное гражданско-правовое обязательство (купля-продажа, аренда).

Исходя из этого, обычное значение понятий «лизинг», «финансовый лизинг» предполагает, что данные правоотношения подразумевают сложный юридический состав, в основе которого лежат, во-первых, финансовое обязательство, связанное с финансированием приобретения предмета лизинга, а также получения лизингодателем процента за пользование денежными средствами, во-вторых – обязательства, связанные с куплей-продажей и арендой вещи, Большой коллегии Суда следовало определить, какие принципы и нормы Договора и Протоколов к Договору применяются к регулированию правоотношений, связанных с лизингом.

В связи с тем, что приобретение оборудования возможно лишь при привлечении заемного капитала, а затем – его инвестирования в товар, лизинговые правоотношения предполагают реализацию трех принципов Договора – свободы движения капитала (в ходе приобретения, а затем – платы за оборудование, перечисления лизинговых платежей за пользование предметом лизинга, уплаты процента за пользование денежными средствами), свободы движения услуг (инвестирование) и товаров (при приобретении предмета лизинга и сдаче его в аренду лизингодателем).

Комплексный характер лизинговых правоотношений также предполагает, что, с одной стороны, к ним применяются специальные правила публичного (финансового, административного) права (при регулировании статуса

лизинговых компаний как специального субъекта, особенностей отчетности, налогообложения, уплаты таможенных пошлин), с другой стороны – частного (гражданского) права (которое регулирует вопросы инвестирования, купли-продажи, сдачи товара в аренду). В национальных правовых системах это нормы различных отраслей права, что предполагает конкуренцию данных норм между собой.

Применительно к настоящему делу Суду следовало определить объем прав государств по регулированию финансовых (лизинговых) услуг как части свободы движения капитала, то есть определить пределы установления норм публичного права, регулирующих деятельность лизинговых компаний, не затрагивая аспект свободы движения товаров (то есть предмета лизинга) и гражданско-правовой квалификации прав и обязанностей участников лизинговых правоотношений, поскольку вопросы частного права не являются ключевыми в настоящем деле.

Как отмечал Суд в консультативном заключении от 4 апреля 2017 года, статья 1 Договора устанавливает, что в Союзе реализуется скоординированная, согласованная и единая политика, которые предусматривают различную степень единообразия правового регулирования.

В статье 2 Договора «единая политика» определяется как политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных Договором, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий.

«Согласованная политика» означает политику, осуществляемую государствами-членами в различных сферах, предполагающую гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза, в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза, предусмотренных Договором.

«Скоординированная политика» – это политика, предполагающая осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных Договором.

В силу правовой позиции Суда, выраженной в консультативном заключении от 4 апреля 2017 года, статья 2 Договора предусматривает, что для отнесения определенной сферы к единой политике необходимо соответствие следующим условиям: 1) наличие унифицированного правового регулирования; 2) передача государствами-членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий.

Следовательно, в Союзе в рамках единой политики правовое регулирование является унифицированным, его принятие осуществляет общий орган, как правило, Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК, Комиссия),

на государства возлагается обязанность по выполнению решений данного органа. В рамках согласованной и скоординированной политик происходит гармонизация правового регулирования государств – членов Союза, сотрудничество между государствами на основе принципов и норм Договора, что предполагает постепенное снятие барьеров во взаимной торговле, сформировавшихся вследствие разночтений в законодательстве государств – членов Союза.

Пункт 1 статьи 70 Договора предусматривает, что государства-члены в рамках Союза осуществляют согласованное регулирование финансовых рынков.

Одновременно пункт 3 статьи 70 Договора предусматривает, что государства-члены в соответствии с международным договором в рамках Союза и с учетом Приложения № 17 и статьи 103 Договора осуществляют гармонизацию своего законодательства в сфере финансового рынка.

При этом Приложение № 17 по финансовым услугам напрямую не предусматривает каких-либо прав и обязанностей Комиссии по регулированию финансовых услуг, но устанавливает права и обязанности государств – членов Союза в данной сфере. Как следствие, Суду следовало исходить из того, что в настоящее время финансовые услуги не составляют часть единой политики Союза и входят в согласованную политику Союза.

Следовательно, при регулировании оказания финансовых услуг государства – члены Союза обязаны соблюдать принципы и нормы Договора, но вправе самостоятельно определять содержание норм национального законодательства, регулирующих оказание финансовых услуг.

3. Исходя из содержания запроса Российской Федерации, Большой коллегии Суда следовало определиться в вопросе о приоритете в применении приложений к Договору (протоколов), регулирующих оказание лизинговых услуг.

Право Союза содержит общие и специальные нормы, которые регулируют свободу движения услуг. Так, общие нормы установлены в Приложении № 16. Одновременно применительно к финансовым услугам принято специальное Приложение № 17, которое применяется к мерам государств-членов, затрагивающим торговлю финансовыми услугами, а также учреждение и (или) деятельность поставщиков финансовых услуг.

Приложение № 16 не содержит каких-либо норм, конкретизирующих особенности реализации свободы движения лизинговых услуг. Лизинг в Приложении № 16 упоминается исключительно в приложении № 2 к Приложению № 16, согласно которому устанавливаются особенности реализации соглашений о разделе продукции.

Пунктом 7 Приложения № 16 предусмотрено, что для целей настоящего Протокола сектора услуг определяются и классифицируются на основе Международного классификатора основных продуктов, утвержденного Статисти-

ческой комиссией Секретариата Организации Объединенных Наций (*Central Products Classification*).

Таким образом, право Союза исходит из того, что классификация секторов услуг в Союзе осуществляется на основе универсального регулирования, установленного Организацией Объединенных Наций.

Следовательно, для установления применимости Приложения № 16 к торговле определенными видами услуг следует обращаться к регулированию, установленному на универсальном уровне Организацией Объединенных Наций.

Применительно к финансовому лизингу Международный классификатор основных продуктов, утвержденный Статистической комиссией Секретариата Организации Объединенных Наций, указывает, что финансовый лизинг включен в секцию 7 «финансовые и относящиеся к ним услуги...» (*Section 7. Financial and related services...*).

Одновременно подпунктом в) пункта 2 Приложения № 17 установлено, что финансовый лизинг входит в перечень финансовых услуг.

Следовательно, исходя из взаимосвязанного прочтения пункта 7 Приложения № 16, универсального регулирования Организации Объединенных Наций, подпункта в) пункта 2 Приложения № 17, лизинг в юридическом смысле является финансовой услугой. Соответственно, применительно к лизинговым правоотношениям приоритетом обладает Приложение № 17, раскрывающее принцип свободы движения капитала.

4. Согласно пункту 3 Приложения № 17 к финансовым услугам относятся услуги финансового характера, включающие в себя страховые и банковские услуги, к которым относится, среди прочего, финансовый лизинг.

Следовательно, с точки зрения Приложения № 17 понятие «финансовая услуга» является широким (родовым), а «банковская услуга» является одним из видов возможных финансовых услуг (видовым).

При этом практика государств – членов Союза показывает, что банковские услуги могут предоставляться небанковскими организациями (например, расчетной небанковской кредитной организацией, платежной небанковской кредитной организацией, кредитно-депозитной небанковской кредитной организацией, микрофинансовой компанией, микрокредитной компанией и прочими). Услуга финансового лизинга предоставляется как банками, так и небанковскими организациями – лизинговыми компаниями.

Таким образом, в логику Приложения № 17 положен сущностный критерий (содержательный). Иное толкование может повлечь исключение из-под действия данного акта организаций, оказывающих банковские услуги, но не являющихся банками, и приведет к пробельному правовому регулированию в Союзе.

В этой связи также следует учесть опыт регулирования лизинговых правоотношений на универсальном уровне.

С точки зрения универсального регулирования ВТО «финансовой услугой» является любая услуга финансового характера, предлагаемая поставщиком финансовых услуг государства-члена (подпункт (vii) пункта 5 Приложения по финансовым услугам к Генеральному соглашению по торговле услугами от 14 апреля 1995 года (далее – Приложение по финансовым услугам к ГАТС). С точки зрения данного Приложения финансовый лизинг составляет один из видов финансовых услуг.

Следует также отметить, что другие международные договоры Российской Федерации включают финансовый лизинг в финансовые услуги. Например, согласно Приложению № 6 к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве, учреждающему партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны, от 24 июня 1994 года, под финансовой услугой понимается любая услуга финансового характера, предоставляемая поставщиком финансовых услуг одной из Сторон. В частности, согласно данному документу к финансовым услугам относятся страхование, услуги по осуществлению платежей, предоставление финансовых данных и финансовый лизинг.

Важно также учитывать, что высшие суды Российской Федерации полагают, что финансовый лизинг является финансовой услугой (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 года № 20-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2014 года № 222-О; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2011 года по делу № А28-732/2010-31/18). Законодательство Российской Федерации исходит из того, что лизинг является финансовой услугой (пункт 2 статьи 4 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

Таким образом, право Союза с учетом универсального, двустороннего и национального регулирования предполагает, что финансовый лизинг является финансовой услугой, следовательно, к данной услуге применяются нормы Приложения № 17. В основе финансовой услуги лежит движение денежных средств: в виде кредитного или долгового обязательства, предполагающего уплату процентов за пользование чужими денежными средствами. Следовательно, к данным правоотношениям применяется принцип свободы движения капитала. Однако данная свобода согласно современному правовому регулированию всегда сопровождается надзорными регулирующими мерами.

5. Контролю за движением денежных средств в международном праве уделяется особое внимание, он продиктован необходимостью борьбы с терроризмом (Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года), коррупцией (Конвенция ООН против коррупции

от 31 октября 2003 года), организованной преступностью (Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года) и иными правонарушениями.

В сфере лизинговых услуг в аспекте финансовых обязательств также существуют правонарушения (например, через использование «возвратного лизинга», «фирм-однодневок» в качестве лизингополучателей, завышение стоимости лизингового оборудования, приобретение одного и того же оборудования в лизинг несколько раз, оформление лизинга на подставных лиц и иное). Данные правонарушения могут становиться предметом оценки правоохранительными органами на предмет соответствия уголовному (административному) законодательству.

Одновременно указанные действия могут негативно сказываться на правах неопределенного круга лиц и стабильности финансовой системы.

Для гарантирования стабильности финансовой системы государства выработали специализированный режим – пруденциальный надзор, осуществляемый специализированными органами пруденциального надзора (в их числе может быть центральный банк). Он предполагает наблюдение за банками и небанковскими организациями, оказывающими различные финансовые услуги, применение предупредительных и принудительных мер воздействия к кредитным организациям-нарушителям, установление минимального размера риска для заемщика, нормативов достаточности собственных средств (капитала), отчетности и иных требований.

Государство, осуществляя пруденциальный надзор, реализует свое позитивное обязательство по поддержанию макроэкономической стабильности, превентивно не допуская возможности нанесения финансового ущерба третьим лицам.

Следует отметить, что в настоящее время государства вводят пруденциальный надзор в отношении лизинговых компаний. Так, органы пруденциального надзора устанавливают стандарты для лизинговых компаний (например, в Бельгии), одновременно центральные банки государств самостоятельно вводят подобные стандарты (например, Центральный банк Китайской Народной Республики, Республики Сербия, Национальный банк Пакистана), а также с одобрения Европейского центрального банка (например, позиция Европейского центрального банка по вопросу пруденциального надзора в отношении лизинговых компаний в Республике Кипр от 19 октября 2015 года (CON/2015/37)).

В отсутствие универсального подхода государства имеют дискрецию по введению каких-либо мер (см. дело Постоянной палаты международного правосудия по делу «Лотус» 1927 года – *S.S. Lotus (France v. Turkey)*, 1927 P.C.I.J. (ser. A) No. 10 (Sept. 7)). В настоящее время такие меры включают, среди прочего, пруденциальное регулирование в отношении лизинговых компаний.

Право Союза и право ВТО предусматривают полномочия государств на введение пруденциального надзора. Пунктом 19 Приложения № 17 устанавливается следующий подход: ничто в настоящем Протоколе не препятствует государству-члену принимать пруденциальные меры, включая защиту интересов инвесторов, вкладчиков, страхователей, выгодоприобретателей и лиц, перед которыми поставщик услуг несет фидуциарную ответственность, или меры для обеспечения целостности и стабильности финансовой системы. Аналогичная норма содержится в подпункте (а) пункта 2 Приложения по финансовым услугам к ГАТС.

В соответствии с этим в Союзе пруденциальное регулирование лизинговых компаний уже установлено в Республике Беларусь (письмо Министерство юстиции Республики Беларусь от 06 марта 2010 года № 07-16/255). В Республике Армения лизинговые услуги оказывают банки и кредитные организации, деятельность которых является лицензируемой, надзор за их деятельностью осуществляет Центральный банк Республики Армения.

Следовательно, государства – члены Союза не считают, что Договор содержит запрет на пруденциальное регулирование деятельности лизинговых компаний. Как было выяснено в ходе судебного заседания 7 июля 2020 года, ЕЭК против введенных мер не возражает.

Пруденциальное регулирование (надзор) не может рассматриваться в качестве мер дискриминационного характера не только согласно праву Союза. Международное право, в частности, право ВТО, под дискриминационной мерой понимает такую меру, которая создает неравные условия хозяйствования для субъектов из разных государств, предоставляя преференциальное регулирование для национальных компаний или компаний какой-либо другой страны (статья II ГАТС).

Общепринятые правила регулирования движения капитала, в том числе по установлению требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), финансовых нормативов и отчетности, единый налоговый режим, не являются дискриминационными мерами, ибо не предполагают создания различных стандартов для лизингодателей из разных юрисдикций. Общий стандарт создается для всех компаний, оказывающих лизинговые услуги. Более того, установление минимального размера собственных средств (капитала) является не дискриминационной, а защитной мерой, создающей гарантию как для финансового рынка, так и защиты неопределенного круга лиц (потребителей этих услуг) от недобросовестных действий финансово несостоятельных фирм, быстро появляющихся и исчезающих на этом рынке (фирм-однодневок); в то же время установление финансовой отчетности создает гарантию прозрачности, транспарентности данного сектора рыночных услуг.

6. Отмечаю, что налогообложение прямыми налогами (налогом на прибыль и налогом на имущество организаций) не относится к сфере пруденциального регулирования (надзора) исходя из его целевой направленности.

Основываясь на позиции, изложенной в консультативном заключении Суда от 7 декабря 2018 года, подчеркну, что осуществление государствами-членами своих полномочий в области прямого налогообложения должно согласовываться с положениями Договора и, в частности, с обязательствами, взятыми в области торговли услугами.

В этой связи считаю, что введение любых мер, изменяющих положение хозяйствующих субъектов в части прямого налогообложения их деятельности по оказанию или получению услуг, должно производиться таким образом, чтобы не нарушать взятые на себя государствами-членами обязательства о недискриминационном характере таких мер.

Судья

Т.Н. Нешагаева

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-2-1/2-20-БК)

город Минск

10 июля 2020 года

1. 10 июля 2020 года Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Большая Коллегия) вынесено консультативное заключение по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору (далее – Протокол о торговле услугами), пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору (далее – Протокол по финансовым услугам).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

2. Министерство юстиции обратилось в Суд с заявлением о предоставлении консультативного заключения в связи с имеющейся, по его мнению, в праве Союза неопределенностью по вопросу о допустимости распространения пруденциального регулирования на деятельность лизинговых компаний, не являющихся банками. Основанием для обращения послужила проводимая в Российской Федерации реформа регулирования лизинговой деятельности, в рамках которой проектом Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Законопроект) предусматривается введение пруденциального надзора в отношении субъектов лизинговой деятельности, не являющихся банками, посредством установления требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), введению финансовых нормативов и отчетности.

В связи с изложенным Министерство юстиции Российской Федерации поставило перед Судом вопрос о (1) распространении Протокола по финансовым услугам на регулирование небанковского сектора и о (2) соответствии Договору введения государством-членом пруденциальных мер в виде установления требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), финансовых нормативов и отчетности в отношении небанковских организа-

ций, оказывающих услуги лизинга. Заявитель также просил Суд разъяснить, (3) вправе ли государство – член Союза при введении пруденциального регулирования лизинговой деятельности устанавливать особенности налогообложения прямыми налогами (налогом на прибыль и налогом на имущество организаций) организаций, заключающих договоры лизинга.

В рамках ответа на первый вопрос заявителя Большая коллегия установила, что в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам входят лизинговые услуги, оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком. По второму вопросу Большая коллегия пришла к выводу, что введение государством – членом Союза пруденциального регулирования лизинговой деятельности, осуществляемой лизинговыми компаниями, в том числе не входящими в банковский сектор Российской Федерации, включая установление требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), установление финансовых нормативов и отчетности, соответствует Договору. Применительно к налогообложению прямыми налогами в консультативном заключении сделан вывод, что соответствующий вопрос относится к компетенции государств-членов и не входит в сферу действия права Союза.

Считаю, что выводы Большой коллегии о распространении сферы регулирования Протокола по финансовым услугам на деятельность лизинговых компаний, функционирующих вне банковского сектора, а также о соответствии Договору введения пруденциальных мер в отношении лизинговых компаний, не являющихся банками, не соответствуют праву Союза и целям евразийской экономической интеграции, противоречат намерениям и установлениям государств-членов при создании Договора. Полагаю, что в отсутствие прямой отсылки к национальному законодательству используемые в Договоре правовые категории, в том числе понятие «финансовый лизинг» как банковская услуга, в силу вытекающего из статьи 6 Договора автономного характера правовой системы интеграционного объединения следует толковать в специальном значении, придаваемом им правом Союза.

3.1. Взаимосвязанное уяснение части 1 статьи 3 и пункта 1 статьи 5 Договора свидетельствует, что Союз осуществляет деятельность в рамках компетенции, предоставляемой ему государствами-членами в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза. В свою очередь, согласно статье 2 и пункту 2 статьи 5 Договора государства-члены реализуют единую, скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами.

Из смыслового содержания статьи 2 Договора следует, что критерием определения единой политики служит применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, предусмотренного Договором, в том числе на основе решений органов Союза, в то время как согласованная

политика предполагает гармонизацию (сближение) законодательства государств-членов на основе решений органов Союза.

Контекстное толкование пунктов 1 и 3 статьи 65 Договора означает, что в области торговли услугами, за исключением финансовых услуг, услуг в области естественных монополий, энергетики и транспорта, государства-члены реализуют единую политику в соответствии с условиями раздела XV «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций» Договора, а также Протокола о торговле услугами.

Осуществление Союзом единой политики в сфере торговли услугами, за исключением отдельных видов услуг, поименованных в разделах XVI, XIX, XX и XXI Договора, предопределяет принятое на себя государствами-членами в статье 67 Договора обязательство по ее либерализации. В силу подпункта 4 пункта 2 указанной статьи одним из принципов либерализации является последовательность принятия любых мер в отношении торговли услугами, в том числе гармонизации законодательства государств-членов исходя из того, что ни в одном из секторов услуг и видов деятельности недопустимо ухудшение условий взаимного доступа на рынок услуг по сравнению с условиями, действующими на дату подписания Договора, то есть на 29 мая 2014 года.

Таким образом, основным элементом либерализации торговли услугами является обязательство государств-членов сохранения ранее действовавшего режима торговли услугами, содержащееся в пункте 62 Протокола о торговле услугами. В соответствии с названной правовой нормой, подлежащей применению во взаимосвязи с положениями пункта 61 данного Протокола, государство-член не применяет разрешительные требования и процедуры, которые не предусматривались его законодательством и не применялись на дату подписания Договора, в случае если такие требования и процедуры аннулируют или сокращают выгоды. Кроме того, не допускается применение новых разрешительных требований и процедур, в случае если они представляют собой ограничения для торговли услугами.

3.2. Пунктом 1 статьи 70 раздела XVI «Регулирование финансовых рынков» Договора предусмотрено, что государства-члены осуществляют согласованное регулирование финансовых рынков, имеющее целью создание в рамках Союза общего финансового рынка, определение пруденциальных требований, предъявляемых к банковской и страховой деятельности, а также деятельности на рынке ценных бумаг. Положения данной статьи подлежат истолкованию с учетом раздела I Концепции формирования общего финансового рынка Союза (далее – Концепция), утвержденной решением Высшего Евразийского экономического совета 1 октября 2019 года № 20, согласно которому общий финансовый рынок охватывает только банковский сектор, сектор рынка ценных бумаг и страховой сектор каждого государства-члена.

Согласно разделу III Концепции правовой основой общего финансового рынка является система нормативных правовых актов, регулирующих общий финансовый рынок, и состоящая из: (1) законодательства государств-членов, (2) Договора, (3) международных договоров в рамках Союза и (4) актов его органов.

В соответствии с пунктом 3 статьи 70, пунктом 1 статьи 103 Договора, подразделом 2 раздела V Концепции государства-члены для формирования единого финансового рынка к 2025 году осуществляют гармонизацию законодательства в соответствии с Соглашением от 6 ноября 2018 года и с учетом Протокола по финансовым услугам.

Изложенное означает, что в настоящее время общий финансовый рынок находится в стадии формирования, а ключевую роль в его регулировании играет законодательство государств-членов. До окончания гармонизации законодательств государств-членов, прямое действие права Союза ограничено положениями Протокола по финансовым услугам, применимого к мерам государств-членов, затрагивающим торговлю финансовыми услугами, а также учреждение и (или) деятельность поставщиков данных услуг. Следствием данного процесса является разноскоростная интеграция в области предоставления финансовых услуг, обусловленная тем, что на момент подписания Договора в государствах-членах осуществлялось различное регулирование соответствующей деятельности.

3.3. Данный подход в аспекте первого вопроса заявителя о соответствии праву Союза интерпретации содержащегося в Протоколе по финансовым услугам понятия «финансовый лизинг» как включающего услуги, оказываемые небанковскими организациями, позволяет установить следующее.

Протокол по финансовым услугам в подпункте 2в) пункта 3 использует понятие «финансовый лизинг», но не дает ему определения. Иные положения Союза также не раскрывают содержание данной правовой категории.

Учитывая автономный характер правовой системы Союза, закрепленный в статье 6 Договора, понятия, используемые в Договоре и иных актах интеграционного правопорядка, подлежат истолкованию в значении, которое придает им исключительно право Союза. Подобный подход содействует достижению цели единообразного применения наднациональных правовых норм, указанной в пункте 2 Статута Суда, являющегося приложением № 2 к Договору. Правовая категория «финансовый лизинг» подлежит автономной интерпретации исходя из контекстного уяснения Протокола по финансовым услугам и с учетом целей, которые преследует соответствующее правовое регулирование. Источником автономного толкования на основании пункта 50 Статута служат общепризнанные принципы и нормы международного права. Исходя из пункта 3 статьи 31 и статьи 32 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее – Венская конвенция) Суду надлежало

использовать нормы международных договоров, участниками которых являются государства-члены, а в качестве дополнительного инструмента интерпретации – обратиться к положениям национального законодательства.

К числу международно-правовых актов, регулирующих финансовый лизинг, относятся Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге от 28 мая 1988 года (далее – Оттавская Конвенция), Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования от 16 ноября 2001 года (далее – Кейптаунская конвенция), сторонами которой являются Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация, Конвенция Содружества Независимых Государств «О межгосударственном лизинге» от 25 ноября 1998 года (далее – Конвенция СНГ).

На момент подписания Договора участниками Кейптаунской конвенции являлись все государства-члены, что позволяет рассматривать положения указанного международного договора в качестве общепризнанных норм международного права по смыслу пункта 50 Статута. Данный подход согласуется с позицией Суда, изложенной в консультативном заключении от 12 сентября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии (абзац 7 пункта б).

Принимая во внимание состав участников Оттавской конвенции, сторонами которых являются не все государства-члены, и тот факт, что Конвенция СНГ ратифицирована только двумя государствами-членами, ничто не препятствовало Большой коллегии использовать положения указанных Конвенций при разъяснении права Союза. В качестве субсидиарного статута Большой коллегии следовало применить положения законодательства государств-членов, посвященные договору финансового лизинга.

В силу пункта q) статьи 1 Кейптаунской конвенции соглашение о лизинге означает соглашение, по которому лизингодатель предоставляет лизингополучателю право на владение или управление объектом с правом или без права его покупки за арендную или иную плату.

Статья 1 Конвенции СНГ определяет финансовую аренду (лизинг) как вид инвестиционно-предпринимательской деятельности, связанной с приобретением имущества и передачей его в пользование на определенный срок в целях получения прибыли с учетом амортизации предмета лизинга при участии лизингодателя, поставщика, лизингополучателя и других участников лизингового проекта.

Положения перечисленных международно-правовых актов частично имплементированы в законодательство государств-членов.

Статьей 2 Федерального закона Российской Федерации от 29 октября 1998 года № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (далее – Закон о лизинге) договор лизинга определяется как договор, в соответствии с которым за счет собственных или привлеченных средств лизингодатель обязуется приобрести

в собственность указанное лизингополучателем имущество у определенного им продавца и предоставить лизингополучателю это имущество за плату во временное владение и пользование. Из совместного толкования пункта 1 статьи 4 и пунктов 1, 4 статьи 5 Закона о лизинге следует, что в качестве лизингодателя вправе выступать физическое или юридическое лицо (лизинговая компания), которое приобретает имущество, являющееся предметом лизинга. Из содержания данных правовых норм следует, что лизинговыми компаниями могут являться как банки и кредитные организации, так и юридические лица, не обладающие специальным статусом. При этом, Закон о лизинге, как и другие законодательные акты Российской Федерации, не предусматривает лицензирования лизинговой деятельности, а также не устанавливает обязательных требований к минимальному размеру собственных средств, финансовым нормативам и отчетности лизинговых компаний. Пункт 5 статьи 5 Закона о лизинге устанавливает лишь требования к руководителю и главному бухгалтеру лизинговой организации. Аналогичное правовое регулирование присуще законодательству государств-членов о лизинге.

4.1. Уяснение смыслового содержания понятия «финансовый лизинг» для целей Протокола по финансовым услугам требует не только определения его материально-правовой природы, но и установления особенностей, которые право Союза придает данной правовой категории.

Буквальное толкование подпункта 2в) пункта 3 Протокола по финансовым услугам свидетельствует, что финансовый лизинг представляет собой разновидность банковской услуги, которая, в свою очередь, является финансовой услугой.

В силу пункта 3 Протокола по финансовым услугам правовая категория «финансовые услуги» представляет собой услуги финансового характера, включающая страховые и банковские услуги, а также услуги на рынке ценных бумаг. Таким образом, правом Союза перечень секторов финансовых услуг определен исчерпывающе и ограничен услугами, поименованными в данном пункте Протокола. Изложенное означает, что Протокол по финансовым услугам не регулирует правоотношения с участием субъектов, действующих в иных секторах экономики (услуг).

Из материалов, представленных Евразийской экономической комиссией по запросу Суда и содержащих позиции государств-членов, высказанные при подготовке Договора, следует, что при разработке Договора его создатели исходили из того, что Протокол по финансовым услугам не распространяется на торговлю услугами, не входящими в банковский и страховой сектор, а также сектор рынка ценных бумаг.

4.2. Незавершенность процесса формирования общего финансового рынка и реализация в соответствующей области согласованной политики обусла-

вликает закрепление в пункте 19 Протокола по финансовым услугам правила, в силу которого государства-члены сохраняют право принимать пруденциальные меры, направленные на защиту интересов инвесторов, вкладчиков, страхователей, выгодоприобретателей и лиц, перед которыми поставщик услуг несет фидуциарную ответственность, а также меры для обеспечения целостности и стабильности финансовой системы.

Пункт 21 Протокола по финансовым услугам содержит обязательство государств-членов выработать гармонизированные требования в сфере регулирования финансового рынка в банковском и страховом секторах, а также секторе услуг на рынке ценных бумаг на основе международных принципов и стандартов либо наилучшей международной практики. Из взаимосвязанного уяснения пунктов 19 и 21 Протокола по финансовым услугам следует, что создатели Договора ограничили право государств-членов принимать пруденциальные меры только к банковскому и страховому секторам, а также сектору рынка ценных бумаг. Данный вывод подтверждает и уяснение понятия «фидуциарная ответственность», которое согласно пункту 19 Протокола по финансовым услугам распространяется лишь на правоотношения с участием банковских и страховых организаций, а также лиц, действующих на рынке ценных бумаг.

Применение подхода, в силу которого нормы раздела XV Договора и Протокола о торговле услугами соотносятся с положениями раздела XVI Договора и Протокола по финансовым услугам как общее и специальное, свидетельствует, что введение государствами-членами пруденциального регулирования в отношении лиц, действующих вне банковского и страхового секторов, а также сектора рынка ценных бумаг, не соответствует праву Союза.

4.3. Протокол по финансовым услугам не содержит определений понятий «финансовая услуга» и «банковская услуга», а раскрывает их содержание путем перечисления отдельных видов услуг, которые они включают. Анализ юридической техники, используемой при описании финансовых услуг, дает основания для вывода, что в основу выделения правовых понятий положен субъектный критерий – лицо, оказывающее соответствующую услугу. Конститутивным элементом банковской услуги по смыслу права Союза является ее предоставление банком как хозяйствующим субъектом, обладающим специальным статусом.

Аналогичный подход присущ Приложению по финансовым услугам к Генеральному соглашению по торговле услугами Всемирной торговой организации (далее – ВТО), которое является неотъемлемой частью Соглашения ВТО и подлежит применению в рамках Союза на основании Протокола о функционировании Союза в рамках многосторонней торговой системы, являющегося приложением № 31 к Договору, а также пункта 1 статьи 1 и пункта 1 статьи 2

Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы.

Согласно подпункту а) пункта 5 Приложения ВТО по финансовым услугам финансовой услугой является любая услуга финансового характера, предлагаемая поставщиком финансовой услуги члена. Финансовые услуги включают все страховые и относящиеся к страховым услуги, а также все банковские и другие финансовые услуги (помимо страхования). В свою очередь, банковские и другие финансовые услуги охватывают, в том числе прием вкладов и прочих возвратных денежных средств от населения, выдачу ссуд всех видов; все виды услуг по платежам и денежным переводам; финансовый лизинг.

Право Союза и универсальные международные договоры не дают определение понятию «банк». Пункт 3 Протокола по финансовым услугам содержит правовую характеристику такого хозяйствующего субъекта как «кредитная организация». Последняя представляет собой юридическое лицо государства-члена, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании лицензии, выданной уполномоченным органом государства-члена по регулированию банковской деятельности, имеет право осуществлять банковские операции в соответствии с законодательством государства-члена, на территории которого оно зарегистрировано.

Принимая во внимание содержащуюся в указанной правовой норме отсылку к национальному законодательству и учитывая, что Концепция общего финансового рынка в качестве его правовой основы указывает законодательство государств-членов, Большой коллегии следовало обратиться к национальным нормам о банках и банковской деятельности.

Анализ соответствующих правовых положений свидетельствует, что перечень банковских операций, которые вправе осуществлять кредитные организации для приобретения ими статуса банков в государствах-членах является различным. При этом по смыслу законодательства всех государств-членов ключевыми элементами, необходимыми для признания кредитной организации банком, служат наличие у нее возможности в совокупности осуществлять такие банковские операции, как привлечение денежных средств на счета и (или) во вклады; размещение привлеченных денежных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности и срочности; открытие и ведение банковских счетов. Помимо перечисленных операций, банки государств-членов вправе производить иные банковские операции и заключать сделки, в число которых входит финансовый лизинг.

Отнесение таких операций как прием депозитов и выдача кредитов к числу ключевых для банковской организации согласуется с принципом 4 Основополагающих принципов эффективного банковского надзора Базельского комитета по банковскому надзору (далее – Базельские принципы) и положениями Компендиума, являющегося их неотъемлемой частью. Применение названно-

го международного акта основано на указании пункта 22 Протокола по финансовым услугам, который содержит прямую отсылку к данному документу.

Уяснение норм законодательства государства-членов, учет положений права ВТО и Базельских принципов указывает, что банковская услуга по смыслу Протокола по финансовым услугам представляет собой финансовую услугу, оказываемую юридическими лицами государств-членов, обладающими специальной правоспособностью, выражающейся в праве привлекать денежные средства во вклады, выдавать ссуды и кредиты, вести банковские счета.

Применение данного подхода к определению понятия «финансовый лизинг» означает, что по смыслу Протокола по финансовым услугам он представляет собой услугу, оказывать которую вправе лишь банки как хозяйствующие субъекты, наделенные специальной правоспособностью.

Сформулированная правовая позиция согласуется с целью создания в рамках Союза общего финансового рынка, охватывающего рынки банковских и страховых услуг, а также рынок ценных бумаг, на достижение которой, исходя из пункта 1 статьи 70 Договора, направлен Протокол по финансовым услугам.

4.4. Характеристика финансового лизинга как банковской услуги означает, что создатели Договора, руководствуясь пунктом 4 статьи 31 Венской конвенции, при формулировании Протокола по финансовым услугам имели намерение наделить указанный термин специальным значением. Данный вывод следует из материалов, представленных Евразийской экономической комиссией. При подготовке Договора государства-члены исходили из того, что в перечень финансовых услуг, регулирование которых осуществляется Протоколом по финансовым услугам, входит финансовый лизинг, в рамках которого лизингодателем является банк, в то время как предоставление услуг лизинга небанковскими организациями составляет предмет Протокола о торговле услугами. Данная позиция высказана и уполномоченными государственными органами Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и представителями Комиссии в ходе обсуждения в 2018 – 2019 годах по инициативе Российской Федерации соотношения Протокола о торговле услугами и Протокола по финансовым услугам.

Исходя из пункта 4 статьи 31 Венской конвенции специальные нормы применяются в строгом соответствии с их назначением и к тем случаям, которые ими прямо предусмотрены. Поэтому придание термину «финансовый лизинг» специального значения по смыслу Протокола по финансовым услугам исключает возможность его расширительного толкования за счет включения в объем данного понятия услуг лизинга, оказываемых небанковскими организациями.

Исходя из изложенного и основываясь на международно-правовом регулировании финансового лизинга, нашедшем отражение в законодательстве государств-членов, следует, что под услугой финансового лизинга по смыслу

Протокола по финансовым услугам понимается приобретение банком, выступающим в качестве лизингодателя, в собственность имущества, указанного лизингополучателем у определенного им продавца, и предоставление данного имущества за плату лизингополучателю во временное владение и пользование на определенный срок в целях получения прибыли.

В аспекте вопроса заявителя указанная правовая позиция дает основания для вывода, согласно которому в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам входят услуги финансового лизинга, оказываемые банками, в то время как услуги лизинга, предоставляемые хозяйствующими субъектами, не являющимися банками, регулируются Протоколом по торговле услугами.

Данный подход реализован в решении Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 110 «Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза», которое в силу подпункта а) пункта 3 статьи 31 Венской конвенции представляет собой последующее соглашение между участниками Договора относительно применения его положений. Из Единого перечня секторов услуг в рамках Союза следует, что услуги лизинга разделяются на банковский финансовый лизинг и небанковский лизинг, что согласуется с Международным классификатором основных продуктов, утвержденным Статистической комиссией Секретариата Организации Объединенных Наций, применяемым в Союзе на основании пункта 7 Протокола о торговле услугами.

С учетом вышеизложенных правовых установлений Большой коллегии следовало прийти к выводу, что предметом регулирования Протокола по финансовым услугам является не любая лизинговая услуга, а лишь услуга финансового лизинга, которую оказывают банки и кредитные организации. Лизинговые услуги, оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком или кредитной организацией по смыслу права Союза, не входят в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам и регулируются положениями Протокола о торговле услугами.

5.1. Из пункта 19 Протокола по финансовым услугам следует, что совокупность пруденциальных мер, направленных на защиту интересов частных лиц, включая инвесторов, вкладчиков, страхователей, выгодоприобретателей и лиц, перед которыми поставщик услуг несет фидуциарную ответственность, а также мер, призванных обеспечивать целостность и стабильность финансовой системы образует понятие «пруденциальное регулирование», вопрос о допустимости которого в отношении лизинговой деятельности ставит заявитель.

Обращение к изложенной в пункте 4.4 настоящего особого мнения позиции, согласно которой сфера действия Протокола по финансовым услугам ограничена регулированием отдельных видов финансовых услуг, включая бан-

ковский финансовый лизинг, свидетельствует, что введение государством-членом пруденциального регулирования в отношении деятельности банков, оказывающих услуги финансового лизинга, согласуется с целью установления пруденциальных требований подпункта 5 пункта 1 статьи 70 Договора.

Возможность введения пруденциального регулирования исключительно в отношении банков подтверждает обращение к Базельским принципам как основополагающему акту мягкого права (*soft law*) в данной сфере. Из взаимосвязанного уяснения пунктов 17 и 43 предисловия к Базельским принципам исходит, что содержащиеся в них требования распространяются на банки, а в отдельных юрисдикциях на небанковские организации при условии, что они принимают депозиты и оказывают финансовые услуги, которые по общему правилу считаются банковскими. Данное положение означает направленность Базельских принципов на деятельность банков как кредитных организаций, конститутивным признаком которых служит привлечение денежных средств в виде вкладов и депозитов. Изложенное означает, что целью пруденциального регулирования служит защита прав лиц, разместивших денежные средства в банках посредством внесения вкладов (депозитов).

При таких обстоятельствах применение мер пруденциального регулирования в отношении услуг финансового лизинга, оказываемых банками, обусловлено происхождением денежных средств, инвестируемых в приобретение предмета лизинга, и направлено на защиту прав и законных интересов вкладчиков, а не участников лизинговых правоотношений. Подобное уяснение цели пруденциального регулирования исключает его применение к деятельности лизинговых компаний, не являющихся банками, поскольку при приобретении предмета лизинга они не используют денежные средства, привлекаемые во вклады и депозиты.

5.2. Учитывая, что пункт 19 Протокола по финансовым услугам, предусматривая возможность применения государством-членом пруденциальных мер, не раскрывает их содержание, для определения видов подобных мер, следует обратиться к пункту 22 указанного Протокола и Базельским принципам. Применение Базельских принципов для определения мер, которые входят в понятие «пруденциальное регулирование», согласуется с практикой Органа по разрешению споров ВТО (доклад по делу Аргентина – Финансовые услуги (WT/DS453/R)).

В силу подпунктов 3, 4, 9 и 12 пункта 22 Протокола по финансовым услугам гармонизация пруденциальных мер государств-членов в отношении кредитных организаций охватывает требования к (1) их бухгалтерской (финансовой) отчетности; (2) определению минимального размера уставного капитала кредитной организации; (3) обеспечению финансовой надежности кредитной организации, банковских групп и банковских холдингов.

В свою очередь, Базельские принципы к числу пруденциальных мер относят, в частности: (1) требования к минимальному уровню достаточности капитала банка; (2) условие о концентрации рисков, подразумевающее установление лимитов максимального размера кредита, предоставляемого одному заемщику; (3) обязанность банков вести отчетность в соответствии с последовательной политикой и практикой бухгалтерского учета (принципы 16, 17, 19 и 27).

При оценке соответствия Договору введения в отношении деятельности по финансовому лизингу, входящей в банковский сектор, таких пруденциальных мер как установление минимального размера собственных средств, финансовых нормативов и отчетности, следует исходить из уяснения указанных понятий в соответствии с их обычным значением, а под финансовыми нормативами понимать инструмент, направленный на ограничение концентрации рисков, что согласуется с подпунктами 3, 4, 9 и 12 пункта 22 Протокола по финансовым услугам, а также с принципами 16, 17, 19 и 27 Базельских принципов.

5.3. Введение требований к минимальному размеру собственных средств, установление финансовых нормативов и отчетности, которые заявитель указывает в качестве пруденциальных мер, отвечают понятию разрешительных требований в значении, которое им придает подпункт 17 пункта 6 Протокола о торговле услугами.

Поскольку в Российской Федерации на дату вступления в силу Договора отсутствовали разрешительные требования, применяемые к лизинговым компаниям, не являющимся кредитными учреждениями (банками), и выражающиеся в лицензировании лизинговой деятельности, установлении обязательных требований к минимальному размеру собственных средств, финансовым нормативам и отчетности лизинговых компаний, их введение вступит в противоречие с подпунктом 4 пункта 2 статьи 67 Договора, пунктами 61 и 62 Протокола по финансовым услугам, что не согласуется со статьей 26 Венской конвенции о добросовестном выполнении договоров.

Неприменение пруденциальных требований к лизинговым компаниям, не входящим в банковский сектор, тем не менее, не препятствует Российской Федерации в рамках Законопроекта предусмотреть регулирование и контроль в отношении соответствующих лиц с соблюдением положений подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора и принятого в его развитие пункта 62 Протокола о торговле услугами.

5.4. Применительно к ссылке заявителя на пункт 15 Протокола по финансовым услугам в части права государств-членов принимать в отношении финансовых услуг меры по лицензированию, следует исходить из того, что принцип 5 Базельских принципов не относит лицензирование к числу пруденциальных мер.

6. Исходя из изложенного считаю, что Большая коллегия при предоставлении консультативного заключения необоснованно не проанализировала и не применила статьи 70 и 103 Договора, пункты 19, 21 и 22 Протокола по финансовым услугам, Концепцию формирования общего финансового рынка Союза, утвержденную решением Высшего Евразийского экономического совета 1 октября 2019 года № 20, а также Базельские принципы, являющиеся основой сближения законодательств государств-членов в сфере надзора за кредитными организациями. При таких обстоятельствах сделанный в резолютивной части консультативного заключения вывод о распространении действия Протокола по финансовым услугам на лизинговые услуги, оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком, а также о соответствии Договору введения государством – членом Союза пруденциального регулирования лизинговой деятельности, осуществляемой лизинговыми компаниями, не входящими в банковский сектор, не основан на праве Союза и влечет риски для создания общего рынка интеграционного объединения, являющегося его ключевым элементом.

Из взаимосвязанного уяснения пунктов 4 и 6 статьи 78, а также статьи 85 Регламента следует, что консультативное заключение должно быть логичным, не содержать внутренних противоречий, несовместимых положений, а его резолютивная часть должна соответствовать выводам, изложенным в мотивировочной части. Между тем, Большая коллегия, установив в резолютивной части, что лизинговые услуги, оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком, входят в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам и на них распространяется пруденциальное регулирование, не подтвердила данный подход выводами, сделанными в мотивировочной части.

7. Полагаю, что при ответе на первый и второй вопросы заявителя Большой коллегии следовало сформулировать следующие выводы:

- в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам входят услуги финансового лизинга, оказываемые банками и кредитными организациями;
- пруденциальное регулирование деятельности банков и кредитных организаций по оказанию услуг финансового лизинга в форме установления требований к минимальному размеру собственных средств, введению финансовых нормативов и отчетности соответствует Договору.

Судья

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Колоса Д.Г.
(дело № СЕ-2-1/2-20-БК)

14 июля 2020 года

город Минск

Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза 10 июля 2020 года предоставлено консультативное заключение по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции (далее – заявитель) о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор), пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору (далее – Протокол о торговле услугами), пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору (далее – Протокол по финансовым услугам).

Регламент Суда Евразийского экономического союза, утвержденный Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент Суда), наделяет судью правом в случае несогласия с решением Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) или его отдельными положениями заявить особое мнение при вынесении решения Суда (пункт 1 статьи 79 Регламента Суда).

Полагаю, что изложенные в консультативном заключении Большой коллегии Суда по делу № СЕ-2-1/2-20-БК (далее – Консультативное заключение) правовые позиции не согласуются с нормами Договора и решениями органов Евразийского экономического союза (далее – Союз), разъяснение которых возложено на Суд.

В этой связи, не соглашаясь с Консультативным заключением и пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

Заявитель просил Суд разъяснить:

1) входят ли лизинговые услуги, оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком, в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам, либо они регулируются положениями Протокола о торговле услугами;

2) соответствует ли Договору введение государством – членом Союза пруденциального регулирования лизинговой деятельности, включая, в частности, установление требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), установление финансовых нормативов и отчетности;

3) вправе ли государство – член Союза при введении пруденциального регулирования лизинговой деятельности устанавливать особенности

налогообложения прямыми налогами (налогом на прибыль и налогом на имущество организаций) организаций, заключающих договоры лизинга.

1. По первому вопросу заявителя Большая коллегия Суда пришла к выводу о том, что «деятельность по предоставлению такой финансовой услуги как финансовый лизинг регулируется положениями раздела XVI Договора и Протокола по финансовым услугам. Положения раздела XV Договора и Протокола о торговле услугами применимы к финансовому лизингу в части, не противоречащей разделу XVI и положениям Протокола по финансовым услугам». Как следствие, на первый вопрос заявителя Большой коллегией Суда дан ответ, что «лизинговые услуги, оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком, входят в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам».

Фактически, вывод о допустимости регулирования лизинговых услуг нормами Протокола по финансовым услугам сделан Большой коллегией Суда только лишь на основании отнесения финансового лизинга к банковским услугам пунктом 3 Протокола по финансовым услугам.

С таким выводом Большой коллегии Суда и ответом на первый вопрос заявителя не могу согласиться по следующим основаниям.

Согласно статье 50 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Суд при осуществлении правосудия применяет:

- 1) общепризнанные принципы и нормы международного права;
- 2) Договор, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора;
- 3) решения и распоряжения органов Союза;
- 4) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

Полагаю, что Большая коллегия Суда устранилась от последовательного системного толкования норм международного договора, как того требует Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (далее – Венская конвенция), которая устанавливает следующую логику толкования норм международного договора:

договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора (пункт 1 статьи 31 Венской конвенции);

для целей толкования договора контекст охватывает, кроме текста, включая преамбулу и приложения:

а) любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора;

б) любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору (пункт 2 статьи 31 Венской конвенции);

наряду с контекстом учитываются:

- а) любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений;
- б) последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования;
- с) любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками (пункт 3 статьи 31 Венской конвенции).

В качестве дополнительного средства толкования возможно обращение в том числе к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31 Венской конвенции, или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 31 Венской конвенции:

- а) оставляет значение двусмысленным или неясным; или
- б) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными (статья 32 Венской конвенции).

Таким образом, при толковании норм международного договора принимается во внимание положенное в основу договора намерение его создателей, обусловленное объектом и целями договора, контекст, последующие соглашения и практика применения договора, факультативно могут использоваться подготовительные материалы и обстоятельства заключения договора, когда толкование оставляет значение двусмысленным или неясным или приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными.

Пунктом 3 Протокола по финансовым услугам введено собирательное понятие финансовой услуги. В частности, дано определение финансовых услуг как услуг финансового характера, включающих в себя наряду с иными и банковские услуги, в том числе финансовый лизинг.

Кроме того, в пункте 3 Протокола по финансовым услугам содержится дефиниция кредитной организации, под которой понимается юридическое лицо государства-члена, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании лицензии, выданной уполномоченным органом государства-члена по регулированию банковской деятельности, имеет право осуществлять банковские операции в соответствии с законодательством государства-члена, на территории которого оно зарегистрировано.

В соответствии с пунктом 1 статьи 31 Венской конвенции ответ на поставленный перед Судом вопрос требует детального анализа предмета регулирования Протокола по финансовым услугам, а также используемых в нем понятий посредством уяснения обычного значения, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей.

Для целей Протокола по финансовым услугам введено понятие «общий финансовый рынок» – финансовый рынок государств-членов, который соответствует следующим критериям:

гармонизированные требования к регулированию и надзору в сфере финансовых рынков государств-членов;

взаимное признание лицензий в банковском и страховом секторах, а также в секторе услуг на рынке ценных бумаг, выданных уполномоченными органами одного государства-члена, на территориях других государств-членов;

осуществление деятельности по предоставлению финансовых услуг на всей территории Союза без дополнительного учреждения в качестве юридического лица;

административное сотрудничество между уполномоченными органами государств-членов, в том числе путем обмена информацией (пункт 3 Протокола по финансовым услугам).

Согласно подпункту 9 пункта 22 Протокола по финансовым услугам в банковском секторе государства-члены гармонизируют требования по регулированию и надзору кредитных организаций, руководствуясь в своих действиях наилучшей международной практикой и основополагающими принципами эффективного банковского надзора Базельского комитета по банковскому надзору, в том числе в отношении обеспечения финансовой надежности кредитной организации, в том числе определения иных, помимо банковских операций, видов деятельности, разрешенных для кредитных организаций, пруденциальных нормативов, обязательных резервов и специальных провизий.

В силу требований пункта 3 статьи 31 Венской конвенции Большой коллегии Суда надлежало наряду с контекстом Договора проанализировать последующие соглашения между его участниками относительно толкования Договора и применения его положений.

Так, в Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза, принятой Решением Высшего Евразийского экономического совета от 1 октября 2019 г. № 20, установлено, что общий финансовый рынок охватывает банковский сектор, сектор рынка ценных бумаг и страховой сектор каждого государства-члена, а также совокупность отношений, регулирующих взаимодействие между секторами финансового рынка.

Категория «финансовый рынок» раскрывается аналогичным ограничительным образом и в Соглашении об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала от 23 декабря 2014 г. (далее – Соглашение). Данное Соглашение заключено в развитие пункта 2 статьи 70 Договора, в подпункте 1 которого предусмотрено, что в целях создания на финансовом рынке условий для обеспечения свободного движения капитала государствами-членами применяются следующие основные формы сотрудничества, в том числе обмен информацией, в том числе конфиденциальной, между уполномоченными органами государств-членов по вопросам регулирования и развития банковской деятельности, страховой деятельности

и деятельности на рынке ценных бумаг, контроля и надзора в соответствии с международным договором в рамках Союза.

Под финансовым рынком в Соглашении понимается рынок банковских услуг, рынок страховых услуг и услуг, относящихся к страховым, рынок ценных бумаг государств-членов (абзац десятый статьи 1 Соглашения).

Также в Соглашении приведены определения терминов:

«финансовые услуги» – услуги финансового характера, включающие в себя банковские услуги, страховые услуги и услуги, относящиеся к страховым, услуги на рынке ценных бумаг;

«финансовая организация» – юридическое лицо, которое осуществляет деятельность по предоставлению финансовых услуг на финансовом рынке в соответствии с законодательством государства-члена (абзацы девятый и восьмой статьи 1 Соглашения).

Поскольку Соглашение касается обмена информацией, пунктом 2 статьи 3 в нем установлены требования к размещению информации о состоянии финансового рынка и деятельности финансовых организаций. Так, на официальных сайтах уполномоченных органов в информационно-коммуникационной сети «Интернет» размещается информация о состоянии финансового рынка и деятельности финансовых организаций (по каждому из государств-членов), в том числе по трем названным сферам.

В частности, в сфере банковских услуг – это информация об активах банков в целом, в том числе трансграничных организаций; обязательствах банков в целом, в том числе трансграничных организаций; собственном капитале банков в целом, в том числе трансграничных организаций (подпункт 3 пункта 2 статьи 3 Соглашения).

Таким образом, финансовые услуги, раскрываемые в пункте 3 Протокола по финансовым услугам и в статье 1 Соглашения, а именно услуги финансового характера, включающие в себя банковские услуги, страховые услуги и услуги, относящиеся к страховым, услуги на рынке ценных бумаг, являются элементами финансового рынка государств-членов. Исходя из содержания информации о финансовом рынке, которую государства-члены должны размещать в открытом доступе, информация, касающаяся банковских услуг как вида финансовых услуг, имеет отношение только к банкам (кредитным организациям).

Подобная логика прослеживается и в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 110 «Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза». Данным Решением утвержден Перечень секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза (далее – Перечень).

В частности, пункт 47 Перечня относит к единому рынку услуг «услуги по

аренде и лизингу прогулочных судов без оператора (экипажа), за исключением финансовых услуг, предусмотренных разделом XVI Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (из СРС 73240)».

Согласно пункту 7 Протокола о торговле услугами для его целей сектора услуг определяются и классифицируются на основе Международного классификатора основных продуктов, утвержденного Статистической комиссией Секретариата Организации Объединенных Наций (*Central Products Classification*)¹ (далее – СРС).

В секции 7 СРС определены: «Финансовые и смежные услуги; услуги, связанные с недвижимым имуществом; лизинговые и арендные услуги», включающие в себя:

Раздел 71 Услуги по финансовому посредничеству, страхованию и вспомогательные услуги;

Раздел 72 Риэлторские услуги;

Раздел 73 Услуги по лизингу или аренде без оператора.

Текстуальное толкование пункта 47 Перечня, а также содержание подкласса СРС 73240, на который имеется ссылка в данном пункте, позволяет заключить, что услуги по аренде и лизингу прогулочных судов без оператора (экипажа) подразделяются на две группы:

1) услуги по аренде и лизингу, не относящиеся к финансовым услугам (финансовому лизингу). Исходя из описания подкласса 73240 СРС, он включает в себя услуги по лизингу, аренде или найму оборудования для проведения досуга и отдыха и в соответствии с описанием раздела 73 СРС не включает в себя услуги по лизингу машин и оборудования, предназначенных для личных и бытовых целей на чисто финансовой основе (т. е. услуги по финансовому лизингу), ср. 71100, при этом продолжительность предоставления услуги не влияет на ее классификацию;

2) услуги по аренде и лизингу, относящиеся к финансовым услугам (финансовый лизинг). Данный вид услуг классифицируется в подклассе 71100 СРС.

Отсылка в содержащемся в пункте 47 Перечня исключении к финансовым услугам, предусмотренным разделом XVI Договора, указывает на необходимость принимать во внимание при классификации услуг круг субъектов, на которых данный раздел распространяет свое действие.

Данное разделение в пункте 47 Перечня может быть истолковано исключительно как произведенное в целях использования классификационного критерия по субъектному составу: в первом случае лизингодателем выступает хозяйствующий субъект, во втором – кредитная организация (банк); в первом случае такие услуги подпадают под регулирование раздела XV Договора и Протокола о торговле услугами, во втором – раздела XVI Договора и Протокола по финансовым услугам.

¹ https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/SeriesM_77ver1_1r.pdf

Таким образом, в дополнение к СРС, базирующемся на объектном критерии, Протокол по финансовым услугам и Перечень основываются на субъектном критерии, в связи с чем государствам – членам Союза при установлении регуляторных мер необходимо принимать во внимание правовой статус субъекта, оказывающего финансовые услуги (в том числе финансовый лизинг).

Правовой статус кредитной организации (банка), включающий правовые основы и порядок осуществления, прекращения ее деятельности, в том числе банковской, порядок создания, ее правосубъектность, определяют установленные Протоколом по финансовым услугам правила. Для Протокола по финансовым услугам первостепенным остается субъект финансового рынка (кредитная организация), к деятельности которого применимы предусмотренные Протоколом по финансовым услугам требования и условия оказания банковских услуг и осуществления банковской деятельности. Если финансовые услуги, хотя и относящиеся к банковским (в данном случае – финансовый лизинг), оказываются иным субъектом, не являющимся кредитной организацией (банком), подлежат применению правила Протокола о торговле услугами.

В Консультативном заключении Большой коллегией Суда не дана оценка *travaux préparatoires* и обстоятельствам заключения Протокола по финансовым услугам в качестве дополнительного средства толкования с целью подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31 Венской конвенции, как того требует статья 32 Венской конвенции, несмотря на имеющиеся в материалах дела документы и пояснения заслушанного в судебном заседании представителя Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия).

Как следует из материалов дела, в частности:

письма Департамента финансовой политики Комиссии от 14 марта 2014 г. № 09-78;

протокола заседания Консультативного комитета по финансовым рынкам от 19 марта 2014 г. № 1-ТС/ККФ;

письма Комиссии от 1 апреля 2014 г. № ТС-631/09;

письма Национального Банка Республики Казахстан от 4 апреля 2014 г. № 10203/1623, адресованного Комиссии;

протокола совещания под председательством Члена Коллегии (Министра) по экономике и финансовой политике Комиссии Т.М. Сулейменова по обсуждению раздела XI «Регулирование финансовых рынков», включая приложение № 16, проекта Договора о Евразийском экономическом союзе от 15 апреля 2014 г. № 6-ТС;

письма Комиссии от 22 апреля 2014 г. № ТС-800/09;

письма Комиссии от 23 апреля 2014 г. № ТС-825/09;

протокола совещания под председательством директора Департамента финансовой политики Комиссии Б.В. Хулхачиева по обсуждению Приложения № 1 и Приложения № 2 к протоколу № 16 Раздела XI «Регулирование фи-

нансовых рынков» проекта Договора о Евразийском экономическом союзе от 25 апреля 2014 г. № 09-14/пр;

письма Департамента финансовой политики Комиссии от 28 апреля 2014 г. № 09-118;

письма Центрального банка Российской Федерации от 13 мая 2014 г. № 015-51/3563 «О замечаниях и предложениях по разделу XVI проекта Договора о Евразийском экономическом союзе», адресованного Комиссии;

проектов статьи 79 Договора и Протокола по финансовым услугам (с приложениями) по состоянию на 19 марта 2014 г., 27 марта 2014 г., 15 апреля 2014 г., – банковский сектор финансового рынка рассматривался и понимался участвовавшими в работе над проектом Договора представителями государств-членов и Комиссии как включающий специальных субъектов – кредитные организации, банки.

В своих пояснениях заслушанный в судебном заседании представитель Комиссии подтвердил, что при подготовке Протокола по финансовым услугам сферу его регулирования планировалось распространить на меры государств-членов, затрагивающие торговлю финансовыми услугами, а также учреждение и (или) деятельность поставщиков финансовых услуг. Данная деятельность связана с определенными субъектами, наделенными, как правило, специальной правоспособностью. В ходе работы над проектом Протокола по финансовым услугам предполагалось, что круг субъектов, на которых распространяются его нормы, включает три группы специальных субъектов – поставщиков финансовых услуг – кредитная организация, профессиональный участник рынка ценных бумаг, профессиональный участник страхового рынка. Соответственно данным группам субъектов в составе финансовых услуг рассматривались осуществляемые ими услуги – банковские, на рынке ценных бумаг, страховые и относящиеся к страховым.

Таким образом, учитывая контекст Протокола по финансовым услугам, последующие соглашения и практику его применения, подготовительные материалы и пояснения представителя Комиссии о намерениях сторон при его разработке, финансовый лизинг как вид банковской услуги, упоминаемый в пункте 3 Протокола по финансовым услугам, входит в предмет регулирования данного протокола только в случае, если осуществляется кредитными организациями (банками).

Соответственно правоотношения в области финансового лизинга, не относящегося к банковской услуге и осуществляемого иными, кроме кредитных организаций, субъектами, регулируются правилами Протокола о торговле услугами.

Также считаю необходимым обратить внимание на логическое противоречие, содержащееся в Консультативном заключении.

При подготовке проекта Протокола по финансовым услугам в пункте 22 проекта, датированного 15 апреля 2014 г., декларировалось установление гар-

монизированных требований в сфере регулирования финансового рынка в трех секторах услуг: банковский сектор, страховой сектор и сектор рынка ценных бумаг.

В свою очередь в банковский сектор включались только кредитные организации, требования к которым предлагалось гармонизировать (пункт 23 указанного проекта).

Нормы аналогичного содержания закреплены соответственно в пунктах 21 и 22 ныне действующего Протокола по финансовым услугам.

Таким образом, предмет регулирования Протокола по финансовым услугам составляют три сектора – банковский, страховой и услуг на рынке ценных бумаг, при этом в банковский сектор по субъектному составу входят исключительно кредитные организации, осуществляющие банковские операции (пункты 3, 22 Протокола по финансовым услугам).

Большая коллегия Суда пришла к выводу, что «лизинговые услуги, оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком, входят в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам».

В этой связи возникает вопрос о секторе финансового рынка, субъектами которого могут выступать лизинговые компании, не являющиеся банками.

Если следовать логике Консультативного заключения, лизинговую деятельность, осуществляемую лизинговой компанией, можно отнести только к банковскому сектору. Однако это невозможно ввиду отсутствия у лизинговой компании статуса кредитной организации (пункт 22 Протокола по финансовым услугам).

Данное обстоятельство также подтверждает правильность вывода о том, что деятельность не являющихся банками лизинговых компаний регулируется нормами Протокола о торговле услугами.

2. По второму вопросу заявителя Большая коллегия Суда посчитала, что «отсутствует противоречие между институтом пруденциального регулирования лизинговых организаций и нормой пункта 62 Протокола о торговле услугами», в связи с чем сформулировала ответ о соответствии Договору введения государством – членом Союза пруденциального регулирования лизинговой деятельности, осуществляемой лизинговыми компаниями, включая установление требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), установление финансовых нормативов и отчетности.

Не соглашаясь с подобным выводом, считаю его не только не соответствующим Договору и Протоколу о торговле услугами, но и создающим реальную угрозу для развития интеграции и функционирования Союза.

Полагаю, что пруденциальные требования, в том числе используемые в качестве примера во втором вопросе заявителя, приводят к созданию таких разрешительных требований и процедур, которые не были установлены законодательством государства-члена и не применялись им на дату подписания

Договора, что запрещено подпунктом 2 пункта 62 Протокола о торговле услугами, а также противоречат принципу последовательности, закрепленному в подпункте 4 пункта 2 статьи 67 Договора, устанавливающему недопустимость ухудшения условий взаимного доступа по сравнению с условиями, действовавшими на дату подписания Договора.

Так, в статье 70 Договора сформулированы цели и принципы согласованного регулирования финансовых рынков, включающие в том числе определение требований, предъявляемых к банковской деятельности, страховой деятельности и деятельности на рынке ценных бумаг (пруденциальных требований) (подпункт 5 пункта 1 статьи 70 Договора).

Буквальное толкование данной нормы позволяет прийти к выводу, что пруденциальные требования предъявляются к названным в нем видам деятельности, включая банковскую.

На основании определения «кредитной организации», данного в пункте 3 Протокола по финансовым услугам, можно констатировать, что банковскую деятельность составляют банковские операции.

Право Союза не относит финансовый лизинг к числу банковских операций, составляющих банковскую деятельность.

Кроме того, правовая сущность финансовой аренды (лизинга) во всех государствах – членах Союза схожа и по своей природе является гражданско-правовой.

В гражданском законодательстве государств – членов Союза лизинг представляет собой:

вид аренды (имущественного найма), то есть временное владение и пользование имуществом (статья 677 Гражданского кодекса Республики Армения, статья 636 Гражданского кодекса Республики Беларусь, статья 565 Гражданского кодекса Республики Казахстан, статья 603 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, статья 665 Гражданского кодекса Российской Федерации);

гражданско-правовой договор, сторонами которого выступают лизингодатель (арендодатель) и лизингополучатель (арендатор) (независимо от вида лизинга).

Классификация финансовой аренды (лизинга) по различным критериям позволяет лишь выявить его возможные отличительные черты и соответственно урегулировать отношения между сторонами договора, однако не является основанием для отнесения его к банковским операциям, составляющим банковскую деятельность. К примеру, такие виды лизинга, как финансовый и операционный, позволяют учесть его стоимостной аспект.

В пункте 1 статьи 1 Конвенции Международного института унификации частного права (УНИДРУА) о международном финансовом лизинге от 28 мая 1988 г. (далее – Оттавская Конвенция) сделки финансового лизинга определяются как сделки, в которых одна сторона (лизингодатель):

а) в соответствии с техническими условиями другой стороны (лизингополучателя) заключает соглашение (соглашение о поставке) с третьей стороной (поставщиком), согласно которому лизингодатель приобретает предприятие, средства производства или другое оборудование на условиях, утверждаемых лизингодателем в той степени, в какой они касаются его интересов, и

б) заключает соглашение (соглашение о лизинге) с лизингополучателем, предоставляющее лизингополучателю право использовать оборудование при условии выплаты арендной платы.

Характерными чертами сделки финансового лизинга являются следующие:

а) лизингополучатель указывает оборудование и выбирает поставщика, при этом не полагаясь главным образом на компетентность и мнение лизингодателя;

б) оборудование приобретается лизингодателем в связи с соглашением о лизинге, которое, насколько это известно поставщику, либо было, либо должно быть заключено между лизингодателем или лизингополучателем;

с) суммы арендной платы, подлежащей уплате согласно соглашению о лизинге, рассчитываются таким образом, чтобы учитывалась, в частности, амортизация всей стоимости оборудования или существенной ее части (пункт 2 статьи 1 Оттавской Конвенции).

Таким образом, согласно Оттавской Конвенции сделка финансового лизинга предопределяет необходимость заключения «соглашения о поставке» и «соглашения о лизинге». В национальных законодательствах государств – членов Союза это соответственно гражданско-правовые договорные конструкции – купли-продажи (поставки) и финансовой аренды (лизинга).

На основании изложенного можно констатировать, что в соответствии с Договором установление пруденциальных требований допустимо только в отношении банковской деятельности, включающей в себя банковские операции, и осуществляющих ее субъектов – кредитных организаций (банков), но невозможно в отношении вида банковской услуги – финансового лизинга, не относящегося к числу банковских операций.

В то же время Протокол о торговле услугами допускает введение рестриктивных мер, но иного содержания, чем предусмотренные Протоколом по финансовым услугам, которыми государства-члены могут воспользоваться в рамках регулирования правоотношений финансового лизинга как торговли услугами.

Так, в пункте 61 Протокола о торговле услугами указано: «для обеспечения того, чтобы разрешительные требования и процедуры не создавали неоправданных барьеров при торговле услугами, учреждении и деятельности, Комиссия по согласованию с государствами-членами разработает правила, утверждаемые Высшим советом. Эти правила имеют целью обеспечить, чтобы такие разрешительные требования и процедуры среди прочего:

- 1) основывались на таких объективных и гласных критериях, как компетентность и способность осуществлять торговлю услугами и деятельность;
- 2) не были более обременительными, чем это необходимо для обеспечения безопасности осуществляемой деятельности, а также безопасности и качества предоставляемой услуги;
- 3) не являлись ограничением для торговли услугами, учреждения и (или) деятельности».

Правила регулирования торговли услугами, учреждения и деятельности, о которых идет речь в пункте 61 Протокола о торговле услугами, разработаны Комиссией и утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 24.

Особенно важным является то, что в силу пункта 62 Протокола о торговле услугами государства-члены не применяют разрешительные требования и процедуры, которые аннулируют или сокращают выгоды и:

- 1) не соответствуют критериям, указанным в пункте 61 Протокола о торговле услугами;
- 2) не были установлены законодательством государства-члена и не применялись соответствующим государством на дату подписания Договора.

Статьей 66 Договора закреплена международно-правовая обязанность государств-членов проводить поэтапную либерализацию условий взаимной торговли услугами.

В статье 67 Договора сформулированы принципы такой либерализации. К их числу относится фундаментальный принцип последовательности (подпункт в) пункта 2 статьи 67 Договора), который создает правовую основу евразийской интеграции и обеспечивает ее развитие.

Содержательно принцип последовательности допускает возможность принятия мер в отношении торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, в том числе гармонизации законодательства государств-членов и административного сотрудничества, только при соблюдении следующих условий:

ни в одном из секторов услуг и видов деятельности недопустимо ухудшение условий взаимного доступа по сравнению с условиями, действующими на дату подписания Договора, и с условиями, закрепленными в Договоре;

поэтапное сокращение ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий, предусмотренных индивидуальными национальными перечнями ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий, утверждаемых Высшим Евразийским экономическим советом, указанных в абзаце 4 пункта 2 и пунктах 15 – 17, 23, 26, 28, 31, 33 и 35 Протокола о торговле услугами (подпункт 4 пункта 2 статьи 67 Договора).

Установление приведенного во втором вопросе заявителя пруденциального регулирования деятельности лизинговых компаний, не являющихся

кредитными организациями, включающего в себя в том числе требования к минимальному размеру собственных средств (капитала), является не существовавшим ранее дополнительным разрешительным требованием, которое аннулирует или сокращает выгоды и может ограничить взаимный доступ хозяйствующих субъектов на рынок лизинговых услуг. Кроме того, если круг субъектов сектора лизинговых услуг ограничивается только организациями, которым присуще наличие собственных средств (капитала), из него исключаются иные хозяйствующие субъекты, оказывающие в настоящее время лизинговые услуги – индивидуальные предприниматели.

Установление не существовавших ранее пруденциальных требований является *de facto* ухудшением условий взаимного доступа по сравнению с правовым регулированием, имевшим место на момент подписания Договора, что нивелирует принципы поэтапной либерализации и последовательности, на которых строится евразийская интеграция, является нарушением статей 66 и 67 Договора как основополагающего акта права Союза и категорически недопустимо с точки зрения соблюдения цели Союза – стремления к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза (статья 4 Договора).

Одним из основных принципов функционирования Союза, закрепленных в статье 3 Договора, является соблюдение принятых на себя международно-правовых обязательств: государства-члены создают благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза.

Принятие в отношении деятельности лизинговых компаний мер, относящихся к разрешительным требованиям и разрешительным процедурам, аннулирующим и сокращающим выгоды, могло иметь место только до подписания Договора.

Так, в Республике Беларусь Указ Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2014 г. № 99 «О вопросах регулирования лизинговой деятельности» был принят до подписания Договора. Названным нормативным правовым актом установлен и применяется порядок осуществления лизинговой деятельности, а также требования к лизингодателям, которые дифференцированы в зависимости от правового статуса субъекта и условий заключаемых договоров финансовой аренды (лизинга).

Лизинговую деятельность в Республике Беларусь вправе осуществлять:

- 1) лизинговые организации, включенные Национальным банком Республики Беларусь в реестр лизинговых организаций, а также
- 2) без включения в реестр лизинговых организаций:
 - а) юридические лица и индивидуальные предприниматели при условии заключения не более трех договоров финансовой аренды (лизинга) в течение одного календарного года и (или) общей стоимости предметов лизинга, переда-

ваемых по одному или нескольким договорам финансовой аренды (лизинга), заключенным этими лизингодателями в одном календарном году, менее 10000 базовых величин;

б) иностранные организации, осуществляющие лизинговую деятельность в Республике Беларусь через постоянное представительство;

в) юридические лица, имеющие право предоставлять имущество на условиях финансовой аренды (лизинга) в соответствии с решениями Президента Республики Беларусь;

г) банки, небанковские кредитно-финансовые организации.

Таким образом, в законодательстве Республики Беларусь созданы правовые условия для осуществления лизинговой деятельности как резидентами, так и нерезидентами Республики Беларусь, как с включением в реестр лизинговых организаций, так и без такого включения. Более того, лизинговую деятельность в Республике Беларусь при определенных условиях вправе осуществлять и индивидуальные предприниматели без включения в реестр лизинговых организаций.

При этом применение таких мер не противоречит статье 67 Договора и пункту 62 Протокола о торговле услугами, поскольку они были установлены на дату подписания Договора.

Кроме того, ответ Большой коллегии Суда на первый и второй вопросы заявителя создает правовую неопределенность относительно правового режима *de lege lata* и *de lege ferenda* финансового лизинга в государствах-членах, включая Республику Беларусь, а также нарушает принцип законных ожиданий субъектов рынка лизинговых услуг.

В частности, вправе ли при таком подходе государство – член Союза разрешить индивидуальным предпринимателям (не лизинговым организациям) осуществление лизинговой деятельности. Отрицательный ответ создаст предпосылки для запрещенной Договором дискриминации по субъектному критерию; положительный ответ приведет к выводу о том, что лизинговая деятельность, осуществляемая индивидуальными предпринимателями, не должна подпадать под действие Протокола по финансовым услугам и, соответственно, не должна квалифицироваться как финансовая услуга, что противоречит правовой позиции, содержащейся в Консультативном заключении.

3. По третьему вопросу соглашаюсь с выводом Большой коллегии Суда в части того, что установление особенностей налогообложения прямыми налогами относится к исключительной компетенции государств-членов и не входит в сферу действия права Союза.

В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Договора Союз наделяется компетенцией в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Учитывая отсутствие в Договоре регулирования вопросов, связанных с установлением и взиманием прямых налогов, государства-члены самостоятельно реализуют налоговую политику в данной сфере.

Вместе с тем, как отмечено выше, пруденциальное регулирование может применяться только в отношении банковской деятельности, осуществляемой кредитными организациями, но не в отношении лизинговой деятельности, осуществляемой лизинговыми компаниями.

В этой связи ответ на поставленный заявителем вопрос, содержащий в качестве обязательного условия введение пруденциального регулирования лизинговой деятельности, не может быть дан ввиду невозможности выполнения данного условия.

Кроме того, установление законодательством государства-члена особенностей обложения прямыми налогами не входит в предмет пруденциального регулирования, основной целью которого является обеспечение стабильного и надежного функционирования банковской системы в целом, а также защита интересов вкладчиков с помощью установления экономических нормативов функционирования банков для минимизации рисков банковской деятельности.

На основании изложенного, полагаю необходимым сформулировать следующие ответы на поставленные заявителем вопросы:

1. Лизинговые услуги, оказываемые хозяйствующим субъектом, не являющимся кредитной организацией (банком), регулируются Протоколом о торговле услугами и не входят в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам.

2. Введение государством – членом Союза пруденциального регулирования (пруденциальных требований) в отношении лизинговой деятельности, включая установление требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), установление финансовых нормативов и отчетности, не соответствует Договору.

3. Государство – член Союза вправе устанавливать особенности налогообложения прямыми налогами (налогом на прибыль и налогом на имущество организаций) хозяйствующих субъектов, осуществляющих лизинговую деятельность, но не в рамках пруденциального регулирования лизинговой деятельности, введение которого противоречит Договору.

Судья

Д.Г. Колос

Резюме
по делу о разъяснении
по заявлению Министерства юстиции Российской Федерации
№ СЕ-2-1/2-20-БК

Ключевые слова:

Министерство юстиции Российской Федерации (государство – член Союза).

О разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года), пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, (приложение № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Финансовые услуги – лизинг – лизинговые услуги, оказываемые компанией, не являющейся банком – пруденциальное регулирование лизинговой деятельности – налогообложение лизинговых компаний.

Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года), Протокол по финансовым услугам (приложение № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) – Международный классификатор основных продуктов, утвержденный Статистической комиссией Секретариата Организации Объединенных Наций – Решение Высшего совета от 23 декабря 2014 года № 110.

Консультативное заключение – разъяснение Договора о Союзе – особые мнения.

Описание дела:

Министерство юстиции Российской Федерации обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о разъяснении Договора о Союзе и приложений к нему. Основанием для обращения послужила неопределенность в праве Евразийского экономического союза в вопросе отнесения финансового лизинга, предоставляемого хозяйствующими субъектами, не являющимися банками, к финансовым услугам по смыслу пункта 3 Протокола по финансовым услугам (приложение № 17 к Договору о Союзе) и в правомерности распространения на него пруденциальных мер, в том числе возможности обложения прямыми налогами (налогом на прибыль и налогом на имущество организаций).

10 июля 2020 года Большая коллегия Суда предоставила консультативное заключение, в котором пришла к выводу, что лизинговые услуги, оказываемые лизинговыми компаниями, не являющимися банками, регулируются Прото-

колом по финансовым услугам. Большая коллегия констатировала, что институт пруденциального регулирования не зависит от субъектного состава лиц, осуществляющих лизинговую деятельность, и ее видов, а введение государством-членом Союза пруденциального регулирования лизинговой деятельности, осуществляемой лизинговыми компаниями, включая установление требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), установление финансовых нормативов и отчетности, соответствует Договору о Евразийском экономическом союзе. При этом установление особенностей налогообложения прямыми налогами относится к компетенции государств-членов и не входит в сферу действия права Союза.

К консультативному заключению Суда приложены особые мнения судей Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н. и Чайки К.Л.

Правовые позиции Суда:

1. Пунктом 3 Протокола по финансовым услугам определено понятие «финансовых услуг» как услуг финансового характера, в круг которых включены банковские услуги. Договором финансовый лизинг отнесен к банковским услугам и входит в понятие финансовых услуг. Таким образом, деятельность по предоставлению такой финансовой услуги как финансовый лизинг регулируется положениями раздела XVI Договора и Протокола по финансовым услугам. Положения раздела XV Договора и Протокола о торговле услугами применимы к финансовому лизингу в части, не противоречащей разделу XVI и положениям Протокола по финансовым услугам.

(абзац 21 пункта 1 раздела «Выводы»)

2. Установление требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), установление финансовых нормативов и отчетности, включаемых в пруденциальное регулирование, не является по смыслу Договора, норм иных международных договоров барьерами, ограничениями, разрешительными требованиями и процедурами, запретами или дискриминационными мерами, которые прямо или косвенно аннулируют или сокращают выгоды лизингодателей.

(абзац 3 пункта 2 раздела «Выводы»)

3. Применение пруденциальных мер к лизинговой деятельности не тождественно введению дискриминационных мер в отношении торговли услугами, учреждения и деятельности, в связи с чем не противоречит пункту 1 статьи 66 Договора. При этом в соответствии с пунктом 57 Протокола о торговле услугами, каждое государство-член обеспечивает, чтобы все меры этого государства-члена, влияющие на торговлю услугами, учреждение и деятельность, применялись разумным, объективным и беспристрастным образом.

(см. абзацы 11, 12 пункта 2 раздела «Выводы»)

4. Уяснение содержания статей 3 и 5 Договора позволяет прийти к выводу о том, что полномочия, не переданные Союзу, представляют собой компетенцию государств-членов.

(см. абзац 2 пункта 3 раздела «Выводы»)

5. Договор и международные договоры в рамках Союза не наделили интеграционное объединение компетенцией в области прямого налогообложения, что свидетельствует о регулировании соответствующих правоотношений законодательством государств-членов.

(абзац 5 пункта 3 раздела «Выводы»)

Summary of case
No. CE-2-1/2-20-БК on clarification upon the request
of the Ministry of Justice of the Russian Federation

Keywords:

The Ministry of Justice of the Russian Federation (Member State of the Union).

On clarifying subparagraph 4 of paragraph 2 of Article 67 of the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014, paragraph 62 of the Protocol on Protocol on Trade in Services, Incorporation, Activities and Investments (Annex No. 16 to the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014), paragraphs 3 and 15 of the Protocol on Financial Services, (Annex No. 17 to the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014).

Financial services - leasing - leasing services provided by a company other than a bank - prudential regulation of leasing activities - taxation of leasing companies.

Protocol on Trade in Services, Incorporation, Activities and Investments (Annex No. 16 to the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014), Protocol on Financial Services (Annex No. 17 to the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014) - International Central Product Classification approved by the Statistical Commission of the Secretariat of the United Nations - High Council Decision No. 110 dated December 23, 2014.

Advisory opinion - clarification of the Treaty on the Eurasian Economic Union - separate opinions.

Description:

The Ministry of Justice of the Russian Federation filed a request with the Court of the Eurasian Economic Union to clarify the Treaty on the Eurasian Economic Union and its Annexes. The ground for appeal was the uncertainty in the law of the Eurasian Economic Union on the issue of referring the financial leasing provided by economic entities other than banks to financial services within the meaning of paragraph 3 of the Protocol on Financial Services (Annex No. 17 to the Treaty on the Eurasian Economic Union) and the legality of the application of the prudential measures to it, including imposing of direct taxes option (income tax and corporate property tax).

On July 10, 2020, the Grand Chamber of the Court issued an advisory opinion and concluded that leasing services provided by leasing companies other than banks are governed by the Protocol on Financial Services. The Grand Chamber stated that the legal institute of prudential regulation does not depend on the subjects provided leasing services and its types, and the introduction by the Member State of the Union of prudential regulation of leasing activities carried out by leasing companies, including the establishment of requirements for the minimum amount of own funds (capital), the establishment of financial standards and reporting, complies with the

Treaty on the Eurasian Economic Union. At the same time, the establishing of the direct taxes' specifics is within the competence of the Member States and is not within the scope of the Union law.

The separate opinions of Judges D.G. Kolos, T.N. Neshataeva, K.L. Chaika have been attached to the advisory opinion of the Court.

Legal reasoning of the Court:

1. Paragraph 3 of the Protocol on Financial Services defines the term “financial services” as services of a financial nature, which include banking services. Financial leasing is classified as banking services and is included in the term financial services. Thus, the provision of such financial services as financial leasing is governed by the provisions of Section XVI of the Treaty and the Protocol on Financial Services. The provisions of Section XV of the Treaty and the Protocol on Trade in Services are applicable to financial leasing in the part that does not contradict Section XVI and the provisions of the Protocol on Financial Services.

(subparagraph 21 of paragraph 1 of the “Conclusions” section)

2. The establishment of requirements for the minimum amount of own funds (capital), the establishment of financial standards, and reporting included in prudential regulation are not considered as barriers, restrictions, permissive requirements and procedures, prohibitions, or discriminatory measures that, directly or indirectly, cancel or reduce the lessors' benefits within the meaning of the Treaty and the provisions of other international treaties.

(subparagraph 3 of paragraph 2 of the “Conclusions” section)

3. The application of prudential measures to leasing activities is not the same as the introduction of discriminatory measures in relation to trade in services, incorporation, and activities, therefore, it does not contradict paragraph 1 of Article 66 of the Treaty. Hereby, in accordance with paragraph 57 of the Protocol on Trade in Services, each Member State shall ensure that all measures of the Member State affecting trade in services, incorporation, and activities are applied in a reasonable, objective, and impartial manner.

(see subparagraphs 11, 12 of paragraph 2 of the “Conclusions” section)

4. Clarification of the content of Articles 3 and 5 of the Treaty leads to the conclusion that the powers not delegated to the Union is within the competence of the Member States.

(see subparagraph 2 of paragraph 3 of the “Conclusions” section)

5. The Treaty and international treaties within the scope of the Union have not empowered the integration association with competence in the field of direct taxation that indicate the regulation of the relevant legal relations by the legislation of the Member States.

(subparagraph 5 of paragraph 3 of the “Conclusions” section)

РЕШЕНИЕ

11 февраля 2020 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А.,
Чайки К.Л.,

под председательством судьи-докладчика Федорцова А.А.,

при секретаре судебного заседания Наумчике М.А.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявления закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках», с участием:

представителей истцов Банных Е.С., Вознесенского Н.Н., Власовой О.Б., Коврова В.А., Лихачевой Н.М., Муравина А.А., Нефедьева А.Н., Трусовой Е.А.,
представителей ответчика Калиева А.А., Кривцуна Е.П., Соколова Ю.Е., Сушкевича А.Г.,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Министерство национальной экономики Республики Казахстан письмом от 22 декабря 2017 года № 35-7/649-И представило в Евразийскую экономическую комиссию (далее – Комиссия, ЕЭК, ответчик) материалы о наличии признаков нарушения общих правил конкуренции на трансграничном рынке калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan.

Уполномоченный орган Республики Казахстан в представленных материалах основывался на соответствующем обращении товарищества с ограниченной ответственностью «Scuderia» (далее – ТОО «Scuderia»), по мнению которого общество с ограниченной ответственностью «Дельрус» (далее – ООО «Дельрус»), резидент Российской Федерации, и товарищество с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (далее – ТОО «Дельрус РК»), резидент Республики Казахстан, своими действиями ограничивали конкуренцию на указанном товарном рынке.

На основании рассмотрения представленных материалов Комиссия пришла к выводу, что поставленный ТОО «Scuderia» вопрос не касается ООО «Дельрус» и возможными нарушителями его законных прав и интересов

являются закрытое акционерное общество «Дельрус» (далее – ЗАО «Дельрус») и ТОО «Дельрус РК».

ЕЭК провела расследование, возбудила и рассмотрела дело о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22-2018/Д-01.

По окончании рассмотрения дела Комиссия приняла решение от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – решение № 165), в соответствии с которым установила в действиях (бездействии) ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» наличие и реализацию соглашения, которое привело к разделу рынка услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan по территориальному принципу, а в действиях (бездействии) генерального директора ЗАО «Дельрус» Новикова А.И. и генерального директора ТОО «Дельрус РК» Бурдина В.В. – принятие решения о таком соглашении и его реализации.

Указанные действия (бездействие) хозяйствующих субъектов и их должностных лиц квалифицированы Комиссией как нарушение подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), назначены штрафы.

2. Процедура в Суде

ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» (далее – истцы) обратились в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлениями об оспаривании решения № 165.

Заявления истцов приняты к производству Суда постановлениями от 30 октября 2019 года.

В рамках подготовки дел к рассмотрению по запросу Суда Комиссия представила материалы дела № 22-2018/Д-01. Комиссия представила также свои возражения на заявления истцов.

Постановлением Коллегии Суда от 12 декабря 2019 года дела по заявлениям ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» объединены в одно производство.

3. Доводы истцов

Истцы считают, что оспариваемое решение Комиссии не соответствует Договору и международным договорам, заключенным в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС), нарушает их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В обоснование своих требований признать решение № 165 не соответствующим договорно-правовой базе Союза истцы приводят следующие доводы.

3.1. ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» заявляют, что они не заключали соглашение о разделе рынка услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan по территориальному принципу и не являются конкурентами, действующими на одном товарном рынке.

ЗАО «Дельрус» ссылается на пункты 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 (далее – Критерии отнесения рынка к трансграничному).

ТОО «Дельрус РК» предполагает, что сама Комиссия исключила факт наличия антиконкурентного соглашения, указав в решении № 165, что «анализ договоров ТОО «Дельрус РК» и ЗАО «Дельрус» об оказании услуг, в том числе услуг по калибровке ультразвукового датчика к аппарату FibroScan, не выявил положений, ограничивающих круг потребителей на оказание услуг по калибровке ультразвукового датчика к аппарату FibroScan по территориальному принципу».

3.2. С точки зрения истцов, Комиссия в решении № 165 основывается исключительно на электронной переписке директора ТОО «Scuderia» с сотрудниками ТОО «Дельрус РК», ЗАО «Дельрус» и представителями компании Echosens, которая имела место в период с 18 по 27 марта 2017 года.

Как полагают истцы, из данной переписки не следует, что директор технического центра ЗАО «Дельрус» Мочалов В.Б. отказал ТОО «Scuderia» в предоставлении услуги.

3.3. Истцы утверждают, что Комиссия некорректно сравнила цены по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan в Российской Федерации и в Республике Казахстан. Сравнение цен проводилось на различные объемы услуг: в Российской Федерации – только на калибровку, а в Республике Казахстан – на техническое обслуживание аппарата FibroScan.

ТОО «Дельрус РК» подчеркивает, что Комиссия не приняла во внимание тот факт, что цена, предоставляемая обществом, экономически обоснована. Истец акцентирует внимание, что рентабельность у ТОО «Дельрус РК» не превышает 10 % и согласно заключению, утвержденному приказом руководителя департамента Комитета по регулированию естественных монополий, защите конкуренции и прав потребителей Министерства национальной экономики Республики Казахстан по г. Астана от 6 декабря 2018 года, цена ТОО «Дельрус РК» за услугу по калибровке не является монопольно высокой.

3.4. ЗАО «Дельрус» полагает, что, принимая решение № 165, Комиссия не учла, что истец зарегистрирован и осуществляет предпринимательскую деятельность на территории Российской Федерации, подчиняясь ее законодательству, согласно которому деятельность по производству и техническому обслуживанию медицинской техники подлежит лицензированию.

3.5. ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» считают, что Комиссия неправильно и с нарушением Методики оценки состояния конкуренции, утвержденной решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30 января 2013 года № 7 (далее – Методика оценки состояния конкуренции), определила временной интервал исследования товарного рынка, его продуктовые и гео-

графические границы, состав хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на товарном рынке.

По мнению истцов, деятельность ТОО «Дельрус РК» и ЗАО «Дельрус» в сфере калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan и его технического обслуживания неправомерно признана Комиссией продолжавшейся в течение 2017 года – I квартала 2018 года, что расценено как обстоятельство, отягчающее ответственность. Истцы указывают, что, помимо единичных ответов в адрес ТОО «Scuderia», в ходе рассмотрения дела не выявлено фактов отказа в предоставлении услуги калибровки со стороны ЗАО «Дельрус» иным контрагентам на территории Республики Казахстан.

Истцы полагают, что с нарушением Методики оценки состояния конкуренции Комиссией определены и продуктовые границы товарного рынка: из решения № 165 не ясно, является ли товарным рынком в рамках рассматриваемого дела только услуга по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan, либо товарным рынком является услуга по техническому обслуживанию данных аппаратов, включая калибровку датчиков, либо Комиссия оценила продуктовые границы товарного рынка, исходя из географии поставок аппаратов FibroScan.

3.6. ЗАО «Дельрус» считает, что Комиссия нарушила Методику расчета и порядок наложения штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденные решением Совета Евразийской экономической комиссии от 17 декабря 2012 года № 118 (далее – Методика расчета и порядок наложения штрафов):

неверно рассчитан размер штрафа в связи с неправильным определением отягчающих обстоятельств; к ответственности привлекается ненадлежащее лицо, так как на момент вынесения оспариваемого решения Новиков А.И. не являлся генеральным директором ЗАО «Дельрус».

ТОО «Дельрус РК» отмечает, что Комиссия в нарушение Методики расчета и порядка наложения штрафов:

не предоставила расчет штрафа, подлежащего оплате ТОО «Дельрус РК» и генеральным директором Бурдиным В.В., что исключает возможность проверить корректность сумм, а также правильность применения коэффициентов, отягчающих и смягчающих ответственность;

ошибочно признала неправомерными действия генерального директора ТОО «Дельрус РК» Бурдина В.В.

4. Возражения ответчика

Комиссия считает доводы ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» необоснованными и не соответствующими положениям Договора и международных договоров, заключенных в рамках Союза.

По мнению ответчика, решение № 165 было принято в рамках компетен-

ции, рассмотрение обращения Министерства национальной экономики Республики Казахстан и прилагаемых материалов, проведение расследования и рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22-2018/Д-01 осуществлялось в соответствии с Договором и решениями органов Союза.

В подтверждение своей позиции Комиссия приводит ряд доводов.

4.1. Комиссия полагает, что обоснованно пришла к выводу о соответствии установленных географических границ товарного рынка Критериям отнесения рынка к трансграничному ввиду того, что ЗАО «Дельрус» могло оказать услугу потребителю из Республики Казахстан, в связи с чем услуга реализуется (оказывается) в географических границах Республики Казахстан и Российской Федерации, то есть на территории двух государств – членов Союза. При этом ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» являются конкурентами, действующими на одном товарном рынке.

Дополнительно Комиссия обращает внимание, что ЗАО «Дельрус» в своем заявлении делает ссылку на положения пункта 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, в котором определяется компетенция Комиссии при пресечении нарушений хозяйствующими субъектами запрета, установленного в пункте 1 статьи 76 Договора, а решение № 165 относится к соблюдению запрета, установленного пунктом 3 статьи 76 Договора.

4.2. По вопросу наличия соглашения между ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», запрещенного подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора, ответчик отмечает, что в рамках рассмотрения дела у истцов имелась возможность представить информацию (документы, сведения), которая подтверждала бы отсутствие между ними договоренности, целью которой является ограничение и (или) устранение конкуренции на трансграничных рынках и (или) ущемление интересов других лиц.

Указанная информация в Комиссию представлена не была. Позиция истцов не подтверждается информацией, полученной Комиссией в инициативном порядке.

4.3. Комиссия сообщает, что в основе решения № 165 лежит совокупность фактов, которая подтверждается перепиской с участием директора ТОО «Scuderia» Есламгалиева Т.М., сотрудников ТОО «Дельрус РК», ЗАО «Дельрус» и представителей компании Echosens.

Как обращает внимание Комиссия, в ходе рассмотрения дела доказательств, подтверждающих факт обоснованности отказа ЗАО «Дельрус» в предоставлении услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan (информации об объемах работ технического центра ЗАО «Дельрус», загруженности специалистов ЗАО «Дельрус» в период обращения ТОО «Scuderia», о технической возможности оказания услуги ТОО «Scuderia» или отсутствии

таковой, о направлении ТОО «Scuderia» коммерческого предложения на условиях компании и об иных основаниях, которые подтверждали бы невозможность предоставления услуги и, как следствие, обоснованность отказа в ее предоставлении со стороны ЗАО «Дельрус»), не выявлено.

При этом Комиссия отмечает, что при обращении ТОО «Scuderia» в адрес ТОО «Дельрус РК» последним было направлено коммерческое предложение, тогда как ЗАО «Дельрус» без уточнений сразу указало на необходимость обратиться в ТОО «Дельрус РК».

4.4. Комиссия настаивает на том, что в оспариваемом решении услуга определена верно, а сравнение цен на нее осуществлялось с соблюдением требований Методики оценки состояния конкуренции и на основании представленной информации ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК». В соответствии с подпунктом д) пункта 16 Методики при выявлении свойств товара, определяющих выбор покупателя, анализировалась в том числе цена товара, которая определялась договором и последующим расчетом за оказанные услуги, поставленные товары.

Ответчик также отмечает, что вопросы получения исключительно услуги калибровки без получения дополнительных услуг (выезд специалиста, транспортировка и др.) были предметом рассмотрения. Согласно информации, представленной ЗАО «Дельрус», услуга может предоставляться как сама по себе, так и в составе дополнительных услуг. Довод ЗАО «Дельрус» о некорректном сравнении цен, а также о наличии в составе услуг иных оплачиваемых услуг несостоятелен и противоречит информации, представленной истцами.

Дополнительно Комиссия обращает внимание, что сравнение цен на услугу, изложенное в решении № 165, является одним из фактов, подтверждающих наличие запрещенного подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора соглашения, а не приводится в качестве самостоятельного нарушения подпункта 1 пункта 3 статьи 76 Договора (запрещенные соглашения, которые приводят или могут привести к установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат), наценок).

По информации ответчика, разница цен учитывалась Комиссией исходя из того, что при разделе территории реализации услуги у ТОО «Дельрус РК» возникала такая рыночная власть на территории Республики Казахстан, при которой имелась возможность устанавливать цену, которая формируется в условиях неконкурентной среды.

4.5. По доводу ЗАО «Дельрус» относительно лицензирования Комиссия отмечает, что:

данное общество не предлагало ТОО «Scuderia» оказать услугу по адресу, указанному в лицензии;

в материалах дела представлена информация ЗАО «Дельрус», согласно которой ЗАО «Дельрус» может оказать услугу хозяйствующим субъектам Республики Казахстан;

законодательство о лицензировании Российской Федерации не предполагает наличие запретов на предоставление услуг лицензируемой деятельности хозяйствующим субъектам, зарегистрированным за пределами Российской Федерации.

4.6. Относительно доводов истцов о нарушении Комиссией Методики оценки состояния конкуренции ответчик сообщает, что временной интервал исследования трансграничного рынка калибровки ультразвуковых датчиков для аппарата FibroScan определен исходя из имеющейся информации, представленной участниками рынка, оказывающими услуги калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan, а также начала расследования в соответствии с Определением о проведении расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 28 февраля 2018 года № 22-08/МА-1.

Возникновение договорных отношений между ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» по субаренде внешнего калибратора ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan, по мнению ответчика, является подтвержденным временем участия в соглашении между компаниями-конкурентами о разделе товарного рынка по территориальному принципу.

Ответчик акцентирует внимание на том, что услугу калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan возможно произвести только внешним калибратором. Необходимость калибровки связана с особенностями уникальной технологии, Vibration-Controlled Transient Elastography (VCTETM), используемой в датчиках и аппарате FibroScan, защищенной международными патентами. Таким образом, услуга калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan является уникальной и не может быть заменена другой.

Решением № 165 географические границы рынка услуги калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan определены территориями Республики Казахстан и Российской Федерации.

По утверждению ответчика, анализ заключенных договоров показал, что услуга калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan оказывалась ЗАО «Дельрус», ООО «Медицинская компания» (входят в группу лиц) и ТОО «Дельрус РК» и ее предоставление ограничено территориями Российской Федерации и Республики Казахстан.

С учетом изложенного ответчик приходит к выводу, что оценка состояния конкуренции на данном товарном рынке проведена в полном соответствии с Методикой оценки состояния конкуренции, исходя из представленной и имеющейся в распоряжении Комиссии информации.

4.7. Комиссия считает, что требования Методики расчета и порядка наложения штрафов соблюдены.

По ее мнению, материалами дела подтверждено, что ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» участвовали в соглашении, которое запрещено подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора, в период 2017 год – I квартал 2018 года, что возлагает на Комиссию обязанность квалифицировать указанное нарушение как длящееся, что должно учитываться в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность.

Ответчик отмечает, что в соответствии с должностной инструкцией генерального директора ЗАО «Дельрус» от 1 июля 2000 года, утвержденной его единственным акционером, генеральный директор ЗАО «Дельрус» Новиков А.И. без доверенности осуществляет руководство текущей деятельностью организации, обеспечивает выполнение организацией всех обязательств, в том числе контрактов и бизнес-планов, действует от имени общества, представляет его интересы, совершает сделки от имени общества, утверждает штаты, издает приказы и дает указания, обязательные для исполнения всеми работниками ЗАО «Дельрус».

Ответчик подчеркивает, что Новиков А.И. привлечен к ответственности в качестве должного лица – генерального директора ЗАО «Дельрус», которым являлся в период с 2017 года по I квартал 2018 года (период совершения нарушения).

Аналогично ответчик обосновывает привлечение к ответственности должностного лица – генерального директора ТОО «Дельрус РК»:

согласно приказу ТОО «Дельрус РК» от 27 апреля 2015 года № 12/лс гражданин Бурдин В.В. вступил в должность генерального директора ТОО «Дельрус РК» с 27 апреля 2015 года. В соответствии с уставом ТОО «Дельрус РК» генеральный директор решает все вопросы деятельности товарищества, за исключением тех, которые входят в исключительную компетенцию общего собрания участников товарищества.

Учитывая изложенное и руководствуясь пунктом 108 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут), Комиссия просит Коллегию Суда вынести решение, которым признать решение № 165 и его отдельные положения соответствующими Договору и международным договорам в рамках Союза и не затрагивающими права и законные интересы хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

5. Компетенция Суда. Пределы судебного разбирательства

В соответствии с пунктом 41 Статута вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом. Суд при определении того, обладает ли он компетенцией рассматривать спор, руководствуется Договором, между-

народными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза с третьей стороной.

Согласно пункту 39 Статута Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Руководствуясь принципом правовой определенности, Коллегия Суда в решении от 7 апреля 2016 года отметила, что решение Комиссии или его отдельные положения могут признаваться непосредственно затрагивающими права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе, когда соответствующее решение применяется к конкретному хозяйствующему субъекту в связи с его хозяйственной деятельностью.

Положения решения № 165, в частности пунктов 2 и 3, абзацев второго и третьего пункта 7, пункта 8, регулируют деятельность истцов – хозяйствующих субъектов, непосредственно затрагивают их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Коллегия Суда обращает внимание на то, что штрафы назначены хозяйствующим субъектам за нарушение запрета, установленного подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора, который гласит: запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, являющимися конкурентами, действующими на одном товарном рынке, которые приводят или могут привести к разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков).

Одновременно решением № 165 действия (бездействие) должностных лиц истцов – генерального директора ЗАО «Дельрус» Новикова А.И. и генерального директора ТОО «Дельрус РК» Бурдина В.В. признаны нарушением подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора (пункты 4 и 5).

Новикову А.И. и Бурдину В.В. штрафы назначены в связи с нарушением запрета, установленного для хозяйствующих субъектов. Комиссией установлено, что Новиков А.И. и Бурдин В.В. в период совершения нарушений являлись генеральными директорами соответствующих юридических лиц, исполняли функции единоличных исполнительных органов этих юридических лиц. Часть вторая пункта 16 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору, далее – Протокол) определяет их статус как должностных лиц.

6. Выводы Суда

6.1. Полномочия Комиссии

В соответствии со статьей 45 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;

факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;

оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

В соответствии с пунктом 3 статьи 18 Договора полномочия Комиссии определяются согласно приложению № 1 к Договору.

Пункт 3 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору, далее – Положение о ЕЭК) гласит, что в соответствующих сферах, включая конкурентную политику, Комиссия осуществляет свою деятельность в пределах полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза.

В соответствии с пунктом 7 статьи 76 Договора пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, общих правил конкуренции, установленных разделом XVIII Договора, в случае если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов, за исключением финансовых рынков, осуществляется Комиссией в порядке, предусмотренном приложением № 19 к Договору.

Исходя из норм Договора, Комиссия наделена полномочиями по пресечению нарушений общих правил конкуренции только при наличии двух обязательных условий:

запрет установлен Договором;

нарушение запрета оказывает или может оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов.

При осуществлении проверки полномочий Комиссии на принятие решения № 165 в сфере конкурентной политики Коллегия Суда исходит из общих правил конкуренции, установленных разделом XVIII Договора, руководству-

ется пунктом 7 статьи 76 Договора, пунктом 3 Положения о ЕЭК, положениями пунктов 1, 9 и 10 Протокола, определяющих конкретные полномочия и порядок осуществления Комиссией контроля за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

Как установлено консультативным заключением Суда от 18 июня 2019 года, компетенция Комиссии в сфере конкуренции на трансграничных рынках, в случае удовлетворения соответствующим критериям, является исключительной. В случае если нарушение запрета, установленного статьей 76 Договора, оказывает негативное влияние только на национальный рынок одного государства-члена, пресечение действий (бездействия) хозяйствующего субъекта относится к компетенции уполномоченного органа государства – члена Союза.

Таким образом, определение рассматриваемого рынка в качестве трансграничного является условием *sine qua non* (без которого невозможно) установить наличие у Комиссии компетенции по принятию оспариваемого решения.

При оценке рынка на предмет его трансграничности необходимо исследовать фактические обстоятельства дела, в частности, его географические границы и иные обстоятельства, определяющие такой рынок в соответствии с Критериями отнесения рынка к трансграничному.

Вывод о наличии у Комиссии компетенции по принятию оспариваемого решения № 165 не может быть сделан Судом до оценки фактических обстоятельств дела, установления факта соблюдения Комиссией права Союза при определении исследуемого рынка в качестве трансграничного.

Следует отметить различия в предмете регулирования и сфере применения положений разделов XV и XVIII Договора.

В соответствии с пунктом 1 статьи 65, входящей в раздел XV Договора «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций», целью раздела является обеспечение свободы торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций в рамках Союза в соответствии с условиями раздела и приложения № 16 к Договору.

Пункт 2 статьи 65 Договора указывает, что положения раздела применяются к мерам государств-членов, затрагивающим поставку и получение услуг, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций.

В соответствии с пунктом 26 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к Договору, далее – Протокол о торговле услугами) каждое государство-член в отношении учреждения и деятельности лиц любого государства-члена может применять отдельные ограничения и условия, указанные в национальных перечнях.

Сфера применения раздела XV Договора и Протокола о торговле услугами направлена на формирование и регулирование единого рынка услуг.

Пунктом 40 Протокола о торговле услугами предусмотрено, что единый рынок услуг в рамках Союза функционирует в секторах услуг, утверждаемых Высшим Евразийским экономическим советом (далее – Высший совет).

При этом в соответствии с пунктом 38 Протокола о торговле услугами изложенное в нем понятие единого рынка услуг применяется только для целей соответствующего раздела данного Протокола.

Вместе с тем Коллегия Суда обращает внимание, что действие и применение общих принципов и правил конкуренции на территориях государств-членов не ограничено перечнем секторов услуг, утверждаемых Высшим советом.

Общие принципы и правила конкуренции, установленные разделом XVIII и приложением № 19 к Договору, в соответствии со статьей 74 Договора распространяются на отношения, связанные с реализацией конкурентной (анти-монопольной) политики на территориях государств-членов, и на отношения с участием хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств-членов, которые оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов.

Сфера действия положений раздела XVIII Договора и Протокола об общих принципах и правилах конкуренции распространяется на все отношения, которые оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию в рамках ЕАЭС, на все виды хозяйственной деятельности. Ограничена она лишь сферами, прямо указанными в соответствующих положениях раздела XVIII Договора и Протокола (финансовые рынки).

Поэтому полномочия Комиссии по контролю за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках не ограничены сферами, предусмотренными в Перечне секторов (подсекторов) услуг, в рамках которых функционирует единый рынок услуг, утвержденном Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 110, а действуют в рамках единого экономического пространства ЕАЭС.

На основании изложенного Коллегия Суда приходит к выводу, что при признании рынка трансграничным Комиссия обладала полномочиями на принятие решения № 165.

6.2. Определение товарного рынка и установление его границ

6.2.1. Коллегия Суда полагает, что Комиссия, учитывая цели оценки состояния конкуренции, факты, изложенные в материалах Министерства национальной экономики Республики Казахстан, в том числе в обращении ТОО «Scuderia», цели проведения расследования и рассмотрения дела, правильно определила товар, товарный рынок и его границы в рамках рынка калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату неинвазивного определения степени фиброза печени FibroScan.

Согласно определению понятия «товарный рынок» (подпункт 19 пункта 2 Протокола) он представляет собой сферу обращения товара, который не мо-

жет быть заменен другим товаром, или взаимозаменяемых товаров, в границах которой (в том числе географической), исходя из экономической, технической или иной возможности либо целесообразности, приобретатель может приобрести товар, и такая возможность либо целесообразность отсутствует за ее пределами.

Товар определяется как объект гражданских прав (в том числе работа, услуга, включая финансовую услугу), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот (подпункт 18 пункта 2 Протокола).

В соответствии с пунктом 11 Протокола в целях осуществления Комиссией полномочий по контролю за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках на территориях двух и более государств – членов Союза разработана Методика оценки состояния конкуренции. Данная Методика применяется также при расследовании нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках, установленных статьей 76 Договора, и при определении географических границ товарного рынка в целях установления его соответствия Критериям отнесения рынка к трансграничному (пункт 2 Методики оценки состояния конкуренции).

В соответствии с пунктом 3 Методики проведение оценки состояния конкуренции включает в себя ряд этапов, в том числе определение:

- временного интервала исследования товарного рынка;
- продуктовых границ товарного рынка;
- географических границ товарного рынка;
- состава хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), осуществляющих деятельность на товарном рынке.

Правила определения временного интервала исследования товарного рынка установлены в разделе II, правила определения продуктовых границ – в разделе III и географических границ – в разделе IV Методики.

По результатам проведения оценки состояния конкуренции на товарном рынке с учетом требований положений пунктов 3 и 4 Методики составляется аналитический отчет, в котором приводятся результаты проведенной оценки (пункт 61 Методики оценки состояния конкуренции).

В соответствии с пунктом 11 Методики установление продуктовых границ товарного рынка – процедура определения товара (его потребительских свойств), не имеющего заменителя, или взаимозаменяемых товаров, обращающихся на одном и том же товарном рынке. Согласно пункту 12 Методики процедура определения продуктовых границ товарного рынка включает в себя:

- предварительное определение товара;
- выявление свойств товара, определяющих выбор покупателя, и товаров, потенциально являющихся взаимозаменяемыми для данного товара;
- выявление взаимозаменяемых товаров.

Пунктом 13 Методики оценки состояния конкуренции установлено, что определение продуктовых границ товарного рынка основывается на мнении покупателей о взаимозаменяемости товаров, составляющих одну товарную группу. Мнение покупателей определяется в результате опроса или анализа предмета договора, на основании которого осуществляется реализация товара.

Решением № 165 установлено, что аппарат FibroScan является прибором, специально созданным и используемым медицинскими учреждениями для количественного измерения эластичности печени, позволяющим оценить степень фиброза по стадиям в объективных числовых значениях. Техническое обслуживание аппарата FibroScan регламентируется производителем (компанией Echosens) и включает в себя в том числе калибровку ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan.

Учитывая факты, изложенные в обращении, а также положения договоров об оказании услуг по техническому обслуживанию аппарата FibroScan, Комиссия определила, что продуктовыми границами товарного рынка является услуга по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan.

При этом Комиссия в решении № 165 указывает, что в соответствии с пунктами 11–22 Методики оценки состояния конкуренции при установлении продуктовых границ товарного рынка услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan взаимозаменяемых товаров не выявлено.

Наряду с решением № 165 Коллегия Суда изучила содержание Аналитического отчета Комиссии «О результатах оценки состояния конкуренции на трансграничном рынке аппарата «FibroScan» (различных его модификаций), в том числе его обслуживания и его поставки» (калибровка ультразвуковых датчиков для аппарата неинвазивного определения степени фиброза печени «FibroScan») (далее – Аналитический отчет), подготовленного в рамках расследования. С учетом содержания решения № 165, где упоминается Аналитический отчет, положений подпункта к) пункта 3 и пункта 61 Методики оценки состояния конкуренции, а также положений пункта 45 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 99, Коллегия Суда обращает внимание, что исследование продуктовых границ рынка и иных параметров, характеризующих состояние конкуренции, – это предмет Аналитического отчета.

Коллегия Суда не соглашается с доводом истцов о том, что из решения № 165 не ясно, к какому товарному рынку относится нарушение общих правил конкуренции. Текст решения прямо указывает, что продуктовыми границами рынка определена услуга по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan. Это указание присутствует и в пункте 1 Аналитического отчета. Так, Комиссия указывает, что исследование ограничено оценкой состояния

конкуренции на трансграничном рынке калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan.

Комиссия при оценке состояния конкуренции с учетом фактов, изложенных в материалах Министерства национальной экономики Республики Казахстан, в том числе в обращении ТОО «Scuderia», правильно определила продуктовые границы товарного рынка как услугу по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan.

В частности, руководствуясь Методикой оценки состояния конкуренции, Комиссия основывает этот вывод на информации об отсутствии взаимозаменяемых товаров (услуг) по отношению к услуге по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan. Процедура определения продуктовых границ рассматриваемого товарного рынка детально раскрыта в пункте 3 Аналитического отчета.

Коллегия Суда акцентирует внимание на том, что в основе определения продуктовых границ товарного рынка лежит критерий выбора покупателя.

Выбор покупателя (потребителя) данной услуги обусловлен необходимостью проведения обязательной периодической калибровки ультразвуковых датчиков аппарата FibroScan. Такая необходимость установлена руководствами по эксплуатации, из которых следует, что данная услуга может быть оказана только субъектом, у которого имеется в наличии стационарное оборудование – калибровочная скамья.

Соответственно, рынок оказания услуги калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan характеризуется необходимостью наличия внешнего калибратора ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan – Probe Calibration Bench (калибровочная скамья). На территории ЕАЭС установлено наличие трех таких калибраторов, которые находятся в г. Москве (ООО «Медицинская компания»), в г. Екатеринбурге (ЗАО «Дельрус») и в г. Нур-Султане (ТОО «Дельрус РК»).

Предварительное определение товара (услуги) обоснованно сделано на основании анализа договоров оказания услуги калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan, как того требует пункт 15 Методики оценки состояния конкуренции.

Комиссией установлено, что такая услуга может быть приобретена как непосредственным пользователем аппарата, так и иными лицами. Данная услуга не может быть заменена иной услугой.

Комиссия обоснованно пришла к выводу, что калибровка ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan является отдельным видом услуг.

При этом калибровку ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan необходимо разграничивать с комплексным обслуживанием медицинского аппарата. Они имеют различные объем, порядок реализации и договорное оформление.

Калибровка ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan является самостоятельной технической процедурой. В процессе калибровки ультразвуковой датчик проверяется, а также проводятся другие обязательные технические регламентные работы, связанные только с датчиком.

Из памятки по регламентному техническому обслуживанию (калибровке) ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan, размещенной на сайте <http://elastometria.ru>, администратором доменного имени которого является ЗАО «Дельрус», видно, что калибровка датчика (регламентное техническое обслуживание) аппарата FibroScan является обязательной регламентной процедурой с использованием специального оборудования и обязательным тестированием. В зависимости от поколения программного обеспечения датчики следует калибровать 1 раз в год либо в 6 месяцев.

На этом же сайте ЗАО «Дельрус» указаны адреса центров калибровки:

1. Технический Центр ЗАО «Дельрус», г. Екатеринбург;
2. Сервисная служба, ООО «Медицинская компания», г. Москва;
3. Сервисная служба, ТОО «Дельрус РК», г. Астана.

Из материалов дела видно и подтверждается сторонами, что калибровка ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan производится на специальном оборудовании – стационарно установленной калибровочной скамье, которой располагают на территории России и Казахстана только ЗАО «Дельрус», ООО «Медицинская компания» и ТОО «Дельрус РК». При этом ООО «Медицинская компания» и ТОО «Дельрус РК» калибровочную скамью арендуют у ЗАО «Дельрус».

Услуга по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan оказывается хозяйствующими субъектами по самостоятельным договорам и расценкам, установленным отдельно от технического обслуживания медицинского аппарата.

Так, например, ЗАО «Дельрус» в течение 2016 года – I квартала 2018 года заключило более 100 договоров о калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan.

По информации ТОО «Дельрус РК», стоимость услуги калибровки составляет 1 300 000 казахстанских тенге, а комплексного технического обслуживания аппарата FibroScan – 2 744 000 казахстанских тенге. Соответствующая калькуляция утверждена генеральным директором ТОО «Дельрус РК» Бурдиным В.В. и показывает существенные различия в стоимости различных услуг.

Из анализа представленной информации по оказанным истцами услугам по техническому обслуживанию как аппарата FibroScan, так и ультразвуковых датчиков к нему, следует, что в период, исследованный Комиссией:

ЗАО «Дельрус» ни разу не оказало услугу по комплексному обслуживанию аппарата FibroScan;

исходя из имеющихся в материалах дела 13 договоров ТОО «Дельрус РК» на оказание услуг, 7 предусматривали калибровку ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan, а 6 – услугу по широкому техническому обслуживанию аппарата FibroScan.

Таким образом, услуга по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan представляет собой отдельную услугу и самостоятельный товарный рынок.

Выбор услуги покупателем (получателем) проанализирован Комиссией в том числе и с учетом цен. Коллегия Суда убедилась, что в пункте 3.2.5 Аналитического отчета приведен анализ цен одной и той же услуги – калибровка ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan, что не подтверждает довод истцов о том, что сравнение цен производилось Комиссией в отношении различных услуг. При этом проведенный Комиссией анализ показывает существенную разницу в цене данной услуги у ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК». Ссылка истцов на заключение Комитета по регулированию естественных монополий, защите конкуренции и прав потребителей Министерства национальной экономики Республики Казахстан от 6 декабря 2018 года, в котором указывается, что цена ТОО «Дельрус РК» не является монопольно высокой, не имеет правового значения, так как при оценке продуктовых границ товарного рынка цена исследуется как фактическое обстоятельство.

Коллегия Суда считает, что Комиссией соблюдены все этапы процедуры определения продуктовых границ товарного рынка, включающей в себя предварительное определение товара, выявление свойств товара, определяющих выбор покупателя, и товаров, потенциально являющихся взаимозаменяемыми для данного товара, выявление взаимозаменяемых товаров. На основании комплексного анализа всех материалов, по мнению Коллегии Суда, Комиссией сделан обоснованный вывод, что в силу свойств и характеристик услуга по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan не имеет заменителя, взаимозаменяемые услуги отсутствуют, а продуктовые границы товарного рынка обозначены в решении № 165 правильно как услуга по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan.

6.2.2. При определении временного интервала исследования товарного рынка Комиссия основывалась на положениях раздела II Методики оценки состояния конкуренции. Согласно пункту 6 Методики временной интервал определяется в зависимости от цели оценки состояния конкуренции, длительности периода предполагаемого нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках, особенностей товарного рынка и доступности необходимой информации (в том числе данных бухгалтерского учета); временной интервал исследования товарного рынка составляет не менее 1 года или соответствует сроку существования товарного рынка (если срок существования данного товарного рынка составляет менее 1 года).

Помимо определения минимальных границ временного интервала исследования товарного рынка Методика оценки состояния конкуренции не устанавливает императивных требований к такому интервалу.

Согласно пункту 2 Аналитического отчета, учитывая длительность периода нарушения общих правил конкуренции и доступность необходимой информации, временной интервал исследования товарного рынка был определен Комиссией как период 2016 год – I квартал 2018 года.

Коллегия Суда приходит к выводу, что определение Комиссией временного интервала исследования товарного рынка соответствовало разделу II Методики оценки состояния конкуренции.

При этом Коллегия Суда полагает, что временной интервал исследования товарного рынка может быть больше периода предполагаемого нарушения.

В решении № 165, учитывая факты, изложенные в обращении, а также положения договоров об оказании услуг по техническому обслуживанию аппарата FibroScan, в том числе услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan, периодом предполагаемого нарушения общих правил конкуренции установлен временной интервал 2017 год – I квартал 2018 года, то есть период в 1 год и три месяца. Данный период охватывается временным интервалом исследования товарного рынка.

6.2.3. В решении № 165 указывается, что географические границы товарного рынка услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan определены границами Республики Казахстан и Российской Федерации.

Порядок определения географических границ товарного рынка установлен разделом IV Методики оценки состояния конкуренции. Пунктом 23 Методики установлено, что в пределах географических границ товарного рынка покупатель приобретает товар либо имеет экономическую, техническую или иную возможность приобретения товара, либо считает целесообразным приобрести товар, но при этом не имеет такой возможности, либо считает нецелесообразным приобрести его вне географических границ товарного рынка.

В соответствии с пунктом 24 Методики оценки состояния конкуренции процедура определения географических границ товарного рынка включает в себя:

- предварительное определение географических границ товарного рынка;
- выявление условий обращения товара, ограничивающих экономические, технические возможности приобретения товара покупателем вне географических границ товарного рынка;
- определение территорий, входящих в географические границы товарного рынка.

Согласно пункту 25 Методики предварительное определение географических границ товарного рынка проводится на основе информации:

о территории, на которой выявлены признаки нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках;

о ценообразовании на товарном рынке или о различиях в уровнях цен на товар на территориях государств-членов;

о географической структуре поставок товаров.

Таким образом, Методика оценки состояния конкуренции предполагает, что территория, на которой выявлены признаки нарушения общих правил конкуренции, является отправной точкой для начала анализа, результатом которого будет определение географических границ товарного рынка. Коллегия Суда полагает, что территории, на которых выявлены признаки нарушения общих правил конкуренции, имеют определяющее значение в установлении географических границ товарного рынка.

В рассматриваемом случае Комиссия при предварительной оценке географических границ товарного рынка руководствовалась информацией, изложенной в обращении уполномоченного органа государства-члена. В действительности обращение указывало на предполагаемое нарушение, которое охватывало территории двух государств-членов.

В том, что касается иных факторов, анализ которых проводится с целью предварительного определения границ товарного рынка (ценообразования на указанном рынке, различий в уровнях цен на товар, географической структуры поставок товаров), Коллегия Суда отмечает, что при наличии антиконкурентных действий участников рынка – например, при разделе рынка по территориальному принципу – объективные рыночные показатели, такие как цена и географическая структура поставок, могут быть искажены в силу таких действий участников рынка. Действительно, соглашение между участниками рынка о его разделе может привести к установлению такими участниками в пределах согласованных территорий деятельности различных уровней цен, а также предотвращению движения товара между согласованными территориями.

Таким образом, Коллегия Суда приходит к выводу о том, что Комиссией правильно применены нормы Методики оценки состояния конкуренции при предварительном определении географических границ товарного рынка.

Пунктом 27 Методики установлено, что при выявлении условий обращения товара, ограничивающих экономические, технические возможности приобретения товара покупателем, учитываются:

требования к условиям транспортировки товара (обеспечивающие сохранение потребительских свойств товара);

организационно-транспортные схемы приобретения товара;

возможность перемещения товара к покупателю или покупателя к товару;

наличие, доступность и взаимозаменяемость транспортных средств для перемещения товара (покупателя товара);

расходы, связанные с поиском и приобретением товара, а также транспортные расходы;

особенности территории в предварительно определенных географических границах товарного рынка (в том числе природно-климатические и социально-экономические особенности, наличие зон регулируемого или частично регулируемого ценообразования);

региональные особенности спроса на товар (включая потребительские предпочтения);

условия, правила и обычаи делового оборота.

Указанные факторы были учтены Комиссией при определении географических границ товарного рынка.

Так, на основании материалов дела Коллегия Суда установила, что калибровка ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan является технической процедурой, осуществляемой в целях обеспечения рабочих характеристик датчиков в связи с наличием в них механических деталей, которые со временем могут смещаться.

Как следует из материалов дела, для доставки датчика к месту его калибровки имеются отдельные инструкции и рекомендации производителя, отражающие особенности его упаковки и транспортировки. При калибровке не требуется обязательного выезда специалиста к месту нахождения аппарата FibroScan. Датчик, как правило, отсоединяется и доставляется в место, где он калибруется. Таким образом, место обслуживания аппарата FibroScan может не совпадать с местом калибровки его датчика.

Комиссия обоснованно отметила в пункте 4.2 Аналитического отчета, что для получения услуги калибровки ультразвукового датчика к аппарату FibroScan датчик необходимо доставить потенциальному исполнителю услуги (ЗАО «Дельрус», ООО «Медицинская компания», ТОО «Дельрус РК»). Указанный датчик может быть доставлен любым видом транспорта (автомобильный, железнодорожный, воздушный) с привлечением любой транспортно-экспедиционной (курьерской) компании. Выбор транспорта зависит от предпочтения отправителя, стоимости доставки и обеспечения ее безопасности. При этом ТОО «Дельрус РК» для доставки датчика рекомендует обращаться к услугам компании, с которой у товарищества имеется договор.

Коллегия Суда обращает внимание на определение понятия «торговля услугами», закрепленное в Протоколе о торговле услугами.

Подпункт 22 пункта 6 Протокола о торговле услугами гласит:

торговля услугами – поставка услуг, включающая в себя производство, распределение, маркетинг, продажу и доставку услуг и осуществляемая следующими способами:

с территории одного государства-члена на территорию любого другого государства-члена (первый способ);

на территории одного государства-члена лицом этого государства-члена получателю услуг другого государства-члена (второй способ);

поставщиком услуг одного государства-члена путем учреждения на территории другого государства-члена (третий способ);

поставщиком услуг одного государства-члена путем присутствия физических лиц этого государства-члена на территории другого государства-члена (четвертый способ).

Исходя из изложенного нормативного понятия, оказание услуги по калибровке датчиков на территории Российской Федерации резидентом Российской Федерации получателю (потребителю) услуги из Республики Казахстан следует рассматривать как услугу, предоставляемую по второму способу: на территории одного государства-члена лицом этого государства-члена получателю услуг другого государства-члена.

Вместе с тем на основании подпункта 19 пункта 2 Протокола, пункта 23 Методики оценки состояния конкуренции при определении географических границ товарного рынка следует учитывать экономическую, техническую или иную возможность либо целесообразность для покупателя из Республики Казахстан приобрести услугу по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan на территории Российской Федерации.

Как указывалось выше, в случае антиконкурентных действий по разделу товарного рынка по территориальному принципу фактические поставки товара могут отсутствовать в силу таких действий участников рынка.

С учетом установленной Комиссией значительной разницы в цене услуги калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan у ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» для субъектов Республики Казахстан наиболее целесообразным может являться получение такой услуги у ЗАО «Дельрус», в том числе с учетом расходов по доставке датчика к месту его калибровки (обслуживания).

Как видно из обстоятельств дела, хозяйствующий субъект из Казахстана (ТОО «Scuderia») считал возможным и целесообразным получить услугу по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan на территории Российской Федерации, учитывая существенную разницу в цене услуги в двух государствах-членах, а также относительно небольшую удаленность Екатеринбурга от Казахстана.

Наличие возможности оказать услугу по калибровке датчика по второму способу поставки (на территории одного государства-члена лицом этого государства-члена получателю услуг другого государства-члена) не оспаривается сторонами. В этом смысле довод истцов о том, что Комиссия, принимая решение № 165, не учла, что ЗАО «Дельрус» зарегистрировано и осуществляет деятельность на территории Российской Федерации, подчиняясь ее законодательству, согласно которому деятельность по производству и техническому

обслуживанию медицинской техники подлежит лицензированию, не имеет значения. Учет этого обстоятельства не влияет на возможность поставки услуг в рамках определенных географических границ любым из возможных способов.

Относительно представленного ЗАО «Дельрус» Аналитического отчета по вопросам определения географических границ товарного рынка, который подготовила соответствующая автономная некоммерческая организация в рамках договорных отношений с истцом, Коллегия Суда приходит к выводу, что его содержание является необъективным и не соответствующим действительности. Так, например, в данном отчете не учитывается способ поставки услуги на территории одного государства-члена лицом этого государства-члена получателю услуг другого государства-члена; определение географических границ осуществлено в рамках различных продуктовых границ (калибровка ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan и техническое обслуживание аппаратов, пункт 3), ошибочно определена стоимость услуг (пункт 3.1.1), выборочно и неполно проанализированы договоры об оказании услуг (пункты 3.2.2, 3.2.8) и, как следствие, сделаны неверные выводы.

Таким образом, Коллегия Суда приходит к выводу, что при установлении географических границ товарного рынка услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan Комиссией соблюдены процедурные требования, правильно применены нормы Методики оценки состояния конкуренции. Вывод Комиссии о том, что географические границы рынка определены границами Республики Казахстан и Российской Федерации, является обоснованным.

6.2.4. Как установлено Коллегией Суда, вопрос о трансграничном характере рынка не может рассматриваться в отрыве от исследования фактических обстоятельств дела, без исследования его географических границ и иных определяющих такой рынок параметров в соответствии с Критериями отнесения рынка к трансграничному.

Пунктом 2 Критериев отнесения рынка к трансграничному для целей применения общих правил конкуренции, установленных в статье 76 Договора, установлено, что рынок относится к трансграничному, если географические границы товарного рынка охватывают территории двух и более государств-членов.

Пункт 4 Критериев гласит, что пресечение нарушений хозяйствующими субъектами запретов, установленных в пунктах 3–5 статьи 76 Договора, осуществляется Комиссией, если выполняется следующее условие:

по крайней мере, два хозяйствующих субъекта, чьи действия приводят или могут привести к нарушению запрета, зарегистрированы на территориях разных государств-членов.

Условия пунктов 2 и 4 Критериев отнесения рынка к трансграничному являются кумулятивными. Для установления трансграничного характера рынка они должны выполняться в совокупности.

В соответствии с решением № 165 географические границы товарного рынка услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan определены границами Республики Казахстан и Российской Федерации. Рынок является трансграничным, поскольку включает территории двух государств-членов.

Как следует из материалов дела, хозяйствующие субъекты, признанные Комиссией виновными в нарушении запрета, предусмотренного пунктом 3 статьи 76 Договора, зарегистрированы на территориях Республики Казахстан и Российской Федерации.

Следовательно, условия пунктов 2 и 4 Критериев отнесения рынка к трансграничному соблюдаются.

На основании требований пунктов 2 и 4 Критериев отнесения рынка к трансграничному, а также обстоятельств, изложенных в пункте 6.2.3 настоящего решения, Коллегия Суда приходит к выводу, что при установлении трансграничного характера исследуемого рынка Комиссией правильно применены нормы Критериев, обоснованно сделан вывод о том, что рынок услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan относится к трансграничному.

С данными выводами согласуется информация Государственного агентства антимонопольного регулирования при Правительстве Кыргызской Республики о том, что для фактической калибровки датчиков к аппаратам FibroScan «необходимо отправляться в ближайшие города (г. Астана (РК), г. Екатеринбург (РФ) или г. Москва (РФ)), где имеются калибровочные аппараты».

6.2.5. Состав хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), осуществляющих деятельность на товарном рынке, определен исходя из договоров аренды и субаренды внешних калибраторов ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan с участием компании BRAVO Pacific Limited, ЗАО «Дельрус», ООО «Медицинская компания» и ТОО «Дельрус РК».

6.2.6. Исследовав порядок рассмотрения Комиссией материалов, поступивших от Министерства национальной экономики Республики Казахстан, процедуру проведения расследования, возбуждения и рассмотрения дела № 22-2018/Д-01, принятия оспариваемого решения, Коллегия Суда установила, что Комиссией соблюдены процедурные требования, установленные в праве Союза.

6.3. Установление наличия нарушения общих правил конкуренции на товарном рынке

6.3.1. Коллегия Суда отмечает, что государства – члены ЕАЭС в статье 3 Договора одним из основных принципов осуществления деятельности Союза

определили соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции.

Одной из основных целей Союза в соответствии со статьей 4 Договора является стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза.

В рамках раздела XVIII Договора установлены общие принципы и правила конкуренции, обеспечивающие выявление и пресечение антиконкурентных действий на территориях государств-членов и действий, оказывающих негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территории двух и более государств-членов.

Применение общих принципов и правил конкуренции направлено на формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов во всех сферах деятельности и на всей территории единого экономического пространства.

В соответствии с определением, данным в подпункте 8 пункта 2 Протокола, конкуренция – это состязательность хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), при которой самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

Пункт 3 статьи 76 Договора запрещает соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, являющимися конкурентами, действующими на одном товарном рынке, которые приводят или могут привести к:

- 1) установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат), наценок;
- 2) повышению, снижению или поддержанию цен на торгах;
- 3) разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков);
- 4) сокращению или прекращению производства товаров;
- 5) отказу от заключения договоров с определенными продавцами либо покупателями (заказчиками).

Пунктом 3 статьи 76 Договора запрещены соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, являющимися конкурентами. Для квалификации деяния по пункту 3 статьи 76 Договора необходимо наличие как минимум двух конкурирующих субъектов.

Исходя из изложенного, Коллегия Суда полагает, что в обычных условиях функционирования товарного рынка конкуренты:

соперничают, а не сотрудничают друг с другом;

действуют самостоятельно, не согласовывая свое поведение и, соответственно, исключая или ограничивая одностороннее влияние на товарный рынок.

Последствия для товарного рынка реализации соглашения, запрещенного пунктом 3 статьи 76 Договора, обозначенные в подпунктах 1–5, могут быть как реальными (соглашения приводят к указанным последствиям), так и вероятными (соглашения могут к ним привести).

Одним из таких последствий подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора назван осуществленный либо возможный раздел товарного рынка по территориальному принципу, который означает распределение хозяйствующими субъектами своей деятельности по согласованным ими территориям.

Применительно к рассматриваемому спору характеристика стоимости услуги, оказываемой хозяйствующими субъектами, не является основополагающим элементом квалификации деяния как антиконкурентного соглашения о разделе товарного рынка по территориальному принципу. Для данного юридического состава ключевое значение имеет договоренность хозяйствующих субъектов о территориальном делении рынка.

6.3.2. Для квалификации поведения хозяйствующих субъектов как нарушающего запрет, предусмотренный пунктом 3 статьи 76 Договора, в силу природы антиконкурентных соглашений доказывание факта заключения запрещенного соглашения может производиться не только прямыми, но и косвенными доказательствами. Необходимый объем доказательств зависит от обстоятельств дела. При этом должна быть обеспечена достоверность доказательств, необходимых для формирования убеждения относительно наличия либо отсутствия соглашения, запрещенного пунктом 3 статьи 76 Договора.

Исходя из определения, изложенного в подпункте 17 пункта 2 Протокола, под соглашением для целей конкурентного права ЕАЭС понимается согласованность воли независимо от формы ее выражения.

Доводы истцов построены на демонстрации того, что отдельные фактические обстоятельства (содержание исследованных договоров, содержание переписки) сами по себе не свидетельствуют о совершении истцами нарушений общих правил конкуренции. Однако Коллегия Суда отмечает, что реализация полномочий органа, ответственного за пресечение нарушений общих правил конкуренции, которым в данном случае является Комиссия, предполагает установление и оценку всей совокупности фактов, характеризующих ситуацию на соответствующем товарном рынке. Применительно к исследованию вопроса о наличии соглашения, запрещенного подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора, вывод о заключении такого соглашения при отсутствии прямых доказательств может быть сделан на основе совокупности установленных фактов, косвенно свидетельствующих о наличии такого соглашения.

6.3.3. По мнению Коллегии Суда, факты, установленные Комиссией и проверенные Судом в рамках разбирательства, свидетельствуют о том, что между истцами имела место договоренность о разделе товарного рынка по территориальному принципу, при которой ЗАО «Дельрус» осуществляет калибровку ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan на территории Российской Федерации, а ТОО «Дельрус РК» – на территории Республики Казахстан.

Факт раздела товарного рынка истцами подтверждается:

- имевшейся между ними согласованностью поведения и общим намерением указанных хозяйствующих субъектов вести себя определенным образом, добровольно ограничив тем самым свободу своего поведения на рынке;
- осведомленностью ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» о деятельности друг друга, практикой перенаправления покупателей к поставщику услуги в соответствии с географическим принципом территории обслуживания, и иными синхронными и однонаправленными действиями хозяйствующих субъектов, которые исследованы в ходе судебного разбирательства и свидетельствуют о наличии договоренности;
- отказом выйти за рамки согласованного территориального сектора;
- договором субаренды от 10 января 2017 года № 1.

Из имеющейся в материалах дела электронной переписки между представителями ТОО «Scuderia», ТОО «Дельрус РК», компанией Echosens и ЗАО «Дельрус» в марте 2017 года усматривается наличие согласованности воли истцов в отношении предоставления ими услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan.

Так, в письмах представителя ТОО «Дельрус РК» Ахметова Р.С. директору ТОО «Scuderia» Есламгалиеву Т.М. высказана уверенность в том, что заявитель из Казахстана сможет приобрести услугу по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan только у ТОО «Дельрус РК»; у иных хозяйствующих субъектов, в том числе на территории Российской Федерации, такую услугу получить не удастся.

Такая же позиция у директора технического центра ЗАО «Дельрус» Мочалова В.Б., в ответе которого директору ТОО «Scuderia» прямо указано на необходимость обращаться в ТОО «Дельрус РК», приведены необходимые контактные данные начальника сервисного центра по региону Казахстан ТОО «Дельрус РК» (ФИО, занимаемая должность, адреса электронной почты, номера мобильного и рабочего телефонов). Более того, представителю ТОО «Дельрус РК» направлена копия ответа заявителю.

В письме директора технического центра ЗАО «Дельрус» Мочалова В.Б. от 27 марта 2017 года также указано, что данный хозяйствующий субъект обеспечивает сервис аппаратов FibroScan на территории Российской Федерации.

О территориальном разделе товарного рынка свидетельствует и практика оказания истцами услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппара-

ту FibroScan. Так, согласно письмам ТОО «Дельрус РК» в адрес Комиссии от 19 апреля 2018 года № 46, от 15 мая 2018 года № 58, от 29 мая 2018 года № 63, от 5 июля 2018 года № 69 в период с 2017 года по I квартал 2018 года товарищество оказывало услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппаратам FibroScan только резидентам Республики Казахстан. Из писем ЗАО «Дельрус» в адрес Комиссии от 7 июня 2018 года № 52, от 5 июля 2018 года № 58 следует, что обществом во всех случаях услуги оказывались резидентам Российской Федерации.

По мнению Коллегии Суда, такая ситуация на товарном рынке с учетом существенной разницы в стоимости одной и той же услуги, оказываемой ТОО «Дельрус РК» и ЗАО «Дельрус», свидетельствует о наличии и реализации ими антиконкурентного соглашения.

Утверждение ТОО «Дельрус РК» о том, что в результате анализа договоров ТОО «Дельрус РК» и ЗАО «Дельрус» об оказании услуг, в том числе услуг по калибровке ультразвукового датчика к аппарату FibroScan, сама Комиссия исключила факт наличия соглашения, которое привело или могло привести к разделу товарного рынка по территориальному принципу, является ошибочным.

Как следует из решения № 165, Комиссия лишь констатировала, что не выявила в указанных договорах положений, ограничивающих круг потребителей на оказание услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan по территориальному принципу.

Согласно письмам ЗАО «Дельрус» (пункт 7 письма в адрес Комиссии от 18 июня 2018 года № 55, пункт 1 письма в адрес Комиссии от 29 июня 2018 года № 57) юридическое лицо, в том числе медицинская организация, находящаяся на территории Республики Казахстан, может обратиться в технический центр ЗАО «Дельрус» за получением услуги калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan.

Схожей позиции придерживается ТОО «Дельрус РК» (пункт 8 письма в адрес Комиссии от 18 июня 2018 года № 64, пункт 2 письма в адрес Комиссии от 5 июля 2018 года № 69): ТОО «Дельрус РК» имеет возможность оказания услуги технического обслуживания (калибровки) ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan медицинским организациям, находящимся на территории Российской Федерации, в своем техническом центре в г. Нур-Султане.

Как указывалось выше, в обычных условиях функционирования товарного рынка конкуренты соперничают, а не сотрудничают друг с другом; действуют самостоятельно, не согласовывая свое поведение и, соответственно, исключая или ограничивая одностороннее влияние на товарный рынок. В рассматриваемом случае состязательность между конкурентами была устранена посредством наличия и реализации запрещенного соглашения.

Коллегия Суда считает обоснованным вывод Комиссии, что исполнение договора субаренды компанией-конкурентом (ТОО «Дельрус РК») напрямую зависит от количества оказанных им услуг по калибровке ультразвуковых датчиков.

Этот вывод подтверждается положениями договора субаренды от 10 января 2017 года № 1, заключенного между ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК».

Приведенные факты в совокупности с вышеперечисленными обстоятельствами, установленными Комиссией в ходе расследования, дополнительно подтверждают, что истцы целенаправленно и системно отказывались от конкуренции, действовали не самостоятельно и согласованно.

Соглашение о разделе рынка услуг по калибровке ультразвуковых датчиков между ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» привело к таким негативным последствиям как возможность установления для потребителей неконкурентных, в том числе необоснованно высоких цен, лишение потребителей возможности выбора поставщика услуг, иные препятствия развитию конкурентного рынка в данной сфере услуг.

6.3.4. Довод истцов о том, что директор технического центра ЗАО «Дельрус» Мочалов В.Б. не отказывал ТОО «Scuderia» в предоставлении услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan, не основан на фактических обстоятельствах.

Решением № 165 установлено, что ЗАО «Дельрус» отказало заявителю в предоставлении услуги по калибровке ультразвукового датчика к аппарату FibroScan при возможности оказать услугу за вознаграждение. Отказ мотивирован наличием в Республике Казахстан компании-конкурента (ТОО «Дельрус РК»), оказывающей аналогичную услугу.

Исследовав соответствующие материалы дела, Коллегия Суда отмечает следующее.

Согласно письму ЗАО «Дельрус» от 28 декабря 2018 года № 127 при поступлении на электронную почту предложения о сотрудничестве, в том числе запроса коммерческого предложения о цене калибровки датчиков к аппарату FibroScan, которые не оформлены на бланке и не подписаны руководителем или иным уполномоченным лицом, такие предложения не регистрируются и сразу поступают на рассмотрение менеджеру. Руководствуясь утвержденными ценами калибровки датчиков к аппарату FibroScan, менеджер предлагает потенциальному заказчику оказать услугу по калибровке датчика. Также с потенциальным заказчиком могут быть оговорены иные условия оказания услуги, например, стоимость транспортировки датчиков до места нахождения технического центра ЗАО «Дельрус» и обратно. Ограничений по сотрудничеству в области поставки аппарата FibroScan или калибровки его датчиков не предусмотрено.

Коллегия Суда полагает, что вывод Комиссии о том, что электронное письмо директора технического центра ЗАО «Дельрус» Мочалова В.Б. директору ТОО «Scuderia» Есламгалиеву Т.М. от 27 марта 2017 года представляет собой отказ (отрицательный ответ на просьбу оказать услугу), является обоснованным.

При этом следует отметить, что предложение ЗАО «Дельрус» обратиться к своему прямому конкуренту на рынке услуг по калибровке ультразвукового датчика к аппарату FibroScan явно противоречит основной цели осуществления предпринимательской деятельности – получению прибыли.

Как видно из обращения ТОО «Scuderia», поступившего в ЗАО «Дельрус», в нем содержится запрос на калибровку ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan. Более того, из запроса заявителя очевидна готовность направить датчики в место их калибровки. Однако представитель ЗАО «Дельрус» не предложил оказание услуги по калибровке датчиков.

При этом Коллегия Суда, в связи с установленным законодательством Российской Федерации требованием о лицензировании деятельности по техническому обслуживанию медицинской техники, не усматривает правовых препятствий для ЗАО «Дельрус» оказать услугу по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan резиденту другого государства – члена Союза.

Из информации Государственного агентства антимонопольного регулирования при Правительстве Кыргызской Республики видно, что резиденты Кыргызстана также намерены получать услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к имеющимся у них аппаратам FibroScan в г. Астана (Республика Казахстан), г. Екатеринбурге или г. Москве (Российская Федерация).

6.3.5. По доводам сторон, касающимся наложения штрафов, Коллегия Суда отмечает следующее.

Подпункт 2 пункта 16 Протокола предусматривает, что Комиссия в соответствии с Методикой расчета и порядком наложения штрафов налагает штрафы за заключение хозяйствующим субъектом (субъектом рынка) соглашения, недопустимого в соответствии с пунктами 3–5 статьи 76 Договора, а равно участие в нем:

на должностных лиц и индивидуальных предпринимателей в размере от 20 000 до 150 000 российских рублей;

на юридических лиц – в размере от одной сотой до пятнадцати сотых размера суммы выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено правонарушение, либо суммы расходов правонарушителя на приобретение товара (работы, услуги), на рынке которого совершено правонарушение, но не более одной пятидесятой совокупного размера суммы выручки правонарушителя от реализации всех товаров (работ, услуг) и не менее 100 000 российских рублей, а в случае если сумма выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке

которого совершено правонарушение, превышает 75 процентов совокупного размера суммы выручки правонарушителя от реализации всех товаров (работ, услуг), – в размере от трех тысячных до трех сотых размера суммы выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено правонарушение, либо размера суммы расходов правонарушителя на приобретение товара (работы, услуги), на рынке которого совершено правонарушение, но не более одной пятидесятой совокупного размера суммы выручки правонарушителя от реализации всех товаров (работ, услуг) и не менее 100 000 российских рублей.

Штрафы налагаются в соответствии с Методикой расчета и порядком наложения штрафов, согласно пункту 4 которой размер штрафа за нарушение определяется размером базового штрафа с учетом обстоятельств, смягчающих ответственность, и обстоятельств, отягчающих ответственность, согласно приложению № 1.

Длительное (в течение 1 года и более) нарушение правонарушителем правил конкуренции является отягчающим обстоятельством, учитываемым при расчете размера штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

Как было установлено в ходе рассмотрения настоящего дела, между истцами существовало и действовало запрещенное соглашение на протяжении 2017 года – I квартала 2018 года.

В этой связи Коллегия Суда считает, что Комиссия правомерно квалифицировала нарушение как длительное, расценила его как обстоятельство, отягчающее ответственность, а также учла данное обстоятельство при назначении штрафов.

Что касается довода ТОО «Дельрус РК» о том, что Комиссия в нарушение Методики расчета и порядка наложения штрафов не предоставила расчет штрафа, подлежащего оплате, что исключает возможность проверить корректность суммы штрафа, а также правильность применения коэффициентов отягчающих и смягчающих ответственность, то Коллегия Суда обращает внимание на то, что указанная Методика не устанавливает обязательство излагать в решении по делу расчет налагаемого Комиссией штрафа.

В соответствии с абзацем пятым пункта 45 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках в резолютивной части решения по делу указывается размер штрафа, предусмотренного пунктом 16 Протокола и рассчитанного в соответствии с Методикой расчета и порядком наложения штрафов, а не сам расчет.

Таким образом, Коллегия Суда приходит к выводу, что решение № 165 соответствует Договору и международным договорам в рамках Союза.

В отношении судебной проверки факта нарушения прав и законных интересов истцов в сфере предпринимательской и иной экономической деятель-

ности, Коллегия Суда поддерживает позицию, сформулированную в решении Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года по делу ООО «Севлад», согласно которой нарушение прав и законных интересов заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности может повлечь только действие (применение) решения Комиссии, не соответствующего праву Союза.

Учитывая, что Судом не установлено несоответствие оспариваемого решения Договору и международным договорам в рамках Союза, нарушение прав и законных интересов истцов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных Договором и международными договорами в рамках Союза, оснований для удовлетворения заявленных требований не имеется.

Пошлина, уплаченная истцами при обращении в Суд, в соответствии с пунктом 64 Статута возврата не подлежит.

Руководствуясь пунктом 108 Статута, статьями 77, 78, 80 и 82 Регламента, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

РЕШИЛА:

Отказать в удовлетворении требований закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК».

Признать решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Пошлина, уплаченная ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», возврату не подлежит.

Настоящее решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда в течение 15 календарных дней с даты его вынесения.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-1-2/8-19-КС)

город Минск

11 февраля 2020 года

1. 11 февраля 2020 года Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) вынесено решение по заявлениям ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» (далее – истцы) о признании не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор), международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз) и нарушающим права и законные интересы хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности решения Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) от 17 сентября 2019 года № 165 о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках (далее – Решение № 165).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

2. В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд, независимо от вопросов, поставленных в заявлении, осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Коллегия Суда пришла к выводу о наличии у Комиссии полномочий на принятие Решения № 165, обосновав его трансграничным характером товарного рынка, на котором установлено нарушение общих правил конкуренции. Судом сформулирована позиция, согласно которой отсутствие в Союзе единого рынка оказания услуг в секторе обслуживания медицинского оборудования не препятствует признанию недобросовестной конкуренции хозяйствующих

субъектов на трансграничном рынке Республики Казахстан и Российской Федерации по оказанию услуг калибровки ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan (далее – калибровка датчиков).

Полагаю, что данный вывод Коллегии Суда противоречит праву Союза.

2.1. Контекстное толкование пункта 1 статьи 1 и статьи 2 Договора в части определения понятия «общий (единый) рынок» свидетельствует, что ключевым элементом интеграционного объединения является общий рынок Союза, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, капитала, услуг и рабочей силы. Смысловое содержание указанных правовых норм позволяет прийти к выводу, что единый рынок существует только в том случае, когда правом Союза и законодательством государств-членов устранены барьеры, препятствующие свободному перемещению товаров и услуг.

В отличие от единого рынка товаров, находящихся в гражданском обороте, *функционирующего* в рамках таможенного союза на основании подпункта 1 пункта 1 статьи 25 Договора, на современном этапе развития Союза единый рынок услуг находится в стадии становления. Указанное подтверждается анализом пункта 3 статьи 66 Договора, устанавливающего, что при формировании единого экономического пространства государства-члены *стремятся к созданию и обеспечению функционирования* единого рынка услуг, предусмотренного пунктами 38 – 43 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору (далее – Протокол о торговле услугами), в максимальном количестве секторов услуг.

Контекстное толкование статьи 3 Договора, в соответствии с которой добросовестная конкуренция относится к числу основных принципов функционирования Союза, и статьи 4 Договора в части общего рынка как цели интеграционного объединения, свидетельствует, что обеспечение добросовестной конкуренции направлено на надлежащее функционирование единого рынка товаров и услуг.

Из положений пункта 1 статьи 74 Договора следует, что общие принципы и правила конкуренции подлежат применению в сформированных правом Союза экономических секторах, в том числе секторах услуг, которые для целей антимонопольного регулирования именуется трансграничным рынком. Телеологическое толкование пункта 1 статьи 74 Договора с учетом положений статьи 4 Договора, позволяет сделать вывод, что применение общих принципов и правил конкуренции на трансграничных рынках направлено на недопущение создания хозяйствующими субъектами барьеров и ограничений на рынке товаров и услуг, которые устранены с формированием единого рынка. Из изложенного следует, что императивным критерием применения общих правил конкуренции на трансграничном рынке услуг является наличие единого

рынка соответствующей услуги, обеспечивающего условия для ее свободного перемещения.

2.2. Пунктом 40 Протокола о торговле услугами предусмотрено, что единый рынок услуг в рамках Союза функционирует только в секторах услуг, которые утверждены Высшим советом. Соответствующий перечень секторов услуг утвержден решением Высшего совета 23 декабря 2014 года № 110 с изменениями от 29 мая 2019 года (далее – Единый перечень секторов услуг Союза).

Из взаимосвязанного прочтения пунктов 41 и 43 Протокола о торговле услугами следует, что создание единого рынка в секторах услуг, в которых не сформирован общий рынок Союза, для отдельных государств-членов допускается на условиях взаимности.

В соответствии с пунктом 38 Протокола о торговле услугами под единым рынком услуг понимается состояние рынка услуг в рамках конкретного сектора, в котором каждое государство-член предоставляет лицам любого другого государства-члена право на:

- 1) поставку и получение услуг на условиях национального режима, режима наибольшего благоприятствования и неприменения количественных и инвестиционных мер, без ограничений, изъятий и дополнительных требований;
- 2) поставку услуг без дополнительного учреждения в форме юридического лица;
- 3) поставку услуг на основании разрешения на поставку услуг, полученного поставщиком услуг на территории своего государства-члена;
- 4) признание профессиональной квалификации персонала поставщика услуг.

Буквальное толкование пункта 38 Протокола о торговле услугами позволяет сделать вывод, что наличие ограничений, изъятий и дополнительных требований, включая необходимость получения разрешения на поставку услуг в государстве-члене, свидетельствует, что единый рынок услуг Союза в соответствующем секторе не сформирован.

Применение государствами-членами ограничений и иных условий, препятствующих свободному движению услуг, допускается пунктом 7 статьи 65 Договора, частью 4 пункта 2 и пунктом 26 Протокола о торговле услугами.

В силу пункта 7 статьи 65 Договора и пункта 26 Протокола о торговле услугами государства-члены вправе принимать или применять меры, необходимые для соблюдения национального законодательства, выражающиеся в отдельных ограничениях и условиях, указанных в индивидуальных национальных перечнях ограничений (далее – национальные перечни). Частью 4 пункта 2 Протокола о торговле услугами предусмотрено, что национальные перечни утверждаются Высшим советом. Из смыслового содержания данных правовых норм следует, что наличие и действие национальных перечней озна-

чает отсутствие единого рынка услуг даже в тех секторах (подсекторах), которые поименованы в Едином перечне секторов услуг Союза.

Контекстное толкование пунктов 26, 40 – 43 Протокола о торговле услугами свидетельствует, что формирование единого рынка услуг Союза характеризуется принципом разноскоростной интеграции государств-членов. В результате данного процесса, с одной стороны, действие национальных перечней приводит к отсутствию единого рынка услуг всех государств-членов даже в тех секторах, которые поименованы в Едином перечне секторов услуг Союза, а с другой стороны, формируется единый рынок *отдельных* государств-членов на условиях взаимности в определенных ими секторах услуг.

Поскольку пункт 7 статьи 76 Договора связывает наличие у Комиссии компетенции по пресечению нарушений общих правил конкуренции с их негативным влиянием на трансграничные рынки, незавершенность процесса формирования единого рынка услуг налагает на Комиссию обязанность при определении соответствующих полномочий исследовать наличие общего рынка в конкретном секторе услуг как обязательной предпосылки трансграничности данного рынка. Только в случае положительного ответа на вопрос о существовании единого рынка в определенном секторе услуг Комиссия вправе отнести пресечение нарушений общих правил конкуренции к своей компетенции.

В решении Коллегия Суда со ссылкой на пункт 26 Протокола о торговле услугами указала, что любое государство-член вправе применять отдельные ограничения в отношении учреждения и деятельности лиц другого государства-члена, что свидетельствует об отсутствии единого рынка Союза или государств-членов на условиях взаимности в определенных ими секторах услуг. Одновременно Коллегия Суда пришла к выводу, что действие общих правил конкуренции не ограничено секторами услуг, в которых создан единый рынок Союза. В соответствии с пунктом 6 статьи 78 Регламента судебный акт должен быть логичным, не содержать внутренних противоречий и несовместимых положений. Вопреки данному требованию, указанные выводы Коллегии Суда, являются взаимоисключающими.

2.3. Пунктом 7 Протокола о торговле услугами установлено, что сектора услуг в целях его применения определяются и классифицируются на основе Международного классификатора основных продуктов, утвержденного Статистической комиссией Секретариата ООН (далее – Международный классификатор).

Пункт 23 Единого перечня секторов услуг, утвержденного решением Высшего совета 23 декабря 2014 года № 110, включает услуги класса 8715 Международного классификатора, относящиеся к ремонту и обслуживанию оборудования с оговоркой № 6, что данный пункт не применяется для Республики Казахстан. Анализ Международного классификатора свидетельствует, что

класс 8715 включает подкласс 87154 – услуги по ремонту и техническому обслуживанию медицинского оборудования, охватывающие калибровку датчиков к аппарату FibroScan.

Толкование пунктов 7, 40 и 43 Протокола о торговле услугами во взаимосвязи с пунктом 23 Единого перечня секторов услуг Союза и Международным классификатором свидетельствует о формировании рынка услуг по обслуживанию медицинского оборудования государствами-членами на условиях взаимности, за исключением территории Республики Казахстан, что исключает его признание единым рынком Союза.

Согласно пункту 2 индивидуального национального перечня ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Союза, утвержденного решением Высшего совета 23 декабря 2014 года № 112, для Российской Федерации деятельность, на осуществление которой требуется лицензия, может осуществляться только юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, зарегистрированными в Российской Федерации. В силу подпункта 17 пункта 1 статьи 12 Федерального закона Российской Федерации от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» лицензированию подлежит техническое обслуживание медицинской техники. Изложенное означает, что в связи с существованием национального исключения для Российской Федерации в виде лицензирования деятельности по обслуживанию медицинской техники единый рынок соответствующих услуг Союза, созданный государствами-членами на условиях взаимности, на Российскую Федерацию не распространяется.

Учитывая, что общий рынок Союза по оказанию услуг обслуживания медицинского оборудования не создан, а также не сформирован рынок услуг на условиях взаимности, включающий Республику Казахстан и Российскую Федерацию, применение общих правил конкуренции на трансграничном рынке, охватывающем данные государства-члены, и контроль за их соблюдением не отнесен к компетенции Комиссии. Данное обстоятельство, тем не менее, не препятствует существованию единого (общего) рынка по обслуживанию медицинского оборудования, включая калибровку датчиков, для других государств-членов по смыслу пункта 43 Протокола о торговле услугами.

Применение указанной позиции к обстоятельствам дела по заявлениям ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» позволяет прийти к выводу, что Комиссии прежде чем приступить к устранению нарушений общих правил конкуренции на трансграничном рынке услуг по калибровке датчиков, надлежало проверить существование единого рынка Союза по обслуживанию медицинского оборудования. Анализ материалов дела свидетельствует, что Комиссией данный вопрос не исследовался.

2.4. Оценивая соответствие праву Союза решения Суда в части наличия у Комиссии полномочий на принятие Решения № 165, полагаю, что Коллегия

Суда при рассмотрении настоящего дела неправильно определила условия, при которых рынок относится к трансграничному.

Из положений пункта 7 статьи 76 Договора, пункта 9 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, являющегося приложением № 19 к Договору (далее – Протокол об общих принципах и правилах конкуренции), следует, что влияние нарушений на конкуренцию на трансграничных рынках, как обязательное условие компетенции Комиссии по их пресечению, возможно лишь в случае, если указанные рынки к моменту реализации полномочий Комиссии сформированы в качестве трансграничных.

Во исполнение пункта 2 статьи 74 Договора в целях определения компетенции Комиссии критерии отнесения рынка к трансграничному (далее – Критерии) утверждены решением Высшего совета 19 декабря 2012 года № 29 (с изменениями и дополнениями от 26 декабря 2016 года).

Уяснение положений пункта 2 Критериев с учетом установленной в пунктах 2.1 и 2.2 настоящего особого мнения позиции об обязательной взаимосвязи единого и трансграничного рынков услуг свидетельствует, что трансграничный рынок услуг представляет собой товарный рынок, географические границы которого охватывают территории двух и более государств-членов, создавших единый рынок в соответствующем секторе услуг.

В консультативном заключении от 17 декабря 2018 года по заявлению Комиссии Суд пришел к выводу, что применительно к нарушениям общих правил конкуренции, предусмотренным пунктами 1 – 5 статьи 76 Договора, установлены дополнительные по отношению к пункту 2 Критериев условия, которые определяют наличие полномочий Комиссии по пресечению указанных нарушений (пункт 3 раздела «Выводы Большой коллегии Суда»).

В силу пункта 4 Критериев пресечение нарушения хозяйствующими субъектами запрета, установленного пунктом 3 статьи 76 Договора, на рынке услуг осуществляется Комиссией, если, по крайней мере, два хозяйствующих субъекта, чьи действия приводят или могут привести к нарушению запрета, зарегистрированы на территориях разных государств-членов, создавших единый рынок в соответствующем секторе.

Систематическое толкование пункта 7 статьи 76 Договора, пункта 9 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, пунктов 2 и 4 Критериев свидетельствует, что в целях установления компетенции Комиссии по пресечению нарушения пункта 3 статьи 76 Договора на рынке услуг в первую очередь подлежит выполнению условие о трансграничности товарного рынка в рамках единого рынка услуг. Лишь при соответствии рынка критериям трансграничности выясняется факт регистрации хозяйствующих субъектов, чьи действия приводят или могут привести к нарушению запрета, установленного пунктом 3 статьи 76 Договора, на территориях разных государств – членов Союза, создавших единый рынок услуг.

Коллегия Суда, установив, что условия пунктов 2 и 4 Критериев являются кумулятивными, ограничилась ссылкой на включение в состав товарного рынка территорий Республики Казахстан и Российской Федерации и не исследовала выполнение пункта 2 Критериев с учетом признаков трансграничности товарного рынка.

Определение понятия трансграничности товарного рынка не исчерпывается пунктом 2 Критериев и получило развитие в Методике оценки состояния конкуренции, утвержденной решением Совета Комиссии от 30 января 2013 года № 7 (далее – Методика). При уяснении положений Методики следует учитывать, что согласно подпункту 18 пункта 2 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции товар представляет собой объект гражданских прав, включая услугу, и предназначается для продажи, обмена или иного введения в оборот.

В истолковании, обуславливающем взаимосвязь единого и трансграничного рынков услуг, следует, что при определении географических границ товарного рынка в целях установления его соответствия Критериям выявляются следующие признаки трансграничности товарного рынка: 1) поставка услуги с территории одного государства-члена на территорию другого государства-члена при условии, что существует единый рынок услуг Союза или государств-членов на условиях взаимности, хозяйствующие субъекты которых участвуют в поставке услуги; 2) поставка услуги с территорий третьих стран на территории двух или более государств-членов, образующих единый рынок услуг Союза или государств-членов на условиях взаимности. Буквальное толкование пункта 26 Методики свидетельствует, что условием трансграничности товарного рынка является *факт* поставки услуг, а не его возможность. Подобное правовое регулирование развивает положения пункта 7 статьи 76 Договора и пункта 9 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, требующих, чтобы к моменту выявления предполагаемого нарушения товарный рынок уже *сформировался* в качестве общего рынка, то есть трансграничного.

Изложенное не позволяет согласиться с выводом Коллегии Суда о том, что неприменение пункта 26 Методики обусловлено отсутствием фактических поставок услуги по калибровке датчиков в связи с антиконкурентными действиями участников рынка по его разделу, а вывод о трансграничности товарного рынка может быть сделан исходя из *намерений* хозяйствующего субъекта из одного государства-члена получить услугу в другом. Интерпретация пункта 26 Методики, допускающая отсутствие поставок с территории одного государства-члена на территорию другого при территориальном разделе рынка, не только не согласуется с правом Союза, но и представляет собой создание новой правовой нормы, что прямо запрещено пунктом 102 Статута.

Толкование пункта 26 Методики в системной связи с пунктом 2 Критериев свидетельствует, что соблюдение одного из условий, поименованных в

пункте 26 Методики, необходимо для определения трансграничности товарного рынка как обязательной предпосылки для установления компетенции Комиссии по пресечению нарушений общих правил конкуренции. В случае невыполнения любого из указанных условий Комиссия не вправе переходить к проверке дополнительного критерия компетенции в сфере конкуренции на трансграничных рынках, которым для нарушения пункта 3 статьи 76 Договора является регистрация на территории разных государств-членов хозяйствующих субъектов, чьи действия приводят или могут привести к нарушению запрета.

С учетом изложенного полагаю, что Коллегия Суда, вопреки требованиям права Союза, уклонилась от проверки выполнения основного условия трансграничности товарного рынка, выражающегося в определении его географических границ на основании пункта 26 Методики. Неприменение императивной нормы права Союза привело к ошибочной квалификации в качестве трансграничного рынка калибровки датчиков на том основании, что хозяйствующие субъекты, признанные виновными в нарушении запрета, предусмотренного пунктом 3 статьи 76 Договора, зарегистрированы на территории разных государств-членов. Оценка проанализированных обстоятельств означает, что при вынесении оспариваемого решения Комиссия не выполнила императивные требования пункта 7 статьи 76 Договора, пункта 9 Протокола и пункта 2 Критериев в части определения трансграничности товарного рынка услуги в рамках единого рынка в соответствующем секторе услуг как обязательного условия компетенции наднационального органа по пресечению нарушений общих правил конкуренции, а Коллегия Суда, признав оспариваемое решение соответствующим праву Союза, не устранила данное нарушение.

Из материалов дела следует, что в период расследования отсутствовали как поставки услуги по калибровке датчиков с территории Российской Федерации на территорию Республики Казахстан и в обратном направлении, так и поставки с территории третьих стран на территории двух и более государств-членов, создавших единый рынок услуг в секторе обслуживания медицинского оборудования. Изложенное свидетельствует о невыполнении основного условия трансграничности товарного рынка и, как следствие, об отсутствии у Комиссии компетенции по пресечению нарушения ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» пункта 3 статьи 76 Договора.

2.5. Не могу согласиться с выводом Коллегии Суда о том, что при установлении географических границ товарного рынка подлежит учету понятие «торговля услугами», сформулированное в подпункте 22 пункта 6 Протокола о торговле услугами. Прежде всего, необходимо учитывать, что понятия, сформулированные в иных разделах Договора, применяются при регулировании общих правил конкуренции на трансграничных рынках лишь в том случае, если специальные правовые нормы отсутствуют в разделе XVIII Договора

«Общие принципы и правила конкуренции», соответствующем Протоколе и в иных актах права Союза, посвященных регулированию конкуренции. Данный вывод согласуется с позицией Суда, изложенной в решении Коллегии Суда от 18 июня 2019 года по заявлению ООО «Шинтрейд» (пункт 5.5 раздела «Выводы Суда»). Поскольку правила установления географических границ товарного рынка исчерпывающе определены Протоколом об общих принципах и правилах конкуренции и Методикой, обращение к понятийному аппарату других разделов Договора (нормы, определяющие понятие «торговля услугами» для целей Протокола о торговле услугами) противоречит предписаниям части 1 пункта 2 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, ограничивающей область применения соответствующих понятий сферой действия конкурентного права Союза.

Кроме того, для целей Протокола о торговле услугами и по смыслу подпункта 22 пункта 6 данного Протокола поставка услуг возможна лишь в случае, если в соответствующем секторе услуг сформирован единый рынок Союза или государств-членов на условиях взаимности. Установленный в пункте 2.3 настоящего особого мнения факт отсутствия единого рынка услуг Союза или единого рынка с участием Республики Казахстан и Российской Федерации по обслуживанию медицинского оборудования свидетельствует о недопустимости использования понятия «поставка услуг», сформулированного в подпункте 22 пункта 6 Протокола о торговле услугами, для целей определения географических границ трансграничного товарного рынка указанных государств-членов.

3. С учетом изложенного полагаю, что Коллегии Суда следовало признать Решение № 165 не соответствующим пункту 7 статьи 76 Договора, пункту 9 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции и нарушающим права и законные интересы истцов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Туманяна А.Э.
(дело № СЕ-1-2/8-19-КС)

13 февраля 2020 года

город Минск

Коллегией Суда Евразийского экономического союза 11 февраля 2020 года вынесено решение по делу по заявлению закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – решение № 165).

Не соглашаясь с решением Коллегии Суда и в соответствии со статьей 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, заявляю особое мнение по следующим основаниям.

1. Общие принципы и правила конкуренции установлены в разделе XVIII Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), положения которого согласно пункту 2 статьи 74 Договора распространяются на отношения, связанные с реализацией конкурентной (антимонопольной) политики на территории государств-членов, и на отношения с участием хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств-членов, которые оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территории двух и более государств-членов.

Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия), являясь постоянно действующим органом Союза, согласно пункту 2 статьи 8 Договора действует в пределах полномочий, которые предоставлены ей Договором и международными договорами в рамках Союза.

На основании подпункта 9) пункта 3 Положения о Евразийской экономической комиссии Комиссия осуществляет свою деятельность в пределах полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза, в том числе в сфере конкурентной политики.

В соответствии с пунктом 7 статьи 76 Договора Комиссией в порядке предусмотренном Протоколом об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору) (далее – Протокол № 19), осуществляется пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов общих правил конкуренции, установленных Договором, в случае если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влия-

ние на конкуренцию на трансграничных рынках на территории двух или более государств-членов, за исключением финансовых рынков.

Таким образом, как правильно отмечает Коллегия Суда в решении от 11 февраля 2020 года, компетенция Комиссии по пресечению нарушений общих правил конкуренции возникает при наличии двух обязательных условий:

запрет установлен Договором;

нарушение запрета оказывает или может оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках.

Критерии отнесения рынка к трансграничному в целях определения компетенции Комиссии согласно пункту 2 статьи 74 Договора установлены решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 (в редакции решения Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 года № 26) «Об утверждении критериев отнесения рынка к трансграничному».

Согласно пункту 2 Критериев в целях применения общих правил конкуренции, установленных в статье 76 Договора, рынок относится к трансграничному, если его географические границы охватывают территории двух и более государств-членов.

Большая Коллегия Суда в консультативном заключении от 17 декабря 2018 года пришла к выводу о том, что пунктом 2 Критериев предусмотрено общее правило трансграничности рынка – для целей определения компетенции Евразийской экономической комиссии по пресечению нарушений общих правил конкуренции хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов Евразийского экономического союза, которое применяется ко всем нарушениям, предусмотренным пунктами 1–6 статьи 76 Договора.

Пресечение нарушений хозяйствующими субъектами запретов, установленных в пунктах 3–5 статьи 76 Договора, входит в компетенцию Комиссии при наличии дополнительного условия, установленного пунктом 4 Критериев, – по крайней мере, два хозяйствующих субъекта, чьи действия приводят или могут привести к нарушению запрета, зарегистрированы на территории разных государств-членов.

На основании изложенного можно сделать вывод, что географические границы трансграничного рынка устанавливаются исходя из основного правила о трансграничности товарного рынка – географического критерия, а также специальных правил, применяемых дополнительно к общему географическому критерию в зависимости от вида нарушения в сфере конкуренции для целей его пресечения.

Оспариваемое истцами решение № 165 принято в соответствии с подпунктом 3 пункта 10 Протокола № 19, который наделяет Комиссию правом принимать обязательные для исполнения хозяйствующими субъектами

(субъектами рынка) государств-членов решения, в том числе о применении штрафных санкций, а также пунктами 44 и 45 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 99.

В решении № 165 Комиссия утверждает, что географические границы товарного рынка услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan определены границами Республики Казахстан и Российской Федерации, и рынок является трансграничным, поскольку включает территории двух государств-членов.

Подобное утверждение Комиссии основано лишь на факте регистрации предоставляющих данную услугу закрытого акционерного общества «Дельрус» (далее – ЗАО «Дельрус») на территории Российской Федерации, а товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (далее – ТОО «Дельрус РК») – на территории Республики Казахстан, что формально соответствует положению пункта 4 Критериев.

Однако, согласно норме–определению подпункта 19) пункта 2 Протокола № 19 товарный рынок – это сфера обращения товара, который не может быть заменен другим товаром, или взаимозаменяемых товаров, в границах которой (в том числе географической), исходя из экономической, технической или иной возможности либо целесообразности, приобретатель может приобрести товар, и такая возможность либо целесообразность отсутствует за ее пределами.

Из данного определения следует, что для квалификации сферы обращения услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan в качестве трансграничного рынка недостаточно лишь фактов оказания услуги на территории Республики Казахстан и отдельно в Российской Федерации, а также регистрации хозяйствующих субъектов на территории разных государств-членов. Необходима совокупность относимых и допустимых доказательств, обосновывающих как факт обращения товара (услуги), (т.е. его (ее) движения от производителей (продавцов) к потребителям посредством купли–продажи) на территории двух и более государств-членов на сопоставимых условиях, так и наличия экономической, технической или иной возможности либо целесообразности, исходя из которой приобретатель из Республики Казахстан может приобрести услугу на территории Российской Федерации, а приобретатель из Российской Федерации – приобрести ее на территории Республики Казахстан.

Этот довод подтверждается нормой подпункта а) пункта 26 Методики оценки состояния конкуренции, утвержденной Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30 января 2013 года № 7 (далее – Методика), согласно которой при определении географических границ товарного рынка

в целях установления его соответствия Критериям выявляется такой признак трансграничности товарного рынка как поставка товара с территории одного государства-члена на территорию другого государства-члена.

В материалах дела отсутствуют доказательства, обосновывающие факт оказания услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan хозяйствующими субъектами Республики Казахстан по заказам хозяйствующих субъектов Российской Федерации или хозяйствующими субъектами Российской Федерации по заказам хозяйствующих субъектов Республики Казахстан в пределах временного интервала исследования рынка (2016 год–1 квартал 2017 года).

Более того, в материалах дела, а следовательно, и в решении № 165 отсутствует обоснованный ответ на вопрос о наличии у хозяйствующих субъектов Республики Казахстан и Российской Федерации экономической, технической или иной возможности либо целесообразности приобрести услугу по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan за пределами своего государства-члена.

В пункте 4.1.2 Аналитического отчета Комиссии «О результатах оценки состояния конкуренции на трансграничном рынке аппарата FibroScan (различных его модификаций), в том числе его обслуживания и его поставки» лишь отмечено: «Учитывая, что услуга по калибровке ультразвуковых датчиков аппарата для неинвазивного определения фиброза печени FibroScan проводится на территории Республики Казахстан и Российской Федерации, то предварительно географическими границами товарного рынка услуг следует определить как территории Республики Казахстан и Российской Федерации».

На основании этого сделан вывод: «Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что исследуемый рынок может относиться к трансграничному...».

В самом же решении № 165 отмечено: «Географические границы товарного рынка услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan определены границами Республики Казахстан и Российской Федерации. Рынок является трансграничным, поскольку включает территории двух государств-членов».

Считаю, что на основе данной информации практически невозможно сделать объективный вывод о трансграничности товарного рынка.

Однако Коллегия Суда пришла к выводу о том, что при установлении географических границ товарного рынка услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan Комиссией соблюдены процедурные требования, правильно применены нормы Методики оценки состояния конкуренции. Вывод Комиссии о том, что географические границы рынка определены границами Республики Казахстан и Российской Федерации, является обоснованным.

Между тем, в материалах дела отсутствуют данные о выполнении Комиссией требований подпункта б) пункта 24 Методики, согласно которому процедура определения географических границ товарного рынка включает в себя, в том числе, выявление условий обращения товара, ограничивающих экономические, технические возможности приобретения товара покупателем вне географических границ товарного рынка, пункта 27 Методики и, в частности, подпунктов е), ж), з) в соответствии с которыми при выявлении условий обращения товара, ограничивающих экономические, технические возможности приобретения товара покупателем, учитываются особенности территории в предварительно определенных географических границах товарного рынка (в том числе природно-климатические и социально-экономические особенности, наличие зон регулируемого или частично регулируемого ценообразования), региональные особенности спроса на товар (включая потребительское предпочтение), условия, правила и обычаи делового оборота. Не применены методы определения географических границ товарного рынка, установленные пунктом 28 Методики.

Коллегия Суда упустила из виду и не подвергла анализу императивное требование пункта 26 Методики, согласно которому при определении географических границ товарного рынка в целях установления его соответствия Критериям выявляются следующие признаки трансграничности товарного рынка:

- а) поставка товара с территории одного государства-члена на территорию другого государства-члена;
- б) поставка товара с территории третьих стран на территории двух или более государств-членов.

Из материалов дела следует, что начиная с 2016 года сервисное обслуживание аппарата FibroScan, и в том числе калибровка датчиков, производилась на территории Республики Казахстан ТОО «Дельрус РК», которое в 2016 году на основании договора безвозмездного пользования № 069А от 18 января 2016 года получило внешний калибратор ультразвукового датчика к аппарату FibroScan от ЗАО «Дельрус». 10 января 2017 года между теми же хозяйствующими субъектами был заключен договор субаренды той же калибровочной скамьи.

За весь период с 2016 года по первый квартал 2018 года медицинские организации Российской Федерации осуществляли сервисное обслуживание аппарата для неинвазивного определения фиброза печени FibroScan, и в том числе калибровке датчиков, посредством организаций, зарегистрированных на территории этого государства-члена, а именно ЗАО «Дельрус» и ООО «Медицинская компания».

В отсутствие предусмотренных Методикой исследований и анализа, которые обязана была осуществить Комиссия при определении географических

границ товарного рынка, данный факт, с моей точки зрения, свидетельствует о том, что в рассматриваемый период существовало два автономных рынка услуги по калибровке датчиков для аппарата FibroScan – товарный рынок Республики Казахстан и товарный рынок Российской Федерации.

Что касается единичного обращения общества с ограниченной ответственностью «Scuderia», случайного занимающегося посредничеством хозяйствующего субъекта, к ЗАО «Дельрус» с предложением оказать услугу по калибровке датчиков к аппарату FibroScan, то этот факт, без рассмотрения вопроса о наличии (отсутствии) экономической, технической или иной возможности либо целесообразности приобретения данной услуги медицинскими организациями Республики Казахстан, не является достаточным доказательством существования трансграничного рынка в понимании товарного рынка согласно норме подпункта 19) пункта 2 Протокола № 19 и не представляет собой поставку товара с территории одного государства-члена на территорию другого государства-члена, что является обязательным признаком трансграничности рынка в соответствии с подпунктом а) пункта 26 Методики.

Таким образом, считаю, что Комиссия неверно определила географические границы товарного рынка услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan и ошибочно сделала вывод о его трансграничности.

В связи с этим Комиссия не обладала полномочиями по рассмотрению заявления Министерства экономики Республики Казахстан и принятию решения от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках».

2. Пункт 45 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 99, в соответствии с которым принято оспариваемое истцами решение № 165, определяет требования к структуре и содержанию решения Коллегии Комиссии по делу о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

Данная норма предусматривает, что в резолютивной части решения по делу содержатся выводы о наличии или об отсутствии оснований для прекращения рассмотрения дела, выводы о наличии или об отсутствии нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках в действиях (бездействии) ответчика по делу, размер штрафа, предусмотренного пунктом 16 Протокола и рассчитанного в соответствии с Методикой расчета и порядком наложения штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденными Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 17 декабря 2012 года № 118, меры по пресечению и (или) устранению последствий нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках, обеспечению конкуренции с указанием сроков их реализации.

Комиссией было возбуждено и рассмотрено дело о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, предусмотренных пунктами 1, 3 – 5 статьи 76 Договора, и принято решение № 165, которым действия (бездействие) ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» и должностных лиц Новикова А.И. и Бурдина В.В. признаны нарушением подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора, а также назначены штрафы вышеназванным хозяйствующим субъектам и их должностным лицам.

Решение № 165 содержит не все положения, предусмотренные пунктом 45 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, и в его резолютивной части отсутствуют:

выводы о наличии либо об отсутствии нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках, предусмотренных пунктами 1, 4, 5 и подпунктами 1, 2, 4, 5 пункта 3 статьи 76 Договора, в действиях (бездействии) ответчиков по делу;

меры по пресечению и (или) устранению последствий нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках, обеспечению конкуренции с указанием сроков их реализации.

В части нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках, предусмотренных пунктами 1, 4, 5 и подпунктами 1, 2, 4, 5 пункта 3 статьи 76 Договора, рассмотрение дела в отношении ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» не было прекращено в связи с отсутствием в действиях (бездействии) ответчика (ответчиков) нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках в соответствии с подпунктом 1) пункта 46 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

Без принятия Комиссией решения в отношении названных составов правонарушений рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, предусмотренных пунктами 1, 4, 5 и подпунктами 1, 2, 4, 5 пункта 3 статьи 76 Договора, не может считаться окончанным, и ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» находятся в неведении и ожидании последующих санкций.

Во-вторых, поскольку Комиссия в решении № 165 не указывает, какие действия следует предпринять ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» для устранения правонарушения, предусмотренного подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора, и его негативных для конкуренции последствий, существует риск того, что любое поведение хозяйствующих субъектов в дальнейшем может быть интерпретировано Комиссией как продолжающееся противоправное поведение.

Следует отметить, что Коллегия Суда в своих рассуждениях даже не коснулась указанных недостатков, которые, как думается, не подлежат устранению в процессе рассмотрения дела в Суде.

С учетом изложенного считаю, что решение № 165 по своему содержанию не соответствует праву Союза и принципу правовой определенности, кото-

рый требует ясности и постоянства в правовом положении субъектов и содержании адресованных им правовых предписаний.

3. С учетом изложенного прихожу к выводу, что Коллегии Суда следовало признать решение № 165 не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и нарушающим права и законные интересы истцов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

А.Э. Туманян

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

5 марта 2020 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Колоса Д.Г., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Долженко Л.Ч., рассмотрев в открытом судебном заседании жалобы закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 февраля 2020 года по делу СЕ-1-2/8-19-КС об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках»,

УСТАНОВИЛА:

Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) рассмотрено дело СЕ-1-2/8-19-КС по заявлениям закрытого акционерного общества «Дельрус» (далее – ЗАО «Дельрус») и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (далее – ТОО «Дельрус РК») об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – решение Комиссии № 165).

Решением Коллегии Суда от 11 февраля 2020 года в удовлетворении требований ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» отказано. Решение Комиссии № 165 признано соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о ЕАЭС) и международным договорам в рамках Союза.

Не согласившись с принятым решением, ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» 25 февраля 2020 года обратились в Апелляционную палату Суда с жалобами, в которых просят отменить решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 года по делу СЕ-1-2/8-19-КС и принять новое решение о признании решения Комиссии № 165 не соответствующим Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза.

Апелляционная палата Суда приходит к выводу, что жалобы и приложения к ним документы соответствуют требованиям статей 62 и 63 Регламента Суда.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 79–81 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 61–63, пунктом 1 статьи 64, статьями 65 и 84 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Апелляционная палата Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству жалобы закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 февраля 2020 года по делу СЕ-1-2/8-19-КС.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 10 часов 00 минут 8 апреля 2020 года в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Д.Г. Колос

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Т.Н. Нешатаева

РЕШЕНИЕ

6 ноября 2020 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Колоса Д.Г., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Долженко Л.Ч., с участием представителей закрытого акционерного общества «Дельрус», товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» Банных Е.С., Вознесенского Н.Н., Власовой О.Б., Лихачевой Н.М., Муравина А.А., представителей Евразийской экономической комиссии Калиева А.А., Кривцуна Е.П., рассмотрев в открытом судебном заседании апелляционные жалобы закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 февраля 2020 г. (дело № СЕ-1-2/8-19-КС) об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 г. № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках»,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 г. № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – решение № 165) в действиях закрытого акционерного общества «Дельрус» (далее – ЗАО «Дельрус», заявитель) и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (далее – ТОО «Дельрус РК», заявитель) установлено нарушение подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор), на ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» и их должностных лиц наложены штрафы.

Не согласившись с решением № 165, ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» обратились в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлениями об оспаривании решения № 165.

Решением Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. в удовлетворении требований ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» отказано, решение № 165 признано соответствующим Договору и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

25 февраля 2020 г. ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» обратились в Апелляционную палату Суда с жалобами, в которых просят отменить решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. по делу № СЕ-1-2/8-19-КС и признать решение № 165 не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Постановлением Апелляционной палаты Суда от 5 марта 2020 г. жалобы ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» на решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. приняты к производству.

3 сентября 2020 г. ЗАО «Дельрус» направило дополнительные пояснения к жалобе на решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г.

В возражениях на жалобы, поступивших в Суд 15 октября 2020 г., Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия) просит Суд оставить жалобы без удовлетворения, решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. – без изменения.

2. Доводы жалоб ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК»

2.1. По мнению заявителей, Коллегия Суда ошибочно квалифицировала рынок как трансграничный, признав наличие у Комиссии компетенции на возбуждение и рассмотрение дел о нарушении общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, поскольку рынок технического обслуживания медицинского оборудования (услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan») не является единым (общим) рынком Союза.

Дополнительно в жалобах указывается, что в пункте 38 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору, содержится определение единого рынка услуг, который применительно к рынку услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan» не может быть признан единым ввиду наличия на нем ограничений, изъятий и дополнительных требований (наличие в Российской Федерации требования об обязательном лицензировании деятельности по техническому обслуживанию медицинской техники, в Республике Казахстан – требований к сервисным организациям, осуществляющим техническое обслуживание медицинского оборудования).

Кроме того, законодательство о государственных закупках Республики Казахстан предусматривает, что при приобретении медицинскими учреждениями услуг технического обслуживания медицинского оборудования для участия в процедурах государственных закупок потенциальный поставщик должен получить электронную цифровую подпись, что обусловлено необходимостью выполнения для него целого ряда требований и для нерезидентов Республики Казахстан влечет существенные дополнительные транзакционные и временные издержки.

2.2. В жалобах отмечается, что Коллегией Суда не исследованы недостатки решения № 165 в части выделения Комиссией рынка услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan» в качестве отдельного рынка, в то время как предполагаемое нарушение не соотносится с продуктовыми границами товарного рынка, поскольку отказ ЗАО «Дельрус» оказать услугу товариществу с ограниченной ответственностью «Scuderia» (далее – ТОО «Scuderia») касался не отдельной услуги по калибровке ультразвукового датчика по месту нахождения ЗАО «Дельрус», а осуществления выездного технического обслуживания всего аппарата, соответственно, предполагаемое нарушение подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора, в случае его наличия, могло иметь отношение к другому рынку – услуг по техническому обслуживанию аппарата «FibroScan».

2.3. Заявители указывают, что Коллегия Суда уклонилась от проверки выполнения Комиссией основного условия для установления трансграничности рынка, выражающегося в определении его географических границ на основании пункта 26 Методики оценки состояния конкуренции, утвержденной Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30 января 2013 г. № 7 (далее – Методика); Коллегией Суда не дана правовая оценка неприменению Комиссией пунктов 28, 29 Методики, а также обстоятельствам, создающим одностороннюю проницаемость российского рынка, чем нарушены нормы пункта 2 статьи 74 Договора, подпункта 19 пункта 2 и пункта 9 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, являющегося приложением № 19 к Договору (далее – Протокол), пунктов 4, 26, 27 Методики, пунктов 2, 4 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 г. № 29 (далее – Критерии); Коллегией Суда не проведен анализ для установления географических границ товарного рынка.

По мнению заявителей, Коллегия Суда в решении от 11 февраля 2020 г. создала новые правовые нормы, заключающиеся в установлении исключений из Методики при определении границ рынка, а именно, в неприменении пунктов 24, 26, 28 Методики при рассмотрении дел о нарушении, предусмотренном подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора, что противоречит праву Евразийского экономического союза (далее – Союз).

2.4. Заявители полагают, что Коллегией Суда допущено процессуальное нарушение в связи с отсутствием надлежащей оценки составительского документа – аналитического отчета автономной некоммерческой организации «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации» (далее – Отчет), тогда как необходимость такой оценки установлена пунктом 3 статьи 35 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент).

2.5. В жалобах указывается, что положенные в основу решения Коллегии Суда признаки антиконкурентного соглашения (согласованность поведения и общее намерение ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» вести себя определенным образом, добровольно ограничив тем самым свободу своего поведения на рынке; осведомленность о деятельности друг друга, практика перенаправления покупателей к поставщику услуги в соответствии с географическим принципом территории обслуживания и иные синхронные и однонаправленные действия хозяйствующих субъектов; отказ выйти за рамки согласованного территориального сектора; заключенный между ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» договор субаренды) не являются доказательствами наличия соглашения, запрещенного подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора.

Заявители отмечают, что, во-первых, в материалах дела отсутствуют какие-либо доказательства, подтверждающие согласование поведения компаний; во-вторых, Коллегией Суда не дана оценка аффилированности ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» ввиду наличия общего участника – гражданина Российской Федерации; в-третьих, единственным случаем перенаправления покупателей к поставщику услуги является рекомендация сотрудника ЗАО «Дельрус» представителю ТОО «Scuderia» обратиться к территориально ближе к нему расположенному ТОО «Дельрус РК». Подчеркивается, что кроме договора субаренды от 10 января 2017 г. между ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» были также заключены договоры поставки медицинских изделий и медицинской техники с 2009 года.

ТОО «Дельрус РК» полагает, что отказ выйти за рамки согласованного территориального сектора не доказан материалами дела, и указывает на отсутствие отрицательных для конкуренции последствий поведения компаний в силу отсутствия завышения им цены, что подтверждается заключением аудиторской компании ТОО «Best аудит» по определению стоимости услуги ТОО «Дельрус РК» по калибровке ультразвуковых датчиков от 30 ноября 2019 г.

По мнению заявителей, Коллегией Суда не оценены состязательные документы, доказывающие указанные выше обстоятельства, не дана оценка: переписке, приобщенной ЗАО «Дельрус» к материалам дела, подтверждающей обращение ТОО «Scuderia» не за услугой по калибровке датчика, а за комплексной услугой технического обслуживания аппарата с направлением инженера в Республику Казахстан для ее оказания; данным лингвистической экспертизы (заключение специалиста от 2 декабря 2019 г. № 021219/274); данным по расчету стоимости услуги по калибровке датчика и услуги по техническому обслуживанию аппарата, если бы они оказывались ЗАО «Дельрус» в Республике Казахстан (заключение специалиста ООО «Бизнес Плюс» от 14 января 2020 г. № 111119-115К), что нарушает требования пункта 3 статьи 35 Регламента.

2.6. Заявители отмечают, что Коллегия Суда не обратила внимание на недостатки решения № 165, которое создает правовую неопределенность, поскольку не содержит предписаний, указывающих на действия, которые необходимо предпринять ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» для устранения нарушения и его недопущения в будущем, а также не дала оценки факту непринятия Комиссией решения в отношении всех составов, по которым было возбуждено дело о нарушении общих правил конкуренции.

3. Возражения Комиссии

По мнению Комиссии, основания для отмены решения № 165 отсутствуют. Комиссия при проведении расследования обоснованно пришла к выводу о соответствии установленных географических границ товарного рынка Критериям ввиду того, что ЗАО «Дельрус» могло оказать услугу по калибровке датчика потребителю из Республики Казахстан, в связи с чем услуга реализуется (оказывается) в географических границах Республики Казахстан и Российской Федерации, то есть на территории двух государств – членов Союза. Комиссией, таким образом, правильно определены географические границы товарного рынка с соблюдением Критериев и Методики.

Комиссия указывает, что факт отсутствия единого (общего) рынка не препятствует его квалификации в качестве трансграничного, в связи с чем Комиссия обладала компетенцией на возбуждение и рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции.

Комиссией установлено, что ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», являющиеся конкурентами, действующими на одном товарном рынке, участвовали в соглашении, которое привело или могло привести к разделу товарного рынка по территориальному принципу в границах трансграничного товарного рынка Республики Казахстан и Российской Федерации, что запрещено подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора.

Комиссия полагает, что представленный ЗАО «Дельрус» Отчет, выводы в котором не соответствуют сделанным Комиссией в ходе расследования, не может быть принят Судом, поскольку основан на неполной информации. Отчет, как и иные экспертные заключения, представлен заявителями за пределами срока проведения расследования по делу о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, что порождает новые доводы, которые не приводились в рамках рассмотрения дела Комиссией и направлены на переоценку его результатов.

4. Выводы Апелляционной палаты Суда

4.1. Соглашаясь с тем, что Комиссия действовала в рамках своих полномочий, Апелляционная палата Суда подтверждает, что Коллегией Суда в решении от 11 февраля 2020 г. сделан верный вывод о том, что полномочия Комиссии по контролю за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных

рынках не ограничены сферами, предусмотренными в Перечне секторов услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Союза, утвержденном Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 110, а действуют в рамках единого экономического пространства Союза.

Раздел XVIII Договора «Общие принципы и правила конкуренции» и Протокол не оперируют понятием «общий (единый) рынок» (статья 2 Договора), равно как и понятием «единый рынок услуг» (пункт 38 Протокола), а используют категорию «трансграничный рынок», что с учетом пункта 4 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. свидетельствует о намерении создателей Договора наделить указанный термин специальным значением и позволяет распространить компетенцию Комиссии по пресечению нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках на рынок услуг по калибровке датчиков.

Исходя из изложенного, Апелляционная палата Суда отклоняет как необоснованный довод заявителей об ошибочности квалификации Коллегией Суда рынка как трансграничного в отсутствие общего (единого) рынка, единого рынка услуг по калибровке датчика к аппарату «FibroScan».

4.2. В решении от 11 февраля 2020 г. Коллегией Суда сделан вывод о том, что Комиссией продуктовые границы товарного рынка определены как услуги по калибровке датчиков к аппарату «FibroScan» при соблюдении всех этапов процедуры определения продуктовых границ товарного рынка.

Апелляционная палата Суда отмечает, что содержание термина «товарный рынок» закреплено в подпункте 19 пункта 2 Протокола.

Из взаимосвязанного прочтения подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора и подпункта 19 пункта 2 Протокола следует, что наличие антиконкурентного соглашения касается непосредственно того товарного рынка, раздел которого осуществлен его сторонами.

Таким образом, установление продуктовых границ товарного рынка проводится в тесной связи с соглашением, которое приводит к нарушению запрета, установленного подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора.

Оценивая решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. и решение № 165 в части переписки с участием ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК», компании Echosens и ТОО «Scuderia», Апелляционная палата Суда установила следующее.

В Комиссию 17 января 2018 г. поступило обращение Министерства национальной экономики Республики Казахстан, указывающее на возможное наличие в действиях (бездействии) общества с ограниченной ответственностью «Дельрус», хозяйствующего субъекта Российской Федерации, признаков нарушения пункта 1 статьи 76 Договора, выразившегося в необоснованном отказе либо уклонении от заключения договора с ТОО «Scuderia», хозяйству-

ющим субъектом Республики Казахстан, на предоставление услуги по калибровке датчика к аппарату для неинвазивного определения степени фиброза печени «FibroScan 502 TOUCH». Впоследствии в ходе проведения расследования было установлено, что возможное нарушение касается ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК».

Основанием для обращения Министерства национальной экономики Республики Казахстан стало обращение ТОО «Scuderia» от 9 июня 2017 г., в котором отмечено, что ограничение конкуренции имело место на рынке услуг – «техническое обслуживание медицинского оборудования, а точнее, на услуги калибровки датчика к аппарату для неинвазивного определения степени фиброза печени «FibroScanFS-502».

Таким образом, в ходе проведения расследования продуктовые границы были определены как услуги по калибровке датчика к аппарату «FibroScan».

Коллегия Суда согласилась с выводом Комиссии в решении № 165 о том, что предварительное определение услуги осуществлено в соответствии с Методикой методом, примененным для определения продуктовых границ товарного рынка, в отношении услуги по калибровке датчиков к аппарату «FibroScan».

Исходя из изложенного, Апелляционная палата Суда считает довод заявителей об отсутствии оценки Коллегией Суда недостатков решения № 165 в части несоответствия предполагаемого нарушения выявленным Комиссией продуктовым границам товарного рынка необоснованным.

4.3. В решении Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. указано, что «в соответствии с решением № 165 географические границы товарного рынка услуги по калибровке датчиков к аппарату «FibroScan» определены границами Республики Казахстан и Российской Федерации. Рынок является трансграничным, поскольку включает территории двух государств-членов».

Коллегия Суда также пришла к выводу о наличии у Комиссии полномочий на принятие решения № 165, указав, что при разделе рынка по территориальному принципу объективные рыночные показатели (цена и географическая структура поставок) могут быть искажены в силу антиконкурентных действий участников рынка.

Апелляционная палата Суда обращает внимание на следующее.

Компетенция Комиссии в сфере конкуренции устанавливается исходя из основного правила о трансграничности рынка – географического критерия, которое базируется на нормах пункта 2 Критериев в совокупности с пунктом 1 статьи 74 Договора, подпунктом 19 пункта 2 Протокола.

Помимо основного предусмотрены специальные правила (пункты 3 – 5 Критериев), применяемые дополнительно к общему географическому критерию в зависимости от вида нарушений в сфере конкуренции.

Определение географических границ товарного рынка в целях установления его соответствия Критериям осуществляется в соответствии с Методикой.

В частности, пунктом 23 Методики закреплён общий признак товарного рынка в пределах его географических границ, характеризующий поведение покупателя: на нем покупатель приобретает товар, либо имеет экономическую, техническую или иную возможность приобретения товара, либо считает целесообразным приобрести товар, но при этом не имеет такой возможности, либо считает нецелесообразным приобрести его вне географических границ товарного рынка.

В приведенной норме при определении географических границ речь идет о фактическом приобретении товара, о возможности или целесообразности его приобретения в пределах географических границ, а также о нецелесообразности приобретения за пределами географических границ рынка.

В решении Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. отмечено, что наличие возможности оказать услугу по калибровке датчика на территории одного государства-члена лицом этого государства-члена получателю услуг другого государства-члена не оспаривается сторонами.

В дополнение к этому Апелляционная палата Суда отмечает следующее.

Из материалов дела следует, что ТОО «Scuderia» (Республика Казахстан) обращалось в адрес ЗАО «Дельрус» (Российская Федерация) с просьбой о предоставлении услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan». В материалах дела имеется информация о перенаправлении покупателей между ЗАО «Дельрус» (Российская Федерация) и ТОО «Дельрус РК» (Республика Казахстан). Между ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» существуют договорные отношения по субаренде внешнего калибратора ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan», то есть указанные субъекты длительное время сотрудничают на едином трансграничном рынке, договор субаренды действует в отношениях между сторонами в течение более трех лет.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о существовании трансграничного рынка услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan» на территории Республики Казахстан и Российской Федерации в понимании пункта 23 Методики.

Следовательно, вывод Коллегии суда о том, что Комиссия обладала компетенцией по пресечению нарушения общих правил конкуренции в рамках настоящего дела, является правильным.

Что касается довода о невозможности рассматривать рынок как трансграничный по причине установления в одном из государств-членов требования о лицензировании деятельности (односторонняя проницаемость), Апелляционная палата Суда отмечает следующее.

Положения Договора, Протокола, Критериев и Методики не указывают на наличие каких-либо иных, кроме приведенных выше, дополнительных признаков, которые обязательно должны присутствовать для установления транс-

граничного характера исследуемого рынка – в частности, признаков наличия «двусторонней» проницаемости рынка.

Относительно довода ТОО «Дельрус РК» о непроведении Коллегией Суда анализа для установления географических границ товарного рынка Апелляционная палата Суда обращает внимание на пределы судебного разбирательства.

Исходя из содержания пункта 1 статьи 45 Регламента к полномочиям Суда не относится проведение анализа для установления географических границ товарного рынка.

Это исключительная компетенция Комиссии в целях осуществления контроля за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

Таким образом, по мнению Апелляционной палаты Суда, Коллегией Суда осуществлена правильная оценка действий Комиссии в части определения географических границ товарного рынка и ее компетенции.

4.4. В решении Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. содержится вывод относительно представленного ЗАО «Дельрус» аналитического отчета автономной некоммерческой организации «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации».

Оценивая решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г., Апелляционная палата Суда отмечает, что в нем сформулированы правильные выводы о том, что содержание Отчета «является необъективным и не соответствующим действительности», в частности, «не учитывается способ поставки услуги на территории одного государства-члена лицом этого государства-члена получателю услуг другого государства-члена; определение географических границ осуществлено в рамках различных продуктовых границ (калибровка датчиков к аппарату «FibroScan» и техническое обслуживание аппаратов, пункт 3), ошибочно определена стоимость услуг (пункт 3.1.1), выборочно и неполно проанализированы договоры об оказании услуг (пункты 3.2.2, 3.2.8) и, как следствие, сделаны неверные выводы».

Апелляционная палата Суда соглашается с оценкой Коллегией Суда Отчета как состязательного документа.

4.5. Оценивая доводы заявителей о несоответствии признаков антиконкурентного соглашения, запрещенного подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора, тем признакам, на основании которых Коллегией Суда принято обжалуемое решение, и отсутствию оценки Коллегией Суда состязательных документов, представленных ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» для опровержения факта антиконкурентного соглашения, Апелляционная палата Суда отмечает, что для запрета, установленного подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора, как запрета *per se*, действует режим презумпции ограничения конкуренции.

Признаки предполагаемого нарушения общих правил конкуренции ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» находятся в тесной связи с аргументом ЗАО «Дельрус» о том, что Коллегией Суда не дана оценка аффилированности ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» ввиду наличия общего участника данных обществ – физического лица, гражданина Российской Федерации.

В Аналитическом отчете Комиссии от 8 августа 2018 г. «О результатах оценки состояния конкуренции на трансграничном рынке аппарата «FibroScan» (различных его модификаций), в том числе его обслуживания и его поставки» (калибровка датчиков для аппарата неинвазивного определения степени фиброза печени «FibroScan») (далее – Аналитический отчет Комиссии) и решении № 165 сделан вывод о том, что ЗАО «Дельрус» и ООО «Медицинская компания» входят в группу лиц по признакам, определенным в подпункте 5 пункта 2 Протокола.

Также в Аналитическом отчете Комиссии указано, что «усматриваются косвенные признаки группы лиц ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», однако в целях установления принадлежности выявленных хозяйствующих субъектов к группе лиц по признакам, определенным в подпункте 5 пункта 2 Протокола, необходимо дополнительное изучение информации и сведений о физических лицах, входящих в группу лиц с ЗАО «Дельрус» и их связях с указанным гражданином Российской Федерации».

Далее в Аналитическом отчете Комиссии сделан вывод о том, что хозяйствующие субъекты – ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» – являются аффилированными. В материалах дела, в решении № 165 и в решении Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. опровержение или подтверждение данного предположения отсутствует.

Вопрос аффилированности выступал предметом обсуждения в ходе судебного разбирательства по делу Коллегией Суда, однако в решении Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. отражения не нашел и не учитывался при его принятии.

Апелляционная палата Суда считает необходимым отметить следующее.

Подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора предусмотрено, что запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, являющимися конкурентами, действующими на одном товарном рынке, которые приводят или могут привести к разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков).

Одновременно пунктом 7 Протокола установлено, что положения пунктов 3 – 6 статьи 76 Договора не распространяются на соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), входящими в одну группу лиц, если одним из таких хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) в отноше-

нии другого хозяйствующего субъекта (субъекта рынка) установлен прямой или косвенный контроль либо если такие хозяйствующие субъекты (субъекты рынка) находятся под прямым или косвенным контролем одного лица, за исключением соглашений между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), осуществляющими виды деятельности, одновременное выполнение которых одним хозяйствующим субъектом (субъектом рынка) не допускается в соответствии с законодательством государств-членов.

Согласно подпункту 5 пункта 2 Протокола группа лиц рассматривается как единый хозяйствующий субъект (субъект рынка), и положения раздела XVIII Договора и Протокола, относящиеся к хозяйствующим субъектам (субъектам рынка), распространяются на группу лиц, за исключением случаев, предусмотренных Протоколом.

Соответственно, субъектами по составам нарушения антимонопольного права, которые описаны в пунктах 3 – 6 статьи 76 Договора, не могут быть предприниматели, входящие в «группу лиц», которая рассматривается как «единый хозяйствующий субъект».

Подпункт 5 пункта 2 Протокола устанавливает перечень случаев, согласно которым несколько физических (юридических) лиц признаются «группой лиц». Так, под «группой лиц» понимается совокупность физических лиц и (или) юридических лиц, соответствующих одному или нескольким из следующих признаков:

хозяйственное общество (товарищество, хозяйственное партнерство) и физическое лицо или юридическое лицо, если такое физическое лицо или такое юридическое лицо имеет в силу своего участия в этом хозяйственном обществе (товариществе, хозяйственном партнерстве) либо в соответствии с полномочиями, полученными в том числе на основании письменного соглашения,

от других лиц, более чем 50 процентов общего количества голосов, принадлежащих на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале этого хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства);

хозяйствующий субъект (субъект рынка) и физическое лицо или юридическое лицо, если такое физическое лицо или такое юридическое лицо осуществляют функции единоличного исполнительного органа этого хозяйствующего субъекта (субъекта рынка);

хозяйствующий субъект (субъект рынка) и физическое лицо или юридическое лицо, если такое физическое лицо или такое юридическое лицо на основании учредительных документов этого хозяйствующего субъекта (субъекта рынка) или заключенного с этим хозяйствующим субъектом (субъектом рынка) договора (соглашения) вправе давать этому хозяйствующему субъекту (субъекту рынка) обязательные для исполнения указания;

хозяйствующие субъекты (субъекты рынка), в которых более чем 50 процентов количественного состава коллегиального исполнительного органа и (или) совета директоров (наблюдательного совета, совета фонда) составляют одни и те же физические лица;

физическое лицо, его супруг, родители (в том числе усыновители), дети (в том числе усыновленные), братья и сестры;

лица, каждое из которых по какому-либо из указанных в абзацах втором - шестом настоящего подпункта оснований входит в группу с одним и тем же лицом, а также другие лица, входящие с любым из таких лиц в группу по какому-либо из указанных в абзацах втором - шестом настоящего пункта оснований;

хозяйственное общество (товарищество, хозяйственное партнерство), физические лица и (или) юридические лица, которые по какому-либо из указанных в абзацах втором – седьмом настоящего подпункта признаков входят в одну группу лиц, если такие лица в силу своего совместного участия в этом хозяйственном обществе (товариществе, хозяйственном партнерстве) или в соответствии с полномочиями, полученными от других лиц, имеют более чем 50 процентов общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале этого хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства).

В основе квалификации нескольких субъектов в качестве «группы лиц» лежит то, что антимонопольное право запрещает сговоры независимых субъектов предпринимательской деятельности между собой. Однако в случае наличия согласованных действий связанных между собой компаний такие компании следует рассматривать в качестве единого субъекта. Как следствие, поведение нескольких связанных компаний, входящих в одну «группу лиц», вменяется данной группе, но не компаниям в отдельности.

Одним из механизмов установления «группы лиц» является институт «снятия корпоративной вуали», который позволяет установить, какова корпоративная структура «группы лиц», какие субъекты владеют соответствующим акционерным капиталом, как распределяется контроль в данном сложносоставном субъекте предпринимательской деятельности, каков состав совета директоров.

Как следует из материалов дела, «Дельрус» является группой, которая функционирует на российском рынке, на рынках государств – членов Союза, а также государств – членов Содружества Независимых Государств.

Согласно материалам расследования Комиссии бизнес группы «Дельрус» в Российской Федерации структурирован таким образом, что в различных субъектах федерации данный субъект представлен, как правило, отдельными юридическими лицами, обществами с ограниченной ответственностью.

В уставном капитале указанных компаний представлено одно и то же физическое лицо.

Практика антимонопольных органов, а также арбитражных судов Российской Федерации показывает, что ЗАО «Дельрус» и общество с ограниченной ответственностью «Дельрус-К» могут рассматриваться в качестве «группы лиц» с точки зрения российского антимонопольного права (решение Кировского УФАС России по делу № 62/03-11, постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 10 октября 2012 г. по делу № А28-3053/2012).

В Республике Казахстан действует ТОО «Дельрус РК», учредителем которого является то же физическое лицо, что и в компаниях, зарегистрированных в Российской Федерации (справка Министерства юстиции Республики Казахстан о зарегистрированном юридическом лице, филиале и представительстве от 21 февраля 2018 г.). В ТОО «Дельрус РК» 93 процента уставного капитала принадлежат данному физическому лицу.

По мнению Апелляционной палаты Суда, помимо формальных признаков группы лиц, Комиссии следовало провести непосредственную оценку косвенному, фактическому контролю деятельности заявителей таким физическим лицом с учетом положений пункта 7 Протокола.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что калибровочную скамью у компании BRAVO Pacific Limited в аренду получало ЗАО «Дельрус» и передавало ее в субаренду иным компаниям, в том числе ТОО «Дельрус РК».

Факт направления электронных писем работниками ЗАО «Дельрус», в которых рекомендуется обращаться к ТОО «Дельрус РК» по вопросам сервиса аппаратов «FibroScan», также подтверждает согласованность действий (исполнительские указания).

Одновременно следует отметить, что если в понимании Комиссии и Коллегии Суда, с точки зрения Договора, ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» являются «конкурентами», то целесообразность использования указанными лицами сходных до степени смешения фирменных наименований вызывает сомнения.

Указанные факты дают основания полагать, что ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» можно признать частью трансграничной «группы лиц» с точки зрения пункта 7 Протокола.

Следовательно, исходя из материалов дела, а именно: наличия общего участника, обмена электронными письмами с общими установками в исполнительской практике, заключения однотипных договоров аренды и субаренды калибровочной скамьи, использования общего фирменного наименования, при отсутствии проверки указанных обстоятельств, вывод о том, что ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» выступают в качестве конкурентов, а, следовательно, и о квалификации предполагаемого нарушения по подпункту 3 пункта 3 статьи 76 Договора, является преждевременным.

4.6. По мнению Апелляционной палаты Суда, отсутствие в решении № 165 мер по пресечению и (или) устранению последствий нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках, обеспечению конкуренции с указанием сроков их реализации, само по себе не является основанием для признания указанного решения не соответствующим праву Союза. Вместе с тем отсутствие таких мер может нивелировать экономический эффект проведенного Комиссией расследования и решения по делу. В этой связи с позиции перспективного обеспечения условий для развития конкуренции на трансграничных рынках и реализации общих правил конкуренции, предусмотренных статьей 76 Договора, Апелляционная палата Суда полагает наличие в решении Комиссии таких мер и сроков их реализации целесообразным.

Отсутствие в резолютивной части решения № 165 указания о принятии итогового решения относительно всех составов, по которым было возбуждено дело о нарушении общих правил конкуренции, также не является основанием для признания решения № 165 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Таким образом, Апелляционная палата Суда констатирует, что решение № 165 содержит правильные выводы относительно определения продуктовых и географических границ товарного рынка, а решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. – правильную их оценку. Вместе с тем, установленные в ходе рассмотрения дела обстоятельства не позволяют Апелляционной палате Суда сделать вывод о соответствии решения № 165 Договору и международным договорам в рамках Союза ввиду неверной квалификации нарушения в связи с преждевременным установлением Комиссией статуса ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» как конкурентов.

Учитывая, что в соответствии с пунктом 1 статьи 70 Регламента основанием для отмены судебного акта является неправильное применение норм права Союза, Апелляционная палата Суда считает необходимым отменить в части решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. и признать решение № 165 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 2 пункта 108, подпунктом 2 пункта 110 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору, пунктом 1 статьи 70, подпунктом «б» пункта 1 статьи 71, пунктом 2 статьи 80 и статьей 83 Регламента, Апелляционная палата Суда

РЕШИЛА:

Удовлетворить в части требования закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК».

Отменить в части решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 февраля 2020 г. по делу № СЕ-1-2/8-19-КС об отказе в удовлетворении требований закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 г. № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. и международным договорам в рамках Союза.

Признать решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 г. № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Решение вступает в силу с даты его вынесения, является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Д.Г. Колос

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Т.Н. Нешатаева

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Колоса Д.Г.
(дело № СЕ-1-2/4-20-АП)

город Минск

11 ноября 2020 года

Апелляционной палатой Суда Евразийского экономического союза 6 ноября 2020 г. вынесено решение по делу по жалобам закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 февраля 2020 г. по делу об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 г. № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках».

Соглашаясь с итоговым выводом в части признания решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 г. № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – решение № 165) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом Союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), полагаю неверным указание в решении Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 г. (далее – решение Апелляционной палаты Суда) о частичном удовлетворении жалоб заявителей и частичной отмене решения Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. (далее – решение Коллегии Суда), а также отмечаю имеющиеся, по моему мнению, противоречия в решении Апелляционной палаты Суда, его несоответствие праву Союза и процессуальные нарушения, допущенные в ходе рассмотрения дела.

Регламент Суда Евразийского экономического союза, утвержденный Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент), наделяет судью правом в случае несогласия с решением Суда Союза (далее – Суд) или его отдельными положениями заявить особое мнение при вынесении решения Суда (пункт 1 статьи 79 Регламента).

В этой связи, пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

1. В решении Апелляционной палаты Суда отсутствуют ответы на все доводы жалоб закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (далее, соответственно, – ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК», заявители) и их должная аргументация, не содержится надлежащей правовой оценки решения № 165 и решения Коллегии Суда на предмет их соответствия праву Союза, выводы Апелляционной

палаты Суда не основаны на праве Союза и выходят за пределы апелляционного разбирательства.

1.1. Определение географических и продуктовых границ товарного рынка, установление трансграничности товарного рынка и компетенции Евразийской экономической комиссии по пресечению нарушений общих правил конкуренции

Апелляционная палата Суда согласилась с выводами Коллегии Суда о правильном определении Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия) в решении № 165 географических и продуктовых границ товарного рынка, его трансграничности и, как следствие, о наличии компетенции Комиссии по пресечению нарушений общих правил конкуренции.

Данный вывод Апелляционной палаты Суда считаю не соответствующим праву Союза.

В соответствии с пунктом 7 статьи 76 Договора основным условием наличия у Комиссии компетенции по пресечению нарушений общих правил конкуренции является отнесение рынка к трансграничному.

В Консультативном заключении Суда от 18 июня 2019 г. обоснованно указано на наличие общего (основного) и специальных правил для квалификации рынка как трансграничного. Основное правило (географический критерий) базируется на нормах пункта 2 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 г. № 29 (далее – Критерии), в совокупности с пунктом 1 статьи 74 Договора, подпунктом 19 пункта 2 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, являющегося приложением № 19 к Договору (далее – Протокол). Специальные правила применяются дополнительно к основному в соответствии с пунктами 3 – 5 Критериев в зависимости от видов нарушений общих правил конкуренции.

Определение географических границ товарного рынка в целях установления его соответствия Критериям осуществляется на основании пунктов 23 – 31 Методики оценки состояния конкуренции, утвержденной Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30 января 2013 г. № 7 (далее – Методика).

В частности, пунктом 23 Методики закреплён общий признак товарного рынка, характеризующий поведение покупателя: в пределах географических границ товарного рынка покупатель приобретает товар, либо имеет экономическую, техническую или иную возможность его приобретения, либо считает целесообразным приобрести его, но при этом не имеет такой возможности, либо считает нецелесообразным приобрести его вне географических границ товарного рынка.

Пунктом 24 Методики предусмотрена процедура определения географических границ товарного рынка, состоящая из трех этапов.

Первым из них является предварительное определение географических границ товарного рынка, осуществляемое на основании пункта 25 Методики, и установление его соответствия Критериям по признакам, предусмотренным пунктом 26 Методики (поставка товара с территории одного государства-члена на территорию другого государства-члена либо поставка товара с территорий третьих стран на территории двух или более государств-членов).

Следующим этапом является выявление условий обращения товара, ограничивающих экономические, технические возможности приобретения его покупателем вне географических границ товарного рынка, в рамках которого учитываются обстоятельства, указанные в пункте 27 Методики.

Последним этапом является определение в соответствии с пунктом 28 Критериев территорий, входящих в географические границы товарного рынка, производимое путем проведения теста «гипотетического монополиста» (пункт 29 Критериев), методом установления фактических районов продаж либо сочетанием указанных или иными методами, позволяющими установить продавцов товара и географическое расположение фактических районов продаж, в которых продавцы конкурируют друг с другом при осуществлении продаж товара на товарном рынке предварительно определенным покупателям.

Системное толкование пункта 26 Методики и пункта 2 Критериев свидетельствует о том, что после предварительного определения географических границ товарного рынка, которые охватывают территории двух и более государств-членов, для квалификации рынка как трансграничного на основании общего (основного) правила необходимо установление хотя бы одного из признаков трансграничности, указанных в пункте 26 Методики. Применение специальных правил в дополнение к общему (основному) зависит от вида нарушений общих правил конкуренции.

Таким образом, признаки трансграничности товарного рынка, применяемые в целях установления его соответствия Критериям, содержатся в пункте 26 Методики, а не в пункте 23 Методики, как посчитали Коллегия Суда и Апелляционная палата Суда.

С учетом изложенного, в рассматриваемом деле рынок мог быть квалифицирован как трансграничный только при наличии признака, предусмотренного подпунктом «а» пункта 26 Методики, – фактической поставки таких услуг с территории одного государства-члена на территорию другого государства-члена. Однако материалами дела факты таких поставок не подтверждаются.

Коллегия Суда указала, что «при наличии антиконкурентных действий участников рынка – например, при разделе рынка по территориальному принципу – объективные рыночные показатели, такие как цена и географическая структура поставок, могут быть искажены в силу таких действий участников рынка». Вместе с тем в решении № 165 такой вывод отсутствует. В этой свя-

зи полагаю, что Коллегия Суда вместо оценки оспариваемого решения № 165 привела дополнительное обоснование правомерности действий Комиссии при его принятии, чем вышла за пределы полномочий, предоставленных ей Статутом Суда, являющимся приложением № 2 к Договору (далее – Статут), и Регламентом, нарушив тем самым принцип состязательности, что не было учтено Апелляционной палатой Суда.

В контексте определения обстоятельств (действий), препятствующих (затрудняющих) началу деятельности хозяйствующих субъектов на товарном рынке, необходимо обратить внимание на особенности рынков услуг по техническому обслуживанию аппарата «FibroScan» и по калибровке датчиков применительно к государствам-членам, на территории которых зарегистрированы ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» (соответственно, Российская Федерация и Республика Казахстан).

Так, на территории Российской Федерации и Республики Казахстан существуют барьеры для входа на товарный рынок в понимании подпункта «ж» пункта 3 Методики, к числу которых отнесены административные ограничения, вводимые органами государственной власти государств-членов, в том числе условия лицензирования отдельных видов деятельности, конкурсного отбора поставщиков товара для государственных и муниципальных нужд, технические регламенты, стандарты и иные акты, предусматривающие требования к качеству товара и (или) его безопасности (подпункт «б» пункта 44 Методики).

В Российской Федерации статьями 1, 8, подпунктом 17 части 1 статьи 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» установлено, что деятельность по техническому обслуживанию медицинской техники подлежит лицензированию на территории Российской Федерации, получателями лицензии могут выступать только хозяйствующие субъекты, зарегистрированные в Российской Федерации. В соответствии с методическими рекомендациями, введенными в действие письмом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 27 октября 2003 г. № 293-22/233 «Техническое обслуживание медицинской техники. Методические рекомендации», техническое обслуживание медицинской техники должны производить службы (юридические лица, индивидуальные предприниматели, технические подразделения или штатные технические специалисты медицинских учреждений), имеющие в соответствии с действующим законодательством право осуществлять эту деятельность (пункт 3.7). В свою очередь, право осуществлять деятельность по техническому обслуживанию медицинской техники обусловлено наличием соответствующей лицензии.

Данный барьер для входа на товарный рынок согласуется с правом Союза, в частности, пунктом 2 Индивидуального национального перечня ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского

экономического союза для Российской Федерации, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 112, в соответствии с которым деятельность, на осуществление которой требуется лицензия, может осуществляться только юридическими лицами Российской Федерации или индивидуальными предпринимателями, зарегистрированными в установленном порядке в Российской Федерации. Виды деятельности, на осуществление которых требуется лицензия, а также порядок определения организационно-правовой формы лицензиата устанавливаются законодательством Российской Федерации.

В Республике Казахстан сервисное обслуживание медицинских изделий в гарантийный и постгарантийный период является обязательным условием их безопасной эксплуатации, проводится на основании Правил осуществления сервисного обслуживания медицинских изделий в Республике Казахстан, утвержденных Приказом Министра здравоохранения и социального развития от 29 мая 2015 г. № 427. Пунктом 4 указанных Правил определены субъекты, имеющие право осуществлять сервисное обслуживание медицинских изделий в Республике Казахстан, к которым относятся:

субъекты здравоохранения, имеющие в штате специалиста (специалистов) по ремонту и обслуживанию медицинских изделий, прошедшего обучение на предприятиях-производителях соответствующих видов (наименований) медицинских изделий или в организациях и учреждениях, имеющих право осуществлять профессиональную подготовку по техническому обслуживанию соответствующих видов медицинских изделий;

сервисная служба, к которой в силу подпункта 14 пункта 3 данных Правил относятся организация или обособленное подразделение организации, имеющие в штате специалиста (специалистов) по ремонту и обслуживанию медицинских изделий, прошедшего обучение на предприятиях - производителях соответствующих видов (наименований) медицинского изделия или в организациях, имеющих право осуществлять подготовку по техническому обслуживанию соответствующих видов медицинского изделия, либо организация или обособленное подразделение организации, имеющие документальное подтверждение от производителя медицинского изделия на право проведения технической поддержки.

Помимо этого, участие в государственных закупках в Республике Казахстан предусматривает для хозяйствующих субъектов – нерезидентов выполнение обязательных условий:

1) регистрацию на веб-портале государственных закупок (пункт 3 Правил осуществления государственных закупок, утвержденных Приказом Министра финансов Республики Казахстан от 11 декабря 2015 г. № 648) для допуска субъекта к участию в государственных закупках, проводимых посредством

веб-портала (статья 13 Закона Республики Казахстан от 4 декабря 2015 г. № 434-V «О государственных закупках»);

2) наличие иностранной или полученной в Республике Казахстан электронной цифровой подписи. Иностранная электронная цифровая подпись в соответствии со статьей 13 Закона Республики Казахстан от 7 января 2003 г. № 370-II «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» признается: при удостоверении ее третьей стороной Республики Казахстан; при правомерном владении ее закрытым ключом лицом, подписавшим электронный документ; при ее использовании в соответствии со сведениями, указанными в регистрационном свидетельстве; при ее формировании средствами электронной цифровой подписи иностранного удостоверяющего центра, зарегистрированного в доверенной третьей стороне Республики Казахстан, или иностранного удостоверяющего центра, зарегистрированного в доверенной третьей стороне иностранного государства, зарегистрированной в доверенной третьей стороне Республики Казахстан. Для получения национальной электронной цифровой подписи Республики Казахстан требуется в том числе постановка на налоговый учет с регистрацией нерезидента в качестве налогоплательщика при осуществлении деятельности через постоянное учреждение без открытия филиала / представительства (статьи 76, 220 Кодекса Республики Казахстан от 25 декабря 2017 г. № 120-VI «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)») либо создание структурного подразделения в Республике Казахстан с соблюдением норм налогового законодательства Республики Казахстан (подпункт 8 пункта 9 Стандарта государственной услуги «Выдача и отзыв регистрационного свидетельства Национального удостоверяющего центра Республики Казахстан», утвержденного Приказом Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 24 апреля 2015 г. № 491).

Приведенные выше правила государственных закупок необходимо учитывать, поскольку, как следует из материалов дела, основными покупателями услуг по техническому обслуживанию аппарата «FibroScan» и услуг по калибровке датчиков к нему на территории Республики Казахстан являются больницы и поликлиники, для которых проведение процедур государственных закупок для выбора контрагента на оказание услуги является обязательным, а участие в таких процедурах осуществляется посредством веб-портала государственных закупок с использованием электронной цифровой подписи.

Таким образом, на рынках услуг по техническому обслуживанию аппарата «FibroScan» и по калибровке датчиков Российской Федерации и Республики Казахстан объективно существуют барьеры для входа на них хозяйствующих субъектов – нерезидентов в понимании подпункта «ж» пункта 3 Методики. С учетом наличия указанных барьеров целесообразность входа на данные товарные рынки хозяйствующих субъектов – нерезидентов определяется ими

самостоятельно и не может презюмироваться, основываясь лишь на одной возможности выполнения соответствующих административных процедур и иных формальностей. При этом необходимо учитывать, что при проведении государственных закупок медицинскими учреждениями (покупатели) круг потенциальных продавцов ограничен субъектами, участвующими в таких процедурах. Оценка данных обстоятельств в решении № 165, решениях Коллегии Суда и Апелляционной палаты Суда отсутствует.

Принимая во внимание, что ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» (продавцы) фактически не конкурировали между собой, осуществляя каждый деятельность в пределах границ государства своего резидентства, для определения территорий, входящих в географические границы товарного рынка, необходимым было использование пунктов 28 и 29 Методики.

Пунктом 28 Методики установлены 3 метода определения географических границ товарного рынка, при этом использование двух из них, указанных в подпунктах «б» и «в», в данном деле невозможно в силу их содержания, поскольку на товарном рынке, географические границы которого предварительно определены как территории Российской Федерации и Республики Казахстан, отсутствуют фактические продажи соответствующих услуг хозяйствующим субъектам – нерезидентам. В отсутствие таких продаж единственным применимым методом является тест «гипотетического монополиста» (подпункт «а» пункта 28 Методики), осуществляемый в соответствии с пунктом 29 Методики путем опроса покупателей.

В Аналитическом отчете Комиссии от 8 августа 2018 г. «О результатах оценки состояния конкуренции на трансграничном рынке аппарата «FibroScan» (различных его модификаций), в том числе его обслуживания и его поставки» (калибровка датчиков для аппарата неинвазивного определения степени фиброза печени «FibroScan») (далее – Аналитический отчет Комиссии) информация о проведении такого теста и опроса покупателей отсутствует.

В судебном заседании при рассмотрении дела Коллегией Суда представитель Комиссии отсутствие опроса покупателей объяснил тем, что в случае выявления антиконкурентного соглашения, запрещенного по формальным основаниям, расследование проводится в усеченном формате, когда достаточно установить, что участники соглашения являются конкурентами на товарном рынке.

Вместе с тем данное объяснение не основано на праве Союза, кроме того, в нем не отрицается необходимость даже в рамках усеченного формата расследования установить статус участников соглашения как конкурентов и определить продуктовые и географические границы товарного рынка, на котором они конкурируют. В решении Коллегии Суда и Апелляционной палаты Суда оценка неприменения Комиссией пунктов 28 и 29 Методики и доводов об этом заявителей отсутствует.

Изложенное также непосредственно связано с определением продуктовых границ товарного рынка по данному делу и оценкой обстоятельств, на которых оно базируется.

Основанием для определения Комиссией продуктовых границ товарного рынка послужила переписка по электронной почте директора ТОО «Scuderia» Есламгалиева Т.М. с компанией «Echosens», ТОО «Дельрус РК» и ЗАО «Дельрус». Комиссией в решении № 165 указано, что ТОО «Scuderia», являясь победителем процедуры государственной закупки на оказание *услуги по калибровке ультразвуковых датчиков* к аппарату «FibroScan», обратилось к указанным хозяйствующим субъектам с просьбой предоставить *услугу по сервисному обслуживанию аппарата «FibroScan»*, в том числе по калибровке его датчиков. ТОО «Scuderia» были получены ответы: ТОО «Дельрус РК» – о согласии оказать *услугу по сервисному обслуживанию аппарата*, в том числе калибровку датчиков, с указанием стоимости; компании «Echosens» – о том, что она не оказывает услуги в Республике Казахстан и рекомендует обратиться к единственному дистрибьютору на данной территории – ТОО «Дельрус РК»; ЗАО «Дельрус» – с рекомендацией по вопросам *сервиса аппарата «Fibroscan»*, в том числе калибровке ультразвуковых датчиков, обратиться в аккредитованную производителем компанией «Echosense» организацию на территории Республики Казахстан – ТОО «Дельрус РК». Комиссия пришла к выводу, что указанная переписка свидетельствует о необоснованном отказе ЗАО «Дельрус» в предоставлении *услуги по калибровке ультразвукового датчика к аппарату «FibroScan»* при возможности оказать услугу за вознаграждение.

Таким образом, в самом решении № 165 содержатся противоречия относительно продуктовых границ товарного рынка, а вывод о квалификации рынка как рынка услуг по калибровке датчика, а не как рынка услуг по сервисному обслуживанию аппарата «FibroScan», Комиссией не мотивирован.

В то же время из материалов дела следует, что в первоначальном письме ТОО «Scuderia» в адрес ЗАО «Дельрус» от 17 марта 2017 г. запрашивалась возможность оказания услуг не только по калибровке датчика, но и замене элемента питания, настройке BIOS и переустановке программного обеспечения для аппарата «FibroScan».

После нескольких уточняющих писем в обращении от 21 марта 2017 г. в адрес ЗАО «Дельрус» ТОО «Scuderia» указало, что им выигран тендер и необходим инженер для оказания услуг технического обслуживания аппарата, находящегося в г. Актау (Республика Казахстан), согласно прилагаемой технической спецификации, состоящей из 9 позиций, только одной из которых являлась калибровка ультразвукового датчика. На данное письмо в ответе от 27 марта 2017 г. ЗАО «Дельрус» сообщило, что по вопросам сервиса аппарата «FibroScan», в том числе регламентному техническому обслуживанию (калибровке) датчиков к указанному аппарату, ТОО «Scuderia» следует обра-

щаться в аккредитованную производителем (компанией «Echosense») организацию на территории Республики Казахстан – ТОО «Дельрус РК».

Таким образом, содержание рассматриваемой переписки, во-первых, отражает потребность ТОО «Scuderia» не исключительно в калибровке датчика, а в техническом обслуживании аппарата «FibroScan» (что осуществляется не по месту нахождения ЗАО «Дельрус», а с выездом к самому аппарату), во-вторых, указывает на то, что письмо ТОО «Scuderia» является запросом, но не обладает обязательными признаками оферты (не достаточно определено и не выражает намерение оферента считать себя связанным в случае акцепта), в-третьих, ТОО «Scuderia» заявляет о необходимости работы инженера и указывает, что аппарат установлен в г. Актау.

При этом вопрос о возможности производства ЗАО «Дельрус» только части из необходимых работ по техническому обслуживанию аппарата, равно как и вопрос о возможности доставки ультразвукового датчика для его калибровки по месту нахождения ЗАО «Дельрус», в переписке не поднимались. Представители ЗАО «Дельрус» пояснили Коллегии Суда и Апелляционной палате Суда, что письма ТОО «Scuderia» расценивались ими именно как предложение выездного сервисного обслуживания аппарата. Данное обстоятельство подтверждается и условиями процедуры государственной закупки, победителем которой признано ТОО «Scuderia», согласно которым имелась необходимость не только в калибровке датчика, но и в производстве иных действий по техническому обслуживанию аппарата, что возможно осуществить исключительно с выездом к месту его нахождения. В материалах дела отсутствует информация, подтверждающая наличие в ТОО «Scuderia» соответствующих специалистов, отвечающих требованиям Правил осуществления сервисного обслуживания медицинских изделий в Республике Казахстан, утвержденных Приказом Министра здравоохранения и социального развития от 29 мая 2015 г. № 427. Таким образом, сама по себе калибровка датчиков в месте нахождения ЗАО «Дельрус» не могла обеспечить выполнение всех обязательств, принятых на себя ТОО «Scuderia» по результатам процедуры государственной закупки.

В материалах дела отсутствует информация об опросе представителей ТОО «Scuderia» по данным обстоятельствам, тогда как такой опрос мог подтвердить либо опровергнуть правильность выводов Комиссии о продуктовых границах товарного рынка.

В итоге, несмотря на указанные противоречия, ответ ЗАО «Дельрус», фактически носящий характер рекомендации обратиться за сервисным обслуживанием аппарата к региональному представителю компании «Echosens» в Республике Казахстан – ТОО «Дельрус РК», в решении № 165 без приведения мотивов такого вывода был квалифицирован Комиссией как отказ, отрица-

тельный ответ в предоставлении услуги по калибровке датчика за вознаграждение при наличии возможности оказать такую услугу.

Следует учитывать, что содержание термина «товарный рынок» закреплено в подпункте 19 пункта 2 Протокола, взаимосвязанное прочтение которого совместно с подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора позволяет сделать вывод о непосредственной взаимосвязи антиконкурентного соглашения с тем товарным рынком, раздел которого является предметом расследования.

В Аналитическом отчете Комиссии указывается, что он подготовлен с целью оценки «состояния конкуренции на трансграничном рынке аппарата FibroScan (различных его модификаций), в том числе его обслуживания и его поставки», однако в дальнейшем Комиссия приходит к выводу, что, «учитывая факты, изложенные в обращении, и цели расследования, исследование ограничено оценкой состояния конкуренции на трансграничном рынке калибровки ультразвуковых датчиков» для данного аппарата. Данная мотивировка при наличии приведенных выше противоречий является явно недостаточной для подтверждения вывода Комиссии об определении продуктовых границ товарного рынка.

Коллегия Суда, оценивая решение № 165, пришла к выводу, что продуктовые границы товарного рынка правильно определены Комиссией как услуга по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan» при соблюдении всех этапов процедуры определения продуктовых границ товарного рынка, с чем согласилась Апелляционная палата Суда. При этом Коллегия Суда и Апелляционная палата Суда не обратили внимания на указанные противоречия и ограничились констатацией правильности выводов Комиссии об определении продуктовых границ товарного рынка, не мотивировав свои выводы.

Таким образом, в решении № 165 отсутствует вывод о том, по каким основаниям фактические действия ЗАО «Дельрус», выразившееся в *рекомендации* ТОО «Scuderia» обратиться за оказанием услуг по *техническому обслуживанию аппарата* к территориальному дистрибьютору ТОО «Дельрус РК», расценены Комиссией как *отказ от оказания услуг по калибровке датчика* с учетом возможности его доставки по месту нахождения ЗАО «Дельрус», что не получило оценки Коллегии Суда и Апелляционной палаты Суда.

Как следствие, сужение товарного рынка технического обслуживания аппарата «FibroScan», имеющего барьеры для входа хозяйствующих субъектов Российской Федерации на рынок Республики Казахстан и в обратном направлении, при которых в отсутствие фактически сложившихся поставок данный товарный рынок нельзя признать трансграничным, до товарного рынка услуг по калибровке датчика (с учетом возможности его доставки по месту нахождения ЗАО «Дельрус») произведено Комиссией без должного обоснования и при отсутствии в материалах дела доказательств наличия такого товарного рынка. В этой связи выводы о совершении предполагаемого нарушения подпункта 3

пункта 3 статьи 76 Договора на рынке услуг по калибровке датчика являются преждевременными.

Кроме того, системное толкование пункта 2 статьи 74, подпункта 3 пункта 3, пункта 7 статьи 76 Договора, пунктов 2, 4 Критериев, пункта 26 Методики применительно к рассматриваемому делу позволяет сделать вывод о том, что квалификация товарного рынка как трансграничного и установление компетенции Комиссии по пресечению нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках возможны только при кумулятивном выполнении следующих условий:

1) географические границы товарного рынка охватывают территории двух и более государств-членов;

2) имеются признаки трансграничности – поставка товара с территории одного государства-члена на территорию другого государства-члена либо поставка товара с территорий третьих стран на территории двух или более государств-членов;

3) по крайней мере два хозяйствующих субъекта, чьи действия приводят или могут привести к нарушению запрета, зарегистрированы на территориях разных государств-членов.

В материалах дела не содержится доказательств второго из указанных условий, в связи с чем является преждевременным и вывод о наличии у Комиссии компетенции по пресечению нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

1.2. Оценка состязательных документов

Заявителями в жалобах приведены доводы о ненадлежащей оценке Коллегией Суда ряда доказательств, состязательных документов – аналитического отчета автономной некоммерческой организации «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации» (далее – Отчет); заключения аудиторской компании ТОО «Best аудит» от 30 ноября 2019 г.; приобретенной ЗАО «Дельрус» к материалам дела, переписки с ТОО «Scuderia»; заключения лингвистической экспертизы от 2 декабря 2019 г. № 021219/274; заключения специалиста

ООО «Бизнес Плюс» от 14 января 2020 г. № 111119-115К.

В силу пункта 53 Статута одним из основополагающих принципов судопроизводства является состязательность.

Согласно пункту 1 статьи 35 Регламента принцип состязательности реализуется посредством представления лицами, участвующими в споре, состязательных документов.

Каждая из сторон представляет состязательные документы, на основании которых Суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования или возражения сторон, а также иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения спора.

Документы, представленные лицами, участвующими в споре, подлежат оценке судом по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся материалов дела (пункт 3 статьи 35 Регламента).

О том, какие доказательства легли в основу выводов Суда, а какие не приняты Судом, отмечается в мотивировочной части решения Суда (пункт 4 статьи 78 Регламента).

Состязательный документ как доказательство в споре, целью которого является установление соответствия (несоответствия) решения Комиссии Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, подлежит всестороннему, полному, объективному и непосредственному исследованию, включая и то, насколько такое доказательство способно подтвердить или опровергнуть факты, подлежащие доказыванию по рассматриваемому делу, в частности, правильность применения Комиссией права Союза при принятии решения.

В решении Коллегии Суда сформулирован только итоговый вывод о необъективности и несоответствии действительности содержания Отчета, при этом его достаточная оценка, как и обоснование такого вывода не приводятся. Апелляционная палата Суда согласилась с указанным выводом, лишь констатируя факт, что Коллегией Суда осуществлена оценка Отчета как состязательного документа.

Вместе с тем, полагаю, что при оценке Отчета как доказательства и состязательного документа Коллегии Суда и Апелляционной палате Суда следовало обратить внимание на следующие обстоятельства.

В Отчете исследуются условия доставки ультразвуковых датчиков для их калибровки с учетом того, что в договорах ЗАО «Дельрус», заключаемых с контрагентами, отсутствовал единообразный подход к закреплению обязанностей по их доставке и оплате (пункт 3.2.2).

В пункте 3.2.3 Отчета приведен анализ возможности перемещения услуги к покупателю или покупателя к услуге. Сделан вывод о возможности перемещения ультразвуковых датчиков к месту нахождения внешнего калибратора в технических центрах, если приобретаются услуги по калибровке ультразвуковых датчиков;

если же приобретаются комплексные сервисные услуги, то для их оказания требуется не только транспортировка датчика, но и командирование специалиста к месту нахождения аппарата «FibroScan». Анализ расходов, связанных с оказанием услуг по калибровке ультразвукового датчика и комплексному сервисному обслуживанию приведен в пункте 3.2.5 Отчета.

В Отчете содержится отдельный анализ продуктовых границ рынков услуги по калибровке ультразвуковых датчиков и комплексной сервисной услуги по обслуживанию аппаратов «FibroScan» (раздел 3.1 Отчета), при анализе

данных и формулировании соответствующих выводов указанные рынки в Отчете не смешиваются (раздел 3.3 Отчета).

Стоимость услуг в Отчете определена исходя из данных, имеющих в материалах дела – письма ЗАО «Дельрус» от 7 июня 2018 г. № 52 на запрос Комиссии от 11 мая 2018 г. № 22-139 (пункт 3.1.1 Отчета).

В пунктах 3.2.2 и 3.2.8 Отчета отмечены как проанализированные 72 договора ЗАО «Дельрус» на оказание услуг по калибровке различных ультразвуковых датчиков (как и в письме ЗАО «Дельрус» от 29 ноября 2018 г. № 111, адресованном Комиссии), сведения о договорах ЗАО «Дельрус» приведены в таблице 7 приложений к Отчету.

В отсутствие оценки указанных обстоятельств выводы Коллегии Суда о необъективности и несоответствии действительности Отчета являются преждевременными и не соотносятся с другими доказательствами по делу, что не было принято во внимание Апелляционной палатой Суда.

Также в решениях Коллегии Суда и Апелляционной палаты Суда не проанализированы иные состязательные документы, которые должны быть оценены Судом на основании пункта 3 статьи 35 Регламента, а результат такой оценки отражен в соответствии с пунктом 4 статьи 78 Регламента, в частности:

- заключение аудиторской компании ТОО «Best аудит» по определению стоимости услуги ТОО «Дельрус РК» по калибровке ультразвуковых датчиков от 30 ноября 2019 г., приведенное ТОО «Дельрус РК» в подтверждение отсутствия факта завышения названной в ответе на обращение ТОО «Scuderia» цены услуги;

- переписка представителей ЗАО «Дельрус» и ТОО «Scuderia», в которой ТОО «Scuderia» отмечает необходимость участия инженера для выполнения запрашиваемых услуг из прилагаемой к письму технической спецификации, включающей помимо калибровки ультразвуковых датчиков (с периодичностью 1 раз в год) также иные услуги, относящиеся к техническому обслуживанию аппарата «FibroScan» (с периодичностью 2 раза в год);

- заключение специалиста от 2 декабря 2019 г. № 021219/274 с результатами лингвистической экспертизы переписки между адресатами: Timur Yeslamgaliev и Ахметов Рустам, Talgat Yeslamgaliev, Camille Manseau и Ахметов Рустам, Victor Mochalov, в котором сделаны выводы о невозможности предоставления услуги непосредственно компанией ЗАО «Дельрус», поскольку компания работает только на территории Российской Федерации; о том, что ЗАО «Дельрус» имплицитно представлена информация о наличии возможности оказания услуги в Республике Казахстан; об отсутствии в переписке между адресатами Timur Yeslamgaliev и Ахметов Рустам отказа в предоставлении услуги по калибровке ультразвукового датчика к аппарату «FibroScan»;

- заключение специалиста ООО «Бизнес Плюс» от 14 января 2020 г. № 111119-115К, в котором по итогам исследования сформулированы выво-

ды: о различиях в цене предложений ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», поскольку цена ЗАО «Дельрус» отражает только стоимость услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan», тогда как цена ТОО «Дельрус РК» отражает стоимость услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan» и его техническому обслуживанию; об отличиях цен услуг по калибровке, что зависит от модели, поколения ультразвукового датчика; о средней стоимости услуг по калибровке ультразвуковых датчиков в Российской Федерации и Республике Казахстан с учетом налогообложения, которая является сопоставимой; о том, что цена ТОО «Дельрус РК» на услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату и техническому обслуживанию аппарата «FibroScan» экономически обоснована; о том, что размер субарендной платы, установленный ЗАО «Дельрус» для ТОО «Дельрус РК», является экономически обоснованным; о том, что с учетом потенциальных дополнительных расходов стоимость услуг ЗАО «Дельрус» превышает цену на такие услуги на территории Республики Казахстан и экономически нецелесообразна.

Таким образом, в отсутствие оценки указанных состязательных документов исследование материалов дела Коллегией Суда и Апелляционной палатой Суда нельзя признать всесторонним, полным и объективным.

1.3. Оценка доказательств нарушения общих правил конкуренции и пределы судебного разбирательства

Полагаю, что Коллегия Суда пришла к преждевременному выводу о наличии достаточных доказательств нарушения заявителями запрета, установленного подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора, а Апелляционная палата Суда, сделав выводы, которые не основаны на праве Союза и материалах дела, вышла за пределы рассмотрения дела, закрепленные в статье 69 Регламента.

Для запрета, установленного подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора, как запрета *per se*, действует режим презумпции ограничения конкуренции.

В этой связи Комиссии необходимо было доказать не наличие признаков ограничения конкуренции, которые могут являться следствием заключения антиконкурентного соглашения, а факт заключения антиконкурентного соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, являющимися конкурентами, действующими на одном товарном рынке, и последствия наличия данного факта в виде раздела или возможности раздела товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков).

Как отмечается Коллегией Суда, при оценке антиконкурентного соглашения принимается во внимание согласованность поведения и общие намерения хозяйствующих субъектов вести себя определенным образом, добровольно ограничив тем самым свободу своего поведения на рынке.

Общие намерения или волеизъявление хозяйствующих субъектов предполагают общность (единство) воли и ее выражение вовне.

В решении № 165 указано, что согласованная воля ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» выражалась не посредством формального соглашения в письменной форме. Наличие и реализация соглашения между ними, которое привело к разделу товарного рынка по территориальному принципу, запрещенному подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора, подтверждается отсутствием обоснованного отказа ЗАО «Дельрус» ТОО «Scuderia» в предоставлении услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan», существенной разницей в цене, осведомленностью ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» о деятельности друг друга и практикой перенаправления покупателей, фактическим разделом рынка услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan». Дополнительным свидетельством наличия соглашения между ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» являются договорные отношения между ними по субаренде внешнего калибратора ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan».

Коллегия Суда отметила, что факт раздела товарного рынка ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» подтверждается имевшейся между ними согласованностью поведения и общим намерением вести себя определенным образом, их осведомленностью о деятельности друг друга, практикой перенаправления покупателей и иными синхронными и однонаправленными действиями, отказом выйти за рамки согласованного территориального сектора, договором субаренды от 10 января 2017 г. № 1.

Как правильно отметила Коллегия Суда, для подтверждения факта заключения антиконкурентных соглашений могут использоваться косвенные доказательства. Вместе с тем Коллегия Суда не приняла во внимание, что косвенные доказательства будут подтверждать соответствующие обстоятельства лишь в том случае, если они не могут быть разумно объяснены иными причинами. Для опровержения косвенных доказательств, положенных в основу установления факта заключения антиконкурентного соглашения, заявителями к материалам дела приобщены объяснения, экспертные заключения и иные доказательства.

Так, осведомленность заявителей о деятельности друг друга, как следует из пояснений представителей ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», основывается на существующих между ними с 2009 года договорных (договоры поставки, субаренды оборудования), а также корпоративных связях, что подтверждается материалами дела.

Относительно практики перенаправления к поставщику услуги в соответствии с географическим принципом (территория обслуживания) следует отметить, что в материалах дела отсутствуют сведения об иных, помимо рассматриваемого случая, фактах перенаправления покупателей. При этом дово-

ды ЗАО «Дельрус» о том, что его рекомендация ТОО «Scuderia» обратиться в ТОО «Дельрус РК» была связана с отсутствием возможности и целесообразности направления инженеров в Республику Казахстан для оказания услуги по сервисному обслуживанию аппарата, Коллегией Суда и Апелляционной палатой Суда не опровергнуты.

По мнению Комиссии, с которым согласилась Коллегия Суда, о наличии соглашения между ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» о разделе товарного рынка по территориальному принципу свидетельствует заключенный между ними договор субаренды калибровочной скамьи от 10 января 2017 г.

В решении № 165 также отмечается, что стоимость услуги субаренды калибровочной скамьи, установленная ЗАО «Дельрус», определяется исходя из количества произведенных калибровок ультразвуковых датчиков. Договор субаренды от 10 января 2017 г. № 1 содержит положение, согласно которому субарендатор обязан в течение годичного срока действия договора обеспечить проведение не менее 10 калибровок ультразвуковых датчиков.

Соответствующие положения договора субаренды коррелируют с условиями договора аренды, заключенного ЗАО «Дельрус» в качестве арендатора калибровочной скамьи с компанией BRAVO Pacific Limited (арендодатель).

Анализ акта от 29 декабря 2017 г. № 1 по договору субаренды от 10 января 2017 г. № 1 показывает, что уплаченная ТОО «Дельрус РК» за 2017 год сумма может свидетельствовать о проведении в 2017 году не менее 28 калибровок ультразвуковых датчиков (исходя из максимально возможной цены калибровки, указанной в приложении № 1 к договору субаренды от 10 января 2017 г. № 1).

В отсутствие какой-либо дополнительной аргументации заключение договора субаренды калибровочной скамьи и расчет ее стоимости исходя из количества произведенных калибровок не доказывают наличие антиконкурентного соглашения и сами по себе не нарушают запрет, установленный подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора.

Кроме того, Комиссией, Коллегией Суда и Апелляционной палатой Суда не учтено, что в силу наличия административных барьеров (лицензирование деятельности по техническому обслуживанию медицинской техники в Российской Федерации и возможность оказания данной услуги только резидентами Российской Федерации) ТОО «Дельрус РК» не являлось конкурентом ЗАО «Дельрус» на рынке Российской Федерации, поскольку не могло оказывать услуги ни по калибровке датчиков, ни по техническому обслуживанию аппарата «FibroScan» субъектам Российской Федерации. В отсутствие фактической возможности конкуренции ТОО «Дельрус РК» и ЗАО «Дельрус» на территории Российской Федерации в понимании определения «конкуренции», содержащегося в подпункте 8 пункта 2 Протокола, вмененный указанным хозяйствующим субъектам в вину раздел рынка по территориальному признаку не со-

гласуется с экономической логикой соглашений, запрещенных подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора.

В этой связи следует обратить внимание на довод ЗАО «Дельрус» о том, что Комиссией и Коллегией Суда не дана оценка аффилированности ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» ввиду наличия общего участника данных обществ – физического лица, гражданина Российской Федерации.

В решении № 165 сделан вывод о том, что ЗАО «Дельрус» и общество с ограниченной ответственностью «Медицинская компания» входят в группу лиц по признакам, определенным в подпункте 5 пункта 2 Протокола. В Аналитическом отчете Комиссии также отмечено, что ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» являются аффилированными, однако данное обстоятельство ни в решении № 165, ни в решении Коллегии Суда не получило дальнейшей оценки.

В свою очередь, термин «аффилированное лицо» в праве Союза отсутствует, для целей Протокола используется и имеет правовое значение термин «группа лиц», которая определяется по признакам, указанным в подпункте 5 пункта 2 Протокола. В этой связи основания отождествлять институты аффилированности и группы лиц отсутствуют.

В решении № 165 и решении Коллегии Суда вопрос о наличии группы лиц в составе ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» не ставился и не разрешался, аффилированность как признак нарушения общих правил конкуренции не исследовалась.

При этом взаимосвязь ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» и возможное наличие группы лиц в их составе должны были проверяться Комиссией и Коллегией Суда, поскольку это непосредственно влияет на квалификацию предполагаемого нарушения (группа лиц рассматривается как единый хозяйствующий субъект (субъект рынка), в связи с чем входящие в нее субъекты не могут считаться конкурентами).

Апелляционная палата Суда, рассуждая о группе лиц в составе ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», на странице 16 решения обоснованно указала о преждевременности установления Комиссией и Коллегией Суда статуса ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» как конкурентов. Данная оценка не создает прецедента и не предвещает последующих выводов, а лишь указывает на необходимость дополнительной проверки данного обстоятельства, которая не может быть осуществлена Судом, поскольку входит в компетенцию Комиссии.

Вместе с тем Апелляционная палата Суда пришла и к иным выводам, которые не согласуются с правом Союза, вступают с ним в противоречие и создают основу для правовой неопределенности при регулировании охраняемых разделом XVIII Договора и Протоколом отношений.

Так, на странице 15 решения Апелляционная палата Суда прямо констатировала, что «ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» можно признать частью трансграничной «группы лиц» с точки зрения пункта 7 Протокола».

Тем самым Апелляционная палата Суда, не основываясь на формальном определении «группы лиц» и ее признаках, предусмотренных подпунктом 5 пункта 2 Протокола, при отсутствии в материалах дела достаточных доказательств этого, квалифицировала ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» как группу лиц, тем самым подменив компетенцию Комиссии и создав прецедент для возможного последующего расследования и рассмотрения дела о нарушении общих правил конкуренции с участием заявителей.

Также полагаю необоснованной ссылку в решении Апелляционной палаты Суда на практику антимонопольных органов и арбитражных судов Российской Федерации, учитывая различное регулирование соответствующих отношений в национальном праве Российской Федерации и праве Союза, а также то, что она касается общества с ограниченной ответственностью «Дельрус-К», не имеющего отношения к данному делу.

1.4. Непринятие решения по иным составам нарушений общих правил конкуренции

Пунктом 45 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 г. № 99 (далее – Порядок рассмотрения дел), предусмотрены требования к структуре решения по делу и содержанию его частей, включая вводную, описательную, мотивировочную и резолютивную. В резолютивной части решения по делу должны содержаться в том числе выводы о наличии или об отсутствии оснований для прекращения рассмотрения дела, о наличии или об отсутствии нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках в действиях (бездействии) ответчика по делу.

В определении о возбуждении и рассмотрении дела от 30 июля 2018 г. указано, что оно возбуждено в связи с наличием признаков нарушения пунктов 1, 3 – 5 статьи 76 Договора. В резолютивной части решения № 165 констатировано отсутствие оснований для прекращения рассмотрения дела, предусмотренных пунктом 46 Порядка рассмотрения дел (без указания составов нарушений), и сделан вывод о наличии нарушения подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора. Таким образом, в решении № 165 не содержится выводов, обосновывающих наличие либо отсутствие в действиях заявителей иных составов нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках, по которым возбуждалось дело, итоговое процессуальное решение по ним не принято, что противоречит принципу правовой определенности и может быть неоднозначно расценено, в том числе как продолжение расследования и рассмотрения дела в отношении заявителей по данным составам нарушений.

Названные обстоятельства не являлись предметом рассмотрения Коллегии Суда и Апелляционной палаты Суда несмотря на то, что заявители указы-

вали о них в письменных пояснениях и в ходе устной стадии производства по делу.

1.5. Выводы о частичном удовлетворении требований заявителей и частичной отмене решения Коллегии Суда

В резолютивной части решения Апелляционной палаты Суда содержатся выводы о частичном удовлетворении требований заявителей, частичной отмене решения Коллегии Суда и в то же время о признании решения № 165 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза в полном объеме, которые являются непоследовательными и противоречивыми, принятыми в нарушение требований пункта 6 статьи 78 Регламента.

При формулировании выводов в резолютивной части решения Апелляционной палате Суда следовало провести различие между итоговым выводом Коллегии Суда и его обоснованием, а также между требованиями заявителей и их доводами.

Так, итоговый вывод Коллегии Суда содержится в резолютивной части решения от 11 февраля 2020 г. и выражается в признании решения № 165 соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, в мотивировочной части решения Коллегии Суда содержится обоснование данного вывода.

Апелляционной палатой Суда решение № 165 признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза в полном объеме. В этой связи Апелляционной палате Суда следовало отменить решение Коллегии Суда также в полном объеме.

При этом согласие Апелляционной палаты Суда с отдельными выводами Коллегии Суда, содержащимися в мотивировочной части решения Коллегии Суда, не является основанием для отмены данного решения в части, поскольку итоговая оценка решения № 165 Апелляционной палатой Суда и Коллегией Суда в резолютивных частях их решений, является диаметрально противоположной.

Аналогичной является и ситуация с требованиями заявителей, которые выражаются в отмене решения Коллегии Суда и признании решения № 165 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза. С учетом вывода Апелляционной палаты Суда о признании решения № 165 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза в полном объеме и описанной выше необходимости в связи с этим отмены решения Коллегии Суда в полном объеме, Апелляционной палате Суда следовало постановить об удовлетворении требований заявителей в полном объеме. То обстоятельство, что Апелляционная палата Суда, принимая решение о несоответствии решения № 165 Договору и международным договорам в рамках Союза, согласилась не со всеми доводами заявителей, приведенными ими в

обоснование такого требования, не может влиять на выводы в резолютивной части решения Апелляционной палаты Суда, касающиеся исключительно требований, а не доводов заявителей.

1.6. Отсутствие указания о возврате пошлины заявителям в решении Апелляционной палаты Суда

Согласно пункту 63 Статута, обращение хозяйствующего субъекта в Суд облагается пошлиной. В случае удовлетворения Судом требований хозяйствующего субъекта, указанных в заявлении, осуществляется возврат пошлины (пункт 64 Статута).

В соответствии с пунктом 5 статьи 78 Регламента резолютивная часть решения Суда содержит выводы Суда в соответствии с пунктами 104 – 110 Статута, в том числе об удовлетворении требований истца или об отказе в их удовлетворении полностью или в части, положения о возврате пошлины.

Требования заявителей, указанные в первоначально поданном в Суд заявлении, о признании решения № 165 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, удовлетворены Апелляционной палатой Суда в полном объеме, однако, в нарушение норм Статута, решение о возврате пошлины Апелляционной палатой Суда не принято, что нарушает права и законные интересы заявителей и создает правовую неопределенность в данном вопросе.

2. Проведение судебного заседания Апелляционной палаты Суда в формате видеоконференцсвязи при наличии в материалах дела информации ограниченного распространения

ЗАО «Дельрус» было заявлено ходатайство об участии его представителей в заседании Апелляционной палаты Суда 20 октября 2020 г. с использованием видеоконференцсвязи в связи с наличием ограничений авиационного, автомобильного, железнодорожного и иного сообщения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь.

Вместе с тем, с учетом наличия авиационного сообщения фактическая возможность прибыть в Суд у сторон имела, представители Комиссии и ТОО «Дельрус РК» в судебное заседание прибыли лично.

Комиссия в письменных возражениях указала на невозможность проведения судебного заседания в формате видеоконференцсвязи, поскольку в материалах дела имеется информация ограниченного распространения.

Протокольным постановлением Апелляционной палаты Суда от 15 октября 2020 г. ходатайство удовлетворено, представителям ЗАО «Дельрус» разрешено участвовать в судебном заседании посредством видеоконференцсвязи.

Особенностью данного дела является наличие в нем сведений, относящихся к информации ограниченного распространения, что исключает возможность ее передачи, обсуждения, обращения к ней при наличии такой не-

обходимости у представителей сторон или у судей Апелляционной палаты Суда при проведении судебного заседания с использованием видеоконференцсвязи.

В соответствии с пунктом 56 Статута Суд принимает надлежащие меры по обеспечению защиты информации ограниченного распространения.

Согласно части второй подпункта 9.2.4 пункта 9 Инструкции по делопроизводству в Суде, утвержденной приказом Председателя Суда от 11 мая 2015 г. № 11, запрещается передача документов, содержащих информацию ограниченного распространения, а также обсуждение такой информации по электронным каналам связи, включая формат аудио- и видеоконференции. Аналогичный запрет на передачу документов, содержащих информацию ограниченного распространения, а также обсуждение такой информации по электронным каналам связи, включая формат аудио- и видеоконференции, предусмотрен Порядком обращения с документами по судебным делам, содержащими информацию ограниченного распространения, утвержденным приказом Председателя Суда от 21 ноября 2016 г. № 9.

Удовлетворив ходатайство об участии представителей ЗАО «Дельрус» в судебном заседании с использованием видеоконференцсвязи, Апелляционная палата Суда создала фактическую ситуацию ограничения прав участников судебного разбирательства и нарушила принцип состязательности.

В силу пункта 2 статьи 29 Регламента стороны и их представители имеют право в том числе заявлять ходатайства, делать заявления, давать объяснения в письменной и устной форме, приводить свои доводы по всем возникающим в ходе рассмотрения спора вопросам, задавать вопросы другим лицам, участвующим в споре.

Принцип состязательности основывается на том, что истец обязан обосновать свои требования, а ответчик вправе представить возражения на заявленные требования (пункт 1 статьи 23 Регламента).

При необходимости обоснования требований одной стороной и предоставлении возражений другой у их представителей может возникнуть необходимость обращения к материалам дела, содержащим информацию ограниченного распространения. Поскольку обсуждение такой информации по электронным каналам связи, включая формат аудио- и видеоконференции, запрещено, стороны лишаются соответствующих прав в данной части.

Фактически установленный Апелляционной палатой Суда формат обсуждения материалов дела и доводов сторон, исключающий возможность обращения к информации ограниченного распространения, не может способствовать осуществлению сторонами своих процессуальных прав в полном объеме и принятию Апелляционной палатой Суда решения, основанного на всестороннем и полном исследовании доказательств и обстоятельств дела.

Принимая во внимание изложенное, полагаю, что при наличии возможности личного участия представителей сторон в судебном заседании, в целях соблюдения баланса защиты информации ограниченного распространения и обеспечения процессуальных прав сторон, Апелляционной палате Суда следовало воздержаться от проведения судебного заседания по данному делу с использованием видеоконференцсвязи.

Судья

Д.Г. Колос

**Резюме по делам
№ СЕ-1-2/8-19-КС и № СЕ-1-2/4-20-АП
(ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК»)**

Ключевые слова:

Закрытое акционерное общество «Дельрус», товарищество с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (хозяйствующие субъекты, юридические лица) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

Об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках», признании не соответствующим Договору, международным договорам в рамках Союза.

Рынок технического обслуживания медицинского оборудования (услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan»); общие принципы и правила конкуренции.

Статья 76 Договора о Евразийском экономическом союзе; Протокол об общих принципах и правилах конкуренции; Критерии отнесения рынка к трансграничному (решение Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29); Методика оценки состояния конкуренции (решение Совета Евразийской экономической комиссии от 30 января 2013 года № 7).

Решение Коллегии Суда – отказ в удовлетворении требований истцов – особое мнение – решение Апелляционной палаты Суда – отмена решения Коллегии Суда в части – признание решения Коллегии ЕЭК от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза – особое мнение.

Описание:

Закрытое акционерное общество «Дельрус» и товарищество с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» обратились в Суд Евразийского экономического союза с заявлениями об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – Решение № 165). В данном решении ЕЭК установила в действиях (бездействии) хозяйствующих субъектов наличие и реализацию соглашения, которое привело к разделу рынка услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroScan» по территориальному принципу, в нарушение подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора.

Решением от 11 февраля 2020 года Коллегия Суда отказала в удовлетворении требований ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» и признала Решение № 165 соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

К решению Коллегии Суда приложены особые мнения судей Туманяна А.Э. и Чайки К.Л.

Не согласившись с решением Коллегии Суда, ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» обратились в Апелляционную палату Суда с жалобами.

Решением от 6 ноября 2020 года Апелляционная палата Суда отменила решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 года в части и признала решение Комиссии № 165 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Апелляционная палата подтвердила правильность оценки Коллегией Суда продуктовых и географических границ товарного рынка. Вместе с тем, она посчитала, что Комиссии следовало провести непосредственную оценку косвенного, фактического контроля деятельности заявителей со стороны одного физического лица. Соответственно, вывод Комиссии о том, что хозяйствующие субъекты выступают в качестве конкурентов, а, следовательно, и о квалификации предполагаемого нарушения как соглашения, подпадающего под действие подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора, был признан Судом преждевременным.

К решению Апелляционной палаты Суда приложено особое мнение судьи Колоса Д.Г.

Правовые позиции Коллегии Суда и Апелляционной палаты Суда:

1. Определение рассматриваемого рынка в качестве трансграничного является условием *sine qua non* (без которого невозможно) установить наличие у Комиссии компетенции по принятию оспариваемого решения.

При оценке рынка на предмет его трансграничности необходимо исследовать фактические обстоятельства дела, в частности, его географические границы и иные обстоятельства, определяющие такой рынок в соответствии с Критериями отнесения рынка к трансграничному.

Вывод о наличии у Комиссии компетенции по принятию оспариваемого решения не может быть сделан Судом до оценки фактических обстоятельств дела, установления факта соблюдения Комиссией права Союза при определении исследуемого рынка в качестве трансграничного.

(абзацы 13-15 пункта 6.1. решения Коллегии Суда)

2. Полномочия Комиссии по контролю за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках не ограничены сферами, предусмотренными в Перечне секторов услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Союза, утвержденном Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 110, а действуют в рамках единого экономического пространства Союза.

(абзац 26 пункта 6.1. решения Коллегии Суда, абзац 1 пункта 4.1. решения Апелляционной палаты Суда)

3. При определении географических границ рынка согласно пункту 23 Методики оценки состояния конкуренции речь идет о фактическом приобретении товара, о возможности или целесообразности его приобретения в пределах географических границ, а также о нецелесообразности приобретения за пределами географических границ рынка.

(абзацы 7, 8 пункта 4.3. решения Апелляционной палаты Суда)

4. В соответствии с пунктом 7 Протокола субъектами по составам нарушения антимонопольного права, которые описаны в пунктах 3 – 6 статьи 76 Договора, не могут быть предприниматели, входящие в «группу лиц», которая, согласно подпункту 5 пункта 2 Протокола, рассматривается как «единый хозяйствующий субъект».

(абзацы 8-10 пункта 4.5. решения Апелляционной палаты Суда).

Summary of cases
No. CE-1-2/8-19-KC and No. CE-1-2/4-20-АП
(Delrus CJSC and Delrus RK LLP)

Keywords:

Delrus, Closed Joint-Stock Company, Delrus RK, Limited Liability Partnership (business entities, legal persons) - the Eurasian Economic Commission (EEC).

On challenging Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 165 “On violation of general rules of competition in trans-border markets” dated September 17, 2019, and recognizing it as non-compliant with the Treaty, and international treaties within the Union.

Medical equipment maintenance market (calibration services for ultrasonic sensors for FibroScan device); general principles and rules of competition.

Article 76 of the Treaty on the Eurasian Economic Union; Protocol on General Principles and Rules of Competition; Criteria of market classification as cross-border market (Decision No. 29 of the Supreme Eurasian Economic Council dated December 19, 2012); Methodology for assessing the state of competition (Decision No. 7 of the Council of the Eurasian Economic Commission dated January 30, 2013).

Judgment of the Chamber of the Court – rejection of the claims - separate opinions - judgment of the Appeals Chamber - overturn of the judgment of the Chamber of the Court in the part of recognizing the decision of the Board of the EEC No. 165 “On violation of general rules of competition in cross-border markets” dated September 17, 2019 as non-compliant with the Treaty and international treaties within the Union - separate opinion.

Substance of the case:

Delrus Closed Joint-Stock Company and Delrus RK Limited Liability Partnership filed an application with the Court of the Eurasian Economic Union challenging the Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 165 “On violation of general rules of competition in trans-border markets” dated September 17, 2019. In accordance with this Decision, the EEC found in the actions (inaction) of economic entities signs of the existence and implementation of an agreement, which led to the territorial division of the market of calibration services for ultrasonic sensors for FibroScan device in violation of subparagraph 3 of paragraph 3 of Article 76 of the Treaty.

In its Judgment of February 11, 2020, the Chamber of the Court refused to satisfy the claims of Delrus CJSC and Delrus RK LLP and recognized Decision No. 165 as complying with the Treaty and international treaties within the Union.

Separate opinions of Judges A.E. Tumanyan and K.L. Chaika were attached to the Judgment of the Chamber of the Court.

Disagreeing with the Judgment of the Chamber of the Court, Delrus CJSC and Delrus RK LLP filed complaints with the Appeals Chamber.

In its decision of November 6, 2020, the Appeals Chamber overturned the Judgment of the Chamber of the Court of February 11, 2020 in part and recognized the Commission's Decision No. 165 as non-compliant with the Treaty and international treaties within the Union.

The Appeals Chamber confirmed the correctness of the Chamber of the Court's assessment of the food and geographical boundaries of the commodity market. At the same time, it considered that the Commission should have carried out a direct assessment of the indirect, actual control of the applicants' activities on the part of a single individual. Accordingly, the conclusion made by the Commission that economic entities act as competitors, and, consequently, on the qualification of the alleged violation as an agreement falling within the scope of subparagraph 3 of paragraph 3 of Article 76 of the Treaty, was recognized by the Court as premature.

A separate opinion of Judge D.G. Kolos is attached to the Judgment of the Appeals Chamber.

Legal findings of the Chamber of the Court and the Appeals Chamber:

1. The definition of the market in question as a trans-border market is a sine qua non condition with regard to establishing the competence of the Commission to make the contested decision.

When assessing a market for its trans-border nature, it is necessary to investigate the factual circumstances of the case, in particular, its geographical boundaries and other circumstances that determine such market in accordance with the Criteria for classifying the market as a trans-border market.

The conclusion that the Commission has the competence to adopt the contested Decision cannot be made by the Court before assessing the factual circumstances of the case, establishing the fact that the Commission observes the Union law when defining the considered market as a trans-border one.

(subparagraphs 13-15 of paragraph 6.1. of the Judgment of the Chamber of the Court)

2. The powers of the Commission for monitoring compliance with the general rules of competition in transborder markets are not limited to the areas in which the single market operates within the Union provided for in the List of service sectors, approved by Resolution of the Supreme Eurasian Economic Council No. 110 dated December 23, 2014, those powers operate within the framework of the single economic space of the Union.

(subparagraph 26 of paragraph 6.1. of the Judgment of the Chamber of the Court, subparagraph 1 of paragraph 4.1. of the Judgment of the Appeals Chamber).

3. When determining the geographical boundaries of the market in accordance with paragraph 23 of the Methodology for assessing the state of competition, we consider the actual acquisition of goods, the possibility or expediency of acquiring them within geographical boundaries, as well as the inexpediency of acquiring them outside the geographical boundaries of the market.

(subparagraphs 7, 8 of paragraph 4.3. of the Judgment of the Appeals Chamber)

4. In accordance with paragraph 7 of the Protocol, the entrepreneurs belonging to a “group of persons”, which, according to subparagraph 5 of paragraph 2 of the Protocol, shall be considered as “a single economic entity” cannot be the subjects with regard to the elements of the violation of antimonopoly law, which are described in paragraphs 3-6 of Article 76 of the Treaty.

(subparagraphs 8-10 of paragraph 4.5. of the Judgment of the Appeals Chamber)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

18 февраля 2020 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Нешатаевой Т.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., при секретаре судебного заседания Панове А.А., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» от 4 июня 2019 года № 84 не соответствующим положениям статей 1–3, 12 Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года, статей 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, Основным правилам интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Общество с ограниченной ответственностью «Монокристалл» (далее – ООО «Монокристалл», истец, общество) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» от 4 июня 2019 года № 84 (далее – решение № 84) не соответствующим положениям статей 1–3, 12 Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (далее – Конвенция о ГС), статей 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), Основным правилам интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее – ОПИ ТН ВЭД) и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно решению № 84 искусственный корунд, представляющий собой α -модификацию оксида алюминия (корунда), получаемого различными способами в результате кристаллического перехода оксида алюминия в α -форму из других кристаллических форм в процессе прокаливания при температуре более 1200 °С (например, по методу Байера или спеканием с известью и содой), в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 и 6 классифицируется в субпозиции 2818 10 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

Обстоятельства спора

В заявлении истец указал, что длительное время в течение последних 15 лет импортирует из Японии, США, Германии, Канады, Китая и Швейцарии на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) высокочистый оксид алюминия α -модификации, который используется для производства синтетического сапфира (корунда).

До принятия оспариваемого решения при импорте указанного товара истец самостоятельно классифицировал его по коду 2818 20 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) – «Оксид алюминия, отличный от искусственного корунда», ставка таможенной пошлины по которому составляет 0 %.

После принятия 4 июня 2019 года Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия, ЕЭК) оспариваемого решения № 84 общество обязано классифицировать импортируемый высокочистый оксид алюминия как искусственный корунд по коду 2818 10 ТН ВЭД ЕАЭС, что привело к увеличению тарифной нагрузки на общество – ставка таможенной пошлины по данной субпозиции составляет 5 %.

Выводы Коллегии Суда

Согласно подпункту 2) пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Статут Суда), Суд рассматривает по заявлению хозяйствующего субъекта споры о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

ООО «Монокристалл» является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации, следовательно, может считаться хозяйствующим субъектом в смысле абзаца четвертого подпункта 2) пункта 39 Статута Суда и имеет право на обращение в Суд.

Истец в течение последних 15 лет импортирует на таможенную территорию ЕАЭС оксид алюминия α -модификации, который упоминается в решении № 84. Следовательно, оспариваемое решение № 84 непосредственно затрагивает права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

По мнению истца, решение № 84 содержит неверную классификацию искусственного корунда, неправильно отождествленного с α -модификацией оксида алюминия, в связи с чем не соответствует положениям Конвенции о ГС, Договора, ТК ЕАЭС, ОПИ ТН ВЭД и нарушает права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, поскольку влечет увеличение таможенных платежей.

В соответствии с пунктом 43 Статута Суда спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену или Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором.

В заявлении ООО «Монокристалл» указано, что 25 июля 2019 года общество в рамках досудебного урегулирования спора обратилось Комиссию с жалобой на оспариваемое решение № 84. Согласно приложенным к заявлению документам, обращение истца поступило в Комиссию 8 августа 2019 года. Ответ на обращение до настоящего времени отсутствует.

Согласно пункту 44 Статута Суда, если государство-член или Комиссия в течение трех месяцев со дня поступления к ним обращения заявителя не приняли мер по урегулированию вопроса в досудебном порядке, заявление о рассмотрении спора может быть направлено в Суд.

На этом основании Коллегия Суда приходит к выводу о соблюдении ООО «Монокристалл» досудебного порядка урегулирования спора.

Заявление и приложенные к нему документы соответствуют требованиям к форме и содержанию, установленным статьей 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Согласно пункту 1 статьи 32 Регламента Суда представителями истца, который является хозяйствующим субъектом, в Суде могут выступать руководитель хозяйствующего субъекта – юридического лица или сам хозяйствующий субъект (индивидуальный предприниматель), подписавшие заявление в Суд. Заявление подписано генеральным директором ООО «Монокристалл» Адзиновой В.А., приложена копия приказа ООО «Монокристалл» от 12 февраля 2019 года № 22-к/1 «О назначении на должность» и выписка из Решения единственного участника ООО «Монокристалл» от 11 февраля 2019 года. Кроме того, в выписке из Единого государственного реестра юридических лиц

№ ЮЭ9965-20-11642212, сформированной 12 февраля 2020 года, генеральный директор Адзинова В.А. указана как лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени юридического лица.

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору, между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Пошлина за обращение хозяйствующего субъекта в Суд уплачена в полном размере.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 39, 95 Статута Суда, статьями 9, 33, 34, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» от 4 июня 2019 года № 84 не соответствующим положениям статей 1–3, 12 Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года, статей 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, Основным правилам интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 24 марта 2020 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Т.Н. Нешатаева

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

РЕШЕНИЕ

6 ноября 2020 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Нешатаевой Т.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г.,

при секретаре судебного заседания Панове А.А.,

с участием представителей общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» – Качалова О.В., Чикина В.И., Портновой Г.В., Сафонова В.С., Хусточкина А.Н., представителей Евразийской экономической комиссии Дорошкевича В.А., Киризева Р.О., Колосовой Т.А., Солопова В.И., Юрлова И.А.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» от 4 июня 2019 года № 84 не соответствующим положениям статей 1–3, 12 Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года, статей 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, Основным правилам интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства спора

Общество с ограниченной ответственностью «Монокристалл» (далее – ООО «Монокристалл», истец) является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

ООО «Монокристалл» в течение последних 15 лет импортирует из Японии, США, Германии, Канады, Китая и Швейцарии на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) высокочистый оксид алюминия α -модификации, который используется для производства синтетического сапфира (корунда).

До принятия оспариваемого решения при импорте указанного товара истец самостоятельно классифицировал его по коду 2818 20 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) – «оксид алюминия, отличный от искусственного корунда», ставка таможенной пошлины по которому составляет 0 %, так как такая практика поддерживалась таможенными органами и сохранялась в течение длительного времени.

Согласно решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – решение № 84) искусственный корунд, представляющий собой α -модификацию оксида алюминия (корунда), получаемого различными способами в результате кристаллического перехода оксида алюминия в α -форму из других кристаллических форм в процессе прокаливания при температуре более 1200 °С (например, по методу Байера или спеканием с известью и содой), в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 и 6 классифицируется в субпозиции 2818 10 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

После принятия 4 июня 2019 года Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия, ЕЭК) оспариваемого решения № 84 ООО «Монокристалл» обязано классифицировать импортируемый высокочистый оксид алюминия как искусственный корунд по коду 2818 10 ТН ВЭД ЕАЭС, что привело к увеличению тарифной нагрузки – ставка таможенной пошлины по данной субпозиции составляет 5 %.

По мнению истца, решение № 84 содержит неверную классификацию искусственного корунда, неправильно отождествленного с α -модификацией оксида алюминия, в связи с чем не соответствует положениям Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), Основным правилам интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее – ОПИ ТН ВЭД), Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (далее – Конвенция о ГС) и нарушает права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, поскольку влечет увеличение таможенных платежей.

25 июля 2019 года ООО «Монокристалл» в рамках досудебного урегулирования спора обратилось Комиссию с жалобой на оспариваемое решение № 84. Согласно приложенным к заявлению документам, обращение истца поступило в Комиссию 8 августа 2019 года. Ответ на обращение отсутствует.

Истец обратился в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании решения № 84 не соответствующим положениям статей 1–3, 12 Конвенции о ГС, статей 3, 25, 32 Договора, статей 19, 22 ТК ЕАЭС, ОПИ ТН ВЭД и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

2. Процедура в Суде

Постановлением Коллегии Суда от 18 февраля 2020 года заявление ООО «Монокристалл» принято к производству.

В рамках подготовки дела к рассмотрению Суд в порядке пункта 2 статьи 39 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), и пункта 55 Статута Суда (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) направил запросы в адрес таможенных органов, министерств промышленности, верховных судов, торгово-промышленных палат государств-членов, в институты химии национальных академий наук, Всемирную таможенную организацию. Были получены ответы от Института общей и неорганической химии Национальной академии наук Республики Армения, Института общей и неорганической химии Национальной академии наук Республики Беларусь, Института химических наук им. А.Б. Бектурова (Республика Казахстан), Института химии и фитотехнологий Национальной академии наук Кыргызской Республики, Института общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова Российской академии наук, Института неорганической химии им. А.В. Николаева Сибирского отделения Российской академии наук, Комитета государственных доходов Республики Армения, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Государственной таможенной службы при Правительстве Кыргызской Республики, Федеральной таможенной службы Российской Федерации, Министерства высокотехнологической промышленности Республики Армения, Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, Министерства экономического развития Российской Федерации, Верховного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Казахстан, Верховного Суда Кыргызской Республики, Верховного Суда Российской Федерации, Белорусской торгово-промышленной палаты, Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен», Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, Центра поддержки внешнеэкономической деятельности развития регионов, Всемирной таможенной организации.

Комиссия направила в Суд возражения на заявление ООО «Монокристалл», а также по запросу Суда предоставила материалы, связанные с принятием оспариваемого решения № 84.

Первоначально судебное заседание по рассмотрению настоящего дела было назначено на 24 марта 2020 года. Протокольными постановлениями от 16 марта 2020 года, от 23 апреля 2020 года, от 1 июня 2020 года, от 7 июля 2020 года и от 11 сентября 2020 года в связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией, введением карантинных мер в государствах – членах Союза и на основании абзаца второго пункта 3 статьи 51 Регламента Суда судебное разбирательство было отложено сначала до 12 мая 2020 года, затем до 23 июня 2020 года, до 8 июля 2020 года, до 16 сентября 2020 года и до 21 октября 2020 года.

Заявлением от 28 октября 2020 года истец уточнил требования и попросил Суд признать решение Коллегии Евразийской экономической комиссии «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» от 4 июня 2019 года № 84 не соответствующим положениям статей 1–3, 12 Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года, статей II:1(a) и II:1(b) ГАТТ 1994 года, статей 3, 25, 32, 45, 99 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, пункта 2 статьи 2 Договора от 19 мая 2011 года «О функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы», Основным правилам интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

3. Доводы истца

3.1. Принятая классификация противоречит содержанию Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС (том I), фактически заменяет используемые в ТН ВЭД ЕАЭС четыре признака классификации товаров (способ получения, внешний вид, физико-химические свойства и сфера использования) на другие – наличие α -модификации оксида алюминия и температуру получения. При этом, учитывая, что α -модификация оксида алюминия может быть получена при температурах как ниже, так и выше 1200 °С, решение № 84 позволяет отнести один и тот же товар, имеющий одинаковые объективные характеристики и свойства, к разным субпозициям ТН ВЭД ЕАЭС, что является недопустимым в публичных правоотношениях.

3.2. Решение № 84 противоречит смыслу Конвенции о ГС и принято вопреки требованиям определенности, ясности и недвусмысленности правового регулирования, вытекающим из общих принципов международного права и международных договоров.

В соответствии с Пояснениями к ТН ВЭД ЕАЭС (том I) классификационным признаком оксида алюминия является способ производства – прокаливание. Напротив, в соответствии с решением № 84 этот же способ производства – классификационный признак искусственного корунда.

Все оксиды алюминия, произведенные прокаливанием (обезвоживанием или кальцинацией), имеют вид легкого белого порошка и содержат в своем составе α -модификацию. В соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС (том I) такой товар должен классифицироваться как оксид алюминия, отличный от искусственного корунда. Напротив, в соответствии с решением № 84 этот товар – искусственный корунд.

В соответствии с решением № 84 само наличие α -модификации оксида алюминия, независимо от других физико-химических свойств, является основанием для отнесения товара к искусственному корунду, что противоречит описанию, приведенному в Пояснениях к ТН ВЭД ЕАЭС (том I).

В соответствии с Пояснениями к ТН ВЭД ЕАЭС (том I) рассматриваемые товарные позиции классифицируют по их применению. Истец использует в качестве сырья для производства искусственного сапфира (корунда) оксид алюминия с высоким содержанием α -модификации, произведенный прокаливанием, имеющий вид легкого белого порошка. В соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС такой товар должен быть классифицирован как оксид алюминия, отличный от искусственного корунда.

Комиссия при принятии решения № 84 не учла сопоставимость классификационных характеристик (основные свойства и назначение товара), указанных в решении и в Пояснениях к Гармонизированной системе. Введение решением № 84 новых классификационных критериев вводит в заблуждение, порождает неопределенность относительно действительных оценочных критериев классифицируемого товара и позволяет относить один и тот же товар к разным субпозициям ТН ВЭД ЕАЭС. Наличие неопределенности наносит ущерб целям и объекту Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза.

3.3. Комиссия при принятии решения № 84 не учла сложившуюся единообразную международную практику классификации товаров в странах, использующих Гармонизированную систему описания и кодирования товаров (далее – ГС) (например, Япония, Китай, США, Южная Корея, Европейский союз), а также позицию Комитета по ГС Всемирной таможенной организации (далее – ВТамО) (обсуждение на 52 и 53 сессиях Комитета).

Различие в классификации одного и того же товара в стране экспорта и в стране импорта указывает на возможность произвольной классификации и нарушения принципа равенства участников внешнеэкономической деятельности.

3.4. В соответствии с решением № 84 с учетом Пояснений тома VI ТН ВЭД ЕАЭС само наличие α -модификации независимо от ее количества в оксиде алюминия требует классифицировать его искусственным корундом. Следуя логике оспариваемого решения, к корундам необходимо отнести целую группу широко используемых товаров, называемых глиноземами, только на том основании, что все они содержат в своем составе α -модификацию оксида алю-

миния, что противоречит научно-техническим источникам и сложившейся международной практике.

Анализ объективных характеристик глиноземов в соответствии с межгосударственными стандартами, а также с учетом сведений научно-технической литературы, свидетельствует, что по классификационным признакам тома I ТН ВЭД ЕАЭС глинозем должен классифицироваться как оксид алюминия, отличный от искусственного корунда. Напротив, в соответствии с решением № 84 и Пояснениями тома VI ТН ВЭД ЕАЭС, учитывая присутствие в составе всех марок глиноземов α -модификации, любой глинозем должен быть классифицирован как искусственный корунд.

Комиссия не оценила все особенности и объективные качества оксидов алюминия, от которых зависит их классификация, не учла сложившуюся практику классификации этих товаров в других странах, в том числе в странах ЕАЭС. Глинозем и корунд объективно по способу производства, внешнему виду, физико-химическим свойствам и применению являются разными товарами, независимо от наличия в их составе α -модификации.

3.5. Глинозем (оксид алюминия) является сырьем для производства искусственного корунда (электрокорунда, сапфира), и включение в одну субпозицию ТН ВЭД ЕАЭС сырья и конечного продукта не может считаться обоснованным.

Формулируя оспариваемое решение об отнесении α -модификации оксида алюминия к товарной позиции 2818 10 ТН ВЭД ЕАЭС как об однозначном варианте классификации, Комиссия по существу исходила из наименования химической формулы и кристаллической решетки (наличия в наименовании слова «корунд») вещества, имеющегося в составе всех оксидов алюминия (глиноземов), не придав значение свойствам и характеристикам товаров, оставив без внимания информацию межгосударственных стандартов и Пояснений тома I к ТН ВЭД ЕАЭС.

3.6. Общество импортирует для производства искусственного сапфира высокочистый оксид алюминия α -модификации, в соответствии с имеющейся документацией указанный товар имеет вид белого легкого порошка, произведен прокаливанием (кальцинацией или обезвоживанием) при температуре 1200 °С. В соответствии с ГОСТ этот товар – глинозем неметаллургический с содержанием α -модификации не менее 94 %.

Последовательное применение ОПИ указывает, что данный товар должен классифицироваться как оксид алюминия, отличный от искусственного корунда, в 2818 20 ТН ВЭД ЕАЭС. Напротив, в соответствии с решением № 84 – как искусственный корунд.

Решение № 84 обязало участников внешнеэкономической деятельности классифицировать искусственный корунд исключительно в соответствии с правилами 1 и 6 ОПИ, что ущемляет право хозяйствующего субъекта само-

стоятельно (учитывая характеристики и описание товара) и последовательно использовать ОПИ для определения классификационного кода товара при его таможенном декларировании.

Не учитывая вышеописанные противоречия и сложившуюся судебную практику по спорам между декларантами и таможенными органами об обоснованности классификации, Комиссия приняла оспариваемое решение № 84, обязав классифицировать товар как искусственный корунд на одном только основании, что он содержит α -модификацию оксида алюминия, без учета его других объективных свойств и характеристик.

Неверная классификация искусственного корунда, принятая оспариваемым решением № 84, не соответствует Конвенции о ГС, ОПИ ТН ВЭД и нарушает права и законные интересы истца в сфере предпринимательской деятельности, поскольку влечет увеличение таможенных платежей, что наносит ущерб целям и объекту Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза.

3.7. Анализ общих существенных признаков товаров, используемых в Пояснениях к ГС и воспроизведенных в томе I Пояснений к ТН ВЭД, свидетельствует о том, что они не содержат противоречий, соответствуют сведениям, приведенным в научно-технической и справочной литературе, сложившейся общепринятой практике классификации и позволяют однозначно классифицировать оксиды алюминия, производимые в настоящее время промышленностью. Факт того, что оксиды алюминия являются широко используемыми товарами, производятся серийно промышленностью длительный период времени без существенных изменений их основных характеристик (объективных свойств, сферы использования), свидетельствует об отсутствии объективной необходимости введения новых классификационных характеристик.

Введенные решением № 84 новые классификационные характеристики (наличие α -формы кристаллической решетки и получение ее в процессе прокаливания при температуре более 1200 °С) не сопоставимы (не могут быть сравнимы) с классификационными характеристиками ГС (способ производства, внешний вид, физико-химические свойства, сфера использования). Возможность использования температуры изготовления выше 1200 °С в качестве критерия классификации противоречит сведениям из научно-справочной литературы.

Решение № 84 по сути изменило содержание текстов субпозиции 2818 10 и 2818 20 ТН ВЭД, толкование которых приведено в Пояснениях к ГС, изменило объективные критерии и принцип последовательности переработки, положенные в основу разграничения товаров по субпозициям. Комиссия не имела достаточных оснований для принятия оспариваемого решения, а само решение № 84 не обеспечивает сопоставимость введенных им критериев с классификационными критериями, используемыми ГС, что свидетельствует о возможности различного (неединообразного) толкования и применения ТН ВЭД.

3.8. Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС должны учитываться Комиссией при принятии своих решений о классификации товаров.

Принятие оспариваемого решения № 84 вразрез с пояснениями к ГС и идентичными им пояснениями из тома I Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС нарушает принцип предсказуемости международной торговли и не будет соответствовать правомерным ожиданиям участников международных соглашений в рамках Всемирной торговой организации.

Игнорирование тома I Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС со стороны Коллегии ЕЭК при принятии оспариваемого решения было неправомерным, так как представляет собой отход от принципа правовой определенности, поскольку нормы о классификации товаров перестают быть согласованными, что в конечном счете создает все предпосылки для нарушения единообразия применения ТН ВЭД ЕАЭС.

3.9. Противоречия между положениями тома I Пояснений к ГС и Пояснениями тома VI к ТН ВЭД ЕАЭС носят очевидный характер. Бездоказательно отрицая наличие этих противоречий, не учитывая общепринятую практику классификации оксидов алюминия, мнение Комитета по ГС, объективные общие и отличительные свойства товара, описанные в Пояснениях к ГС, Комиссия приняла решение № 84. Формально подходя к своим полномочиям по принятию нормативно-правовых актов, Комиссия безосновательно придала обязательный характер тексту тома VI Пояснений к субпозиции 2818 10 ТН ВЭД ЕАЭС.

3.10. Принятие решения № 84 в отсутствие полной информации об искусственном корунде, его характеристиках, технической документации как имеющих принципиальное значение для определения его объективных свойств, сферы использования и правильной классификации оксидов алюминия свидетельствует о нарушении Комиссией статьи 22 ТК ЕАЭС, статьи 3 Конвенции о ГС и Порядка принятия Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденного решением Коллегии ЕЭК от 2 декабря 2013 года № 284.

4. Возражения ответчика

4.1. Основным принципом построения раздела VI «Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности» ТН ВЭД ЕАЭС, в том числе и включаемой в него группы 28 «Продукты неорганической химии; соединения неорганические или органические драгоценных металлов, редкоземельных металлов, радиоактивных элементов или изотопов», является химический состав товара.

Особенностью классификации товаров группы 28 ТН ВЭД ЕАЭС является включение в неё базовых чистых химических веществ и соединений, как правило, безотносительно их функционального назначения.

Как видно из текстов товарной позиции 2818 ТН ВЭД ЕАЭС и подчинённых ей субпозиций, кроме наименования товаров и состава, каких-либо дополнительных классификационных критериев не имеется – ни в текстах товарных позиций, ни субпозиций, ни подсубпозиций не указаны те критерии, на которые ссылается общество в своем заявлении.

4.2. Положения статьи 7 Конвенции о ГС (подпункт «b» пункта 1) рассматривают Пояснения к ГС в качестве рекомендательных документов, необходимых для интерпретации ГС. При этом статья 3 Конвенции не содержит положений, предписывающих обязательность применения Пояснений к ГС.

Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС, содержащиеся в шестом томе, не заменяют собой пояснения, содержащиеся в первых пяти томах, рассматриваются как дополняющие последние и должны использоваться совместно с ними. В них приведены лишь отдельные примеры способов получения искусственного корунда. Перечень таких способов не является исчерпывающим.

Информация о способах производства и возможного применения как искусственного корунда, так и оксидов алюминия, содержащаяся в Пояснениях, не является критерием для целей осуществления классификации таких товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

Ни в ГС, ни в ТН ВЭД ЕАЭС не содержится определений термина «искусственный корунд», используемого в текстах товарной позиции 2818. Из специализированной литературы следует, что критерием отнесения оксида алюминия к корунду является наличие кристаллической α -структуры, поскольку именно α -модификация оксида алюминия является самой стабильной и встречается в природе в виде минерала корунда. В связи с этим способ производства искусственного корунда имеет вторичное значение.

Учитывая изложенное, Комиссия не усматривает противоречий между положениями пояснений к товарной позиции 2818 ТН ВЭД ЕАЭС, содержащихся в томах I и VI.

4.3. Комиссия при подготовке решения № 84 рассматривала в том числе и международную практику. Например, проводился анализ таможенно-тарифных определений, содержащихся в базе ВТИ (Binding Tariff Information), которая по своей сути является сборником действующих предварительных решений о классификации товаров определённого наименования в соответствии с Комбинированной номенклатурой Европейского союза (далее – КН), принятых таможенными службами государств – членов Европейского союза.

В базе ВТИ в момент подготовки решения № 84 имелось 17 предварительных решений о классификации оксида алюминия, из которых только в пяти случаях товар классифицировался в субпозиции 2818 20 КН, а в остальных 12 – в субпозиции 2818 10 КН.

Таким образом, по мнению Комиссии, доводы общества о противоречии решения № 84 сложившейся мировой практике классификации оксида алюминия не обоснованы.

4.4. Комиссия обращает внимание на то, что решение Комиссии о классификации отдельных видов товаров, в том числе и решение № 84, распространяется только на товары с наименованием и классификационными признаками, описанными в тексте такого решения, позволяющими отнести товары с конкретным наименованием и характеристиками к классификационному коду, указанному в решении Комиссии. Если же какие-либо характеристики фактически декларируемого товара не соответствуют сведениям и характеристикам отдельного вида товаров, указанным в решении Комиссии, то действие такого решения не распространяется на фактически классифицируемый товар.

Однако это не исключает возможности классификации товара, отличного от указанного в решении Комиссии, в товарной позиции (субпозиции, подсубпозиции) ТН ВЭД ЕАЭС, поименованной в решении Комиссии, если описание такого товара (состав, технические характеристики, функциональное назначение и т.д.) позволяет в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС отнести данный товар в товарную позицию (субпозицию, подсубпозицию), указанную в решении Комиссии.

4.5. Комиссия при подготовке проектов решений Коллегии Комиссии руководствуется исключительно примечаниями к ТН ВЭД, текстами товарных позиций, субпозиций, подсубпозиций ТН ВЭД ЕАЭС, а также принимается во внимание материал изготовления товара, его количественный и качественный состав, способ получения, применение и функции товара, а не размерами ставок ввозной (вывозной) таможенной пошлины, статистическими данными или сложившейся судебной практикой.

5. Выводы Коллегии Суда

В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором о Союзе и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору о Союзе и (или) международным договорам в рамках Союза.

5.1.1. Полномочия Комиссии по вопросам таможенно-тарифного регулирования установлены статьей 45 Договора. В соответствии с пунктом 2 данной статьи перечень чувствительных товаров, в отношении которых решение об

изменении ставки ввозной таможенной пошлины принимается Советом Комиссии (далее – Перечень чувствительных товаров), утверждается Высшим Евразийским экономическим советом (далее – Высший совет).

На основании приведенной нормы принято решение Высшего совета от 8 мая 2015 года № 16 «О перечне чувствительных товаров, в отношении которых решение об изменении ставки ввозной таможенной пошлины принимается Советом Евразийской экономической комиссии». В прилагаемый к нему Перечень чувствительных товаров на странице 68 включены все субпозиции позиции 2818 ТН ВЭД ЕАЭС, то есть Перечень охватывает как товар «искусственный корунд», так и товар «оксид алюминия, отличный от искусственного корунда».

Решение № 84 формально не изменяет ставки ввозных таможенных пошлин, соответствующие товарным субпозициям 2818 10 и 2818 20 ТН ВЭД ЕАЭС. Однако оно определяет объем данных субпозиций, тем самым фактически влияет на определение ставки ввозных таможенных пошлин на включенные в них товары.

Таким образом, Коллегия Суда приходит к выводу, что решение № 84 принято с превышением полномочий Коллегии Комиссии и нарушает пункт 2 статьи 45 Договора.

5.1.2. Решение № 84 принято в соответствии с абзацем первым пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС, согласно которому в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС Комиссия принимает решения о классификации отдельных видов товаров на основании предложений таможенных органов. Процедурные требования для этого установлены Порядком принятия Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденным решением Коллегии ЕЭК от 2 декабря 2013 года № 284 (далее – Порядок).

Из материалов дела следует, что решение № 84 принято на основании предложения Федеральной таможенной службы Российской Федерации (далее – ФТС РФ), что соответствует норме пункта 3 Порядка.

В соответствии с подпунктом б) пункта 5 Порядка к обращению, вносимому в Комиссию в инициативном порядке, прилагается справка, включающая в себя: краткое обоснование необходимости принятия решения Комиссии о классификации; описание отдельного вида товара с указанием его функционального назначения и характеристик; в зависимости от характера отдельного вида товара: информацию об области его использования, его основных свойствах и характеристиках, а также другие сведения, влияющие на определение классификационного кода отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС; обоснование классификационного кода отдельного вида товара, приведенного в проекте решения Комиссии о классификации, с указанием примененных ОПИ ТН ВЭД.

Комиссия по запросу Суда представила материалы, связанные с принятием оспариваемого решения № 84, среди них присутствует и обращение ФТС РФ, в справке к которому указано: «Рассматриваемый товар – реактивный глинозем в виде тонкодисперсного порошка белого цвета. Согласно заключению таможенного эксперта рассматриваемый товар состоит из соединения алюминия и кислорода, в количестве, соответствующем химической формуле оксида алюминия Al_2O_3 , и является кристаллической модификацией $\alpha-Al_2O_3$, получен по методу Байера или спеканием с известью и содой, не плавлением». Далее описывается способ производства указанного товара и на основании соответствия такого описания товара тексту Пояснений к ТН ВЭД (том VI) делается вывод о правомерности обозначения его как «искусственного корунда» и классификации в субпозиции 2818 10 ТН ВЭД ЕАЭС.

Необходимость принятия решения Комиссии о классификации товара никак не обоснована, а описание отдельного вида товара относится не к товару «искусственный корунд», а к товару «оксид алюминия». Кроме того, сведений о неединообразной классификации этих товаров ни Комиссии, ни Суду представлено не было.

На основании указанного несоответствия Коллегия Суда приходит к выводу о несоблюдении Комиссией установленной процедуры принятия решений о классификации отдельных видов товаров при принятии оспариваемого решения № 84.

5.2.1. Классификация товаров для таможенных целей в ЕАЭС осуществляется в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности ЕАЭС, которая, согласно пункту 1 статьи 19 ТК ЕАЭС, является системой описания и кодирования товаров и используется для классификации товаров в целях применения мер таможенно-тарифного регулирования, ввозных таможенных пошлин, запретов и ограничений, мер защиты внутреннего рынка, ведения таможенной статистики. Согласно пункту 2 статьи 19 ТК ЕАЭС международной основой ТН ВЭД являются Гармонизированная система описания и кодирования товаров ВТамО и единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств.

Грамматический анализ приведенных норм показывает, что ключевым термином в них является слово «товар».

Согласно «Словарю русского языка» в четырех томах под редакцией А.П. Евгеньевой (Малый академический словарь, далее – МАС; т. 4, стр. 371) «товар» означает «продукт труда, произведенный для продажи; предмет торговли». Определение понятия «товар» для таможенных целей содержится в подпункте 45) пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС: «товар» – любое движимое имущество, в том числе валюта государств-членов, ценные бумаги и (или) валютные ценности, дорожные чеки, электрическая энергия, а также иные перемещаемые вещи, приравненные к недвижимому имуществу.

То есть классификации по ТН ВЭД ЕАЭС подлежат конкретные товары как движимые вещи, а не химические вещества, из которых товары могут состоять.

Отсюда следует, что при классификации товара по ТН ВЭД учитывать следует все возможные свойства и характеристики товара, а не только химический состав.

5.2.2. Данный вывод согласуется с устоявшейся позицией Суда о том, что критериями классификации товара для таможенных целей являются объективные характеристики и свойства товара, которые должны соотноситься с текстами товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам. Одним из критериев классификации также является предполагаемое назначение товара, которое подлежит оценке на основании его объективных характеристик и свойств (абзац шестой пункта 7.2.1 решения Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года и абзац четвертый пункта 6.3 решения Апелляционной палаты Суда от 2 июня 2016 года по делу ООО «Севлад»; абзац второй пункта 5.4 решения Коллегии Суда от 21 декабря 2017 года по делу ЗАО «Санofi-Авентис Восток»; абзац второй пункта 5.4 решения Коллегии Суда от 18 июня 2019 года по делу ООО «Шиптрейд»).

Коллегия Суда отклоняет довод Комиссии о том, что тексты товарной позиции 2818 ТН ВЭД ЕАЭС и подчинённых ей субпозиций не предусматривают каких-либо дополнительных классификационных критериев, кроме наименования товаров и состава.

Оспариваемое решение № 84 вводит, кроме химического состава (α -модификация оксида алюминия), еще один критерий – способ производства: решение относится к классификации товара, полученного указанным в нем способом (прокаливанием при температуре более 1200 °С). Таким образом, само оспариваемое решение № 84 подтверждает, что для установления отличия товара «искусственный корунд» (товарная субпозиция 2818 10) от товара «оксид алюминия» (товарная субпозиция 2818 20) недостаточно одного критерия химического состава.

Таким образом, одна только α -форма не может служить критерием классификации, нужны дополнительные признаки.

5.2.3. Такие дополнительные критерии содержатся в Пояснениях к ТН ВЭД ЕАЭС. Рекомендацией Коллегии ЕЭК от 7 ноября 2017 года № 21 «О Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» введены в действие тома I–VI Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС как один из вспомогательных рабочих материалов, призванных обеспечить единообразную интерпретацию и применение ТН ВЭД ЕАЭС. Пояснения содержат, в частности, краткие описания товаров и областей их возможного применения, классификационные признаки и другую информацию,

необходимую для однозначного отнесения конкретного товара к определенной позиции ТН ВЭД ЕАЭС.

Использование Пояснений (несмотря на рекомендательный характер нормы) при классификации товаров по ТН ВЭД подтверждается практикой таможенных органов и судов государств – членов ЕАЭС. Например, пункт 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» гласит, что «для целей интерпретации положений ТН ВЭД судами также учитываются Пояснения к ТН ВЭД, рекомендованные Комиссией в качестве вспомогательных рабочих материалов».

Первые пять томов Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС основаны на Пояснениях к единой ТН ВЭД СНГ, которые, в свою очередь, основаны на русскоязычной версии Пояснений к ГС ВТамО. Шестой том основан на Пояснениях к Комбинированной номенклатуре Европейского союза и содержит пояснения ЕАЭС.

Пояснения к товарной позиции 2818 содержатся как в I, так и в VI томе Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС.

Текст пояснений тома I содержит сведения о существенных отличиях искусственного корунда от оксида алюминия по таким критериям, как внешний вид, свойства, способы производства и использования. В частности, указано, что искусственный корунд поставляется в виде небольших кусков или массы, раздробленной или в зернах; он более устойчив, чем обычный оксид алюминия, к действию воздуха и кислот и очень твердый. Оксид алюминия, в свою очередь, – это легкий белый порошок, не растворимый в воде. Искусственный корунд получают плавлением оксида алюминия в электропечи; оксид алюминия – прокаливанием гидроксида алюминия или из алюминиевых квасцов.

Текст пояснений тома VI вводит еще один способ производства искусственного корунда – прокаливание при температуре более 1200 °С, а также относит к оксиду алюминия только модификации, отличные от α-формы (корунда), получаемые прокаливанием гидроксида алюминия при температуре не выше 1200 °С или из алюминиевых квасцов. Оксид алюминия – легкий белый порошок, не растворимый в воде; информация о внешнем виде искусственного корунда отсутствует.

Заметно противоречие между пояснениями тома I и тома VI как в описании способа производства, так и в том, что том VI по сути заставляет классифицировать «легкий порошок» оксида алюминия в качестве «небольших кусков» искусственного корунда.

Следует отметить, что во всех источниках, кроме «Химической энциклопедии» 1988 года издания, способ производства искусственного корунда обозначен как «плавление». При этом температура плавления, в отличие от решения № 84 и тома VI Пояснений, указана в широком интервале от 500 до 1500 °С, что

не позволяет провести однозначное различие между искусственным корундом и оксидом алюминия по температуре получения – выше или ниже 1200 °С.

В вводной части к Пояснениям к ТН ВЭД ЕАЭС (приложение № 1 к рекомендации Коллегии ЕЭК от 7 ноября 2017 года № 21) указано, что пояснения, содержащиеся в шестом томе, не заменяют собой пояснения, содержащиеся в первых пяти томах, рассматриваются как дополняющие последние и должны использоваться совместно с ними.

Таким образом, основывать классификацию товара только на критериях, приведенных в томе VI невозможно, их необходимо сопоставлять с текстом тома I и рассматривать как дополнение к информации, приведенной в томе I.

5.2.4. Как следует из имеющихся в деле материалов, относящихся к подготовке решения № 84, при принятии оспариваемого решения учитывались только пояснения тома VI, тогда как они должны использоваться только в качестве дополнения к тому I и совместно с ним.

По сути решение № 84 вводит новый способ производства искусственного корунда – прокаливание при температуре более 1200 °С, а также исключает из субпозиции 2818 20 α-формы оксида алюминия.

Таким образом, происходит очевидный перенос товаров из одной субпозиции в другую.

Согласно пункту 2 статьи 25 Договора и пункту 2 статьи 19 ТК ЕАЭС основой для ТН ВЭД ЕАЭС является Гармонизированная система ВТамО.

Согласно статье 6 Договора первым и основным источником права Союза является сам Договор, в статье 3 которого определено обязательство соблюдать общепризнанные принципы международного права, то есть в том числе и *Pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), а в пункте 50 Статута Суда (приложение № 2 к Договору, то есть часть Договора) указаны источники права, применяемые при разрешении конфликтов: 1) общепризнанные принципы и нормы международного права; 2) Договор, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора; 3) решения и распоряжения органов Союза; 4) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

Гармонизированная система введена Международной конвенцией о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года, пункт 1 статьи 3 которой устанавливает, что каждая Договаривающаяся Сторона настоящей Конвенции обязуется по отношению к своим таможенно-тарифной и статистическим номенклатурам:

i) использовать все товарные позиции и субпозиции Гармонизированной системы, а также относящиеся к ним цифровые коды без каких-либо дополнений или изменений;

ii) применять основные правила интерпретации Гармонизированной системы, а также все примечания к разделам, группам, товарным позициям и субпозициям и не изменять содержания разделов, групп, товарных позиций или субпозиций Гармонизированной системы.

Согласно пункту 5 статьи 19 ТК ЕАЭС ведение Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности осуществляется Комиссией. В этих целях Комиссия осуществляет приведение ТН ВЭД и пояснений к ней в соответствие с ее международной основой (подпункт 2 того же пункта).

На основании указанных статей противоречие Пояснений тома VI основному тому I и закрепление рекомендательной нормы в обязательном решении № 84 следует квалифицировать как необоснованное изменение содержания субпозиций и, как следствие, нарушение Конвенции о ГС, статьи 25 Договора и статей 19 и 22 ТК ЕАЭС.

5.2.5. Анализ процитированной статьи 3 Конвенции о ГС позволяет сделать вывод, что при соблюдении всеми Договаривающимися Сторонами Конвенции правил об использовании всех товарных позиций и субпозиций ГС и сохранении их содержания классификация одних и тех же товаров в странах экспорта и странах импорта должны совпадать.

На этом основании Коллегия Суда соглашается с доводом истца о том, что Комиссия при принятии решения № 84 не учла сложившуюся единообразную международную практику классификации товаров в странах, использующих Гармонизированную систему, в которой конкретный товар, приобретаемый ООО «Монокристалл», при вывозе из Японии, Китая и т.д. классифицировался как оксид алюминия, что не допускает его классификации при ввозе как искусственного корунда.

5.2.6. Решение № 84, как указано в его названии, посвящено классификации искусственного корунда, который, согласно формулировке решения, «представляет собой α -модификацию оксида алюминия (корунда)».

Учитывая, что, в соответствии с Правилom 1 ОПИ ТН ВЭД, для юридических целей классификация товаров в ТН ВЭД осуществляется исходя из текстов товарных позиций, в решении № 84 произведена подмена понятий: часть товаров (а именно – оксид алюминия α -модификации) субпозиции 2818 20 «оксид алюминия» названа в соответствии с текстом другой субпозиции – 2818 10 «искусственный корунд».

При этом, несмотря на то, что решение № 84 посвящено классификации искусственного корунда, в формулировке решения приводится способ производства оксида алюминия α -формы: причастный оборот «получаемого различными способами» относится к словосочетанию « α -модификация оксида алюминия».

Согласно тексту решения № 84 искусственный корунд производится из иных форм оксида алюминия путем прокаливания. Это противоречит полу-

ченным Судом ответам специалистов, в которых указано, что искусственный корунд получается плавлением (не прокаливанием исходного материала) – вытягиванием кристаллов из расплава. Прокаливание (согласно МАС «прокаливать» означает «подвергать калению, сильному нагреву») используется для оксида алюминия (не корунда) – для дегидратации гидроксида алюминия с целью производства оксида алюминия различных модификаций (при высоких температурах получается устойчивая α -форма, при более низких – иные).

5.2.7. Включение в формулировку решения № 84 способа производства искусственного корунда противоречит тексту подсубпозиций ТН ВЭД, подчиненных субпозиции 2818 10, где искусственный корунд характеризуется по иным характеристикам. Субпозиция 2818 10 включает в себя четыре подсубпозиции 2818 10 110 0, 2818 10 190 0, 2818 10 910 0, 2818 10 990 0, по которым корунд определяется иначе: «искусственный корунд определенного или неопределенного химического состава» распределяется только в зависимости от содержания оксида алюминия и от наличия частиц размером более 10 мм.

5.2.8. ФТС РФ обращалась в Комитет по ГС ВТамО с предложением о внесении изменений в пояснения к позиции 2818 ГС. Предложенные формулировки были идентичны закрепленным в томе VI Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС. Предложение ФТС РФ обсуждалось на 52 и 53 сессиях Комитета по ГС в 2013 и 2014 годах, а также в сокращенной формулировке на 58 сессии в 2016 году, и не было поддержано – большинство участников проголосовало за сохранение существующего положения. Изменения в Пояснения к позиции 2818 ГС до настоящего времени не вносились.

6. Таким образом, Коллегия Суда установила, что решение № 84, принятое в нарушение пункта 2 статьи 45 Договора, не соответствует Договору и иным международным договорам.

Решение № 84 без учета всех характеристик различных товаров, имеющих в своем составе α -модификацию оксида алюминия, классифицирует искусственный корунд как кристаллы оксида алюминия, получаемые в процессе прокаливания при температуре более 1200 °С, что не соответствует химико-технологическим характеристикам минерала (корунда), получаемого плавлением из кристаллов оксида алюминия.

Факт нарушения прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором о Союзе и (или) международными договорами в рамках Союза подтверждается тем, что после принятия оспариваемого решения № 84 ООО «Монокристалл» обязано классифицировать импортируемый высокочистый оксид алюминия как искусственный корунд (сырьем для производства которого служит товар, который истец импортирует) по коду 2818 10 ТН ВЭД ЕАЭС (ставка таможенной пошлины – 5 %) вместо кода 2818 20 ТН ВЭД ЕАЭС (ставка таможенной пошлины 0 %). Это привело к увеличению та-

рифной нагрузки и неблагоприятным экономическим последствиям для ООО «Монокристалл»: необходимости дополнительных затрат на закупку сырья и вызванному такими затратами удорожанию конечной продукции, которое привело к потере конкурентных преимуществ на международных рынках – производители из других государств ввозят оксид алюминия по ставке ввозной таможенной пошлины 0 %.

На основании изложенного и руководствуясь пунктов 64 и 108 Статута Суда, статьями 77, 78, 80 и 82 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

РЕШИЛА:

Требования общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» удовлетворить.

Признать решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Пошлину, уплаченную обществом с ограниченной ответственностью «Монокристалл» при обращении в Суд Евразийского экономического союза, вернуть.

Настоящее решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза в течение пятнадцати календарных дней с даты его вынесения.

Председательствующий

Т.Н. Нешатаева

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-1-2/3-20-КС)

6 ноября 2020 года

город Минск

В целом соглашаюсь с вынесенным решением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза», но считаю его недостаточно мотивированным.

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю особое мнение по вопросу, поставленному ответчиком в ходе рассмотрения дела, но не нашедшему достаточного отражения в мотивировочной части решения.

В данном судебном процессе Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК, Комиссия) ссылалась на то, что Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд) не наделен компетенцией по рассмотрению вопросов о соответствии решений Комиссии положениям Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (далее – Конвенция), поскольку с учетом положений статьи 6 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) Конвенция не является договором, заключенным в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз).

В обоснование своей позиции Комиссия приводила постановление Коллегии Суда от 10 марта 2020 года о прекращении производства по делу по заявлению ООО «Электронная таможня» к ЕЭК, в котором указано, что «Конвенция не относится к международным договорам в рамках Союза и международным договорам с третьей стороной в понимании пункта 41 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда), и заявленное в Суд требование о соответствии Решения Гармонизированной системе выходит за пределы компетенции Суда».

Вынуждена остановиться на данном вопросе, поскольку он связан с опровержением устоявшейся практики Суда и, следовательно, с нарушением Судом цели своего функционирования – обеспечения единообразного приме-

нения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров с третьей стороной и решений органов Союза (пункт 2 Статута Суда), а также способностью действующего состава Суда достигать данной цели. Такая цель значительно отличается от того, чем занимаются юристы в рамках национальных правовых систем, и не допускает как действий международного суда в качестве дополнительной национальной судебной инстанции, так и приспособления к его работе методик национального правосудия, например, понимания состязательности в гражданско-процессуальном смысле.

Сам вопрос с возникновением неединообразия применения Договора связан, во-первых, с судебными актами по делу по заявлению ООО «Электронная таможня» к ЕЭК, а во-вторых, с тремя составляющими: (1) материально-правовой; (2) процессуально-правовой; (3) организационно-этической.

Вынуждена затронуть все три указанных элемента.

1. Самым важным является материально-правовой элемент поставленных вопросов о неединообразии в применении международных договоров. В деле по заявлению ООО «Электронная таможня» к ЕЭК, как и в других делах (см. дела по заявлению ЗАО «Санофи-Авентис Восток» к ЕЭК, АО «Транс Логистик Консалт» к ЕЭК), ставился вопрос о соответствии решений, действий ЕЭК нормам универсальных международных договоров.

Иными словами, Суду следовало рассматривать вопрос о неединообразном понимании объема права Союза в контексте: что такое Союз – государственно-подобное образование или другой субъект международного права, наднациональная международная организация (см. статью 8 Договора)? Суд в своих решениях, основываясь на статье 1 Договора, исходил из того, что Союз – не государство, но международная организация, действующая согласно нормам международного права. Отсюда следует, что объем права Союза шире указанных в статье 6 Договора источников права Союза. ЕЭК, последовательно настаивающая на том, что ее решения следует проверять лишь на соответствие договорам, заключенным в рамках Союза (см. постановление Коллегии Суда от 10 марта 2020 года о прекращении производства по делу по заявлению ООО «Электронная таможня» к ЕЭК и особые мнения к нему), настойчиво упускает из виду, что статья 6 Договора не является ограниченным списком источников права Союза, исключая иные источники международного права, но лишь определяет правила разрешения конфликтов между указанными в ней источниками права Союза. Согласно статье 6 Договора первым и основным источником права Союза является сам Договор, в статье 3 которого определено обязательство соблюдать общепризнанные принципы международного права, а в пункте 50 Статута Суда (приложение № 2 к Договору, то есть часть Договора) указаны иные источники международного права,

применяемые при разрешении конфликтов. В настоящем деле по заявлению ООО «Монокристалл» Коллегия Суда вновь подтвердила эту позицию.

Договор напрямую исходит из того, что Союз создан на основе универсальных правил – например, целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций, норм, правил и принципов Всемирной торговой организации (см. преамбулу, приложение 31 к Договору), а международной основой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности являются Гармонизированная система описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации и единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (пункт 2 статьи 19 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года).

Таким образом, сам Договор определяет обязанность органов Союза соблюдать взятые государствами-членами обязательства, вытекающие из международных договоров: то, что обязательно для государств – членов Союза, обязательно и для органов Союза в сфере переданной ему компетенции. Иной подход мог бы лишь означать, что международная организация «ловко» подменила государства-члены с целью отклонения их обязательств (нарушения) в сфере универсального международного права, в том числе вытекающих из обязательств государств-членов перед Всемирной таможенной организацией. В этом контексте следует подчеркнуть, что другие международные организации понимают этот вопрос так же: например, Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации признает, что решения Союза являются «мерами» государств – членов Союза, за которые государства-члены могут нести международно-правовую ответственность (см., например, дело *Russia – Tariff Treatment of Certain Agricultural and Manufacturing Products*).

2. В процессуально-единообразном контексте соблюдения международных обязательств Суд неоднократно решал этот вопрос. Постановление по прекращению производства по делу по заявлению ООО «Электронная таможенная» немотивированно нарушает устоявшуюся единообразную практику Суда, поддерживаемую в течение длительного периода в его обязательных решениях, поскольку вопрос о том, что Конвенция является составной частью права Союза, был ранее разрешен в следующих решениях Суда ЕАЭС (Суда Евразийского экономического сообщества):

- 1) Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года;
- 2) Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года;
- 3) Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2018 года;
- 4) Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года;

5) Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 2 июня 2016 года;

6) Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года;

7) Решение Суда Евразийского экономического союза от 4 апреля 2016 года;

8) Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического общества от 29 декабря 2014 года;

9) Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического общества от 14 октября 2014 года;

10) Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического сообщества от 21 февраля 2013 года.

Однако немотивированное пренебрежение к устоявшейся практике Суда породило пренебрежительное отношение к правам и интересам хозяйствующих субъектов – основе нашей интеграции, что не соответствует общепринятым подходам. Судебная практика выявила, что подобный подход используется в отношении успешных хозяйствующих субъектов, а также в отношении тех, кто защитил свои права в судах, и включает в себя внесение в решения ЕЭК о классификации товара сведений о неоднородных товарах: лекарство и упаковка для него, сырье и конечный продукт из сырья, что не соответствует общепринятым подходам в международной торговле. Все это было бы лишь несовременно или непрофессионально, если бы не выглядело столь опасно препятствующим развитию добросовестной конкурентной деловой активности на едином рынке ЕАЭС.

Особо следует отметить, что постановление о прекращении производства по делу не разрешает вопрос по существу, выносится в ходе осуществления судопроизводства по процедурным вопросам деятельности Суда (статья 1 Регламента Суда) и, следовательно, не может формализовать единообразное понимание права Союза, излагаемое Судом в обязательных решениях по спорным вопросам, вытекающим из конфликтных правоотношений, и рекомендательных консультативных заключениях по вопросам различного понимания права Союза государствами-членами и органами Союза, не перешедшего в стадию спора. Однако формулировки из постановления о прекращении производства по делу вновь используются ответчиком как «таран» против устоявшейся практики Суда.

По процессуальному элементу также отмечаю, что Статут Суда исходит из того, что 10 судей Суда ЕАЭС смогут договориться между собой и не будут решать один и тот же вопрос по-разному, неединообразно, немотивированно меняя подходы, поскольку цель их деятельности – единообразное понимание права Союза.

3. Неприятный момент, влияющий на единообразие в отправлении правосудия, – этико-организационный. Появление неединообразной практики

(не в первый раз) совпадает с выборами руководства Суда ЕАЭС. Пункты 15, 16 Статута Суда предусматривают, что Председатель Суда и его заместитель избираются на 3 года, исходя из принципа суверенного равенства государств (статья 3 Договора) и принципа равенства судей (пункт 20 Статута Суда).

При прекращении полномочий Председатель Суда и его заместитель избираются из числа судей, представленных иными государствами-членами, нежели те, которыми были представлены предыдущий Председатель Суда и его заместитель, что не предполагает, что в нарушение принципа равенства судей одно лицо из них будет осуществлять полномочия руководителя в течение шести и более лет. Более того, пунктом 20 Статута Суда предусмотрено, что Председатель Суда и его заместитель не вправе предпринимать действия, приводящие к конфликту интересов или их личным преимуществам, нарушающим равенство судей, в том числе касающиеся рассмотрения дел. Этика этих статей предполагает, что ни один из руководителей не будет предпринимать действий, давать обещания вне общего консенсуса.

Однако проведение выборов руководителей Суда с отступлением от указанных принципов приводит к сбою в организации работы по созданию единообразной судебной практики. Избрание происходит без консенсуса, без учета мнения всех, за счет нескольких судей, что нарушает, в частности, принцип равенства судей и стандарт ротации руководителей международного суда каждые три года, а в целом – извращает смысл и дух Договора: одни и те же лица руководят Судом в течение более шести лет без фактической ротации через три года, получая дополнительные властные полномочия, денежные доплаты, привилегии, но упуская из вида такую «утопию», как единообразное применение международных договоров. Поддержание единообразного правоприменения не рассматривается в качестве основной задачи Суда.

Но Договор таких преференций для отдельных стран и судей не предусматривает, императивно нацеливая Суд соблюдать равенство, принцип ротации, обеспечивая единообразие применения международных норм без немотивированного отступления от сформулированного в устоявшейся практике.

Однако, осознавая истину, что судьи – не боги, но люди, которые в том числе вынуждены претерпевать давление, оскорбления, прямые угрозы и другое негативное воздействие за отстаивание своих позиций во имя единообразного применения права, следует стремиться к созданию более четких и определенных судебных позиций, способных как защитить самостоятельность, независимость судьи, так и препятствовать искажению целей и принципов евразийской интеграции.

В настоящее время поставленная задача не решается в том числе и потому, что Комиссия рассматривает Суд как ординарную судебную инстанцию и последовательно отказывается следовать единообразному правопониманию в угоду бюрократическим интересам, но не интеграции в целом.

Итак, с сожалением следует констатировать, что в первоначальный период развития евразийского правосудия нарушения целей и духа Договора возникли на уровне организационно-этических процедур, затем сказались на судопроизводстве, повлияв на процесс, что привело к тому, что создание единообразной практики в области применения международных договоров, основу для которой сегодня дают в основном российские бизнес-структуры, становится если не невозможным, но труднодостижимым.

Такая взаимосвязь несовершенства организационных процедур и процесса рассмотрения дел подрывает единство правоприменительной практики, а также не соответствует идее создания Союза, которая описана в преамбуле Договора – «гарантировать устойчивый рост деловой активности, сбалансированную торговлю и добросовестную конкуренцию» путем защиты прав и интересов хозяйствующих субъектов, обеспечивающих экономическое развитие.

Судья

Т.Н. Нешатаева

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1 декабря 2020 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Чайки К.Л., судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., при секретаре судебного заседания Чеченовой Н.С., рассмотрев в открытом судебном заседании жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда от 6 ноября 2020 года по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим статьям 1-3, 12 Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров, статьям 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе, статьям 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, Основным правилам интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза,

УСТАНОВИЛА:

Коллегия Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) 6 ноября 2020 года рассмотрела спор между обществом с ограниченной ответственностью «Монокристалл» (далее – ООО «Монокристалл», истец) и Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК, Комиссия).

Решением Коллегии Суда требования истца удовлетворены, оспариваемое решение Коллегии Комиссии признано не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз).

Комиссия, не согласившись с решением Коллегии Суда, 20 ноября 2020 года обратилась с жалобой в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата Суда).

Комиссия считает, что решение Коллегии Суда основано на неправильном применении материального и процессуального права, неверной оценке до-

казательств и вынесено с существенным нарушением Статута, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут). По мнению Комиссии, Коллегия Суда нарушила статью 45 Договора, статьи 20 и 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, статьи 45 и 48 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент).

Руководствуясь пунктом 110 Статута, Комиссия просит отменить решение Коллегии Суда, отказать в удовлетворении требований ООО «Монокристалл» и признать решение Коллегии ЕЭК от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Апелляционная палата Суда считает, что жалоба подана уполномоченным лицом, срок подачи жалобы соблюден, ее содержание и приложения к ней соответствуют требованиям статьи 63 Регламента.

Основания для отказа в принятии жалобы к производству или для ее оставления без движения, предусмотренные пунктами 2 и 3 статьи 64 Регламента, отсутствуют.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 79 – 81 Статута, статьями 60 - 65 и 84 Регламента, Апелляционная палата Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим статьям 1–3, 12 Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров, статьям 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе, статьям 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, Основным правилам интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 14 января 2021 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

К.Л. Чайка

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

РЕШЕНИЕ

15 февраля 2021 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Чайки К.Л., судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., при секретаре судебного заседания Чеченовой Н.С., с участием:

представителей общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» Портновой Г.В., Сафонова В.С., Хусточкина А.Н., Чикина В.И.,

представителей Евразийской экономической комиссии Дорошкевича В.А., Колосовой Т.А., Солопова В.И., Юрлова И.А.,

рассмотрев в открытом судебном заседании жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда от 6 ноября 2020 года об удовлетворении заявления общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Коллегия Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) 6 ноября 2020 года рассмотрела спор между обществом с ограниченной ответственностью «Монокристалл» (далее – ООО «Монокристалл», истец) и Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК, Комиссия) о признании не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз) решения Коллегии ЕЭК от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 84).

Решением Коллегии Суда требования истца удовлетворены, оспариваемое решение Коллегии Комиссии признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Комиссия, не согласившись с решением Коллегии Суда, 20 ноября 2020 года обратилась с жалобой в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата).

Постановлением Апелляционной палаты от 1 декабря 2020 года жалоба Комиссии на решение Коллегии Суда принята к производству.

В отзыве на жалобу и в дополнениях к нему, поступивших в Суд 21 декабря 2020 года и 12 января 2021 года, ООО «Монокристалл» просит оставить жалобу без удовлетворения, решение Коллегии Суда – без изменения.

2. Доводы жалобы

2.1. Комиссия полагает, что Коллегия Суда необоснованно применила положения пункта 2 статьи 45 Договора, посвященные таможенно-тарифному регулированию, при разрешении спора о соответствии Договору и международным договорам в рамках Союза решения о классификации отдельного вида товара. ЕЭК исходит из того, что полномочия по изменению ставок ввозных таможенных пошлин и принятию решений о классификации отдельных видов товаров относятся к различным сферам правового регулирования и устанавливаются разными нормами права Союза. Исходя из положений статьи 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), пункта 14 Положения о Комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору (далее – Положение о Комиссии), и пункта 59 Регламента работы Комиссии, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 98 (далее – Регламент работы Комиссии), Комиссия приходит к выводу, что Коллегия ЕЭК наделена полномочиями по принятию решений о классификации отдельных видов товаров, независимо от их отнесения к числу чувствительных.

2.2. По мнению Комиссии, неединообразная практика применения Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – Товарная номенклатура) в государствах-членах не является обязательным условием для реализации ЕЭК права на принятие акта Союза в форме решения о классификации отдельного вида товара.

2.3. Комиссия указывает, что вывод Коллегии Суда о необходимости учитывать при принятии решения о классификации отдельного вида товара практику его классификации в странах, использующих Гармонизированную систему описания и кодирования товаров (далее – Гармонизированная система), противоречит пункту 4 статьи 20 ТК ЕАЭС.

2.4. По утверждению Комиссии, Коллегия Суда нарушила положения статей 48 и 78 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), не рассмотрев по существу заявление ООО «Монокристалл» об уточнении требований и не дав им надлежащую

правовую оценку. Нарушение процессуального порядка ЕЭК усматривает в том, что Коллегией Суда не заслушано мнение Комиссии по существу заявленного уточнения требований, а также не вынесено постановление в форме отдельного судебного акта.

2.5. Комиссия полагает, что вывод Коллегии Суда о невозможности классификации в Товарной номенклатуре химических веществ, образующих конкретные товары, и о недостаточности критерия химического состава для классификации отдельного вида товара не согласуется с содержанием текста товарной позиции 2818 и текстов субпозиций 2818 10, 2818 20 и 2818 30 Товарной номенклатуры, а также с положениями Основных правил интерпретации Товарной номенклатуры (далее – ОПИ Товарной номенклатуры). Учитывая, что для целей классификации товара «искусственный корунд» в позиции 2818 Товарной номенклатуры основными критериями являются наименование, состав, структура и природа происхождения, способ получения данного товара и сфера его дальнейшего использования не имеют юридического значения.

2.6. Комиссия выражает несогласие с выводом Коллегии Суда, согласно которому при принятии Решения № 84 учитывались лишь положения тома VI Пояснений к Товарной номенклатуре, противоречащие содержанию тома I Пояснений, что повлекло введение оспариваемым решением нового способа производства искусственного корунда.

ЕЭК указывает, что в томе I Пояснений в отношении товарной позиции 2818 Товарной номенклатуры содержится лишь один из способов производства данного товара и возможные варианты его применения, которые не являются классификационными признаками для отнесения искусственного корунда в товарную субпозицию 2818 10 Товарной номенклатуры. В свою очередь, том VI Пояснений содержит более подробные характеристики товаров, входящих в субпозиции товарной позиции 2818 Товарной номенклатуры. На основе изложенного Комиссия приходит к выводу, что такие характеристики как форма, внешний вид, физические свойства, способ производства и дальнейшее использование товаров имеют вторичное значение для их классификации в товарной позиции 2818 Товарной номенклатуры.

2.7. По мнению Комиссии, термины «альфа-оксид алюминия» и «корунд» являются синонимичными понятиями. Корунд представляет собой альфа-модификацию оксида алюминия, природа происхождения которого определяет возможность отнесения данного товара к позиции 2513 (природный корунд) или 2818 (искусственный корунд определенного или неопределенного химического состава) Товарной номенклатуры.

2.8. Относительно способа производства искусственного корунда Комиссия отмечает, что плавление не является единственным вариантом получения данного вида товара. В подтверждение данного вывода ЕЭК ссылается на возможность применения метода Байера, который заключается в прокаливании

оксида алюминия гамма-модификации при температуре 1100 – 1200°С для целей получения альфа-модификации оксида алюминия, также именуемого корундом.

2.9. Комиссия считает, что вывод Коллегии Суда о несогласии Комитета Всемирной таможенной организации по Гармонизированной системе (далее – Комитет по Гармонизированной системе) с предложением Российской Федерации о внесении изменений в Пояснения к товарной позиции 2818 Гармонизированной системы, основан на неверной оценке фактических обстоятельств.

Учитывая, что пятый, шестой, седьмой и восьмой доводы Комиссии взаимосвязаны и сводятся к утверждению о неверной оценке Коллегией Суда правильности классификации в Решении № 84 искусственного корунда исходя из его химического состава и способа производства, Апелляционная палата считает, что указанные доводы подлежат совместному рассмотрению.

3. Возражения ООО «Монокристалл»

3.1. Истец считает обоснованным вывод Коллегии Суда о нарушении Комиссией статьи 45 Договора при принятии Решения № 84 и мотивирует свою позицию ссылкой на тарифные обязательства Российской Федерации, зафиксированные в Перечне CLXV Протокола «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» в отношении искусственного корунда и оксида алюминия, отличного от искусственного корунда.

3.2. ООО «Монокристалл» выражает несогласие с доводом Комиссии, согласно которому ей принадлежит право принятия решений о классификации отдельных видов товаров, независимо от наличия неединообразной практики применения Товарной номенклатуры уполномоченными органами государств-членов.

Истец полагает, что Комиссия не обосновала необходимость принятия Решения № 84, а также не представила сведения о неединообразной классификации искусственного корунда или оксида алюминия.

ООО «Монокристалл» также отмечает, что Решение № 84 принято Комиссией с нарушением Порядка подготовки ЕЭК решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденного решением Коллегии Комиссии от 2 декабря 2013 года № 284, в связи с недостаточностью информации, необходимой для классификации искусственного корунда.

3.3. По мнению ООО «Монокристалл», Коллегия Суда обоснованно установила, что Комиссия неправомерно не учла сложившуюся международную практику классификации оксида алюминия.

Истец в обоснование несоответствия Решения № 84 праву Союза ссылается на таможенно-тарифные определения, выданные таможенными органами государств – членов Европейского союза, Соединенных Штатов Америки и Республики Корея.

3.4. ООО «Монокристалл», возражая против довода Комиссии о нарушении положений Регламента в связи с ненадлежащим рассмотрением заявления истца об уточнении требований, отмечает, что указанное заявление не привело к изменению основания или предмета иска, в связи с чем не требовалось вынесение постановления Коллегии Суда в форме отдельного судебного акта. Истец также указывает, что представителями ЕЭК в заседании Коллегии Суда 3 ноября 2020 года высказано мнение по существу заявленного ходатайства.

3.5. ООО «Монокристалл» считает, что вывод Коллегии Суда о нарушении Комиссией при принятии Решения № 84 ОПИ Товарной номенклатуры соответствует праву Союза.

Истец усматривает несоответствие Решения № 84 Товарной номенклатуре в том, что оспариваемым решением введены классификационные признаки искусственного корунда, не указанные в Товарной номенклатуре и в томе I Пояснений. К числу таких признаков ООО «Монокристалл» относит альфа-модификацию оксида алюминия и изготовление искусственного корунда при температуре свыше 1200°C, независимо от способа производства.

3.6. Истец возражает против довода Комиссии о правомерном использовании положений тома VI Пояснений к Товарной номенклатуре, уточняющих характеристики товаров, классифицируемых в субпозициях товарной позиции 2818 Товарной номенклатуры.

ООО «Монокристалл» утверждает, что приоритет тома I по отношению к тому VI Пояснений к Товарной номенклатуре обусловлен тем фактом, что том I воспроизводит Пояснения к Гармонизированной системе и содержащиеся в нем классификационные признаки товаров группы 2818 Товарной номенклатуры учитывались государствами – членами Всемирной торговой организации (далее – ВТО) при согласовании тарифных уступок Российской Федерации, впоследствии ставших тарифными уступками Союза.

3.7. Истец считает, что довод Комиссии об идентичности понятий «альфа-оксид алюминия» и «корунд», а также о том, что критерием отнесения оксида алюминия к корунду является наличие кристаллической альфа-решетки, не соответствует действительности и противоречит официальным пояснениям академий наук государств – членов Союза.

3.8. ООО «Монокристалл» выражает несогласие с позицией Комиссии, согласно которой искусственный корунд, помимо плавления, может быть произведен методом Байера, то есть посредством прокаливания при температуре около 1200°C. Истец, ссылаясь на пояснения научных учреждений, полученные Коллегией Суда, утверждает, что искусственный корунд может быть получен исключительно в результате плавления оксида алюминия при температуре от 2050°C и выше.

3.9. Истец полагает, что позиции государств, высказанные в ходе сессий Комитета по Гармонизированной системе, обоснованно учтены Коллегией

Суда, поскольку с учетом взаимосвязи тарифных обязательств в рамках ВТО иной подход нарушает принцип предсказуемости международной торговли и не соответствует правомерным ожиданиям участников международных соглашений ВТО.

4. Процедура и пределы апелляционного разбирательства

Статьей 60 Регламента установлено, что Апелляционная палата рассматривает дело в судебном заседании по правилам для Коллегии Суда с учетом особенностей, предусмотренных Статутом и главой VII Регламента.

В соответствии с пунктом 1 статьи 69 Регламента Суд рассматривает жалобу на основании материалов, имеющих в деле, в пределах доводов, изложенных в жалобе и возражениях на нее, которые могут быть дополнены сторонами в ходе судебного разбирательства.

Учитывая пределы апелляционного разбирательства, определенные пунктом 2 статьи 69 Регламента, Апелляционная палата проверяет, соответствуют ли выводы Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, определяющих порядок судопроизводства в Суде.

В силу пункта 1 статьи 70 Регламента основанием для изменения или отмены обжалуемого решения Суда является неправильное применение и (или) несоблюдение Коллегией Суда норм права.

Согласно пункту 2 статьи 70 Регламента неправильное применение и (или) несоблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде, являются основанием для изменения или отмены решения Коллегии Суда, если это нарушение привело к принятию неправильного или необоснованного решения.

5. Выводы Апелляционной палаты

5.1. По доводу Комиссии о неверном применении Коллегией Суда пункта 2 статьи 45 Договора при оценке полномочий ЕЭК на принятие Решения № 84 Апелляционная палата отмечает следующее.

Вывод Коллегии Суда о принятии Коллегией Комиссии оспариваемого решения с превышением полномочий основан на том, что данный акт изменяет объем товарных позиций 2818 10 и 2818 20 Товарной номенклатуры, в связи с чем влияет на размер ставки ввозной таможенной пошлины на товары, отнесенные к числу чувствительных. Исходя из пункта 2 статьи 45 Договора и решения Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 года № 16 «О перечне чувствительных товаров, в отношении которых решение об изменении ставки ввозной таможенной пошлины принимается Советом Евразийской экономической комиссии», по мнению Коллегии Суда, полномочием на принятие Решения № 84 обладал исключительно Совет Комиссии.

Апелляционная палата не может согласиться с указанным выводом Коллегии Суда по следующим основаниям.

В соответствии с пунктом 1 статьи 18 Договора и пунктом 11 Положения о Комиссии Евразийская экономическая комиссия состоит из Совета и Коллегии, порядок деятельности которых регулируется Регламентом ее работы.

В силу пункта 2 статьи 8 Договора и пункта 3 Положения о Комиссии ЕЭК осуществляет деятельность в сфере таможенно-тарифного и таможенного регулирования в пределах полномочий, предоставленных ей Договором и международными договорами в рамках Союза.

Статьей 32 Договора предусмотрено, что в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с положениями Договора, ТК ЕАЭС и регулируемыми таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза.

Полномочия Комиссии в сфере таможенно-тарифного регулирования установлены пунктом 1 статьи 45 Договора и включают ведение Товарной номенклатуры и Единого таможенного-тарифа Союза. Из пункта 2 статьи 45 Договора следует, что Совет Комиссии уполномочен на принятие решений об изменении ставки ввозной таможенной пошлины в отношении чувствительных товаров, включенных в Перечень, утверждаемый Высшим Евразийским экономическим советом.

В соответствии с пунктом 1 статьи 19 ТК ЕАЭС Товарная номенклатура представляет собой систему описания и кодирования товаров, которая используется для классификации товаров, в том числе в целях применения мер таможенно-тарифного регулирования.

Согласно пунктам 1 и 2 статьи 22 ТК ЕАЭС в целях обеспечения единообразного применения Товарной номенклатуры Комиссия принимает решения о классификации отдельных видов товаров.

По мнению Апелляционной палаты, полномочия по принятию решений о классификации отдельных видов товаров и полномочия по изменению ставок ввозной таможенной пошлины относятся к различным группам полномочий, осуществляемым на основании отличных норм права Союза. Принятие Комиссией классификационного решения в отношении отдельного вида товара, входящего в перечень чувствительных, не приводит к изменению ставки ввозной таможенной пошлины и не определяет объем субпозиций, который установлен Товарной номенклатурой.

Таким образом, Апелляционная палата считает, что вывод Коллегии Суда о нарушении ЕЭК требований пункта 2 статьи 45 Договора при принятии Решения № 84 является несостоятельным.

5.2. Апелляционная палата признает обоснованным довод Комиссии о неверной интерпретации в обжалуемом судебном решении пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС.

Из смыслового содержания пунктов 1 и 2 статьи 8, статьи 45 Договора, статьи 22 ТК ЕАЭС следует, что наделение Комиссии как наднационального регулирующего органа полномочиями производится на основании Договора и международных договоров в рамках Союза.

Часть 1 пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС представляет Комиссии право на принятие решений о классификации отдельных видов товаров в целях обеспечения единообразного применения Товарной номенклатуры на основании предложений таможенных органов государств-членов.

Апелляционная палата считает, что такое условие, как различная классификация товаров в принятых таможенными органами предварительных решениях о классификации товаров, в решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров, принятых таможенными органами в соответствии с пунктом 6 статьи 21 ТК ЕАЭС, относится к абзацу второму пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС, который регулирует принятие Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров по собственной инициативе.

Данный вывод согласуется с правовой позицией, изложенной в решении Апелляционной палаты Суда от 7 октября 2020 года по заявлению АО «Транс-ЛогистикКонсалт».

Положения абзаца первого пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС определяют цели, которые преследует Комиссия, принимая решения о классификации отдельного вида товаров по предложениям таможенных органов государств-членов.

Абзац первый пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС обязывает Комиссию по обращению таможенного органа любого государства-члена с предложением о классификации отдельного вида товара рассмотреть такое обращение и принять соответствующее решение о классификации.

Цель обеспечения единообразного применения Товарной номенклатуры не предусматривает обязательное наличие неединообразной практики применения при классификации соответствующего вида товара в других государствах-членах.

Исходя из абзаца первого пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС Комиссия вправе принять решение о классификации отдельного вида товара по предложению таможенного органа и в отсутствие фактов различной классификации как в практике таможенных органов, так и в актах, обозначенных в абзаце втором пункта 1 этой же статьи.

Апелляционная палата учитывает решение от 7 марта 2019 года по заявлению ЗАО «Санофи-Авентис Восток», в котором указано, что взаимосвязанное прочтение положений статьи 45 Договора, пункта 7 статьи 52 ТК ТС (пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС), пунктов 4, 13, 14 Положения о Комиссии дает основание полагать, что правом Союза не установлено ограничение для принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров исключительно в случае, если инициативное обращение уполномоченных таможенных органов

государств – членов Союза обусловлено наличием неединообразной практики в вопросах классификации по одним и тем же видам товаров в государствах – членах Союза. Обеспечение единообразных подходов при классификации отдельных видов товаров на всей таможенной территории Союза является целью принимаемых Комиссией классификационных решений. Однако наличие неединообразной практики толкования (применения Товарной номенклатуры) не является обязательным условием для принятия таких решений.

При таких обстоятельствах Апелляционная палата считает, что непредставление таможенным органом сведений о неединообразной практике классификации отдельных видов товаров при реализации правомочий, предусмотренных абзацем первым пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС, не может квалифицироваться как несоблюдение Комиссией установленной процедуры принятия решений о классификации отдельных видов товаров, и считает довод Комиссии о неверной интерпретации Коллегией Суда положений статьи 22 ТК ЕАЭС обоснованным.

5.3. Рассмотрев довод Комиссии о несоответствии пункту 4 статьи 20 ТК ЕАЭС вывода Коллегии Суда о необходимости учета при принятии решения о классификации отдельного вида товара практики его классификации в странах, использующих Гармонизированную систему, Апелляционная палата приходит к следующему выводу.

Коллегия Суда со ссылкой на пункт 1 статьи 3 Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (далее – Конвенция о Гармонизированной системе) сформулировала позицию, согласно которой при соблюдении всеми участниками данной Конвенции правил об использовании всех товарных позиций и субпозиций Гармонизированной системы и сохранении их содержания классификация одних и тех же товаров в странах экспорта и импорта должна совпадать.

В силу пункта 2 статьи 19 ТК ЕАЭС международной основой Товарной номенклатуры являются Гармонизированная система и Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств. Учитывая приведенную норму, а также пункт 1 статьи 42 и пункт 1 статьи 45 Договора, пункт 5 статьи 19 ТК ЕАЭС следует, что полномочия Комиссии на принятие решений по утверждению и ведению Товарной номенклатуры, включая внесение в нее изменений, ограничены необходимостью обеспечения ее соответствия Гармонизированной системе.

Смысловое содержание пункта 1 статьи 3 Конвенции о Гармонизированной системе означает, что ее Договаривающиеся Стороны с целью гарантирования соответствия своих таможенно-тарифных номенклатур Гармонизированной системе приняли на себя обязательства: (1) использовать все товарные позиции и субпозиции Гармонизированной системы, а также относящиеся к ним цифровые коды без каких-либо дополнений или изменений; (2) применять ос-

новые правила интерпретации, а также все примечания к разделам, группам, товарным позициям и субпозициям; (3) не изменять содержание разделов, групп, товарных позиций или субпозиций Гармонизированной системы; (4) соблюдать порядок кодирования, принятый в Гармонизированной системе.

Пункт 1 статьи 3 Конвенции о Гармонизированной системе определяет, что вне пределов указанных обязательств участники Конвенции обладают дискрецией по классификации отдельных видов товаров, что не исключает различные подходы к их отнесению в определенные товарные субпозиции и подсубпозиции таможенно-тарифных номенклатур.

С учетом изложенного Апелляционная палата соглашается с доводом Комиссии, что практика других государств по отнесению товара в определенную субпозицию и подсубпозицию таможенно-тарифной номенклатуры не является для ЕЭК обязательной при вынесении решения о классификации отдельного вида товара.

Поскольку статьей 22 ТК ЕАЭС Комиссия наделена компетенцией на принятие решений о классификации отдельных видов товаров, а Решение № 84 принято в рамках данных полномочий, Апелляционная палата соглашается с аргументом Комиссии, что вывод Коллегии Суда об обязанности Комиссии учитывать практику других государств о классификации конкретного товара, импортируемого ООО «Монокристалл», не согласуется с правом Союза.

5.4. В рамках оценки довода Комиссии о нарушении Коллегией Суда статей 48 и 78 Регламента при рассмотрении заявления ООО «Монокристалл» об уточнении требований Апелляционная палата приходит к следующему выводу.

Из материалов дела следует, что при обращении в Суд истец просил признать Решение № 84 не соответствующим положениям статей 1 – 3 и 12 Конвенции о Гармонизированной системе, статей 3, 25 и 32 Договора; статей 19 и 22 ТК ЕАЭС, а также ОПИ Товарной номенклатуры. Заявление с указанными требованиями принято к производству, и к их рассмотрению Коллегия Суда приступила в судебном заседании 21 октября 2020 года.

28 октября 2020 года ООО «Монокристалл» заявило об уточнении требований, дополнив основания несоответствия Решения № 84 праву Союза ссылкой на статьи 45 и 99 Договора, пункт 2 статьи 2 Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы (далее – Договор о функционировании), а также статьи II:1(a) и II:1(b) Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года.

Апелляционная палата отмечает, что в соответствии с принципом состязательности, предусмотренным статьей 23 Регламента, истец обязан обосновать свои требования, а ответчик вправе представить возражения на заявленные требования; стороны вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства и несут риск совершения или несовершения ими процессуальных действий.

Статьей 48 Регламента установлено, что заявления и ходатайства сторон по существу заявленных требований подаются в Суд в письменной форме или излагаются устно в ходе судебного заседания, заносятся в протокол и разрешаются непосредственно в ходе судебного заседания после заслушивания мнения другой стороны, о чем Суд выносит соответствующее постановление.

Подпункт 2 пункта 39 Статута наделяет Суд компетенцией по разрешению споров о соответствии Договору и (или) международным договорам в рамках Союза решения или действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Пункт 2 статьи 9 Регламента возлагает на хозяйствующего субъекта обязанность при обращении в Суд указать в заявлении требование о признании решения или действия (бездействия) ЕЭК не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Уяснение данных правовых норм свидетельствует, что требование хозяйствующего субъекта, образующее предмет спора, заключается в признании решения Комиссии не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза либо в признании действия (бездействия) не соответствующим договорам Союза. С учетом изложенного Апелляционная палата считает, что несмотря на дополнение правовой квалификации иска статьями 45 и 99 Договора, пунктом 2 статьи 2 Договора о функционировании, а также статьями II:1(a) и II:1(b) Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года, ООО «Монокристалл» не изменило существо материально-правового требования.

Из материалов дела следует, что в письменных пояснениях от 2 ноября 2020 года, а также в ходе судебного заседания 3 ноября 2020 года позиция Комиссии изложена по существу произведенного истцом дополнения правовой квалификации заявления об оспаривании Решения № 84. Коллегия Суда в соответствии со статьей 48 Регламента не приняла соответствующее постановление по итогам обсуждения заявления истца об уточнении требований. Однако данное нарушение не повлияло на права и законные интересы сторон.

В соответствии с пунктом 3 статьи 78 Регламента обязательным элементом описательной части решения является изложение требований истца. Решение Коллегии Суда содержит как требования ООО «Монокристалл» в первоначальной редакции, так и сведения об их уточнении, что свидетельствует о соблюдении пункта 3 статьи 78 Регламента.

Резолютивная часть решения Коллегии Суда о признании Решения № 84 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза сформулирована на основании пункта 108 Статута, что соответствует пункту 5 статьи 78 Регламента, который не предписывает Суду в резолютивной части высказываться по доводам сторон.

С учетом изложенного Апелляционная палата отклоняет рассматриваемый довод Комиссии.

5.5. Апелляционная палата, оценив довод Комиссии о несоответствии праву Союза вывода Коллегии Суда об ошибочности классификации отдельного вида товара – искусственного корунда в Решении № 84, установила следующее.

5.5.1. В соответствии с ОПИ 1 Товарной номенклатуры для юридических целей классификация товаров осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам и, если такими текстами не предусмотрено иное, в соответствии с положениями ОПИ 2 – 5 Товарной номенклатуры.

Для этих же целей классификация товаров в субпозициях товарной позиции должна осуществляться в соответствии с наименованиями субпозиций и примечаниями, имеющими отношение к субпозициям, а также, *mutatis mutandis*, положениями ОПИ 2 – 5 Товарной номенклатуры при условии, что лишь субпозиции на одном уровне являются сравнимыми. Для целей ОПИ 6 Товарной номенклатуры также могут применяться соответствующие примечания к разделам и группам, если в контексте не оговорено иное.

Изложенное означает, что при классификации отдельного вида товара наименования товарных позиций и примечания к разделам или группам являются приоритетными и учитываются в первую очередь.

Вспомогательным источником интерпретации Товарной номенклатуры служат Пояснения, которые введены в действие рекомендацией Коллегии ЕЭК от 7 ноября 2017 года № 21 и содержат краткое описание товаров и областей их возможного применения; классификационные признаки и конкретные перечни товаров, включаемых или исключаемых из соответствующих позиций; иную информацию, необходимую для однозначного отнесения товара к определенной позиции Товарной номенклатуры.

Согласно преамбуле Пояснений к Товарной номенклатуре томов I – V ЕАЭС последние основаны на русскоязычной версии Пояснений к Гармонизированной системе и Пояснениях к единой Товарной номенклатуре СНГ.

Том VI Пояснений к Товарной номенклатуре основан на Пояснениях к Комбинированной номенклатуре Европейского союза, а также содержит пояснения Евразийского экономического союза. Пояснения, включенные в том VI, не заменяют собой пояснения, содержащиеся в первых пяти томах, а рассматриваются как дополняющие последние и подлежат использованию совместно с ними. При таких обстоятельствах Апелляционная палата приходит к выводу, что классификационные характеристики товаров, содержащиеся в том VI Пояснений к Товарной номенклатуре, подлежат применению во взаимосвязи и с учетом тома I Пояснений.

5.5.2. Товарная позиция 2818 «искусственный корунд определенного или неопределенного химического состава; оксид алюминия; гидроксид алюми-

ния» включена в группу 28 Товарной номенклатуры «Продукты неорганической химии; соединения неорганические или органические драгоценных металлов, редкоземельных металлов, радиоактивных элементов или изотопов». В свою очередь, группа 28 Товарной номенклатуры входит в раздел VI, который поименован «Продукция химической и связанной с ней отраслей промышленности».

Согласно Товарной номенклатуре позиции 2818 подчинены три субпозиции:

- 2818 10 «– искусственный корунд определенного или неопределенного химического состава»;
- 2818 20 000 0 «– оксид алюминия, отличный от искусственного корунда»;
- 2818 30 000 0 «– гидроксид алюминия».

Исходя из буквального толкования текстов раздела VI Товарной номенклатуры и томов I, VI Пояснений Апелляционная палата приходит к выводу, что принципом построения данного раздела и товарной позиции 2818 Товарной номенклатуры является наименование товара, химический состав, структура, природа происхождения, процесс получения товара и его предназначение.

На основе ОПИ 1 и 6 Товарной номенклатуры, исходя из названий товарных субпозиций 2818 10 и 2818 20 Товарной номенклатуры, следуют выводы, что:

товарная субпозиция 2818 20 включает в себя оксиды алюминия, которые не являются искусственными корундами;

оксиды алюминия, являющиеся искусственными корундами, вне зависимости от размера частиц, наличия кусков или уровня дробления массы (до любого состояния, до любых минимальных размеров) не могут относиться к товарной субпозиции 2818 20.

Положения Товарной номенклатуры относят искусственный корунд вне зависимости от определенности химического состава, содержания оксида алюминия, размеров частиц и их количества к субпозиции 2818 10 Товарной номенклатуры.

С учетом изложенного Апелляционная палата Суда признает необоснованным вывод Коллегии Суда, согласно которому при отнесении товара к соответствующему коду Товарной номенклатуры необходимо учитывать все его возможные характеристики и свойства.

Учитывая сформулированный в пункте 5.5.1 настоящего решения вывод о рекомендательном характере Пояснений к Товарной номенклатуре, Апелляционная палата не соглашается с подходом Коллегии Суда о наличии противоречий между текстами Пояснений к товарной позиции 2818 Товарной номенклатуре, включенных в тома I и VI.

Пояснения к товарной позиции 2818 Товарной номенклатуры и подчиненным ей субпозициям содержат возможные способы получения искусственно-

го корунда и дополнительные характеристики в виде его формы, возможного применения, позволяющие более полно описать и идентифицировать товар при декларировании, при этом не ограничиваясь ими. В частности, Пояснения, предполагая поставку искусственного корунда в виде небольших кусков или массы, раздробленной или в зернах, не ограничивают минимальный размер частиц, из которых может состоять раздробленная масса.

Апелляционная палата считает, что указанный в томе I Пояснений к Товарной номенклатуре способ получения искусственного корунда плавлением носит информационный, а не обязательный характер.

Вспомогательным инструментом для уяснения способов получения искусственного корунда служит том VI Пояснений к Товарной номенклатуре. Согласно тому VI Пояснений в части подсубпозиций 2818 10 110 0 – 2818 10 990 0 Товарной номенклатуры искусственный корунд представляет собой альфа-модификацию оксида алюминия (корунда), получаемого в результате технологического процесса, например, в результате плавления оксида алюминия в электропечи, а также кристаллического перехода оксида алюминия в альфа-форму из его других кристаллических форм в процессе прокаливания при температуре более 1200°C.

С учетом изложенного Апелляционная палата признает обоснованным довод Комиссии, в соответствии с которым в Пояснениях к Товарной номенклатуре отсутствует исчерпывающий перечень характеристик и способов получения искусственного корунда.

Апелляционная палата исходит из того, что определяющее значение для текстов Пояснений к товарной позиции 2818 Товарной номенклатуры, описывающих искусственный корунд и оксид алюминия, отличный от искусственного корунда, имеет наименование конечного товара, независимо от способа его получения.

Решением № 84 искусственный корунд, представляющий собой альфа-модификацию оксида алюминия (корунд), получаемого различными способами в результате кристаллического перехода оксида алюминия в альфа-форму из других кристаллических форм в процессе прокаливания при температуре более 1200°C, в соответствии с правилами 1 и 6 ОПИ Товарной номенклатуры классифицирован в субпозиции 2818 10 Товарной номенклатуры.

Изложенное означает, что оспариваемым решением Комиссии установлены классификационные характеристики искусственного корунда как отдельного вида товара в виде химического состава – альфа-модификации оксида алюминия (корунда), и способа его получения – прокаливанием при температуре более 1200°C (например, по методу Байера или спеканием с известью и содой).

В рамках оценки влияния химического состава на классификацию искусственного корунда Апелляционная палата признает обоснованным довод Ко-

миссии о синонимичности терминов «альфа-оксид алюминия» и «корунд». Данный вывод подтверждается ответами научных учреждений государств – членов Союза на запросы Коллегии Суда.

На основании изложенного Апелляционная палата приходит к выводу, что отдельный вид товара, описание которое приведено в Решении № 84, классифицирован Комиссией в субпозиции 2818 10 Товарной номенклатуры правомерно.

5.6. Довод Комиссии о неверной оценке Коллегией Суда подхода Комитета по Гармонизированной системе к предложению Российской Федерации о внесении изменений в Пояснения к товарной позиции 2818 Гармонизированной системы не имеет правового значения для разрешения данного дела.

Согласно позиции, сформулированной в решениях Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года и Апелляционной палаты от 2 июня 2016 года по заявлению ООО «Севлад», значимым источником толкования Гармонизированной системы и принятой на ее основе Товарной номенклатуры является классификационное мнение Комитета по Гармонизированной системе (абзац 14 пункта 7.2.4 решения Коллегии Суда и абзац 8 пункта 6.3 решения Апелляционной палаты). Изложенное означает, что источником информации при правовой квалификации описания отдельного вида товара в решениях Комиссии является классификационное мнение Комитета по Гармонизированной системе, а не позиции представителей государств на этапе его обсуждения. Следовательно, оценка Коллегией Суда фактических обстоятельств, относящихся к позициям членов Комитета по Гармонизированной системе, не влияет на правовую квалификацию соответствия Решения № 84 Договору и международным договорам в рамках Союза.

5.7. В соответствии с пунктом 1 статьи 70 Регламента одним из оснований для изменения или отмены решения Коллегии Суда является неправильное применение и (или) несоблюдение норм права.

Апелляционная палата Суда, рассмотрев жалобу Комиссии на основании имеющихся в деле материалов, в пределах доводов, изложенных в жалобе и возражениях на нее, проверив соответствие выводов Коллегии Суда примененным нормам права, установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде, считает, что обжалуемое решение Коллегии Суда от 6 ноября 2020 года подлежит отмене.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 2 пункта 110 Статута, подпунктом «б» пункта 1 статьи 71, пунктами 1 – 7 статьи 78, пунктом 2 статьи 80 и статьей 83 Регламента, Апелляционная палата

РЕШИЛА:

Отменить решение Коллегии Суда от 6 ноября 2020 года об удовлетворении заявления общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» и признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Признать решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Пошлина, уплаченная обществом с ограниченной ответственностью «Монокристалл» при обращении в Суд Евразийского экономического союза, возврату не подлежит.

Решение вступает в силу с даты его вынесения, является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

К.Л. Чайка

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-1-2/9-20-АП)

город Минск

15 февраля 2021 года

1. 15 февраля 2021 года Апелляционной палатой Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата) вынесено решение об отмене решения Коллегии Суда от 6 ноября 2020 года об удовлетворении заявления общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия) от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 84) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

Апелляционная палата признала не соответствующими праву Союза следующие выводы Коллегии Суда: о нарушении Комиссией пункта 2 статьи 45 Договора и пункта 1 статьи 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) при установлении полномочий на принятие Решения № 84; о необходимости учета практики классификации отдельного вида товара в странах, использующих Гармонизированную систему описания и кодирования товаров (далее – Гармонизированная система), а также результатов рассмотрения предложения Российской Федерации о внесении изменений в Пояснения к товарной позиции 2818 Гармонизированной системы в Комитете по Гармонизированной системе; об ошибочности классификации искусственного корунда в субпозиции 2818 10 Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – Товарная номенклатура).

Соглашаясь с решением Апелляционной палаты в части, не разделяю ее выводы применительно к оценке компетенции Комиссии на принятие Решения № 84 по основаниям, предусмотренным пунктом 1 статьи 22 ТК ЕАЭС, а

также по вопросу о классификации искусственного корунда в данном решении Комиссии в субпозиции 2818 10 Товарной номенклатуры.

2. Подпунктом «а» пункта 1 статьи 45 Регламента предусмотрено, что в рамках рассмотрения дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии Суд осуществляет проверку полномочий ЕЭК на его принятие. Из смыслового содержания данной правовой нормы следует, что проверка полномочий Комиссии является вопросом публичного порядка, который оценивается Судом *ex officio* в силу прямого указания права Союза и независимо от доводов, участвующих в деле лиц, что свидетельствует о реализации им функции нормоконтроля.

Апелляционная палата, установив наличие у ЕЭК полномочий на принятие Решения № 84, указала, что неединообразная классификация отдельного вида товара в различных государствах-членах в силу пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС не является обязательным условием для реализации Комиссией права на принятие акта в форме решения о классификации отдельного вида товара.

Полагаю, что данный вывод Апелляционной палаты свидетельствует о наличии в Суде непоследовательной практики уяснения идентичных правовых норм и противоречит праву Союза.

2.1. Исходя из пункта 2 Статута Суда, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут), отправление правосудия в Союзе направлено на обеспечение единообразного применения права интеграционного объединения его органами и государствами-членами. Достижению данной цели призваны способствовать единство и устойчивость судебной практики, представляющие собой элемент принципа правовой определенности. Под устоявшейся судебной практикой понимается последовательный и единообразный подход одного и того же состава судебного органа к разрешению споров, имеющих аналогичный предмет и основанных на совпадающих правовых нормах.

Анализ правовых позиций Суда, изложенных в решениях по делам по заявлениям ЗАО «Санofi-Авентис Восток», АО «ТрансЛогистикКонсалт» и по настоящему делу, свидетельствует о противоречивом и непоследовательном подходе одного состава Суда (Апелляционной палаты), действовавшего в лице тех же судей, к оценке правомерности принятия Комиссией решения о классификации отдельного вида товара при отсутствии неединообразной практики в различных государствах-членах.

В решении Апелляционной палаты от 7 марта 2019 года по заявлению ЗАО «Санofi-Авентис Восток» сформулирована позиция по вопросу об условиях принятия ЕЭК решения о классификации отдельного вида товара: «Взаимосвязанное прочтение положений статьи 45 Договора, пункта 7 статьи 52 ТК ТС (пункт 1 статьи 22 ТК ЕАЭС), пунктов 4, 13, 14 Положения о Комиссии дает основание полагать, что правом Союза не установлено ограничение для

принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров исключительно в случае, если инициативное обращение уполномоченных таможенных органов государств-членов Союза обусловлено наличием неединообразной практики в вопросах классификации по одним и тем же видам товаров в государствах-членах Союза... *наличие неединообразной практики толкования (применения ТН ВЭД) не является обязательным условием для принятия таких решений.*» (абзацы 5 и 6 пункта 5.1 решения).

В решении Апелляционной палаты от 7 октября 2020 года по заявлению АО «ТрансЛогистикКонсалт» изложен противоположный вывод. Определяя компетенцию Комиссии на принятие решения о классификации отдельного вида товара, Апелляционная палата указала: «Устанавливая полномочия Комиссии, пункт 1 статьи 22 ТК ЕАЭС определяет основания и субъектов обращения для принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров. В соответствии с положениями указанной статьи *основанием для принятия Комиссией решения о классификации отдельного вида товара является различная классификация товара* центральными таможенными органами государств-членов» (абзацы 4 и 5 пункта 6.3 решения).

По истечении четырех месяцев после вынесения решения по заявлению АО «ТрансЛогистикКонсалт» подход Апелляционной палаты к толкованию пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС вновь изменен. В решении по настоящему делу сформулирован вывод, что *наличие неединообразной практики* применения Товарной номенклатуры в различных государствах-членах *не является обязательным условием* принятия ЕЭК решения о классификации отдельного вида товара.

Непоследовательность Апелляционной палаты в уяснении и применении идентичных правовых норм лишает правовую систему Союза устойчивости, а правосудие – свойства предсказуемости. Нестабильность судебной практики создает правовую неопределённость, искажает принципы законности и верховенства права Союза, что, в свою очередь, приводит к нарушению прав и законных интересов хозяйствующих субъектов.

2.2. Из содержания статьи 3 и пункта 1 статьи 5 Договора следует, что Союз осуществляет деятельность в пределах и объемах компетенции, предоставляемой ему государствами-членами в соответствии с Договором и международными договорами в рамках Союза, на основе принципов суверенного равенства государств-членов и обеспечения взаимовыгодного сотрудничества.

Реализацией нормы о наделении Союза компетенцией служат положения пунктов 2 и 3 статьи 8 Договора, в силу которых органы интеграционного объединения действуют в пределах полномочий, которые предоставлены им международными договорами Союза, на основе принципов указанных в статье 3 Договора.

Применительно к деятельности ЕЭК соответствующие правоустановления отражены в пункте 3 Положения о Комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору (далее – Положение о Комиссии), которым предусмотрено, что Комиссия как орган Союза осуществляет деятельность в сфере таможенного и таможенно-тарифного регулирования в пределах полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами. В развитие данной правовой нормы пункт 13 Положения о Комиссии наделяет ЕЭК в пределах ее полномочий правом на принятие акта в форме решения, имеющего нормативно-правовой характер и обязательного для государств-членов, а также рекомендаций, не имеющих обязательного характера.

Статья 32 Договора содержит бланкетную норму, в силу которой единое таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с положениями данного Договора, ТК ЕАЭС и регулирующими таможенными правоотношениями международными договорами и актами, составляющими право Союза. Из нормы-определения, содержащейся в пункте 1 статьи 1 ТК ЕАЭС, следует, что понятие «единое таможенное регулирование» не охватывает утверждение и ведение Товарной номенклатуры, являющееся в силу пункта 1 статьи 42 и статьи 45 Договора, а также пункта 1 статьи 19 ТК ЕАЭС элементом таможенно-тарифного регулирования.

Взаимосвязанное толкование статьи 3, пункта 1 статьи 5 и пункта 2 статьи 8 Договора, а также пунктов 3 и 13 Положения о Комиссии однозначно свидетельствует, что в области таможенно-тарифного регулирования наделение Комиссии полномочиями на принятие решений и рекомендаций осуществляется на основе Договора и ТК ЕАЭС. В случае если Комиссии не передана какая-либо компетенция в соответствующих сферах, она подлежит реализации на национальном уровне и представляет собой суверенное полномочие государств-членов.

На основании статьи 45 Договора Комиссия наделяется полномочиями по вопросам таможенно-тарифного регулирования, к числу которых относится ведение Товарной номенклатуры, международной основой которой являются Гармонизированная система описания и кодирования товаров (далее – Гармонизированная система), принятая одноименной Конвенцией.

В рамках осуществления таможенно-тарифного регулирования в Союзе статьи 21 и 22 ТК ЕАЭС наделяют таможенные органы государств-членов и Комиссию правом на принятие решений и разъяснений о классификации отдельных видов товаров в целях обеспечения единообразного применения Товарной номенклатуры. Исходя из положений законодательства государств-членов и пункта 3 Порядка подготовки ЕЭК решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденного решением Коллегии ЕЭК от 2 декабря 2013 года № 284, к числу национальных таможенных органов, наделенных правом принятия решений и разъяснений о классификации отдельных видов

товаров относятся Министерство финансов Республики Армения, Государственный таможенный комитет Республики Беларусь, Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан, Государственная таможенная служба при Правительстве Кыргызской Республики и Федеральная таможенная служба Российской Федерации.

Смысловое содержание статьи 45 Договора, статей 19, 21 и 22 ТК ЕАЭС означает, что ведение Товарной номенклатуры отнесено к исключительной компетенции Комиссии, в то время как полномочия по обеспечению ее единообразного применения посредством классификации отдельных видов товаров разграничены между двумя уровнями правового регулирования: национальным и наднациональным.

Пункт 6 статьи 21, а также пункты 1 и 6 статьи 22 ТК ЕАЭС императивно устанавливают, что юридические факты, с которыми связано возникновение у ЕЭК и таможенных органов государств-членов права осуществлять классификацию отдельных видов товаров, определяются международным договором Союза и не зависят от усмотрения Комиссии.

Уяснение пункта 6 статьи 21 ТК ЕАЭС означает, что неединообразная практика применения Товарной номенклатуры в рамках одного государства-члена является основанием для принятия его центральным таможенным органом обязательных на территории соответствующего государства решений и разъяснений о классификации отдельных видов товаров. Контроль за соответствием указанных решений и разъяснений наднациональному и национальному праву реализуется на уровне государства-члена в формах, предусмотренных его законодательством. Преодоление результатов внутригосударственного контроля за законностью национальных актов о классификации отдельных видов товаров посредством обращения в Комиссию не согласуется с правом Союза и противоречит принципу суверенного равенства государств.

Во исполнение норм права Союза, ограничивающих компетенцию Комиссии пределами, установленными Договором и международными договорами в рамках Союза, пункт 1 статьи 22 ТК ЕАЭС обуславливает право ЕЭК на принятие акта в форме решения о классификации отдельного вида товара фактом неединообразного применения Товарной номенклатуры не менее чем в двух государствах-членах.

Из пункта 6 статьи 22 ТК ЕАЭС следует, что единство подходов государств-членов к классификации товаров лимитирует дискрецию Комиссии, предоставляя ей право принятия разъяснений только в форме рекомендаций, которые в силу нормы пункта 13 Положения о Комиссии, не имеют обязательного характера.

Сравнение смыслового содержания пунктов 1 и 6 статьи 22 ТК ЕАЭС с положениями пункта 7 статьи 52 Таможенного кодекса Таможенного союза, который утратил силу с 1 января 2018 года, свидетельствует, что в Таможен-

ном кодексе Таможенного союза отсутствовали правовые нормы, разграничивающие условия принятия Комиссией решений и рекомендаций о классификации отдельных видов товаров в зависимости от наличия или отсутствия неединообразной практики их классификации не менее чем в двух государствах – членах Союза. Присвоение статье 22 ТК ЕАЭС наименования «*Решения и разъяснения* Комиссии о классификации отдельных видов товаров», а также указание в пунктах 1 и 6 данной статьи на основания, при наличии которых принимаются различные виды актов о классификации отдельных видов товаров (решения и разъяснения), однозначно свидетельствует о намерении создателей международного договора императивно дифференцировать юридические факты при принятии Комиссией соответствующих актов.

Положения статей 21 и 22 ТК ЕАЭС во взаимосвязи с принципом уважения суверенного равенства стран-участниц означают, что установленное указанными статьями международного договора правило о разделении полномочий по классификации отдельных видов товаров между Союзом и государствами-членами представляет собой выражение принципа субсидиарности. Согласно данному принципу компетенция по регулированию отдельных сфер общественных отношений разграничена между наднациональным и национальным уровнями, интеграционное объединение реализует свои полномочия лишь в той мере, в какой цели предполагаемого действия не могут быть достигнуты государствами-членами. В аспекте классификации отдельных видов товаров применение принципа субсидиарности означает, что принятие Комиссией акта в форме решения правомерно лишь при наличии неединообразной практики не менее чем в двух государствах – членах Союза. Напротив, неединообразная практика классификации товаров в рамках одного государства-члена подлежит устранению на национальном уровне в рамках реализации суверенных полномочий данного государства.

Анализ права Союза свидетельствует, что пределы реализации полномочий Комиссии обусловлены целями правового регулирования. Согласно принципу пропорциональности, который, как указала Большая коллегия Суда в консультативном заключении от 11 января 2021 года по заявлению ЕЭК, является общим принципом права Союза, принимаемые на уровне интеграционного объединения меры не должны идти дальше того, что необходимо для достижения поставленных перед ним целей (абзацы 5 и 6 пункта 2.4 консультативного заключения). Данный принцип относится как к содержанию регулирующего акта, так и к его форме. Применительно к классификации отдельного вида товара, в отношении которого имеется единое мнение таможенных органов государств-членов, использование принципа пропорциональности обуславливает в соответствии с пунктом 6 статьи 22 ТК ЕАЭС принятие Комиссией акта в форме рекомендации, представляющего собой норму мягкого права (*soft law*).

В силу свойств обязательности и непосредственного применения, которые присущи решениям ЕЭК на основании пункта 1 статьи 6, статьи 18 Договора, именно решение Комиссии способно преодолеть неединообразие в применении Товарной номенклатуры на территории нескольких государств-членов. Данный вывод согласуется с пунктом 3 статьи 22 ТК ЕАЭС, которым определено, что принятие Комиссией решения о классификации отдельного вида товара влечет отмену решений и разъяснений центральных таможенных органов государств-членов о классификации соответствующего вида товара.

Как следует из материалов дела и решения Коллегии Суда, Комиссия при классификации искусственного корунда, являющегося предметом регулирования Решения № 84, не располагала сведениями о неединообразном применении Товарной номенклатуры не менее чем в двух государствах-членах. Принятие оспариваемого решения имело своей целью преодоление подходов судебной практики к оценке обоснованности классификации отдельного вида товара в одном государстве-члене.

При таких обстоятельствах принятие Комиссией имеющего обязательный характер Решения № 84 противоречит праву Союза, влечет фактическую подмену компетенции центральных таможенных органов государств-членов полномочиями постоянно действующего регулирующего органа Союза, в связи с чем нарушает принципы субсидиарности, суверенного равенства государств-членов и пропорциональности.

3. Апелляционная палата, констатировав, что полномочия Комиссии на принятие решений по утверждению и ведению Товарной номенклатуры ограничены необходимостью обеспечения ее соответствия Гармонизированной системе, не дала оценку основаниям применения одноименной Конвенции в рамках Союза, а также безосновательно не применила данный акт при проверке полномочий ЕЭК на принятие Решения № 84.

3.1. Из преамбулы и статьи 3 Договора следует, что государства-члены при создании Союза исходили из необходимости уважения и соблюдения общепризнанных норм международного права, к числу которых относится обязательность и добросовестность выполнения международных договоров (*pacta sunt servanda*), зафиксированные в статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров. Из указанных правовых установлений и положений пунктов 1 и 2 статьи 30 Венской конвенции следует, что несмотря на учреждение Союза и передачу ему полномочий в пределах и объеме, предусмотренных Договором, положения ранее заключенных государствами-членами международных договоров сохраняют свое действие, а страны-участницы несут ответственность за невыполнение своих обязательств. Данный подход согласуется с позицией Суда об обязательности для Союза норм универсальных международных договоров, изложенной в решениях Апелляционной палаты Суда от

21 июня 2016 года по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» и от 31 октября 2019 года по заявлению ООО «Шиптрейд». Указанными судебными актами Конвенция о Гармонизированной системе признана подлежащей применению в рамках Союза в качестве источника регулирования таможенно-тарифных отношений.

Согласно решению Апелляционной палаты, основанному на положении подпункта 1 пункта 50 Статута, по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» международный договор, не являющийся международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, подлежит применению в рамках Союза при одновременном наличии двух условий: (1) все государства – члены Союза являются участниками международного договора; (2) сфера действия международного договора относится к области единой политики в рамках Союза (абзац 11 пункта 5.1.1 решения). К аналогичному выводу пришла Апелляционная палата Суда и в решении по заявлению ООО «Шиптрейд» (абзац 8 пункта 5.1 решения).

Учитывая, что все государства-члены стали участниками Конвенции о Гармонизированной системе до подписания Договора, данная Конвенция не только подлежит добросовестному исполнению государствами-членами, а также возлагает обязательства на Союз при реализации его органами компетенции в сфере таможенного и таможенно-тарифного регулирования.

3.2. В соответствии с пунктом 3 статьи 3 Конвенции о Гармонизированной системе ничто в данной статье не запрещает Договаривающейся Стороне создавать в своих таможенно-тарифной или статистических номенклатурах подразделы для более глубокой классификации товаров, чем в Гармонизированной системе, при условии, что любые такие подразделы будут дополнены и кодированы сверх шестизначного цифрового кода, приведенного в Гармонизированной системе. Подпунктом «а» статьи 1 Конвенции предусмотрено, что Гармонизированная система означает, в том числе Номенклатуру, включающую в себя товарные позиции, субпозиции и относящиеся к ним цифровые коды.

Из взаимосвязанного толкования подпункта «а» статьи 1 и статьи 3 Конвенции о Гармонизированной системе следует, что кодирование заключается в создании кода товара и его присвоении наименованию товара, результатом которого является формирование товарных позиций и субпозиций. В свою очередь, классификация представляет собой соотнесение субпозиций и под-субпозиций с соответствующими кодами и наименованиями товаров к товарной позиции. При таких обстоятельствах обязательства участников Конвенции о Гармонизированной системе, изложенные в пункте 1 статьи 3 данного международного договора, помимо соблюдения порядка кодирования, также включают обеспечение соответствия Гармонизированной системе класси-

кации товаров не только в номенклатуре, а также и в актах, обеспечивающих ее единообразное применение.

Исходя из изложенного, а также принимая во внимание, что в структуре обозначения товара в Товарной номенклатуре лишь десятый знак кода товара предназначен для детализации на уровне Союза, уточнение Комиссией существенных характеристик отдельных видов товаров в решениях о классификации допускается исключительно на уровне десятого знака и при условии соблюдения соответствующих положений Гармонизированной системы. При таких обстоятельствах Решение № 84, устанавливающее классификацию искусственного корунда в субпозиции на уровне шести знаков Товарной номенклатуры, не согласуется с правом Союза и противоречит обязательствам государств-членов по соблюдению Конвенции о Гармонизированной системе.

Применение сформулированной позиции к обстоятельствам настоящего дела означает, что Комиссией при принятии Решения № 84 допущено нарушение права Союза в части превышения полномочий, которыми ее наделили государства-члены, а также формы и содержания оспариваемого акта.

4. Относительно классификации искусственного корунда в Решении № 84 полагаю, что Апелляционной палате следовало согласиться с выводом Коллегии Суда об ошибочности его отнесения в характеристиках, указанных в решении Комиссии, в субпозицию 2818 10 Товарной номенклатуры.

В соответствии с оспариваемым решением ЕЭК искусственный корунд, представляющий собой альфа-модификацию оксида алюминия (корунда), получаемого различными способами в результате кристаллического перехода оксида алюминия в альфа-форму из других кристаллических форм в процессе прокаливании при температуре более 1200°C, в соответствии с правилами 1 и 6 Основных правил интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ОПИ Товарной номенклатуры, Основные правила интерпретации) классифицирован в субпозиции 2818 10 Товарной номенклатуры.

Обращение к правилам 1 и 6 ОПИ Товарной номенклатуры при анализе товарной позиции 2818 и подчиненных ей субпозиций 2818 10, 2818 20 и 2818 30 Товарной номенклатуры свидетельствует, что отличительным признаком для отнесения отдельного вида товара в одну из указанных субпозиций является его химический состав. Данный вывод согласуется с наименованием раздела VI Товарной номенклатуры «Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности», в который включена позиция 2818.

Исходя из наименований субпозиций 2818 10 «искусственный корунд определенного и неопределенного химического состава» и 2818 20 «оксид алюминия, отличный от искусственного корунда» Товарной номенклатуры, а также согласно пояснениям научным учреждениям государств – членов Союза

классификационным признаком указанных субпозиций является один и тот же химический состав – оксид алюминия.

Из буквального уяснения наименования субпозиции 2818 20 Товарной номенклатуры следует, что в ней классифицируется оксид алюминия, *отличный от искусственного корунда*, то есть товар, не являющийся искусственным корундом.

Следовательно, для выбора субпозиции 2818 10 и 2818 20 Товарной номенклатуры недостаточно одного признака в виде химического состава, в связи с чем необходимо обращение к дополнительным классификационным характеристикам.

Апелляционная палата, правильно установив в абзаце 3 пункта 5.5.2 решения, что принципом построения раздела VI и товарной позиции 2818 Товарной номенклатуры является наименование товара, химический состав, структура, природа происхождения, процесс получения товара и его предназначение, в абзаце 6 пункта 5.5.2 решения безосновательно не согласилась с выводом Коллегии, согласно которому при выборе классификационного кода Товарной номенклатуры необходимо учитывать все его возможные характеристики и свойства.

С учетом изложенного полагаю, что Апелляционной палате следовало признать обоснованным вывод Коллегии Суда об обязанности Комиссии оценивать все характеристики и свойства отдельного вида товара при принятии решения о его классификации.

Учитывая отсутствие дополнительных классификационных признаков искусственного корунда в примечаниях к Товарной номенклатуре, при оценке соответствия Решения № 84 праву Союза следовало использовать том I Пояснений к Товарной номенклатуре, который введен в действие рекомендацией Коллегии ЕЭК от 7 ноября 2017 года № 21 и основан на Пояснениях к Гармонизированной системе.

Разделом (B) тома I Пояснений к группе 28 Товарной номенклатуры установлено, что данная группа, помимо химических элементов и соединений определенного химического состава, включает отдельные виды товаров, состоящие из химических элементов или их соединений, но не ограничивается только ими. К числу таких исключений Пояснения относят искусственный корунд, классифицируемый в позиции 2818 Товарной номенклатуры. Уяснение данных правовых положений позволяет прийти к выводу, что указание на отдельный химический элемент или соединение химических элементов, образующих искусственный корунд, не является определяющим классификационным критерием для отнесения данного вида товара к позиции 2818 Товарной номенклатуры. Данный вывод также подтверждается тем, что помимо субпозиции 2818 10 Товарной номенклатуры, корунд классифицируется в товарных субпозициях 2513 20 «наждак, корунд природный, гранат природный и про-

чие природные абразивные материалы», 6805 «природный или искусственный абразивный порошок или зерно на тканой, бумажной, картонной или иной основе...», 7103 10 000 3 «сапфиры».

Дополнительные характеристики искусственного корунда приведены в параграфе (А) «Искусственный корунд определенного или неопределенного химического состава» тома I Пояснений в части товарной позиции 2818. Согласно данной норме искусственный корунд получают плавлением оксида алюминия в электропечи; поставляется в виде небольших кусков или массы, раздробленной или в зернах; является более устойчивым, чем обычный оксид алюминия, к действию воздуха и кислот и очень твердым.

Изложенное не позволяет согласиться с выводом Апелляционной палаты, изложенным в абзаце 12 пункта 5.5.2 решения, согласно которому определяющее значение для текстов Пояснений к позиции 2818 Товарной номенклатуры имеет наименование конечного товара, независимо от способа его получения.

Сравнение классификационных признаков искусственного корунда, помеченных в Решении № 84 и содержащихся в Товарной номенклатуре, а также в том I Пояснений к ней, свидетельствует, что оспариваемым решением установлены характеристики данного вида товара в виде альфа-модификации оксида алюминия и способа производства посредством прокаливания, которые отсутствуют в тексте товарной субпозиции 2818 10 Гармонизированной системы и основанной на ней Товарной номенклатуры, а также в том I Пояснений к Товарной номенклатуре.

Полагаю, что вывод Апелляционной палаты о синонимичности терминов «альфа-оксид алюминия» и «корунд», сформулированный в абзаце 15 пункта 5.5.2 решения, противоречит материалам дела.

Согласно ответам научных учреждений государств – членов Союза к альфа-форме оксида алюминия, помимо искусственного корунда, относятся иные материалы из оксида алюминия, имеющие ту же кристаллическую структуру. Изложенное означает, что искусственный корунд по строению кристаллической решетки является альфа-модификацией оксида алюминия, но не каждая альфа-модификация оксида алюминия представляет собой искусственный корунд.

Из заключений научных учреждений государств-членов, представленных Коллегии Суда, следует, что температура плавления и прокаливания соединений алюминия и получаемые в результате данного процесса товары различны. При температуре около 1200°C происходит процесс прокаливания гидроксида алюминия, который заключается в кальцинации (удалении жидкости) и получении оксида алюминия. Исходный материал не изменяет свое физическое состояние, сохраняя форму сыпучего порошка. Температура около 2050°C соответствует фазе плавления, в результате которого происходит безвозвратное изменение физической формы вещества, сопровождающееся образованием

жидкого материала, который впоследствии застывает, приобретая кристаллическую форму искусственного корунда.

Сведения, представленные научными учреждениями государств – членом Союза, Министерством промышленности и торговли Российской Федерации, а также содержащиеся в академической литературе, опровергают вывод Апелляционной палаты в абзаце 9 пункта 5.5.2 решения об указании в томе I Пояснений к Товарной номенклатуре на необязательный характер процесса плавления для целей производства искусственного корунда. Из указанных материалов следует, что товар, образовавшийся в результате процесса прокаливания, не является конечным продуктом в виде искусственного корунда и для его получения требуется дополнительное применение производственной фазы плавления.

Изложенное означает, что в Решении № 84 содержится описание отдельного вида товара, не соответствующее отличительным характеристикам искусственного корунда, подлежащего классификации в субпозиции 2818 10 Товарной номенклатуры.

Полагаю, что Коллегия Суда обоснованно признала Решение № 84 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза в части вывода об ошибочности классификационных характеристик и процесса производства искусственного корунда в субпозиции 2818 10 Товарной номенклатуры.

5. С учетом изложенного считаю, что Апелляционной палате следовало оставить без изменения решение Коллегии Суда в части оценки компетенции Комиссии на принятие Решения № 84 по основаниям, предусмотренным пунктом 1 статьи 22 ТК ЕАЭС, а также по вопросу о классификационных характеристиках и процесса производства искусственного корунда в субпозиции 2818 10 Товарной номенклатуры.

Судья

К.Л. Чайка

Резюме

по делам

№ СЕ-1-2/3-20-КС и № СЕ-1-2/9-20-АП
(ООО «Монокристалл»)**Ключевые слова:**

Общество с ограниченной ответственностью «Монокристалл» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (Комиссия, ЕЭК).

О признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Классификация товаров в таможенных целях – товарная позиция 2818 – товарные субпозиции 2818 10, 2818 20 – искусственный корунд – оксид алюминия, отличный от искусственного корунда.

Таможенный кодекс ЕАЭС – Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) – Основные правила интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ОПИ ТН ВЭД) – Конвенция о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (Конвенция о Гармонизированной системе).

Решение Коллегии Суда – удовлетворение требований – признание решения ЕЭК не соответствующим Договору – особое мнение – решение Апелляционной палаты Суда – отмена решения Коллегии Суда – признание решения ЕЭК соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза – особое мнение.

Описание дела:

Общество с ограниченной ответственностью «Монокристалл» обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение №84). В данном решении Коллегия ЕЭК определила, что искусственный корунд, представляющий собой α-модификацию оксида алюминия (корунда), получаемого различными способами в результате кристаллического перехода оксида алюминия в α-форму из других кристаллических форм в процессе прокаливания при температуре более 1200 °С, подлежит классификации в субпозиции 2818 10 ТН ВЭД ЕАЭС.

Решением Коллегии Суда от 6 ноября 2020 года Решение № 84 признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Коллегия Суда пришла к выводу о превышении Коллегией ЕЭК предоставленных ей полномочий и о нарушении процедуры принятия решения о классификации отдельного вида товара.

По мнению Коллегии Суда, введение Решением № 84 нового способа производства искусственного корунда – посредством прокаливания при температуре более 1200 °С, а также исключение из субпозиции 2818 20 ТН ВЭД ЕАЭС α-формы оксида алюминия привело к изменению содержания субпозиций 2818 10 и 2818 20.

К решению Коллегии Суда приложено особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н.

ЕЭК, не согласившись с решением Коллегии Суда, обратилась с жалобой в Апелляционную палату.

В решении от 15 февраля 2021 года Апелляционная палата пришла к выводу, что оспариваемое решение принято в пределах полномочий Комиссии и с соблюдением установленной процедуры.

Апелляционная палата отметила, что искусственный корунд подлежит классификации в субпозиции 2818 10 ТН ВЭД ЕАЭС вне зависимости от определенности химического состава, содержания оксида алюминия, размеров частиц и их количества.

Апелляционная палата пришла к выводу, что в Пояснениях к ТН ВЭД ЕАЭС отсутствует исчерпывающий перечень характеристик и способов получения искусственного корунда. При этом для текстов Пояснений к товарной позиции 2818 ТН ВЭД ЕАЭС, описывающих искусственный корунд и оксид алюминия, отличный от искусственного корунда, определяющее значение имеет наименование товара, независимо от способа его получения.

В свете изложенного Апелляционная палата отменила решение Коллегии Суда и признала Решение № 84 соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

К решению Апелляционной палаты приложено особое мнение судьи Чайки К.Л.

Правовые позиции Суда:

1. Полномочия по принятию решений о классификации отдельных видов товаров и полномочия по изменению ставок ввозной таможенной пошлины относятся к различным группам полномочий, осуществляемым на основании отличных норм права Союза. Принятие Комиссией классификационного решения в отношении отдельного вида товара, входящего в перечень чувстви-

тельных, не приводит к изменению ставки ввозной таможенной пошлины и не определяет объем субпозиций, который установлен Товарной номенклатурой.

(абзац 10 пункта 5.1 решения Апелляционной палаты)

2. Полномочия Комиссии на принятие решений по утверждению и ведению Товарной номенклатуры, включая внесение в нее изменений, ограничены необходимостью обеспечения ее соответствия Гармонизированной системе.

(см. абзац 3 пункта 5.3 решения Апелляционной палаты)

3. Как следует из пункта 1 статьи 3 Конвенции о Гармонизированной системе, вне пределов содержащихся в нем обязательств участники Конвенции обладают дискрецией по классификации отдельных видов товаров, что не исключает различные подходы к их отнесению в определенные товарные субпозиции и подсубпозиции таможенно-тарифных номенклатур.

Соответственно, практика других государств по отнесению товара в определенную субпозицию и подсубпозицию таможенно-тарифной номенклатуры не является для ЕЭК обязательной при вынесении решения о классификации отдельного вида товара.

(см. абзацы 5, 6 пункта 5.3 решения Апелляционной палаты)

4. Требование хозяйствующего субъекта, образующее предмет спора, заключается в признании решения Комиссии не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза либо в признании действия (бездействия) не соответствующим договорам Союза. Дополнение правовой квалификации иска не изменяет существо материально-правового требования.

(см. абзац 7 пункта 5.4 решения Апелляционной палаты)

5. На основе ОПИ 1 и 6 Товарной номенклатуры, исходя из названий товарных субпозиций 2818 10 и 2818 20 Товарной номенклатуры следуют выводы, что:

– товарная субпозиция 2818 20 включает в себя оксиды алюминия, которые не являются искусственными корундами;

– оксиды алюминия, являющиеся искусственными корундами, вне зависимости от размера частиц, наличия кусков или уровня дробления массы (до любого состояния, до любых минимальных размеров) не могут относиться к товарной субпозиции 2818 20.

(абзац 4 пункта 5.5.2 решения Апелляционной палаты)

6. Определяющее значение для текстов Пояснений к товарной позиции 2818 Товарной номенклатуры, описывающих искусственный корунд и оксид алюминия, отличный от искусственного корунда, имеет наименование конечного товара, независимо от способа его получения.

(абзац 12 пункта 5.5.2 решения Апелляционной палаты)

Summary
of cases No. CE-1-2/3-20-KC and No. CE-1-2/9-20-АП
(Monocrystal LLC)

Keywords:

Monocrystal Limited Liability Company (business entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (Commission, EEC).

On declaring the Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated June 4, 2019 No. 84 “On classification of artificial corundum in accordance with the Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union” not in line with the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 and international treaties within the Eurasian Economic Union.

Classification of goods for customs purposes – heading 2818 –subheadings 2818 10, 2818 20 – artificial corundum – aluminum oxide, other than artificial corundum.

Customs Code of the EAEU – Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union (FEACN of the EAEU) – General Rules for the Interpretation of the FEACN – International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System (HS Convention).

Judgment of the Chamber of the Court – satisfaction of the claim – recognition of the EEC Decision as non-compliant with the Treaty – separate opinion – Judgment of the Appeals Chamber of the Court – overturn of the judgment of the Chamber of the Court – declaring the Decision of the EEC in line with the Treaty and international treaties within the Union – separate opinion.

Substance of the case:

Monocrystal LLC filed an application with the Court of the Eurasian Economic Union challenging the Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated June 4, 2019 No. 84 “On classification of artificial corundum in accordance with the Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union” (hereinafter – Decision No. 84). In this decision the EEC Board stated that artificial corundum as an α -modification of aluminum oxide (corundum), obtained in various ways by means of crystalline transition of aluminum oxide to α -form from the other crystal forms during calcination at a temperature above 1200°C, should be classified under subheading 2818 10 of the FEACN of the EAEU.

In its judgment of November 6, 2020, the Chamber of the Court found that the Decision No. 84 does not comply with the Treaty and international treaties within the Union.

The Chamber of the Court concluded that the EEC Board had exceeded its powers and had failed to comply with the established decision-making process regarding the classification of certain commodity types.

According to the Chamber of the Court, the introduction by the Decision No.84 of a new method for the production of artificial corundum – calcination at a temperature above 1200°C, as well as exclusion from subheading 2818 20 of the FEACN of the EAEU of α -forms of aluminum oxide led to a change in the content of the subheadings 2818 10 and 2818 20.

A separate opinion of Judge T.N. Neshataeva is attached to the judgment of the Chamber of the Court.

The Eurasian Economic Commission did not agree with the judgment, delivered by the Chamber of the Court and lodged an appeal before the Appeals Chamber.

In its judgment of February 15, 2021, the Appeals Chamber found that the contested Decision was adopted within the powers of the Commission and in compliance with the established procedure.

The Appeals Chamber noted that the provisions of the FEACN of the EAEU classify artificial corundum, whether or not chemically defined, under subheading 2818 10 regardless of the aluminum oxide content, particle size and quantity.

The Appeals Chamber came to the conclusion that the Explanatory Notes to the FEACN of the EAEU do not contain an exhaustive list of characteristics and methods of obtaining artificial corundum. At the same time, for the texts of the Explanatory Notes to heading 2818 of the FEACN of the EAEU, describing artificial corundum and aluminum oxide, other than artificial corundum, the name of the product is of decisive importance, regardless of the method of its production.

In light of the above, the Appeals Chamber overturned the judgment of the Chamber of the Court and declared the Decision of the EEC Board No. 84 to be in line with the Treaty and international treaties within the Union.

A dissenting opinion of Judge K.L. Chaika is attached to the judgment of the Appeals Chamber.

Legal findings of the Court:

1. The authority to make decisions on the classification of particular types of goods and the authority to change the import customs duty rate belong to different groups of powers exercised on the basis of different provisions of Union law. The adoption of a classification decision by the Commission in relation to a particular type of goods included in the list of sensitive goods does not lead to a change in the import customs duty rate and does not determine the volume of subheadings, which is established by the Commodity Nomenclature.

(subparagraph 10 of paragraph 5.1 of the judgment of the Appeals Chamber)

2. The powers of the Commission to make decisions on the approval and maintenance of the Commodity Nomenclature, including making amendments to it, are limited by the need to ensure its compliance with the Harmonized System.

(see subparagraph 3 of paragraph 5.3 of the judgment of the Appeals Chamber)

3. As follows from paragraph 1 of Article 3 of the HS Convention, outside the limits of the obligations contained in it, the Parties to the Convention have discretion in the classification of particular types of goods, which does not exclude different approaches to their classification under certain subheadings and sub-subheadings of customs tariff nomenclatures.

Accordingly, the practice of other states to classify goods under a certain subheading and sub-subheading of the customs tariff nomenclature is not mandatory for the EEC when making a decision on the classification of a particular type of goods.

(see subparagraphs 5, 6 of paragraph 5.3 of the judgment of the Appeals Chamber)

4. The claim of the business entity that constitutes the subject of the dispute is to declare the decision of the Commission not in line with the Treaty and (or) international treaties within the Union or to recognise action (inaction) as non-compliant with the relevant Union treaties. Completion of the qualification of the claim does not change the substance of the claim.

(see subparagraph 7 of paragraph 5.4 of the judgment of the Appeals Chamber)

5. It follows from rules 1 and 6 of the General Rules for the Interpretation of the FEACN and the titles of subheadings 2818 10 and 2818 20 of the Commodity Nomenclature that:

– subheading 2818 20 includes aluminum oxides which are not artificial corundums;

– aluminum oxides, which are artificial corundums, regardless of particle size, lumps or level of crushing of the mass (up to any state, any minimum size), cannot be classified under heading 2818 20.

(subparagraph 4 of paragraph 5.5.2 of the judgment of the Appeals Chamber)

6. For the texts of the Explanatory Notes to heading 2818 of the Commodity Nomenclature, describing artificial corundum and aluminum oxide, other than artificial corundum, the name of the final product, regardless of the method of its production, is of decisive importance.

(subparagraph 12 of paragraph 5.5.2 of the judgment of the Appeals Chamber)

РЕШЕНИЕ

26 марта 2020 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, судьи-докладчика Ажибраимовой А.М., судей Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Асаналиевой А.К., с участием представителя истца – Вавиловой Н.В. и представителей ответчика – Наумова А.А., Потаповой И.А., Лоцманова А.В., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление акционерного общества «Транс Логистик Консалт» об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства спора

Закрытое акционерное общество «Транс Логистик Консалт», с 21 ноября 2019 года – акционерное общество «Транс Логистик Консалт» (далее – ЗАО «ТЛК», АО «ТЛК», истец) является хозяйствующим субъектом, зарегистрированным в Российской Федерации, и осуществляет свою деятельность в качестве таможенного представителя.

От имени и по поручению декларанта ООО «Трейд Марин» истец подал Выборгской таможне декларацию на товары № 10206100/091216/0004066 от 15 декабря 2016 года в отношении ввозимого на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – Союз), помещаемого под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления катера моторного «SAFE 44 ARCHANGEL FULL CABIN-INBOARD», номер корпуса EGO02055E616Z1442, в графе 33 которой указал код товарной подсубпозиции 8903 92 990 0 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) на основании документов и сведений, представленных декларантом ООО «Трейд Марин». Решение о выпуске товара было принято таможенным органом 15 декабря 2016 года.

Решением Выборгской таможни от 24 мая 2018 года по результатам камеральной таможенной проверки классификационный код товара был изменен на 8903 92 100 0. В отношении таможенного представителя АО «ТЛК» применены меры административной ответственности.

Не согласившись с решением Выборгской таможни, истец обратился в вышестоящие таможенные органы Российской Федерации с целью обжалования указанного решения. Кроме того, решение Выборгской таможни о классификации товара от 24 мая 2018 года оспаривалось ЗАО «ТЛК» в арбитражных судах первой и апелляционной инстанций. Решением суда первой инстанции от 22 ноября 2018 года, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда от 11 февраля 2019 года, заявленные требования удовлетворены. Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 мая 2019 года по делу № А56-92772/2018 судебные акты были отменены, в удовлетворении заявленных ЗАО «ТЛК» требований отказано.

Истец обратился в Евразийскую экономическую комиссию (далее – Комиссия, ответчик) с запросом (исх. № 162/03 от 13 сентября 2018 года):

- 1) о проверке обоснованности решений о классификации товара в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС;
- 2) о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов.

Комиссия в своем ответе от 27 сентября 2018 года № 18-493 сообщила, что не вправе давать оценку действиям таможенных органов государств - членов Союза и разъяснила порядок принятия решений о классификации отдельных видов товаров. Данный ответ истец расценил как бездействие Комиссии.

II. Доводы истца

26 августа 2019 года истец обратился в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением, в котором просил признать не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе), Порядку подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденному Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 декабря 2013 года № 284 (в редакции от 23 января 2018 года; далее – Порядок подготовки решений), бездействие Комиссии при рассмотрении запроса АО «ТЛК»:

- об обоснованности решений таможенных органов Российской Федерации о классификации товара в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС;
- о принятии решения о классификации маломерных судов.

При последующем уточнении требований АО «ТЛК» были дополнительно заявлены требования признать не соответствующим актам права Союза бездействие Комиссии, выразившееся в следующем:

- отказ от исполнения полномочий, установленных подпунктом 2 пункта 3 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о Союзе, далее – Положение о Комиссии) (осуществление таможенного регулирования);

– отказ от исполнения полномочий, установленных пунктом 4 Положения о Комиссии (обеспечение в пределах своих полномочий реализации международных договоров, входящих в право Союза);

– отказ от исполнения полномочий, установленных подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии (осуществление Коллегией Комиссии мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также уведомление государств-членов о необходимости их исполнения);

– отказ от исполнения полномочий, установленных подпунктом 2 пункта 55 Положения о Комиссии (осуществление Департаментом Комиссии мониторинга исполнения государствами-членами международных договоров, входящих в право Союза, решений и распоряжений Коллегии Комиссии, Совета Комиссии, Межправительственного совета и Высшего совета в целях представления результатов на рассмотрение членами Коллегии Комиссии);

– отказ от исполнения полномочий, предусмотренных пунктом 2 Порядка подготовки решений (решения Комиссии о классификации принимаются в целях обеспечения единообразия толкования ТН ВЭД ЕАЭС);

– прямое неисполнение пункта 20 Порядка подготовки решений (информация о различных подходах таможенных органов, не указанных в пункте 3 настоящего Порядка, к классификации отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС, содержащаяся в поступивших в Комиссию обращениях таких органов, физических и юридических лиц либо полученная в ходе мониторинга соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право Евразийского экономического союза, и исполнения решений Комиссии, доводится Департаментом до таможенных органов в целях рассмотрения и внесения (при необходимости) в Комиссию предложения о классификации отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с настоящим Порядком).

Таким образом, Суд констатирует, что доводы истца о бездействии Комиссии сводятся к следующему:

1. Отказ рассмотреть по существу запрос истца о правовой оценке решений таможенных органов Российской Федерации в отношении товара, ввезенного истцом.

2. Отказ начать процедуру мониторинга соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право Евразийского экономического союза, и исполнения решений Комиссии.

III. Возражения ответчика

В представленных возражениях на заявление АО «ТЛК» Комиссия отмечает следующее.

Комиссия полагает, что, дав ответ истцу по обозначенным им вопросам, она не бездействовала. Несогласие с ответом не является основанием для утверждения, что она бездействовала при рассмотрении запроса.

Актами права Союза к полномочиям Комиссии не отнесена оценка действий таможенных органов государств – членов Союза и принятых ими решений о классификации, о чем было сообщено заявителю в ответе на его запрос.

Ответчик считает, что его поведение при рассмотрении запроса заявителя, подготовке и направлении ответа не может быть квалифицировано как бездействие, поскольку, подготовив и направив ответ по обозначенным вопросам, Комиссия совершила действия, направленные на разъяснение заявителю невозможности выполнения указанных требований в связи с отсутствием полномочий и оснований.

У Комиссии отсутствовали основания для подготовки по собственной инициативе проекта решения о классификации маломерных судов (катеров). При этом истец был проинформирован, что при получении информации о различных подходах к классификации товара, указанного в запросе, упомянутая информация будет принята Комиссией во внимание.

Кроме того, в запросе АО «ТЛК» в адрес ответчика не содержалось просьбы об инициировании Комиссией процедуры в соответствии с пунктом 20 Порядка. Комиссия полагает, что истец не обращался в Комиссию для урегулирования возникшего спора в досудебном порядке, что является обязательным в соответствии с пунктом 43 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Союзе; далее – Статут Суда).

IV. Выводы Суда

1. Истец запрашивал у Комиссии осуществление проверки на соответствие регулирующим таможенные правоотношения Договору о Союзе, международным договорам и актам, составляющим право Союза, решения от 24 мая 2018 года № PKT 10206000-18/000032 Выборгской таможни о классификации катера моторного «SAFE 44 ARCHANGEL FULL CABIN-INBOARD», номер корпуса EG002055E616Z1442, 2016 года выпуска, кодом товарной подпозиции 8903 92 100 0 ТН ВЭД ЕАЭС.

В ответе истцу (исх. № 18-493 от 27 сентября 2018 года) Комиссия сообщила, что не вправе давать оценку действий таможенных органов государств – членов Союза и осуществлять проверку обоснованности принятых ими решений о классификации товаров, поскольку не наделена актами права Союза соответствующими полномочиями. Аналогичное мнение было высказано Комиссией в возражениях на заявление.

Пунктом 3 Положения о Комиссии установлено, что она осуществляет свою деятельность в пределах полномочий, предусмотренных Договором о Союзе и международными договорами в рамках Союза в соответствующей сфере.

Полномочия Комиссии по таможенному регулированию определены подпунктом 2 пункта 3 Положения о Комиссии, Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года; далее – ТК ЕАЭС), международными договорами и актами, составляющими право Союза.

При этом пунктом 1 статьи 20 ТК ЕАЭС закреплено, что проверка правильности классификации товаров осуществляется таможенными органами государств-членов. Подпунктом 1) пункта 2 указанной статьи также установлено, что в случае выявления таможенным органом как до, так и после выпуска товаров их неверной классификации при таможенном декларировании, таможенный орган принимает решение о классификации товаров. При этом форма такого решения, порядок и сроки его принятия устанавливаются в соответствии с законодательством государств-членов о таможенном регулировании.

Пунктом 19 Порядка подготовки решений предусмотрено, что Комиссия не рассматривает по существу обращения по вопросам классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС, поступившие от юридических лиц.

Изложенное подтверждает, что правом Союза не закреплены полномочия Комиссии по оценке правомерности решений таможенных органов государств-членов о классификации товаров, поскольку данные вопросы относятся к компетенции таможенных органов государств-членов.

Исходя из изложенного, Коллегия Суда считает, что рассмотрение по существу запроса истца о проверке обоснованности решения Выборгской таможни о классификации в отношении конкретного товара, не входит в компетенцию Комиссии.

2. Комиссия не лишена права комплексной оценки правоприменительной практики государств-членов при наличии оснований, предусмотренных правом Союза, что отражено в решении Коллегии Суда от 11 октября 2018 года по делу по заявлению ООО «Ойл Марин Групп». Коллегия Суда в данном решении отметила, что установленный Положением о Комиссии порядок осуществления мониторинга состоит из комплекса последовательно проводимых мероприятий организационно-правового характера.

Коллегией Суда в указанном решении определен алгоритм действий Комиссии по осуществлению мониторинга, который включает в себя:

сбор и обобщение информации о нормативных правовых актах государств-членов в конкретной сфере правового регулирования;

проведение сравнительно-правового анализа, в ходе которого осуществляется оценка соответствия нормативных правовых актов и проектов нор-

мативных правовых актов государств-членов положениям соответствующих актов права Союза;

изучение практики применения государствами-членами в лице уполномоченных органов власти соответствующих актов права Союза;

взаимодействие в целях реализации указанных мероприятий с органами государственной власти государств-членов;

документированное закрепление результатов проведенного мониторинга и контроля исполнения международных договоров по установленной форме;

представление результатов проведенного мониторинга и контроля исполнения международных договоров на рассмотрение членам Коллегии Комиссии и в Совет Комиссии;

уведомление Коллегией Комиссии государств-членов о необходимости исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии.

Итогом проведенного мониторинга является устранение коллизий в актах права Союза, в законодательстве и правоприменительной практике государств-членов.

В указанном решении Суд сформулировал правовую позицию, согласно которой мониторинг осуществляется Комиссией на постоянной основе, носит комплексный характер и может быть связан с необходимостью индивидуального инициативного обращения. Обращение физического или юридического лица с просьбой о мониторинге законодательства и практики государства-члена в той или иной сфере само по себе не может являться безусловным основанием для мониторинга, однако обращения в Комиссию хозяйствующих субъектов могут быть источниками информации, свидетельствующими о необходимости проведения мониторинга. При этом хозяйствующий субъект должен представить в Комиссию обоснованные доводы, свидетельствующие о том, что в правовой системе государства-члена действуют нормы, не соответствующие международным договорам, входящим в право Союза, и (или) в государствах-членах складывается различная неединообразная практика применения международных договоров.

По искам об оспаривании действия (бездействия) Комиссии бремя доказывания возлагается на Комиссию.

При поступлении заявления хозяйствующего субъекта Комиссия обязана установить свою компетенцию в отношении истребуемых действий и исполнить свою функцию. В соответствии с подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии, Коллегии Комиссии обязана на постоянной основе осуществлять мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии.

Учитывая, что в обращении ЗАО «ТЛК» в Комиссию от 13 сентября 2018 года содержались сведения о различных подходах к классификации то-

вара (неединообразие), а также требование проверить на соответствие регулирующим таможенные правоотношения международным договорам и праву Союза решения Выборгской таможни по классификации товара и начать процедуру принятия решения о классификации маломерных судов, Комиссия обязана была провести мониторинг и контроль исполнения таможенного законодательства и права Союза в сферах спорных правоотношений. Однако Комиссия не выполнила эту свою обязанность.

Лишь после обращения истца в Суд Комиссия по предложению Суда осуществила анализ судебной практики Российской Федерации, а также практики применения таможенными органами Российской Федерации дополнительного примечания 1 к группе 89 ТН ВЭД ЕАЭС при классификации товаров в подсубпозиции 8903 92 990 0 ТН ВЭД ЕАЭС и в подсубпозиции 8903 92 100 0 ТН ВЭД ЕАЭС на предмет ее единообразия (исх. № 03-88 от 17 декабря 2019 года).

В рамках этого Комиссия получила следующие ответы:

Федеральная таможенная служба Российской Федерации в своем ответе от 14 января 2020 года № 06-35/00872 сообщила, что затруднений при классификации маломерных судов морских и прочих в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС у должностных лиц таможенных органов не возникает, а судебная практика по таким делам сложилась в пользу таможенных органов. Однако в материалах, представленных в письме Центрального таможенного управления (от 20 февраля 2020 года № 01-31/5167), имеется информация о различной практике классификации в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС маломерных судов, что свидетельствует о неединообразном понимании классификационных требований к применению ТН ВЭД ЕАЭС в отношении маломерных судов. Комиссия не приняла меры по получению этих сведений при рассмотрении обращения истца, а после получения не оценила их и не вынесла на обсуждение, равно как и не сообщила о них истцу.

Таким образом, уже после рассмотрения обращения истца Комиссия предприняла определенные действия по осуществлению мониторинга, но не оценила полученные результаты в надлежащей процедуре. Вследствие этого отсутствие заключительной оценки осуществленных действий не позволило Комиссии сообщить о результатах истцу.

В письме Комиссии от 2 марта 2020 года № 03-13 в адрес истца вновь сообщается, что Комиссия не обязана перепроверять решения таможенных органов и судов государства-члена и она не находит необходимости проводить процедуру принятия решения о классификации отдельного вида товаров, а также, что очередное заседание Суда состоится 10 марта 2020 года. Таким образом, в заключительном документе Комиссия не отразила свои действия, предпринятые в ходе рассмотрения заявленных АО «ТЛК» доводов, и полученные результаты. В таком контексте ответ истцу является формальным, не содержащим развернутого разъяснения по всем доводам.

Согласно сложившейся практике (решение Коллегии Суда от 29 декабря 2015 года, решение Апелляционной палаты Суда от 3 марта 2016 года по делу по заявлению ИП Тарасика К. П.) в рамках иска о бездействии может оспариваться отрицательный ответ Комиссии, если совершение испрашиваемого истцом действия является ее прямой обязанностью. В контексте данного дела ответ Комиссии также носил отрицательный характер, не отражающий результатов проделанной работы. В связи с этим Коллегия Суда расценивает формальный ответ Комиссии на обращение заявителя как ее бездействие.

Коллегия Суда считает, что, в отсутствие единой информационной системы о правоприменительной практике таможенных органов на территории Союза, одним из источников информации о необходимости мониторинга могут служить обращения хозяйствующих субъектов. В таком контексте формальный отрицательный ответ истцу означает отказ Комиссии от выполнения предписанной функции.

Взаимосвязанное прочтение пунктов 1, 4, 11, 43, 55 Положения о Комиссии, а также изложенные выше правовые позиции Суда позволяют Коллегии Суда сделать вывод о том, что помимо обязанности осуществить ряд мероприятий, необходимых для проведения мониторинга в полном объеме, результатом проведения мониторинга и контроля должен являться итоговый документ, фиксирующий осуществленную Комиссией деятельность. В решении Коллегии Суда от 11 октября 2018 года по делу по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» также содержится положение о том, что мониторинг в том числе включает в себя документированное закрепление результатов проведенного мониторинга и контроля исполнения международных договоров по установленной форме. В рассматриваемом деле такой итоговый документ не был представлен ни истцу, ни Суду.

В случае, если проведение мониторинга связано с обращением хозяйствующего субъекта, обязанностью Комиссии является своевременное и полное информирование хозяйствующего субъекта о предпринятых Комиссией действиях, а также о результатах проведенного мониторинга, с изложением и аргументацией итоговых выводов. Согласно подпункту 2) пункта 55 Положения о Комиссии результаты мониторинга представляются на рассмотрение члена Коллегии Комиссии.

Изложенное не означает, что результатом проведения мониторинга будет являться удовлетворение требований хозяйствующего субъекта, заявленных при его обращении в Комиссию. Однако неосуществление мониторинга, непредставление его результатов на рассмотрение члена Коллегии Комиссии и ненадлежащее информирование истца о результатах рассмотрения его обращения может являться основанием для констатации неправомерного бездействия Комиссии.

3. Согласно внутреннему праву международной организации - Евразийского экономического союза - Комиссией для взаимодействия с хозяйствующими субъектами используются две процедуры: процедура досудебного урегулирования спора, а также общий порядок рассмотрения запросов.

Обязательная стадия досудебного урегулирования спора, предшествующая его рассмотрению в Суде, предусмотрена пунктом 43 Статута Суда, а также подпунктом е) пункта 1, подпунктом в) пункта 3 статьи 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Согласно пункту 43 Статута Суда спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения истца к Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке.

Процедура досудебного урегулирования спора с участием хозяйствующих субъектов в Комиссии осуществляется на основании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 марта 2013 года № 46 «О Порядке рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений (актов) Евразийской экономической комиссии, Комиссии Таможенного союза, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии» (далее – Порядок рассмотрения обращений). При этом, на основании положений пункта 2 статьи 99 Договора о Союзе решения Комиссии, действующие на дату вступления в силу Договора о Союзе, сохраняют свою юридическую силу в части, не противоречащей Договору о Союзе.

Общий порядок рассмотрения запросов юридических лиц закреплен в разделе 7 Регламента работы Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 98 (в редакции от 6 декабря 2018 года; далее – Регламент работы Комиссии).

Запрос АО «ТЛК» в Комиссию о проверке обоснованности решения Выборгской таможни от 24 мая 2018 года № РКТ 10206000-18/000032 о классификации катера моторного в товарной подсубпозиции 8903 92 100 0 ТН ВЭД ЕАЭС (исх. № 162/03 от 13 сентября 2018 года) был рассмотрен в Департаменте таможенного законодательства и правоприменительной практики.

По мнению истца, классификация товара национальным таможенным органом не соответствует праву Союза, на этом основании истец просил Комиссию проверить решение Выборгской таможни на его соответствие праву Союза и начать процедуру принятия решения о классификации отдельного вида товаров в подсубпозиции 8903 92 990 0 ТН ВЭД ЕАЭС, которую истец считает верной. Таким образом, уже в самом обращении истец указал, что считает вопрос спорным. Тем не менее в ответе Комиссии данный факт не нашел отражения, вопрос не был передан на рассмотрение в надлежащем порядке.

В отношении поставленных АО «ТЛК» вопросов Комиссия в своем ответе от 27 сентября 2018 года № 18-493 за подписью директора Департамента таможенного законодательства и правоприменительной практики отметила, что по вопросу о проверке решения Выборгской таможни об оценке произведенной классификации на соответствие праву Союза Комиссия не может осуществить запрашиваемые действия, поскольку оценка действий таможенных органов государств-членов находится вне компетенции Комиссии.

В отношении поставленного истцом вопроса о классификации товара Комиссия разъяснила, что она вправе подготовить и принять решение о классификации отдельного вида товаров по собственной инициативе только в случае различной классификации товаров в предварительных решениях, решениях и разъяснениях таможенных органов государств – членов Союза. В связи с отсутствием указанной информации оснований для подготовки Комиссией проекта решения о классификации не имеется.

Комиссия отметила, что при получении информации о различных подходах к классификации товаров, указанных в обращении истца, упомянутая информация будет принята Комиссией во внимание и при наличии оснований, определенных абзацем вторым статьи 22 ТК ЕАЭС, использована для инициирования подготовки проекта решения о классификации отдельного вида товаров. Однако мониторинг не был начат и Комиссией не предприняты никакие иные действия до обращения истца в Суд. Анализ запроса истца и ответа Комиссии на него позволяет сделать вывод о том, что рассмотрение указанного обращения осуществлялось в общем порядке рассмотрения запросов.

Анализ норм Статута и Регламента Суда, Порядка рассмотрения обращений позволяет Коллегии Суда сделать вывод о том, что правом Союза установлены обязательные требования к предварительной процедуре досудебного урегулирования споров, предшествующей обращению в Суд хозяйствующих субъектов. Однако в названных документах отсутствует механизм выявления спорных вопросов и порядка их передачи на стадию досудебного урегулирования спора.

При этом Комиссией не были приняты своевременные меры по приведению норм Порядка рассмотрения обращений в соответствие с нормами Договора о Союзе, что впоследствии повлекло возникновение правовой неопределенности, связанной с рассмотрением обращений хозяйствующих субъектов: в Комиссии не сформирована устойчивая практика осуществления досудебного урегулирования, отсутствует эффективная система рассмотрения таких запросов (фактически запросы хозяйствующих субъектов могут быть рассмотрены как в общем порядке рассмотрения поступающих в Комиссию обращений на основании Регламента работы Комиссии, так и в рамках досудебного урегулирования, предусмотренного Порядком рассмотрения обращений).

Коллегия Суда отклоняет довод Комиссии о том, что для соблюдения пункта 43 Статута Суда касательно обязательного досудебного урегулирования спора истец должен был повторно обратиться в Комиссию с заявлением об оспаривании полученного ответа Комиссии.

Коллегия Суда отмечает, что досудебный порядок разрешения спора соблюден, если заявитель получил надлежащий ответ Комиссии на свой запрос. Иное бы противоречило позиции, согласно которой, исходя из стандарта защиты слабой стороны, обязанность по исчерпанию средств защиты не применяется автоматически и предполагает анализ эффективности данных средств защиты.

Так, в соответствии с указанной позицией, заявитель освобождается от обязательства по исчерпанию конкретного средства правовой защиты, если такое использование было бы неразумным на практике и представляло бы непропорциональное препятствие для эффективного осуществления права на индивидуальное обращение.

Применительно к настоящему делу Коллегия Суда отмечает, что истец обращался в Комиссию, но получил отрицательный ответ. При таких обстоятельствах повторное обращение к Комиссии в другой процедуре с тем же вопросом является неразумным и на практике представляет собой непропорциональное препятствие к доступу к Суду. Аналогичной позиции придерживается Европейский Суд по правам человека (дело Гальоне и другие против Италии, дело Хасан Тунч и другие против Турции).

Учитывая вышеизложенное, в настоящем деле досудебный порядок был соблюден.

Правовая пассивность Комиссии, связанная с отсутствием в правовых актах Комиссии четкой правовой регламентации процедуры проведения мониторинга и контроля, а также отсутствие единообразной практики рассмотрения запросов в рамках досудебного урегулирования приводит к наличию правовой неопределенности в данных сферах и дезориентирует заявителей – хозяйствующих субъектов.

В практике Суда сформулированы критерии неправомерного бездействия – это неисполнение либо ненадлежащее исполнение наднациональным органом (должностным лицом) обязанностей, возложенных на него правом Союза, в частности, оставление обращения хозяйствующего субъекта без рассмотрения полностью или частично, дача ответа заявителю не по существу обращения, если рассмотрение этого обращения относится к компетенции наднационального органа (должностного лица). В рамках иска о бездействии может оспариваться отрицательный ответ Комиссии, если совершение испрашиваемого заявителем действия является ее прямой обязанностью, которая не может быть делегирована иным лицам.

Мониторинг должен заканчиваться комплексным документом, составленным в надлежащем порядке, о чем сообщается заявителю. Спорные вопросы подлежат передаче на досудебное урегулирование в установленной процедуре без повторного обращения в Комиссию.

Таким образом, Коллегия Суда приходит к выводу о бездействии Комиссии и нарушении Комиссией прав истца при рассмотрении его запроса.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 39, 42 и 109 Статута Суда, статьями 78 и 82 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

РЕШИЛА:

Отказать в удовлетворении требования акционерного общества «Транс Логистик Консалт» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии при рассмотрении запроса акционерного общества «Транс Логистик Консалт» о проверке обоснованности решений таможенных органов Российской Федерации о классификации товара в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

Удовлетворить требование акционерного общества «Транс Логистик Консалт» и признать бездействие Евразийской экономической комиссии при рассмотрении запроса акционерного общества «Транс Логистик Консалт» о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Уплаченная акционерным обществом «Транс Логистик Консалт» пошлина подлежит возврату.

Решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза в течение пятнадцати календарных дней с даты его вынесения.

Председательствующий

А.М. Ажибраимова

Судьи

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
Судьи А. М. Ажибраимовой
(дело № СЕ-1-2/7-19-КС)

30 марта 2020 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза 26 марта 2020 года вынесла Решение по делу по заявлению акционерного общества «Транс Логистик Консалт» (далее – АО «ТЛК», истец), в котором удовлетворила требование истца о признании бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ответчик) при рассмотрении запроса АО «ТЛК» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе), международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союза) и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Не соглашаюсь с аргументацией и выводами, изложенными в данном решении Коллегии Суда, поэтому, пользуясь правом, предоставленным мне статьей 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю особое мнение.

Полагаю, что при рассмотрении заявления АО «ТЛК» Коллегией Суда были нарушены материальные и процессуальные нормы права Союза, что существенным образом повлияло на формулирование итоговых выводов Суда.

Пределы судебного рассмотрения

Согласно положениям пункта 1 статьи 45 Регламента Суда, при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений и (или) действия (бездействия) Комиссии Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Применительно к требованиям об оспаривании бездействия Комиссии на основании подпункта а) пункта 1 статьи 45 Регламента Суда считаю, что обя-

зательной проверке подлежит факт наличия полномочий Комиссии на совершение запрашиваемого действия.

Согласно правовой позиции, сформулированной в решении Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года по заявлению ООО «Севлад» приведенная норма указывает на то, что в ней установлен исчерпывающий перечень вопросов, подлежащих выяснению Судом в процессе рассмотрения спора (абзац пятый пункта 6.4. указанного решения).

Коллегии Суда следовало при рассмотрении требований истца осуществить правовую оценку вопросов, связанных с предполагаемым бездействием Комиссии, а именно:

- обладает ли Комиссия полномочиями по рассмотрению и исполнению требований истца;
- соблюден ли порядок обращения хозяйствующего субъекта к Комиссии;
- соблюден ли порядок рассмотрения Комиссией запроса истца и ответа на него.

Помимо этого, Коллегии Суда следовало оценить имеется ли связь между фактом предполагаемого нарушения Комиссией прав хозяйствующего субъекта, предусмотренных правом Союза, и предполагаемым неправомерным бездействием Комиссии.

Фактические обстоятельства дела

Истец, являясь таможенным брокером, осуществил декларирование товара – катера морского – при его ввозе на таможенную территорию Союза в 2016 году. Код товара в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), заявленный истцом при таможенном декларировании товара, был впоследствии изменен решением Выборгской таможни по результатам камеральной таможенной проверки. Истец обжаловал решение Выборгской таможни по классификации товара (далее – решение Выборгской таможни) в административном и судебном порядке. Однако по результатам судебного рассмотрения требования истца о признании незаконным решения Выборгской таможни не были удовлетворены.

Истец обратился в Комиссию 13 сентября 2018 года и просил проверить на соответствие регулирующим таможенные правоотношения международным договорам и актам, составляющим право Союза, Договору о Союзе, решение Выборгской таможни по классификации товара, принятое по результатам камеральной таможенной проверки. Истец также просил Комиссию начать процедуру принятия решения о классификации маломерных судов.

Не удовлетворившись ответом Комиссии, истец обратился в Суд с требованием признать бездействие Комиссии, выраженное в отказе осуществить правовую оценку решения Выборгской таможни, а также в отказе начать процедуру принятия решения о классификации.

При уточнении своих позиций в Суде истец заявил дополнительное требование о признании бездействия Комиссии, выразившееся в отказе осуществления мониторинга и контроля исполнения международных договоров и актов, составляющих право Союза, и исполнения решений Комиссии при рассмотрении запроса АО «ТЛК».

По первому требованию истца Коллегия Суда обоснованно пришла к выводу об отсутствии компетенции Комиссии рассматривать решение Выборгской таможни о классификации по существу.

В отношении судебной оценки Коллегией Суда требования истца о признании бездействия Комиссии при рассмотрении запроса истца о принятии решения о классификации маломерных судов полагаю возможным высказать следующее.

В соответствии с пунктом 4 статьи 78 Регламента Суда «в мотивировочной части решения Суда указываются нормы права, которыми руководствовался Суд, доказательства, на которых основаны выводы Суда, и доводы, по которым Суд не принимает те или иные доказательства».

Считаю, что Коллегия Суда удовлетворила требование АО «ТЛК» и признала бездействие Комиссии при рассмотрении запроса истца о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов не соответствующим Договору о Союзе от 29 мая 2014 года, международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в нарушение упомянутой нормы Регламента Суда, поскольку в мотивировочной части решения отсутствует анализ требования к Комиссии начать процедуру классификации маломерных судов, а также ссылки на правовые нормы и доказательства, подтверждающие обоснованность требований истца.

Считаю, чтобы признать бездействие Комиссии при рассмотрении обращения истца о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов неправомерным, Суду следовало проанализировать предполагаемую обязанность Комиссии исполнить требование истца, действия, предпринятые Комиссией, а также аргументировать вывод о том, что ответчик уклонился от выполнения предписанной правом Союза функции, и, тем самым, нарушил гарантированные актами Союза права и законные интересы истца. Однако указанные вопросы не были предметом рассмотрения Коллегии Суда.

По моему мнению требования истца к Комиссии о принятии решения о классификации маломерных судов основаны на ошибочных ожиданиях действий Комиссии и неверном толковании понятий «решение о классификации товаров» «различный подход к классификации товаров таможенными органами».

Анализ полномочий комиссии на предмет возможности выполнения требования истца о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов

Виды решений таможенных органов и Комиссии о классификации товаров

Классификация товаров, в соответствии с пунктом 1 статьи 19 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года, далее – ТК ЕАЭС) осуществляется в целях применения мер таможенно-тарифного регулирования, вывозных таможенных пошлин, запретов и ограничений, мер защиты внутреннего рынка, ведения таможенной статистики в соответствии с системой описания и кодирования товаров, которой является ТН ВЭД ЕАЭС.

Анализ таможенного законодательства Союза и государств членов позволяет сделать вывод о том, что в правовой системе Союза, правовых системах государств-членов решения таможенных органов и Комиссии, связанные с классификацией товаров подразделяются на решения индивидуального применения и решения, направленные на применение неопределенным кругом лиц:

– решения таможенных органов государств-членов о классификации товаров, принятые в порядке, предусмотренном пунктами 1,2 статьи 20 ТК ЕАЭС, являются решениями индивидуального применения и обязательны только для юридического или физического лица, в отношении которого они вынесены, и полномочия на принятия которых отнесены исключительно к компетенции таможенных органов государств-членов.

Решения, направленные на применение неопределенным кругом лиц:

– предварительные решения о классификации товаров, принимаемые уполномоченными таможенными органами государств – членов в соответствии со статьей 23 ТК ЕАЭС в порядке, предусмотренном статьями 24-27 ТК ЕАЭС и законодательством государств – членов о таможенном регулировании и применяемые в порядке, предусмотренном пунктом 4 статьи 21 ТК ЕАЭС;

– решения и разъяснения таможенных органов государств – членов о классификации отдельных видов товаров, принимаемые в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с законодательством государств-членов о таможенном регулировании (пункт 6 статьи 21 ТК ЕАЭС). В соответствии с пунктом 7 статьи 21 ТК ЕАЭС отдельный вид товаров определяется как совокупность товаров, которые имеют общие классификационные признаки, позволяющие отнести товары с конкретными наименованиями, конкретных марок, моделей, артикулов, модификаций и с иными подобными индивидуальными характеристиками к одному коду в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

– решения Комиссии о классификации отдельных видов товаров, принимаемые в соответствии с пунктом 1 статьи 22 ТК ЕЭАС в целях единообразия применения ТН ВЭД ЕЭАС.

Учитывая изложенное очевидно, что решение Выборгской таможни об изменении классификационного кода товара (решение, принятое по уже осуществленной истцом классификации товара при таможенном декларировании) является актом индивидуального применения, принятым в соответствии с пунктом 2 статьи 20 ТК ЕАЭС.

Порядок подготовки Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров

Решения Комиссии о классификации отдельных видов товаров принимаются в соответствии с пунктом 1 статьи 22 на основании:

- предложений таможенных органов государств-членов;
- по собственной инициативе Комиссии.

В случае, если Комиссия принимает решения о классификации отдельного вида товаров по собственной инициативе, основанием принятия такого решения является выявление различной классификации товаров в принятых таможенными органами предварительных решениях о классификации товаров, в решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров, принятых таможенными органами в соответствии с пунктом 6 статьи 21 ТК ЕАЭС.

Для инициирования подготовки Комиссией решения необходимо наличие следующих условий:

- разная классификация товаров определенного вида (совокупности) товаров таможенными органами государств-членов;
- различия должны присутствовать в решениях таможенных органов, направленных на неопределенный круг лиц (в предварительных решениях о классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, в решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС).

Информация о предварительных решениях, принятых уполномоченными таможенными органами государств – членов в срок до 15 числа месяца, следующего за истекшим месяцем, направляется в Комиссию. После получения таких данных Комиссия публикует указанные данные в Сборнике принятых предварительных решений таможенных органов государств – членов Союза по классификации товаров путем размещения на официальном сайте Евразийского экономического союза в сети Интернет на основании пунктов 3, 5 Положения о порядке формирования и ведения Сборника принятых предварительных решений таможенных органов государств – членов Евразийского

экономического союза по классификации товаров на официальном сайте Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза от 18 июня 2010 года № (в ред. от 6 октября 2015 года).

Указанная информация публикуется на информационном портале Евразийского экономического союза и является общедоступной.¹ В связи с этим считаю необоснованным вывод Коллегии Суда, сформулированный в абзаце втором на странице 9 решения, где говорится об отсутствии единой информационной системы о правоприменительной практике таможенных органов, так как различные подходы таможенных органов к классификации товаров (или отсутствие различных подходов, то есть единообразная практика) могут быть выявлены именно путем анализа указанных данных. Хочу также обратить внимание, что в Сборнике предварительных решений отсутствуют решения, содержащие коды 8903 92 990 0 и 8903 92 100 0, что подтверждает отсутствие объективных данных о различных подходах таможенных органов в правоприменении в отношении классификации маломерных судов.

Полномочия Комиссии по принятию решений о классификации отдельных видов товаров детализируются в Порядке подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утверждённом Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 декабря 2013 года № 284 (в ред. от 23 января 2018 года; далее – Порядок подготовки решений о классификации).

Пунктом 3 Порядка подготовки решений о классификации предусматривается, что предложения о классификации отдельных видов товаров по ТН ВЭД ЕАЭС вносятся в Комиссию следующими таможенными органами: Министерством финансов Республики Армения, Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь, Комитетом государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан, Государственной таможенной службой при Правительстве Кыргызской Республики и Федеральной таможенной службой.

Разделом III.1. Порядка подготовки решений также устанавливается, что по собственной инициативе Комиссия осуществляет подготовку решений о классификации при выявлении Комиссией различной классификации товаров в принятых таможенными органами предварительных решениях о классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, в решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, принятых таможенными органами в соответствии с пунктом 6 статьи 21 Кодекса.

В соответствии с Пунктом 20 Порядка подготовки решений предусмотрены полномочия Департамента Комиссии по доведению до таможенных орга-

¹ https://portal.eaunion.org/sites/odata/_layouts/15/portal.eec.registry.ui/directoryform.aspx?viewid=01d0337c-71f3-455b-950d-d882bf9547d9&listid=0e3ead06-5475-466a-a340-6f69c01b5687&itemid=219#; дата обращения 28.03.2020 г.

нов информации о различных подходах таможенных органов, не указанных в пункте 3 Порядка подготовки решений, содержащейся в поступивших в Комиссию обращениях таких органов, физических и юридических лиц либо полученной в ходе мониторинга соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право Союза, и исполнения решений Комиссии.

Положения пункта 20 Порядка подготовки решений предполагают наличие информации, подтверждающей:

- различный подход к классификации товара;
- со стороны таможенных органов государства-члена (не являющегося центральным таможенным органом в соответствии с пунктом 3 Порядка подготовки решений).

Указанная информация может содержаться также в обращениях физических и юридических лиц, однако в обязательном порядке должна содержать сведения о различных подходах со стороны таможенных органов.

При наличии такой информации, содержащейся в обращениях физических и юридических лиц, либо полученной в ходе мониторинга, Департамент Комиссии доводит до сведения таможенных органов в целях рассмотрения и внесения (при необходимости) в Комиссию предложения о классификации отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с настоящим Порядком.

Это означает, что Комиссия при наличии сведений о различных подходах обязана проинформировать таможенные органы государств-членов о существующих разночтениях в применении ТН ВЭД ЕАЭС, что может служить основанием принятия Комиссией классификационного решения по инициативе таможенных органов.

Факт обращения физического или юридического лица в Комиссию с предложением о принятии решения о классификации не может влечь за собой обязанность Комиссии по принятию такого решения по собственной инициативе. Комиссия также не обязана информировать таможенные органы государств – членов при отсутствии в таких обращениях сведений о различных подходах таможенных органов.

В судебном заседании 19 ноября 2019 года представителю истца было предложено Судом представить информацию о различных подходах к применению кодов ТН ВЭД ЕАЭС в отношении маломерных судов. Комиссия на этом основании запросила у истца (исх. № 03-83 от 22 ноября 2019 года) имеющуюся информацию о случаях различной классификации маломерных судов, имеющих сопоставимые характеристики в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

Запрашиваемые сведения не были представлены истцом ни Суду, ни Комиссии.

Как следует из материалов дела и выступления представителя истца в Суде, в понимании истца понятие «различные подходы к классификации товаров»

означает различие в подходе к классификации со стороны истца и Выборгской таможни, окончательное решение по которому, по мнению истца, может принять Комиссия в виде решения о классификации отдельного вида товаров классификационным кодом в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, предложенным истцом.

Однако пунктом 38 статьи 2 ТК ЕАЭС под «таможенными органами» понимаются таможенные органы государств-членов и в указанную категорию не включаются физические и юридические лица, осуществляющие свою деятельность в качестве таможенного представителя. Для применения процедуры, предусмотренной пунктом 20 Порядка подготовки решений необходимо наличие информации, подтверждающие различные подходы к классификации товаров на уровне таможенных органов. Следовательно, сведения о различных подходах к классификации товара таможенным брокером (таможенным представителем) и таможенным органом государства-члена не могут служить основанием для обязательного информирования Департаментом Комиссии таможенных органов государств-членов.

На основании изложенного считаю, что Комиссия самостоятельно обязана начать процедуру принятия решения о классификации отдельных видов товаров только при выявлении различной классификации товаров в принятых таможенными органами предварительных решениях о классификации товаров, в решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров, принятых таможенными органами в соответствии с пунктом 6 статьи 21 ТК ЕАЭС.

Ввиду отсутствия различных подходов к классификации товаров в отношении маломерных судов в Сборнике принятых предварительных решений таможенных органов государств – членов Союза по классификации товаров, иных решений о классификации отдельных видов товаров, отсутствует и обязанность Комиссии по принятию решения о классификации маломерных судов по собственной инициативе.

Иное толкование привело бы к нарушению положений пункта 19 Порядка подготовки решений, в соответствии с которым Комиссия не рассматривает по существу обращения по вопросам классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС, поступившие от органов, не указанных в пункте 3 Порядка подготовки решений, физических и юридических лиц.

Анализ выводов Коллегии Суда о бездействии Комиссии, выраженном в отказе начать процедуру мониторинга соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право Союза, и исполнения решений Комиссии

Требование истца, содержащее указание на бездействие Комиссии, выразившееся в отказе осуществления мониторинга, было заявлено после подачи

искового заявления в Суд, истец не требовал проведения мониторинга на стадии направления запроса в Комиссию.

Осуществляя анализ соблюдения досудебной процедуры рассмотрения споров, Коллегия Суда пришла к выводу о том, что истец не должен повторно обращаться в комиссию с заявлением об оспаривании полученного ответа Комиссии, что могло бы служить непропорциональным препятствием для доступа истца к суду.

Однако положения Порядка рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений (актов) Евразийской экономической комиссии, Комиссии Таможенного союза, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии», утвержденного Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19.03.2013 г. № 46 (далее – Порядок рассмотрения обращений) предполагают выполнение совокупности следующих обязательных условий (*sine qua non*):

- на стадии досудебного урегулирования должны быть заявлены требования об оспаривании решения Комиссии или ее действия (бездействия) (абзац третий пункта 2 Порядка рассмотрения обращений);

- требования должны быть рассмотрены Комиссией в соответствии с процедурой, предусмотренной Порядком рассмотрения обращений, до обращения субъекта в Суд.

Считаю необходимым отметить, что так как требование о проведении мониторинга не заявлялось истцом на стадии обращения в Комиссию, не были соблюдены обязательные процедурные требования в отношении досудебного урегулирования спора с участием Комиссии и, вследствие этого, Комиссия лишилась возможности добровольно урегулировать спорные вопросы, что является целью досудебного урегулирования.

По мнению Коллегии Суда, «Учитывая, что в обращении ЗАО «ТЛК» в Комиссию содержались сведения о различных подходах к классификации товара (неединообразии), а также требование проверить на соответствие регулирующим таможенные правоотношения международным договорам и праву Союза решения Выборгской таможни по классификации товара и начать процедуру принятия решения о классификации маломерных судов, Комиссия обязана была провести мониторинг и контроль исполнения таможенного законодательства и права Союза с сферах спорных правоотношений. Однако комиссия не выполнила эту свою обязанность».

Полномочия Комиссии по проведению мониторинга установлены подпунктом 4 пункта 43, а также подпунктом 2 пункта 55 Положения о Комиссии. Однако правовой акт, закрепляющий процедуру осуществления Комиссией мониторинга и контроля, в праве Союза отсутствует, что является существенным недостатком осуществления Комиссией своих функций.

Безусловно поддерживая правовые позиции сформулированные в решении Коллегии Суда от 11 октября 2018 года в решении по заявлению ООО «Ойл Марин Групп», считаю не вполне корректным ссылки на указанное решение поскольку оно было принято уже после того, как Комиссия рассмотрела запрос истца и направила ответ 27 сентября 2018 года.

Таким же противоречивым считаю вывод Коллегии Суда о том, что Комиссия бездействовала при осуществлении мониторинга уже после обращения истца в Суд.

В материалах дела имеются сведения о проделанной Комиссией следующей работе:

1. Подготовлены запросы в центральные таможенные органы государств-членов с просьбой направить информацию о том, возникают ли в настоящее время затруднения (и в чем они заключаются) при классификации маломерных судов морских и прочих в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, и при их наличии направить предложения о целесообразности подготовки Комиссией проекта решения о классификации упомянутого товара или подготовки Дополнительного примечания, в соответствии с действующими порядками (исх. № 18-500 от 5 сентября 2019 года).

Из полученных ответов таможенных органов государств-членов следует, что в настоящее время отсутствуют какие-либо затруднения при классификации указанных товаров и предложения о целесообразности подготовки Комиссией проекта решения о классификации упомянутого товара.

2. Проведен анализ судебной практики Российской Федерации, который показал, что все спорные случаи касались классификации маломерных судов, декларации по которым оформлялись истцом в 2016-2017 годах. Иных спорных ситуаций, как и наличие различных подходов со стороны таможенных органов не выявлено.

3. Направлен запрос в Федеральную таможенную службу от 17 декабря 2019 года № 03-88 с просьбой проанализировать практику применения таможенными органами Российской Федерации дополнительного примечания 1 к группе 89 ТН ВЭД ЕАЭС при классификации маломерных судов в подпозиции 8903 92 990 0 ТН ВЭД ЕАЭС и подпозиции 8903 92 100 0 ТН ВЭД ЕАЭС на предмет ее единообразия и соответствия судебной практике по делам данной категории. Федеральная таможенная служба в своем ответе от 14 января 2020 года № 06-35/00872 сообщила, что затруднений при классификации маломерных судов морских и прочих в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС у должностных лиц таможенных органов не возникает, а судебная практика по таким делам сложилась в пользу таможенных органов.

4. На заседании 10 марта 2020 года ответчиком представлены ответы таможенных органов Российской Федерации в Федеральную таможенную службу, которые также свидетельствуют об отсутствии различных подходов к клас-

сификации. Упомянутое в решении Коллегии Суда письмо Центрального таможенного управления от 20 февраля 2020 года № 01-31/5167 содержит информацию об изменении Ярославской таможней классификационного кода товара «Лодка LOOKER 440GB» с 8903 92 990 0 ТН ВЭД ЕАЭС на 8903 92 100 0 ТН ВЭД ЕАЭС, что как раз свидетельствует о единообразной практике применения указанных положений ТН ВЭД ЕАЭС, хотя и касается экспорта с таможенной территории Союза судна, произведенного в Российской Федерации (производитель – компания «Paritetboat»), поэтому не может считаться релевантным примером.

Исходя из изложенного считаю, что ответчиком после начала судебного рассмотрения требований истца предпринято достаточное количество действий по осуществлению мониторинга и контроля. Разделяя вывод Коллегии Суда о том, что мониторинг должен закачиваться итоговым документом, в котором Комиссия обязана информировать хозяйствующего субъекта о предпринятых действиях и о результатах проведенного мониторинга, считаю, что непредставление такого итогового ответа истцу является лишь недостатком осуществленной процедуры мониторинга, проведенного Комиссией. Поэтому полагаю, что после осуществления Комиссией всех указанных действий по требованию истца и Суда, у Коллегии Суда отсутствовали основания констатировать бездействие Комиссии, так как Комиссией фактически был проведен мониторинг применения в государствах-членах запрашиваемых истцом классификационных кодов подсубпозиций ТН ВЭД ЕАЭС.

Аналогичный вывод содержится в Решении Суда Европейского союза по делу *Intervet International BV v Commission of the European Communities (2002)*, согласно которому иск о бездействии лишается своего предмета поскольку запрашиваемое действие осуществляется после предъявления иска о бездействии.

Уточнения истца в письме от 6 марта 2020 года

Считаю важным обратить внимание на поступившее в Суд письмо истца от 6 марта 2020 года (Исх. № 19/03), в котором истец заявляет об отсутствии необходимости изучения судебной практики по поставленным им вопросам, поскольку «в силу отсутствия преюдиции судебных актов органов судебной власти государств-членов Евразийского экономического союза для Евразийской экономической комиссии такого рода анализ противоречит пункту 4 Положения о Комиссии, а также подпункту 4 пункта 43 Положения о Комиссии»

По мнению истца, просьба, указанная в письме Комиссии в Федеральную таможенную службу проанализировать сложившуюся практику применения таможенными органами Российской Федерации дополнительного примечания 1 к группе 89 ТН ВЭД ЕАЭС противоречит положениям пункта 20 Порядка принятия решений.

Истец также разъяснил, что основанием направления АО «ТЛК» заявления в Суд явилось не бездействие Комиссии при рассмотрении запроса о проверке неуказанных решений о классификации неких маломерных судов, а бездействие Комиссии при рассмотрении запроса о проверке на соответствие регулирующим таможенными правоотношения международным договорам и актам, составляющим право Евразийского экономического союза, Договору о Союзе решения от 24 мая 2018 года Выборгской таможни по классификации катера моторного «SAFE 44 ARCHANGEL FULL CABIN-INBOARD». То есть, фактически истец отрицает необходимость осуществления Комиссией мониторинга и контроля и свел все свои требования к одному – констатировать бездействие Комиссии, выраженное в отказе дать правовую оценку решению Выборгской таможни, принятого в отношении истца. Коллегия Суда справедливо отказала истцу в удовлетворении данного требования.

Процессуальные злоупотребления со стороны истца

Коллегия Суда отметила, что бремя доказывания по искам об оспаривании бездействия возлагается на Комиссию. Поддерживая позицию Коллегии Суда считаю, что истец обязан был подкрепить свои требования сведениями о том, что бездействием Комиссии нарушены его права и законные интересы, а также представить фактические данные в обоснование своих требований.

Коллегия Суда исходила из стандарта защиты слабой стороны и гарантий права истца на доступ к Суду. Однако по моему мнению, в данном деле истец злоупотреблял своими процессуальными правами.

Согласно пункту 58 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Союзе) лица, участвующие в деле, пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности в соответствии с Регламентом. Исходя из принципа состязательности, закрепленном в статье 23 Регламента Суда истец обязан обосновать свои требования. Стороны также несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий (пункт 3 статьи 23 Регламента Суда).

Вместе с тем, при обращении в Суд истец не представил информацию о различных подходах к классификации товаров таможенными органами. По запросу Суда и Комиссии истец также не представил такой информации.

В то время как Комиссия по инициативе Суда осуществляла действия, направленные на выполнение заявленных требований, представитель АО «ТЛК» не присутствовал на заседаниях Суда 21 января и 10 марта 2020 года. Считаю, что, если бы представитель истца своевременно являлся на судебные заседания, он был бы в полной мере осведомлен о всех аспектах деятельности Комиссии по осуществлению мониторинга. Поэтому неинформированность истца об итогах проведения мониторинга связана с уклонением истца от вы-

полнения своих процессуальных обязанностей, предусмотренных Регламентом Суда.

В связи с этим, разделяю подход, содержащийся в Решении Европейского Суда по правам человека по делу *Hasan Tunç and Others v. Turkey*, в соответствии в котором Суд, применяя процессуальные нормы, должен избегать как чрезмерного формализма, влияющего на справедливость судебного разбирательства, так и проявлений излишней гибкости, которая делает неэффективными процедурные требования, установленные в правовых актах.

Исходя из вышеизложенного считаю, что Коллегия Суда необоснованно удовлетворила требование истца о признании бездействия Комиссии при рассмотрении запроса истца о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов не соответствующим Договору о Союзе, международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной хозяйственной деятельности. Оспариваемое бездействие Комиссии при рассмотрении запроса истца о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов не было проверено Коллегией Суда на соответствие Договору и (или) международным договорам в рамках Союза. Признание бездействия Комиссии не соответствующим Договору и иным актам права Союза не основано на фактических обстоятельствах и нормах права, что является нарушением процедуры, предписанной пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда, а также нарушением пунктов 4 и 6 Статьи 78 Регламента Суда.

Коллегия Суда вышла за пределы судебного рассмотрения, осуществив судебную оценку требования о признании бездействия Комиссии, выраженного в отказе начать процедуру мониторинга и контроля соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право Союза, и исполнения решений Комиссии. Такое требование не заявлялось истцом на стадии досудебного урегулирования спора, и не могло быть удовлетворено Комиссией в добровольном порядке.

Считаю, что процессуальные злоупотребления, допущенные истцом, также могли служить основанием для отказа в удовлетворении его требований, так как истец не представил сведения, свидетельствующие о нарушении его прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, а также уклонялся от совершения процессуальных действий, предписанных Регламентом Суда.

Судья-докладчик

А. М. Ажибраимова

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Айриян Э.В.
(дело № СЕ-1-2/7-19-КС)

30 марта 2020 года

город Минск

Коллегией Суда Евразийского экономического союза 26 марта 2020 года вынесено решение по делу по заявлению закрытого акционерного общества «Транс Логистик Консалт» (далее – заявитель, ЗАО «ТЛК») об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии.

Не соглашаюсь с решением Коллегии Суда в целом и в соответствии со статьей 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю особое мнение.

Требования заявителя сводятся к признанию бездействия ЕЭК не соответствующим актам права Союза.

Основываясь на анализе материалов дела считаю, что Комиссия, реализуя возложенные на нее государствами-членами Союза властно-распорядительные и нормотворческие полномочия, не допускала в отношении обращений заявителя правовой неопределенности и противоречий с нормами Договора от 29 мая 2014 года, ТК ЕАЭС, ТН ВЭД ЕАЭС и не нарушала прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, а **его несогласие с отказом ЕЭК** выполнить определенные действия, завершением которых, по мнению заявителя, должна была стать инициатива Комиссии по процедуре принятия решения о классификации отдельного вида товаров на уровне наднационального акта (решения Комиссии), не является основанием для вывода о нарушении его прав и законных интересов и, тем более, для изменения классификации товара по ТН ВЭД ЕАЭС.

I. В соответствии с пунктом 6 статьи 78 Регламента Суда решение Суда должно быть логичным, не содержать внутренних противоречий, несовместимых положений.

Взаимосвязанное прочтение текста решения Коллегии Суда позволяет выявить наличие таких противоречий и положений, суть которых сводится к следующему.

Индивидуализация заявления в Суд Союза, как средства защиты права или охраняемого интереса хозяйствующего субъекта, определяется его основанием и предметом. С изменением любого из этих элементов заявление изменяется; оно утрачивает свое тождество. **Изменение основания заявления означает изменение тех обстоятельств, на которых заявитель основывает**

свое требование к ответчику. Изменение предмета заявления означает изменение материально-правового требования.

В этой связи одной из первоочередных задач Суда является определение предмета и основания заявления хозяйствующего субъекта. Ошибка на данной стадии в части любого элемента заявления может привести к необоснованности судебного акта в целом. Данное обстоятельство, на мой взгляд, имеет место в решении Коллегии Суда.

Как следует из Решения Коллегии Суда (раздел II. Доводы истца):

«26 августа 2019 года истец обратился в Суд ЕАЭС с заявлением, в котором просил признать не соответствующим Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 года, Порядку подготовки ЕЭК решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденному Решением Коллегии ЕЭК от 02 декабря 2013 года № 284 (в редакции от 23 января 2018 года), бездействие Комиссии при рассмотрении запроса АО «ТЛК»:

- об обоснованности решений таможенных органов Российской Федерации о классификации товара в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС;
- о принятии решения о классификации маломерных судов.

При последующем уточнении исковых требований АО «ТЛК» были дополнительно заявлены требования признать не соответствующим актам права Союза бездействие Комиссии, выразившееся в следующем: **(далее 6 новых оснований, см.стр.3 решения)**».

«Таким образом, Суд констатирует, что **доводы истца о бездействии Комиссии сводятся к следующему:**

1. Отказ рассмотреть по существу запрос истца о правовой оценке решений таможенных органов Российской Федерации в отношении товара, ввезенного истцом.
2. Отказ начать процедуру мониторинга соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право ЕАЭС, и исполнения решений Комиссии».

Соответственно, предметом заявления (исходя из решения Коллегии Суда) является оспаривание факта бездействия ЕЭК, которое заявитель просил признать не соответствующим праву Союза.

Основаниями заявления (фактическим составом), исходя из Решения Коллегии Суда, являются два вышеуказанных обстоятельства отказа Комиссии.

В этой связи считаю, что подлежащий доказыванию факт предполагаемого бездействия ЕЭК имеет единый и неделимый юридический состав нарушения норм права Союза, поскольку требований об оспаривании иных случаев бездействия Комиссии ЗАО «ТЛК» не заявлено.

Таким образом, первоочередному исследованию в Суде и формулированию в мотивировочной и резолютивной частях решения Коллегии Суда под-

лежало **наличие либо отсутствие факта бездействия ЕЭК исключительно по двум вышеизложенным основаниям в целом.**

Однако, как следует из текста судебного акта, Коллегия Суда решила:

«Отказать в удовлетворении требования акционерного общества «Транс Логистик Консалт» о признании бездействия ЕЭК при рассмотрении запроса акционерного общества «Транс Логистик Консалт» о проверке обоснованности решений таможенных органов Российской Федерации о классификации товара в соответствии с единой ТН ВЭД ЕАЭС.

Удовлетворить заявление акционерного общества «Транс Логистик Консалт» и признать бездействие ЕЭК при рассмотрении запроса акционерного общества «Транс Логистик Консалт» о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов не соответствующим Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 года, международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

Полагаю, что в указанных выводах решения Коллегии Суда содержится существенное противоречие с предшествующими выводами Суда (закрепленными в описательной части решения), заключающееся в следующем.

Суд в описательной части изначально определил два таких самостоятельных основания заявления, как:

1. Отказ рассмотреть по существу запрос истца о правовой оценке решений таможенных органов Российской Федерации в отношении товара, ввезенного истцом.

2. Отказ начать процедуру мониторинга соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право ЕАЭС, и исполнению решений Комиссии.

Следуя логике Коллегии Суда, в резолютивной части решения должен также содержаться вывод о наличии, либо отсутствии факта бездействия ЕЭК именно по данным основаниям.

Однако, если по первому основанию вывод резолютивной части совпадает с предшествующим выводом описательной части решения (о правовой оценке решений таможенных органов), то по второму основанию – о признании бездействия ЕЭК при рассмотрении запроса акционерного общества «Транс Логистик Консалт» о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов, резолютивная часть противоречит описательной части решения, содержащей иное обстоятельство спора, установленное судом (основание заявления): **отказ начать процедуру мониторинга.**

Полагаю, что указанные положения являются несовместимыми, противоречат пункту 6 статьи 78 Регламента Суда.

Результатом такого переформулирования Судом в различных частях судебного акта основания заявления, стала правовая неопределенность решения

Суда: изначально предполагаемое бездействие Комиссии по одним основаниям, констатированным Судом, не нашло подтверждения и закрепления в резолютивной части решения Коллегии Суда. Однако, при этом вина Комиссии в бездействии установлена, **но уже по иному основанию, имеющему самостоятельный правовой состав** и допущено «расщепление» объема правового содержания бездействия **по новому основанию**, не указанному в выводах описательной части судебного акта.

II. В части вывода Суда о бездействии Комиссии, содержащегося в мотивировочной части, считаю целесообразным отметить следующее.

Как следует, из текста пункта 3 Решения Коллегии Суда (мотивировочная часть, стр.13): «В практике Суда сформулированы критерии неправомерного бездействия – это неисполнение либо ненадлежащее исполнение наднациональным органом (должностным лицом) обязанностей, возложенных на него правом Союза, в частности, оставление обращения хозяйствующего субъекта без рассмотрения полностью или частично, дача ответа заявителю не по существу обращения, если рассмотрение этого обращения относится к компетенции наднационального органа (должностного лица). В рамках иска о бездействии может оспариваться отрицательный ответ Комиссии, если совершение испрашиваемого заявителем действия является ее прямой обязанностью, которая не может быть делегирована иным лицам.

Мониторинг надлежит заканчивать комплексным документом, составленным в надлежащем порядке, о чем сообщается заявителю. Спорные вопросы подлежат передаче на досудебное урегулирование в надлежащей процедуре без повторного обращения в Комиссию.

Таким образом, Коллегия Суда приходит к выводу о бездействии Комиссии и нарушении Комиссией прав истца при рассмотрении его запроса».

Полагаю ошибочным данный вывод в отношении наличия и надлежащей квалификации факта бездействия ЕЭК по заявлению ЗАО «ТЛК» по следующим основаниям.

В Решении Коллегии Суда от 11 октября 2018 года по делу по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» (стр. 12-13) сформулирован следующий вывод: «**Обращение физического или юридического лица с просьбой о мониторинге законодательства государства-члена в той или иной сфере само по себе не может являться безусловным основанием для мониторинга**, однако обращения в Комиссию хозяйствующих субъектов могут быть источниками информации для начала проведения мониторинга. При этом **хозяйствующий субъект должен представить в Комиссию обоснованные доводы, свидетельствующие о том, что в правовой системе государства-члена действуют нормы, не соответствующие международным договорам, входящим в право Союза, и (или) в государствах-членах складывается различная практика применения международных договоров**».

Однако, заявителем не представлены в Суд документы, иные сведения об обстоятельствах, свидетельствующие о том, что в правовой системе государства-члена действуют нормы, не соответствующие международным договорам, входящим в право Союза, и (или) в государствах-членах складывается различная неединообразная практика применения международных договоров.

Комиссией, в свою очередь, представлены в Суд убедительные сведения о единообразной правоприменительной практике таможенных органов, связанной с классификацией спорного товара конкретным кодом ТН ВЭД ЕАЭС, а также вступившее в законную силу Постановление Тринадцатого Арбитражного Апелляционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2019 года (Дело № А56- 92772/2018). В указанных документах, на мой взгляд, содержатся исчерпывающие сведения об отсутствии разночтений и различных подходов компетентных органов исполнительной и судебной власти по классификации ввозимых в ЕАЭС истцом маломерных судов.

Доводы заявителя о наличии фактов различных подходов таможенных органов, которые, по его мнению, обязывают Комиссию начать процедуру мониторинга, а затем и процедуру принятия решения о классификации отдельного вида товаров на уровне наднационального акта (решения Комиссии), сводятся к несогласию истца с оценкой доказательств таможенными органами Российской Федерации, выводами Тринадцатого Арбитражного Апелляционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2019 года, что не является основанием для выполнения Комиссией действий по принятию соответствующего решения.

Так, в пункте 11 заявления ЗАО «ТЛК» в Суд ЕАЭС указывается: «Классификация спорного товара таможенным представителем ЗАО «Транс Логистик Консалт» и Выборгской таможней **различными кодами товарной подсубпозиции являются следствием различного подхода к толкованию дополнительного примечания 1 к группе 89 единой ТН ВЭД ЕАЭС, пояснения к указанному дополнительному примечанию, результатом избирательного применения Выборгской таможни установленных иностранным производителем мореходных характеристик спорного товара**».

Указанным доводом заявитель выражает свое несогласие с таможенным органом по вопросу классификации конкретного товара и квалифицирует различные подходы таможенных органов в целом.

Полагаю, что все доводы заявителя о наличии различных подходов таможенных органов по классификации спорного товара и вытекающая из данного обстоятельства обязанность ЕЭК провести мониторинг и принять нужное истцу решение, опровергнуты указанным выше Постановлением Тринадцатого Арбитражного Апелляционного Суда по делу № А56-92772/2018 от 11 февраля 2019 года. В данном судебном акте, который вступил в законную силу, а пото-

му не может подвергаться сомнению, содержатся исчерпывающие выводы о единообразной правоприменительной практике таможенных и судебных органов Российской Федерации именно по вопросу классификации ввозимых в ЕАЭС истцом спорных товаров.

III. В части исследования одного из основных доводов заявителя в обоснование бездействия Комиссии, полагаю следующее.

ЗАО ТЛК в заявлении указало (пункт 13 заявления в Суд ЕАЭС):

«Различный подход Выборгской таможни, поддержанной Северо-Западным таможенным управлением, ФТС РФ и таможенного представителя ЗАО «Транс Логистик Консалт» к классификации аналогичных товаров в соответствии с пунктом 20 Порядка принятия ЕЭК решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденного Решением Коллегии ЕЭК от 2 декабря 2013 года № 284, является основанием для инициации Департаментом таможенного законодательства и правоприменительной практики ЕЭК процедуры рассмотрения таможенными органами государств-членов ЕАЭС предложения о классификации маломерных судов соответствующим кодом товарной подсубпозиции товарной позиции 8903 единой ТН ВЭД ЕАЭС и внесения в ЕЭК для рассмотрения обращения о необходимости принятия решения ЕЭК о классификации».

Различный подход таможенного органа и таможенного представителя в классификации товаров не является основанием для совершения юридически значимых действий ЕЭК и ее департаментом.

Следует отметить, что статьей 32 Договора установлено, что в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с ТК ЕАЭС и регулируемыми таможенными правоотношениями международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями Договора.

Согласно абзацу второму пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС **«При выявлении Комиссией различной классификации товаров в принятых таможенными органами предварительных решениях о классификации товаров, в решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров, принятых (данных) таможенными органами в соответствии с пунктом 6 статьи 21 настоящего Кодекса, Комиссией принимаются решения о классификации отдельных видов товаров по собственной инициативе».**

Решения о классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС принимаются Комиссией в рамках полномочий, предусмотренных в пункте 1 статьи 22 ТК ЕАЭС и с учетом положений Порядка подготовки ЕЭК решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденного Решением Коллегии Комиссии от 2 декабря 2013 года № 284 (далее – Порядок).

Процедура инициативного принятия ЕЭК решений о классификации детально регламентирована в разделе III. 1 «Подготовка решений Комиссии о классификации по инициативе Комиссии» данного Порядка.

Статья 22 ТК ЕАЭС и указанный раздел Порядка содержат два императивных основания, **только при одновременном наличии которых Комиссия иницирует процедуру принятия решения:**

1. При выявлении Комиссией различной классификации товаров.

2. Различная классификация товаров должна содержаться в принятых таможенными органами предварительных решениях о классификации товаров, в решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров, принятых (данных) таможенными органами в соответствии с пунктом 6 статьи 21 настоящего Кодекса.

Закономерно следует вывод о том, что по заявлению ЗАО «ТЛК» в Комиссию, у ЕЭК отсутствовали правовые основания для инициирования принятия решения о классификации маломерных судов, поскольку Комиссией различная классификация спорных товаров не выявлена (наоборот, выявлено единое образное применение такой классификации таможенными органами); в решениях таможенных органов различная классификация товаров отсутствовала.

Данные обстоятельства являются фактическими данными, имеющими существенное юридическое значение при рассмотрении дела.

IV. Судебное решение должно быть вынесено в точном соответствии с нормами материального и процессуального права. Формальное проявление это требование получает в том, что судебное решение должно ссылаться на нормы материального и процессуального права, которыми Суд руководствовался при вынесении решения.

Вместе с тем, удовлетворение решением Коллегии Суда требования заявителя и признание бездействия ЕЭК не соответствующим Договору от 29 мая 2014 года, международным договорам в рамках Союза, не обосновано указаниями на конкретные нормы данного Договора. Отсутствует ясность в принципиально важном вопросе о том, какие положения Договора от 29 мая 2014 года; международные договоры в рамках Союза, их нормы нарушены Комиссией.

Следует отметить, что, исходя из текста описательной части решения Коллегии Суда, ЗАО «ТЛК» обратился в Суд ЕАЭС с заявлением, в котором просил признать не соответствующим Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 года, Порядку подготовки ЕЭК решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденному Решением Коллегии ЕЭК от 02 декабря 2013 года № 284 (в редакции от 23 января 2018 года), бездействие Комиссии при рассмотрении запроса АО «ТЛК».

Аналогичная формулировка содержится в резолютивной части Постановления Суда от 16 сентября 2019 года, которым заявление ЗАО «ТЛК» принято к производству; в заявлении ЗАО «ТЛК» в Суд Союза (стр.15).

Истец данное требование не изменял.

В этой связи, в заявлении истца отсутствовала просьба о признании бездействия Комиссии несоответствующим международным договорам в рамках Союза.

Вместе с тем согласно пункту 101 Статута Суда Решение Суда не может выходить за рамки указанных в заявлении вопросов.

В решении Коллегии Суда также отсутствуют выводы о наличии/отсутствии факта несоответствия бездействия ЕЭК указанному Порядку и уполномочен ли Суд Союза рассматривать такое основание заявления хозяйствующего субъекта, поскольку согласно абзацу третьему подпункта 2) пункта 39 Статута Суда, Суд рассматривает споры по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта. В то время, как указанный порядок международным договором не является.

Придерживаюсь постулата о том, что Суд в судебном решении обязан давать исчерпывающий ответ **на все заявленные требования**, поскольку решение является обоснованным только тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными Судом доказательствами, а также когда оно содержит исчерпывающие выводы Суда, вытекающие из установленных фактов. Обоснованность судебного решения заключается в его соответствии установленным Судом юридическим фактам и обстоятельствам.

С учетом изложенного, полагаю, что отсутствуют основания для удовлетворения Коллегией Суда требований, заявленных закрытым акционерным обществом «Транс Логистик Консалт».

Судья

Э.В. Айриян

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Колоса Д. Г.
(дело № СЕ-1-2/7-19-КС)

31 марта 2020 года

город Минск

Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) 26 марта 2020 года вынесено решение по делу по заявлению акционерного общества «Транс Логистик Консалт» (далее – АО «ТЛК», истец) об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия).

В целом поддерживая основные выводы и правовые позиции, изложенные в решении Коллегии Суда, не могу согласиться с отсутствием в мотивировочной части решения обоснования предметной (*ratione materiae*) и субъектной (*ratione personae*) компетенции Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд), а также с формой изложения в резолютивной части решения вывода об отказе в удовлетворении требований истца.

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение при вынесении решения Суда.

В этой связи, пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

1. В соответствии с подпунктом 2) пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), международных договоров в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз) и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Позиция Суда относительно права хозяйствующего субъекта на обращение в Суд с заявлением об оспаривании решения Комиссии на основании пункта 2) статьи 39 Статута сформулирована в постановлении Коллегии Суда об

оставлении без движения заявления ЗАО «Дженерал Фрейт» от 21 декабря 2015 года. Хозяйствующие субъекты обладают *locus standi*, если, во-первых, оспариваемый акт Комиссии или отдельные его положения непосредственно затрагивают их права и законные интересы и, во-вторых, касаются предмета их предпринимательской и иной экономической деятельности.

Учитывая, что принятие Комиссией акта в форме решения является разновидностью действий Комиссии, приведенная позиция Суда в полной мере применима и в отношении дел об оспаривании действия (бездействия) Комиссии.

В постановлении о принятии к производству заявления АО «ТЛК» от 16 сентября 2019 года Коллегия Суда указала: «из положений пунктов 39 и 109 Статута Суда следует, что предметной компетенции Суда *prima facie* отвечает требование истца о признании бездействия Комиссии не соответствующим Договору и, по мнению истца, нарушающим права и законные интересы ЗАО «ТЛК».

С учетом того, что в приведенном постановлении компетенция Суда установлена только *prima facie*, полагаю, что при рассмотрении дела Коллегии Суда необходимо было проанализировать данные обстоятельства и обосновать в решении свои выводы.

Выводы Суда по указанным вопросам и их обоснование представляются тем более необходимыми, имеющими существенное значение для установления в Суде единообразной практики применения права Союза и создания у хозяйствующих субъектов правовой определенности в отношении права на обращение в Суд, в свете постановления Коллегии Суда от 10 марта 2020 года о прекращении производства по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» (далее – ООО «Электронная таможня»), являющегося, так же как и АО «ТЛК», таможенным представителем, подававшим от имени и по поручению декларанта (иного хозяйствующего субъекта) декларацию в отношении ввозимого на таможенную территорию Союза товара, и впоследствии привлеченного к административной ответственности за заявление при декларировании недостоверных сведений о классификационном коде товара.

Обоснование заинтересованности истца в оспаривании бездействия Комиссии имеет значение также для итогового вывода Коллегии Суда об удовлетворении его требований в части признания бездействия Комиссии нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В резолютивной части решения Коллегия Суда признала бездействие Комиссии при рассмотрении запроса АО «ТЛК» о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов не соответствующим Догово-

ру и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта. Несоответствие бездействия Комиссии Договору, в частности нормам Положения о Комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору (далее – Положение о Комиссии), обосновано в решении Коллегии Суда. Однако мотивировочная часть решения не содержит указания на нормы международных договоров в рамках Союза, регулирующие права и законные интересы хозяйствующего субъекта, которым не соответствовало бездействие Комиссии.

2. АО «ТЛК», являясь хозяйствующим субъектом, зарегистрированным в Российской Федерации, и осуществляя свою деятельность в качестве таможенного представителя, от имени и по поручению декларанта подало декларацию в отношении ввозимого на таможенную территорию Союза товара, помещаемого под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления, указав определенный код товарной подсубпозиции единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), с которым впоследствии не согласились таможенные органы в ходе камеральной таможенной проверки, что повлекло доначисление таможенных платежей и привлечение АО «ТЛК» к административной ответственности.

В понимании подпункта 44 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года (далее – ТК ЕАЭС) «таможенный представитель» – юридическое лицо, включенное в реестр таможенных представителей, совершающее таможенные операции от имени и по поручению декларанта или иного заинтересованного лица.

В соответствии с пунктом 2 статьи 104 ТК ЕАЭС таможенное декларирование осуществляется декларантом либо таможенным представителем, если иное не установлено настоящим Кодексом.

На основании пункта 1 статьи 404 ТК ЕАЭС при совершении таможенных операций таможенный представитель обладает теми же правами, что и лицо, которое уполномочивает его представлять свои интересы во взаимоотношениях с таможенными органами.

В силу пункта 4 статьи 405 ТК ЕАЭС в случае совершения таможенных операций таможенным представителем от имени декларанта таможенный представитель несет с таким декларантом солидарную обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин в полном размере подлежащей исполнению обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин.

Согласно пункту 7 статьи 405 ТК ЕАЭС обязанности таможенного представителя перед таможенными органами не могут быть ограничены договором с представляемым лицом.

Системное толкование приведенных норм права Союза свидетельствует о том, что таможенный представитель обладает тем же кругом прав и обязанностей, что и декларант, при этом его обязанности не могут быть ограничены договором между ними. При представлении интересов декларанта таможенный представитель самостоятельно определяет классификационный код товара и заявляет его при декларировании, может быть привлечен к административной ответственности за заявление недостоверных сведений, несет солидарную с декларантом обязанность по уплате таможенных и иных пошлин.

В рассматриваемых обстоятельствах АО «ТЛК» являлось таможенным представителем, осуществлявшим по поручению декларанта таможенное декларирование. Указывая на сложившиеся в практике таможенных и судебных органов различные подходы к классификации отдельного вида товара, повлекшие привлечение АО «ТЛК» к административной ответственности за недостоверное декларирование товара, истец просил Комиссию, осуществляющую наднациональное регулирование таможенных отношений, отнесенных к единой политике Союза, начать процедуру принятия решения о классификации товара с целью обеспечения единообразия правоприменительной практики. Поведение Комиссии, выразившееся в предоставлении формального ответа на обращение истца без проведения должным образом процедуры мониторинга и контроля правоприменительной практики, что входит в ее обязанности в соответствии с Положением о Комиссии, непосредственно затрагивает права и законные интересы АО «ТЛК» в сфере экономической деятельности.

Таким образом, обеспечение правовой определенности при декларировании товара, в том числе при его классификации в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, о чем просил истец в обращении в Комиссию, касается предмета экономической деятельности таможенного представителя, поскольку неверная классификация товара влечет для него риск привлечения к административной ответственности и возложения солидарной с декларантом обязанности по уплате таможенных и иных пошлин, что и произошло в рассматриваемом случае – АО «ТЛК» было привлечено к административной ответственности, чем были непосредственно затронуты его права и законные интересы.

Полагаю, что при признании бездействия Комиссии не соответствующим нормам международных договоров в рамках Союза и нарушающим предоставленные ими права и законные интересы истца, Коллегии Суда в мотивировочной части решения следовало указать также на нормы ТК ЕАЭС, в частности, закрепленные в статьях 104, 404 и 405.

Данный вывод согласуется и с решением Суда Евразийского экономического сообщества (далее – Суд ЕврАзЭС) от 15 ноября 2012 года по делу по

заявлению общества с ограниченной ответственностью «ОМП», также являвшегося таможенным представителем. Оценивая доводы Комиссии о том, что ею не было допущено нарушение прав истца в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, Суд ЕврАзЭС указал, что оспариваемое решение Комиссии «лишило общество с ограниченной ответственностью «ОМП» возможности реализации права на экономически выгодных условиях оказывать представительские услуги при таможенном оформлении товара».

В соответствии с пунктом 3 статьи 3 Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2014 года решения Суда ЕврАзЭС продолжают действовать в прежнем статусе.

Изложенное обосновывает предметную (*ratione materiae*) и субъектную (*ratione personae*) компетенцию Суда по рассмотрению данного спора и правильность выводов Коллегии Суда в части нарушения бездействием Комиссии прав и законных интересов истца, предоставленных ему Договором и международными договорами в рамках Союза.

3. Оспаривание действий (бездействия) Комиссии в Суде направлено на осуществление судебного контроля за деятельностью Комиссии при реализации возложенных на нее полномочий. При этом обращение частного субъекта в Суд выступает не только поводом для проведения абстрактного контроля в отношении соответствующего действия (бездействия) Комиссии, но и формой защиты его прав и интересов от нарушений со стороны регулирующего органа ЕАЭС.

Из пункта 1 статьи 45 Регламента Суда следует, что при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения (в данном случае, поскольку решение является разновидностью действий – на совершение испрашиваемого действия);

факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза; оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Коллегия суда установила, что правом Союза не закреплены полномочия Комиссии по оценке правомерности решений таможенных органов государств-членов о классификации товаров, поскольку данные вопросы относятся к компетенции таможенных органов государств-членов. На этом основании Коллегией Суда сделан вывод, что рассмотрение по существу запроса истца о проверке обоснованности решения таможенных органов о классификации в отношении конкретного товара не входит в компетенцию Комиссии.

При этом в мотивировочной и резолютивной частях решения не содержится выводов о соответствии бездействия Комиссии в данной части Договора и (или) международным договорам в рамках Союза и отсутствию в этой связи нарушения прав и законных интересов истца.

Суд последовательно придерживается правовой позиции о том, что нарушение прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором о Союзе и (или) международными договорами в рамках Союза, может повлечь только не соответствующее праву Союза решение Комиссии (решение Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года по делу по заявлению ООО «Севлад», решение Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года по делу по заявлению ЗАО «Санofi-Авентис Восток»). Применительно к бездействию Комиссии эта позиция означает, что отсутствие полномочий Комиссии на совершение действия, о котором ходатайствует хозяйствующий субъект, предопределяет квалификацию бездействия Комиссии как правомерного, то есть соответствующего праву Союза, и, как следствие, не нарушающего права и интересы хозяйствующего субъекта.

4. В соответствии с пунктом 109 Статута Суда по результатам рассмотрения дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии Коллегии Суда выносит решение о признании оспариваемого действия (бездействия) Комиссии соответствующим (не соответствующим) Договору и (или) международным договорам в рамках Союза и не нарушающим (нарушающим) права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно пункту 5 статьи 78 Регламента Суда резолютивная часть решения Суда содержит выводы Суда в соответствии с пунктами 104 - 110 Статута Суда об удовлетворении требований истца или об отказе в их удовлетворении полностью или в части.

Системное толкование указанных норм позволяет сделать вывод, что решение Коллегии Суда по спорам, в которых истцом выступает хозяйствующий субъект, помимо непосредственно вывода об удовлетворении (отказе в удовлетворении) требований истца, должно также содержать выводы о признании оспариваемого бездействия Комиссии:

соответствующим (не соответствующим) Договору и международным договорам в рамках Союза;

не нарушающим (нарушающим) права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В резолютивной части решения Коллегии Суда содержится вывод об отказе в удовлетворении требования АО «ТЛК» о признании бездействия Комис-

сии при рассмотрении запроса о проверке обоснованности решений таможенных органов о классификации товара в соответствии с единой ТН ВЭД ЕАЭС.

Такой вывод не согласуется со Статутом Суда, является неполным, двусмысленным и не указывает на то, каким именно (соответствующим или не соответствующим праву Союза, нарушающим или не нарушающим права истца) признано оспариваемое бездействие Комиссии.

Полагаю, что резолютивная часть решения в данной части должна быть изложена в следующей редакции:

«Отказать акционерному обществу «Транс Логистик Консалт» в удовлетворении требования и признать бездействие Евразийской экономической комиссии при рассмотрении запроса о проверке обоснованности решений таможенных органов о классификации товара в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза и не нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

Такое изложение в полной мере соответствует как выводам Коллегии Суда в мотивировочной части решения, так и требованиям Статута Суда и Регламента Суда, и не вызывает двоякого понимания.

5. На основании статьи 2 Статута Суда целью деятельности Суда является обеспечение в соответствии с положениями Статута Суда единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

Постановлением Коллегии Суда от 10 марта 2020 года прекращено производство по делу по заявлению ООО «Электронная таможня» об оспаривании решения Комиссии о внесении изменений в ТН ВЭД ЕАЭС. Согласно мотивировочной части постановления Коллегия Суда пришла к выводу о том, что, «исходя из природы правоотношений между декларантом и таможенным представителем, а также системного прочтения норм ТК ЕАЭС, ... оспариваемое решение Комиссии непосредственно не затрагивает права и законные интересы ООО «Электронная таможня» в связи с его хозяйственной деятельностью». Согласно пункту 3 статьи 84 Регламента Суда постановление Суда является окончательным и обжалованию не подлежит, в связи с чем у хозяйствующего субъекта отсутствовало право на обжалование постановления в Апелляционную палату Суда, а у Апелляционной палаты Суда – возможность проверки данного решения.

В решении от 26 марта 2020 года по настоящему делу Коллегия Суда признала наличие у АО «ТЛК» права на обращение в Суд с заявлением об оспаривании бездействия Комиссии и в части одного из требований установила

нарушение таким бездействием прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Оба хозяйствующих субъекта выступали в качестве таможенных представителей, подавали в таможенные органы от имени и по поручению декларантов (иных хозяйствующих субъектов) декларации в отношении ввозимых на таможенную территорию Союза товаров и впоследствии были привлечены к административной ответственности за заявление при декларировании недостоверных сведений о классификационном коде товара.

Таким образом, двумя Коллегиями Суда рассмотрены дела, сходные по субъекту обращения в Суд и предмету спора, при этом выводы Коллегий Суда о наличии у Суда субъектной компетенции различаются по существу.

В соответствии со статьей 72 Регламента Суда Большая коллегия Суда рассматривает процедурные вопросы, предусмотренные Регламентом.

В этой связи, с целью установления единообразной судебной практики, создания правовой определенности для хозяйствующих субъектов в отношении права на обращение в Суд, полагаю целесообразным обсуждение возможности вынесения данного вопроса на рассмотрение Большой коллегии Суда в соответствии со статьей 72 Статута Суда.

Судья

Д.Г. Колос

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

23 апреля 2020 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Федорцова А.А., судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Наумчике М.А., рассмотрев в открытом судебном заседании жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 26 марта 2020 года по делу по заявлению акционерного общества «Транс Логистик Консалт» об оспаривании бездействия Коллегии Евразийской экономической комиссии,

УСТАНОВИЛА:

Коллегия Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) 26 марта 2020 года рассмотрела спор между акционерным обществом «Транс Логистик Консалт» (далее – АО «Транс Логистик Консалт», истец) и Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия, ЕЭК).

Решением Коллегии Суда отказано в удовлетворении требования

АО «Транс Логистик Консалт» о признании бездействия Комиссии при рассмотрении запроса АО «Транс Логистик Консалт» о проверке обоснованности решений таможенных органов Российской Федерации о классификации товара в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

Этим же решением удовлетворено требование истца и признано бездействие Комиссии при рассмотрении запроса АО «Транс Логистик Консалт» о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз) и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Не согласившись с решением Коллегии Суда в части удовлетворения требования истца, Комиссия обратилась с жалобой на решение в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата Суда).

Комиссия считает, что решение Коллегии Суда в части удовлетворения требования истца является необоснованным, вынесено с существенным нарушением норм материального и процессуального права и не соответствует международным договорам и актам, составляющим право Союза. По утверждению Комиссии, в ходе рассмотрения дела Коллегия Суда нарушила пункт 2 статьи 8 Договора, пункты 43, 50, 53, 101, 102 и 109 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут), статью 9, пункт 1 статьи 45, пункты 3 – 6 статьи 78 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент).

Руководствуясь статьей 71 Регламента, Комиссия просит Апелляционную палату отменить решение Коллегии Суда от 26 марта 2020 года в обжалуемой части и вынести по делу новое решение об отказе в удовлетворении требования истца.

Апелляционная палата Суда считает, что жалоба подана уполномоченным лицом, срок подачи жалобы соблюден, содержание жалобы соответствует требованиям статьи 63 Регламента.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 79 – 81 Статута, статьями 60 – 65 и 84 Регламента, Апелляционная палата Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 26 марта 2020 года по делу по заявлению акционерного общества «Транс Логистик Консалт» об оспаривании бездействия Коллегии Евразийской экономической комиссии.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 9 июля 2020 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

К.Л. Чайка

РЕШЕНИЕ

7 октября 2020 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Федорцова А.А., судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Наумчике М.А., рассмотрев в открытом судебном заседании жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 26 марта 2020 года по делу по заявлению акционерного общества «Транс Логистик Консалт» об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) рассмотрено дело по заявлению закрытого акционерного общества «Транс Логистик Консалт» (с 21 ноября 2019 года – акционерное общество «Транс Логистик Консалт», далее – ЗАО «ТЛК», АО «ТЛК», истец) о признании бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК, ответчик) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе), Порядку подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденному решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 декабря 2013 года № 284 (далее – Порядок подготовки решений о классификации отдельных видов товаров).

Решением Коллегии Суда от 26 марта 2020 года отказано в удовлетворении требования АО «ТЛК» о признании бездействия Комиссии при рассмотрении запроса АО «ТЛК» о проверке обоснованности решений таможенных органов Российской Федерации о классификации товара в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС).

Этим же решением удовлетворено требование истца о признании бездействия Комиссии при рассмотрении запроса АО «ТЛК» о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов не соответствующим Договору о Союзе, международным договорам в рамках Евразийского эконо-

мического союза (далее – Союз, ЕАЭС) и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Не согласившись с решением Коллегии Суда в части удовлетворения требования истца, Комиссия обратилась с жалобой на решение Коллегии Суда в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата Суда).

Руководствуясь статьей 71 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), Комиссия просит Апелляционную палату Суда отменить в обжалуемой части решение Коллегии Суда от 26 марта 2020 года и вынести по делу новое решение об отказе в удовлетворении требования истца.

2. Доводы жалобы

2.1. Комиссия полагает, что Коллегия Суда в своем решении интерпретировала требования истца. По утверждению Комиссии, ни Статут Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Союзе, далее – Статут Суда), ни Регламент Суда не содержат правомочия Коллегии Суда самостоятельно интерпретировать или изменять заявленные истцом требования. Таким образом, по мнению Комиссии, Коллегия Суда не обеспечила соблюдение основополагающих принципов судопроизводства: равенства сторон и состязательности. Как полагает Комиссия, Коллегия Суда при рассмотрении дела нарушила пункты 53 и 101 Статута Суда, а также статьи 18, 22, 23 и 45 Регламента Суда.

2.2. По утверждению Комиссии, в мотивировочной части решения Коллегией Суда не дана оценка поведению и действиям Комиссии при рассмотрении запроса АО «ТЛК» о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов.

Комиссия полагает, что Коллегия Суда в недостаточной степени исследовала факт наличия полномочий Комиссии на совершение запрошенного истцом действия. В решении Коллегии Суда, как указывает Комиссия, не нашли отражения доводы представителей ответчика, касающиеся применения положений статей 21 и 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года, далее – ТК ЕАЭС, Договор о Таможенном кодексе, соответственно) и Порядка подготовки решений о классификации отдельных видов товаров.

Ссылаясь на положения ТК ЕАЭС и Порядка подготовки решений о классификации отдельных видов товаров, Комиссия утверждает, что обращение физического либо юридического лица в Комиссию с предложением о приня-

тии решения о классификации не может служить основанием для принятия Комиссией такого решения по собственной инициативе при отсутствии в таком обращении сведений о различных подходах таможенных органов.

С учетом изложенного Комиссия считает, что признание Коллегией Суда бездействия Комиссии не соответствующим праву Союза не основано на фактических обстоятельствах и нормах права, является нарушением предписаний пункта 1 статьи 45 Регламента Суда, а также пунктов 4 и 6 статьи 78 Регламента Суда.

2.3. Комиссия указывает в апелляционной жалобе, что истец не обращался в ЕЭК в порядке, установленном решением Комиссии от 19 марта 2013 года № 46 «О Порядке рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений (актов) Евразийской экономической комиссии, Комиссии Таможенного союза, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии», для досудебного рассмотрения вопроса об оспаривании действий (бездействия) Комиссии. В запросе истца в Комиссию не содержалось требование о начале процедуры мониторинга соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право Союза, и исполнения решений Комиссии (далее – мониторинг). В этой связи Комиссия утверждает, что поскольку в отношении данного требования истец в Комиссию не обращался, им не был соблюден досудебный порядок урегулирования спора, а Коллегия Суда, признав, что досудебное урегулирование состоялось, нарушила пункт 43 Статута Суда, статьи 9 и 33 Регламента Суда.

2.4. Положения обжалуемого решения, касающиеся полномочий Комиссии по классификации отдельного вида товара на основании заявления АО «ТЛК» и обязанности Комиссии проводить мониторинг по обращению хозяйствующего субъекта, Комиссия оценивает как превышение Судом собственных полномочий и попытку вмешательства в компетенцию иных органов и государств – членов Союза, нарушение Коллегией Суда норм права Союза, в частности, пункта 2 статьи 8 Договора о Союзе, пунктов 50 и 102 Статута Суда.

2.5. В ходе судебного заседания Комиссия, ссылаясь на постановление Коллегии Суда от 10 марта 2020 года по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня», указала, что АО «ТЛК» не имело права на обращение в Суд, так как бездействие Комиссии непосредственно не затрагивало его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. По мнению Комиссии, Коллегии Суда надлежало признать отсутствие у нее компетенции по рассмотрению спора по заявлению АО «ТЛК» в соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда.

3. Процедура и пределы апелляционного разбирательства

Статьей 60 Регламента Суда установлено, что Апелляционная палата Суда рассматривает дело в судебном заседании по правилам рассмотрения дела

Коллегией Суда, предусмотренным Регламентом Суда, с учетом особенностей, установленных Статутом Суда и главой VII Регламента Суда.

В соответствии с пунктом 1 статьи 69 Регламента Суда Суд рассматривает жалобу на основании материалов, имеющих в деле, в пределах доводов, изложенных в жалобе и в возражениях на нее, которые могут быть дополнены сторонами в ходе судебного разбирательства.

Учитывая пределы апелляционного разбирательства, определенные пунктом 2 статьи 69 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда проверяет, соответствуют ли выводы Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде.

Пункт 1 статьи 70 Регламента Суда определяет, что основанием для изменения или отмены обжалуемого решения Суда является неправильное применение и (или) несоблюдение Коллегией Суда норм права.

Согласно пункту 2 статьи 70 Регламента Суда неправильное применение и (или) несоблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде, являются основанием для изменения или отмены решения Коллегии Суда, если это нарушение привело к принятию неправильного или необоснованного решения.

4. О заявленных требованиях истца

4.1. В принятом к производству Коллегией Суда заявлении об оспаривании бездействия Комиссии истец просил:

признать бездействие Комиссии при рассмотрении запроса ЗАО «Транс Логистик Консалт» об обоснованности решений о классификации товара кодом ТН ВЭД ЕАЭС и принятии решения о классификации маломерных судов не соответствующим Договору о Союзе, Порядку подготовки решений о классификации отдельных видов товаров и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

После принятия заявления к производству Суда, в соответствии с запросом Суда, истец подтвердил свои требования (письмо от 1 октября 2019 года № 172/03) и пояснил, что оспариваемое бездействие Комиссии выражается в:

отказе проверить действия регионального (территориального) таможенного органа Российской Федерации на соответствие международным договорам и актам, составляющим право Союза;

уклонении от реализации полномочий по ведению ТН ВЭД ЕАЭС;
и является:

необоснованным отказом от исполнения полномочий, установленных подпунктом 2 пункта 3 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о Союзе, далее – Положение о Комиссии);

необоснованным отказом от исполнения полномочий, установленных пунктом 4 Положения о Комиссии;

необоснованным отказом от исполнения полномочий, установленных подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии;

необоснованным отказом от исполнения полномочий, установленных подпунктом 2 пункта 55 Положения о Комиссии;

необоснованным отказом от исполнения полномочий, предусмотренных пунктом 2 Порядка подготовки решений о классификации отдельных видов товаров;

прямым неисполнением пункта 20 Порядка подготовки решений о классификации отдельных видов товаров.

Проанализировав изложенные требования и доводы, Коллегия Суда указала, что они сводятся к следующему:

– отказу рассмотреть по существу запрос истца о правовой оценке решений таможенных органов Российской Федерации в отношении товара, ввезенного истцом;

– отказу начать процедуру мониторинга соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право Союза, и исполнения решений Комиссии.

В ходе рассмотрения дела в обоснование заявленных требований истец представил доводы и перечислил правовые нормы, которые, по его мнению, были нарушены в результате бездействия Комиссии. Исследовав материалы дела, Апелляционная палата Суда приходит к выводу, что требования истца на стадии обращения в Суд и в процессе судебного разбирательства оставались неизменными.

Таким образом, довод Комиссии о том, что Коллегия Суда в нарушение положений Статута и Регламента Суда изменила содержание заявленных требований, не подтверждается материалами дела.

4.2. Комиссия утверждает, что Коллегия Суда не обеспечила соблюдение основополагающих принципов судопроизводства: равенства сторон и состязательности. По мнению Комиссии, Суд не может выполнять никакие функции сторон в судебном процессе, а право изменить или отозвать требования имеется только у истца.

Апелляционная палата Суда отмечает, что в соответствии со статьей 22 Регламента Суда стороны, участвующие в судебном разбирательстве, пользуются равными процессуальными правами и несут равные процессуальные обязанности.

Согласно статье 23 Регламента Суда принцип состязательности заключается в обязанности истца обосновать свои требования и корреспондирующем праве ответчика представить на них возражения; праве сторон знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства и возложении на них

риска наступления последствий совершения или несовершения процессуальных действий.

Из материалов дела следует, что ответчик своевременно извещен как о заявлении, направленном в Суд, так и о письме истца с уточнением его позиции и имел возможность представить свои возражения, а также, как и истец, пользоваться всеми правами, предоставленными пунктом 2 статьи 29 Регламента Суда.

Как установлено Апелляционной палатой Суда, требования истца на стадии обращения в Суд и в процессе рассмотрения дела оставались неизменными, а в решении Коллегии Суда они изложены без изменения их содержания.

Комиссия в жалобе не приводит иных обоснований в поддержку довода о нарушении Коллегией Суда принципов состязательности и равенства сторон.

На основании изложенного, Апелляционная палата Суда отклоняет указанный довод Комиссии.

5. О соблюдении досудебного порядка урегулирования спора

Комиссия в апелляционной жалобе указывает, что в запросе АО «ТЛК» в Комиссию до обращения в Суд не содержалось требования о начале процедуры мониторинга. В этой связи Комиссия утверждает, что поскольку в отношении данного требования истец в Комиссию не обращался, им не соблюден досудебный порядок урегулирования спора, а Коллегия Суда, признав, что досудебное урегулирование состоялось, нарушила пункт 43 Статута Суда, статьи 9 и 33 Регламента Суда.

В соответствии с пунктом 43 Статута Суда спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену или Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором о Союзе и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором о Союзе.

Обращение хозяйствующего субъекта об оспаривании решений (актов) Комиссии, их отдельных положений, действий (бездействия) Комиссии в соответствии с пунктом 2 Порядка рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений (актов) Евразийской экономической комиссии, Комиссии Таможенного союза, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии, утвержденного решением Комиссии от 19 марта 2013 года № 46 (далее – Порядок рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов), определяется как письменное заявление (жалоба) заявителя, поступившее в Комиссию, в котором заявитель оспаривает решение, его отдельные положения или действия (бездействие) Комиссии.

В соответствии с пунктом 4 Порядка рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов, рассмотрению подлежат обращения, в которых содержатся

требования о признании решения, его отдельных положений и (или) действий (бездействия) Комиссии не соответствующими международным договорам, о нарушении прав, предоставленных заявителю, а также его законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Апелляционная палата Суда отмечает, что в обращении АО «ТЛК» в ЕЭК от 13 сентября 2018 года со ссылкой на полномочия ЕЭК, установленные ТК ЕАЭС и Порядком подготовки решений о классификации отдельных видов товаров, содержалось требование о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов.

Обращение заявителя в Комиссию не относится к категории обращений, на которые в соответствии с пунктом 5 Порядка рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов не распространяется действие данного Порядка, так как оно не носило консультационный и (или) информационный характер, а содержало требование о совершении Комиссией определенных действий в целях защиты интересов истца.

Апелляционная палата Суда считает, что Коллегия Суда обоснованно признала соблюденной стадию досудебного урегулирования спора при обращении АО «ТЛК» в Комиссию, по результатам которой им получен отрицательный ответ на его требование о начале процедуры классификации маломерных судов.

Руководствуясь изложенным, Апелляционная палата Суда приходит к выводу о необоснованности довода Комиссии о нарушении Коллегией Суда пункта 43 Статута Суда, статей 9 и 33 Регламента Суда.

6. О выводах Суда в части полномочий и обязанности Комиссии по принятию решения о классификации отдельного вида товара

6.1. Рассмотрев материалы дела, Коллегия Суда пришла к выводу, что в обращении ЗАО «ТЛК» в Комиссию от 13 сентября 2018 года содержались сведения о различных подходах к классификации товара (неединообразие), а также требование проверить на соответствие регулирующим таможенные правоотношения международным договорам и праву Союза решения Выборгской таможни по классификации товара и начать процедуру принятия решения о классификации маломерных судов, Комиссия обязана была провести мониторинг и контроль исполнения таможенного законодательства и права Союза в сферах спорных правоотношений. Однако Комиссия не выполнила эту свою обязанность.

На основе указанных выводов Коллегия Суда признала бездействие Комиссии, выразившееся в отказе начать процедуру принятия решения о классификации маломерных судов, не соответствующим Договору о Союзе, международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

6.2. Апелляционная палата Суда отмечает, что в пункте 1 статьи 45 Регламента Суда содержится перечень вопросов, подлежащих выяснению Судом в процессе рассмотрения спора по заявлению хозяйствующего субъекта к Комиссии, который включает проверку полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения. Апелляционная палата Суда полагает, что в делах по заявлениям хозяйствующих субъектов об оспаривании действий (бездействия) Комиссии подлежит выяснению факт наличия у Комиссии полномочия на совершение определенного действия.

Апелляционная палата Суда отмечает, что в соответствии с пунктом 6 статьи 78 Регламента Суда решение Суда должно быть логичным, не содержать внутренних противоречий, несовместимых положений. Уяснение смыслового значения данной правовой нормы во взаимосвязи с положениями пунктов 4 и 5 статьи 78 Регламента Суда, определяющими содержание мотивировочной и резолютивной частей судебного решения, свидетельствует о том, что резолютивная часть решения должна соответствовать выводам, изложенным в его мотивировочной части. В свою очередь, в мотивировочной части подлежат отражению нормы права, которыми руководствовался Суд при удовлетворении или отказе в удовлетворении требований, доказательства, на которых основаны выводы Суда, и доводы, по которым Суд не принимает те или иные доказательства.

Апелляционная палата Суда считает, что выводы Коллегии Суда о признании бездействия ответчика не соответствующим праву Союза не согласуются с нормами права, изложенными в мотивировочной части решения Коллегии Суда, и не подтверждены представленными сторонами доказательствами. Анализ права Союза, применимого к спорным правоотношениям, и материалов дела свидетельствуют, что обязанность Комиссии начать процедуру принятия решения о классификации отдельного вида товара на основании обращения хозяйствующего субъекта правом Союза не предусмотрена.

6.3. Главой 3 раздела I ТК ЕАЭС урегулированы вопросы ведения и применения ТН ВЭД ЕАЭС, классификации товаров в соответствии с Товарной номенклатурой. Указанной главой установлены и разграничены полномочия Комиссии и государств – членов Союза применительно к правоотношениям, возникающим в связи с ведением и применением ТН ВЭД ЕАЭС.

В соответствии со статьей 21 ТК ЕАЭС в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС таможенные органы, определенные законодательством государств-членов о таможенном регулировании, могут принимать решения и давать разъяснения о классификации отдельных видов товаров в порядке, установленном законодательством государств-членов о таможенном регулировании.

Статьей 19 ТК ЕАЭС установлена компетенция ЕЭК в отношении вопросов ведения ТН ВЭД ЕАЭС, а статьей 22 ТК ЕАЭС – компетенция по вопросам принятия решений о классификации отдельных видов товаров.

Устанавливая полномочия Комиссии, пункт 1 статьи 22 ТК ЕАЭС определяет основания и субъектов обращения для принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров.

В соответствии с положениями указанной статьи основанием для принятия Комиссией решения о классификации отдельного вида товара является различная классификация товара центральными таможенными органами государств-членов.

Пункт 1 статьи 22 ТК ЕАЭС правом инициирования принятия решения по классификации отдельного вида товара наделяет:

таможенные органы государств-членов;

Комиссию, при выявлении различной классификации товаров в принятых таможенными органами предварительных решениях о классификации товаров, в решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров, принятых (данных) таможенными органами в соответствии с пунктом 6 статьи 21 ТК ЕАЭС.

Из материалов дела следует, что в заявлении АО «ТЛК» в Комиссию не содержалось сведений о неединообразной практике применения таможенными органами государств-членов ТН ВЭД ЕАЭС при классификации маломерных судов.

В информации, поступившей в Комиссию от таможенных органов государств – членов Союза, также не содержалось информации о различных подходах таможенных органов к классификации маломерных судов.

Нормы ТК ЕАЭС и развивающие их положения Порядка принятия решений о классификации отдельных видов товаров не включают хозяйствующих субъектов в перечень лиц, наделенных правом инициирования перед Комиссией вопроса о принятии решения о классификации отдельных видов товаров.

В связи с вышеизложенным Апелляционная палата Суда считает вывод Коллегии Суда о том, что Комиссия не выполнила обязанность, не начав процедуру принятия решения о классификации маломерных судов в связи с обращением АО «ТЛК», не основанным на праве Союза.

7. Об обязанности Комиссии проводить мониторинг на основании обращения хозяйствующего субъекта

Апелляционная палата Суда обращает внимание, что заявитель как в обращении в Комиссию, так и в первоначальном заявлении в Суд не ставил вопрос о проведении мониторинга практики применения таможенными органами классификации маломерных судов.

Мониторинг, являясь функцией и полномочием Комиссии, проводится для проверки соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право ЕАЭС, и не является составной частью процедуры принятия решений о классификации отдельных видов то-

варов. Мониторинг, как и обращения физических лиц и хозяйствующих субъектов, является источником информации о различных подходах таможенных органов государств-членов к классификации отдельных видов товаров.

Информация, полученная в ходе мониторинга, не является основанием для начала процедуры принятия решения, а доводится Департаментом таможенного законодательства и правоприменительной практики до таможенных органов в целях рассмотрения и внесения (при необходимости) в Комиссию предложения о классификации отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с Порядком (пункт 20 Порядка принятия решений о классификации отдельных видов товаров).

8. О полномочиях Коллегии Суда по рассмотрению спора по заявлению АО «ТЛК»

В ходе судебного заседания в Апелляционной палате Суда Комиссия заявила об отсутствии у Коллегии Суда компетенции по рассмотрению спора по заявлению АО «ТЛК», поскольку указанный хозяйствующий субъект не является надлежащим истцом, имеющим право на обращение в Суд.

В обоснование позиции Комиссия привела ссылку на постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 10 марта 2020 года по делу по заявлению ООО «Электронная таможня», из которого следует, что исходя из природы правоотношений между декларантом и таможенным представителем, а также системного прочтения норм ТК ЕАЭС, решения Комиссии о классификации отдельных видов товаров непосредственно не затрагивают права и законные интересы таможенных представителей в связи с их хозяйственной деятельностью.

Оценивая указанный довод Комиссии, Апелляционная палата Суда отмечает, что Коллегией Суда вопрос о наличии компетенции по рассмотрению данного спора разрешен в соответствии со статьей 41 Статута Суда.

9. Выводы Суда

Апелляционная палата Суда, рассмотрев жалобу Комиссии на основании материалов, имеющихся в деле, в пределах доводов, изложенных сторонами, не соглашается с выводами Коллегии Суда в обжалуемой Комиссией части решения Коллегии Суда.

На основании анализа норм права Союза и материалов дела, Апелляционная палата Суда приходит к выводу о правомерности бездействия Комиссии при рассмотрении запроса АО «ТЛК» о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов.

Нарушение прав и законных интересов заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности может повлечь только действие (бездействие) Комиссии, не соответствующее праву Союза.

Оспариваемое бездействие при рассмотрении запроса истца о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов соответствует Договору о Союзе и международным договорам в рамках Союза, в связи с чем права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности не нарушены.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 2 пункта 110 Статута Суда, подпунктом б) пункта 1 статьи 71, пунктом 2 статьи 80 и статьей 83 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда

РЕШИЛА:

Отменить решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 26 марта 2020 года в части удовлетворения требования истца и признания бездействия Евразийской экономической комиссии при рассмотрении запроса акционерного общества «Транс Логистик Консалт» о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Отказать в удовлетворении требования акционерного общества «Транс Логистик Консалт» и признать бездействие Евразийской экономической комиссии при рассмотрении запроса акционерного общества «Транс Логистик Консалт» о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и не нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Пошлина, уплаченная акционерным обществом «Транс Логистик Консалт», возврату не подлежит.

Решение вступает в силу с даты его вынесения, является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Туманяна А.Э.
(дело № СЕ-1-2/5-20-АП)

7 октября 2020 года

город Минск

В соответствии со статьей 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю о несогласии с отдельными положениями решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 7 октября 2020 года по следующим основаниям.

1. Из материалов дела следует, что акционерное общество «Транс Логистик Консалт» (далее – истец, АО «ТЛК») является хозяйствующим субъектом, зарегистрированным в Российской Федерации, и осуществляет свою деятельность в качестве таможенного представителя.

От имени и по поручению декларанта – ООО «Трейд Марин» истец подал Выборгской таможне декларацию на товары № 10206100/091216/0004066 от 15 декабря 2016 года в отношении ввозимого на таможенную территорию Евразийского экономического союза, помещаемого под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления катера моторного «SAFE 44 ARCHANGEL FULL CABIN-INBOARD», в графе 33 которой указал код товарной подпозиции 8903 92 990 0 единой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) на основании документов и сведений, представленных декларантом ООО «Трейд Марин». Решение о выпуске товара было принято таможенным органом 15 декабря 2016 года.

Решением Выборгской таможни от 24 мая 2018 года по результатам камеральной проверки классификационный код товара был изменен на 8903 92 100 0. В отношении таможенного представителя применены меры административной ответственности.

Не согласившись с решением Выборгской таможни, истец обратился в вышестоящие таможенные органы Российской Федерации с целью обжалования указанного решения. Кроме того, решение Выборгской таможни оспаривалось в арбитражных судах первой и апелляционной инстанций. Решением суда первой инстанции от 22 ноября 2018 года, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда от 11 февраля 2019 года, заявленные требования удовлетворены. Постановлением Арбитражного суда Северо-За-

падного округа от 17 мая 2019 года по делу № А56–92772/2018 судебные акты были отменены, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Истец обратился в Евразийскую экономическую комиссию с запросом (исх. № 162/03 от 13 сентября 2018 года):

1) о проверке обоснованности решений о классификации товара в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС;

2) о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов.

Комиссия в своем ответе от 27 сентября 2018 года № 18–493 сообщила, что не вправе давать оценку действиям таможенных органов государств–членов Союза и разъяснила порядок принятия решений о классификации отдельных видов товаров. Данный ответ истец расценил как бездействие Комиссии.

Системный анализ правовых норм пункта 1 статьи 83, подпунктов 9) и 44) пункта 1 статьи 2, пункта 1 статьи 401 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) позволяет сделать вывод, что в отличие от декларанта таможенный представитель не входит в число заинтересованных лиц и его интересы в отношении товаров не затрагиваются решениями, действиями (бездействием) таможенных органов или их должностных лиц.

В соответствии с пунктом 2 статьи 1 ТК ЕАЭС таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с регулирующими таможенные правоотношения международными договорами, включая настоящий кодекс, и актами, составляющими право Союза (далее – международные договоры и акты в сфере таможенного регулирования), а также в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

Согласно подпункту 2) пункта 3 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору) Комиссия осуществляет свою деятельность в пределах полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза, в том числе в сфере таможенного регулирования.

Комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие нормативно–правовой характер и обязательные для государств–членов, которые входят в право Союза и **подлежат непосредственному применению на их территории** (пункт 13 Положения о Евразийской экономической комиссии).

Это значит, что решения, действия (бездействие) таможенных органов или их должностных лиц совершаются, в том числе, и на основании актов Комиссии, регулирующих таможенные правоотношения и, следовательно, ее решения, действие (бездействие) в этой сфере также могут затрагивать лишь интересы заинтересованных лиц, в круг которых, как было отмечено выше, таможенный представитель Таможенным кодексом Евразийского экономического союза не включен.

Исходя из природы правоотношений между декларантом и таможенным представителем, а также системного прочтения норм можно сделать вывод, что оспариваемое бездействие Комиссии непосредственно не затрагивает права и законные интересы АО «ТЛК» в связи с его хозяйственной деятельностью.

Между тем, в соответствии с подпунктом 2) пункта 39 Статута Суда, являющегося приложением № 2 к Договору, Суд по заявлению хозяйствующего субъекта рассматривает споры об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

В свою очередь действие (бездействие) Комиссии, непосредственно не затрагивающее права и законные интересы хозяйствующего субъекта, естественно, не влечет нарушение его прав и законных интересов, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза.

Необходимо отметить, что при наличии норм подпунктов 9), 44) пункта 1 статьи 2, пункта 1 статьи 401 ТК ЕАЭС положение пункта 4 статьи 405 ТК ЕАЭС о том, что в случае совершения таможенных операций таможенным представителем от имени декларанта таможенный представитель несет с таким декларантом солидарную обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин в полном размере подлежащей исполнению обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, не является достаточным основанием для вывода о непосредственном влиянии решения, действия (бездействия) Комиссии на его права и законные интересы.

Предписание, содержащееся в норме пункта 1 статьи 401 ТК ЕАЭС, направлено на обеспечение неуклонного выполнения обязательств, возникающих при совершении таможенных операций, независимо от того, кто их совершает, – декларант, иное заинтересованное лицо или предоставляющий им соответствующую услугу таможенный представитель.

Отмеченной правовой позиции придерживалась Коллегия Суда при принятии постановления от 10 марта 2020 года о прекращении производства по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113.

Однако Апелляционная палата в решении от 7 октября 2020 года без каких-либо выводов применительно к рассматриваемому делу лишь обозначила: «Оценивая указанный довод Комиссии, Апелляционная палата Суда отмечает, что Коллегией Суда вопрос о наличии компетенции по рассмотрению данного спора разрешен в соответствии с пунктом 41 Статута Суда», **согласно кото-**

рому вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора не просто разрешается Судом произвольно, а на основании положений Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) международных договоров Союза с третьей стороной.

Апелляционная палата Суда, по сути, уклонившись от ответа на поставленный Комиссией в судебном заседании вопрос (хотя и обязана была каким-то образом на него ответить), вычленила его из общего окончательного судебного решения и в виде отдельного акта приняла постановление, которое не предусмотрено правом Союза, фактически оставив без ответа довод Комиссии об отсутствии компетенции Суда рассматривать конкретный спор в сфере таможенного регулирования, когда истцом является таможенный представитель. В этой части Апелляционная палата фактически возложила свою функцию по отправлению правосудия на другой судебный состав – Большую коллегия Суда.

Остается открытым вопрос: какое правовое основание может быть поставлено в основу правомерного рассмотрения Большой коллегией Суда поднятого Апелляционной палатой Суда вопроса и как будет называться акт, принятый Большой коллегией Суда – скорее всего консультативное заключение по заявлению Апелляционной палаты.

2. Согласно пункту 43 Статута Суда спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену или Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором.

Подпунктом б) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда установлено, что Суд выносит постановление об отказе в принятии заявления к производству в случае, если не соблюден установленный досудебный порядок урегулирования спора.

Взаимосвязанное прочтение рассматриваемых императивных правовых норм позволяет сделать вывод о том, что право заявителя на обращение в Суд ограничено его обязанностью урегулировать спор в досудебном порядке, независимо от его предмета (оспаривается решение Комиссии или ее действие (бездействие)). Исключение из установленного правила составляют лишь случаи, прямо предусмотренные Договором. К таким, к примеру, относятся заявления об обжаловании решения Комиссии по делу о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, которые в соответствии с абзацем четвертым пункта 14 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору) принимаются к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя в Комиссию для урегулирования вопроса в досудебном порядке. Как видно, данное исключение за-

трагивает только заявления об обжаловании решений Комиссии по делам о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, но не ее действий (бездействия) в сфере конкуренции.

К заявлению хозяйствующего субъекта в Суд согласно подпункту в) пункта 3 статьи 9 Регламента Суда должны быть приложены документы, подтверждающие соблюдение досудебного порядка урегулирования спора, отсутствие которых свидетельствует о его не соблюдении и лишает Суд полномочия рассматривать спор по существу.

В материалах дела отсутствуют документы, подтверждающие соблюдение досудебного порядка урегулирования спора, что свидетельствует о нарушении АО «ТЛК» установленного Статутом Суда порядка обращения в Суд.

Однако Коллегия Суда в решении от 26 марта 2020 года, отклонив данный довод Комиссии, констатировала, что «...досудебный порядок разрешения спора соблюден, если заявитель получил надлежащий ответ Комиссии на свой запрос. Иное бы противоречило позиции, согласно которой, исходя из стандарта защиты слабой стороны, обязанность по исчерпанию средств защиты не применяется автоматически и предполагает анализ эффективности данных средств защиты. Так, в соответствии с указанной позицией, заявитель освобождается от обязательства по исчерпанию конкретного средства правовой защиты, если такое использование было бы неразумным на практике и представляло бы непропорциональное препятствие для эффективного осуществления права на индивидуальное обращение. Применительно к настоящему делу Коллегия Суда отмечает, что истец обращался в Комиссию, но получил отрицательный ответ. При таких обстоятельствах повторное обращение к Комиссии в другой процедуре с тем же вопросом является неразумным и на практике представляет собой непропорциональное препятствие к доступу к Суду. Аналогичной позиции придерживается Европейский Суд по правам человека (дело Гальоне и другие против Италии, дело Хасан Тунч и другие против Турции). Учитывая вышеизложенное, в настоящем деле досудебный порядок был соблюден».

Считаю, что данный вывод Коллегии Суда не объективен, носит оценочный характер, не соответствует принципам правовой определенности и прогнозируемых легитимных ожиданий и может быть одной из сторон спора оценен как заинтересованность Суда в решении вопроса.

Коллегия Суда упустила из виду то, что при отправлении запроса от 13 сентября 2018 года в Комиссию имел место спор между АО «ТЛК» и Выборгской таможней, который, по мнению истца, подлежал решению Евразийской экономической Комиссией. При этом предметом спора являлся соответствующий индивидуальный акт Выборгской таможни, а решение спора заключалось в:

1) проверке обоснованности решений о классификации товара в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС;

2) начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов.

Спор между АО «ТЛК» и Комиссией возник по поводу ответа Комиссии от 27 сентября 2018 года на его запрос, который, по мнению истца, подлежал решению Судом Евразийского экономического союза путем признания бездействия Комиссии при рассмотрении запроса АО «ТЛК» об обоснованности решений о классификации товара кодом ТН ВЭД ЕАЭС и принятии решения о классификации маломерных судов не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Порядку подготовки Евразийской экономической Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденному Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 декабря 2013 года № 284, и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Следовательно, изменились как стороны спора, так и его предмет, в связи с чем возникла необходимость в соответствии с пунктом 43 Статута Суда урегулировать спор в досудебном порядке путем консультаций, переговоров и иными способами, предусмотренными Договором, международными договорами в рамках Союза, что, однако, сделано не было.

Кроме этого, вопреки утверждению, содержащемуся в решении Коллегии Суда от 26 марта 2020 года, институт досудебного урегулирования спора не может квалифицироваться как «препятствие для эффективного осуществления права на индивидуальное обращение», а является одним из элементов процессуального порядка, установленного правом Союза, которого обязаны придерживаться стороны спора и без соблюдения которого Суд не обладает полномочием рассматривать соответствующее дело по существу. Досудебный порядок урегулирования спора – это форма защиты нарушенного права, которая заключается в попытке сторон спора урегулировать его самостоятельно до передачи данного вопроса на разрешение Суда, и при положительном исходе которой отпадает необходимость обращения в Суд. Лишь в случае, если урегулировать разногласия сторонам не удалось, соответствующий спор хозяйствующего субъекта с Комиссией может быть передан на разрешение Суда. Таким образом, соблюдение досудебного порядка является условием надлежащей реализации права на предъявление иска. До предъявления в Суд иска о признании бездействия Комиссии несоответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза хозяйствующий субъект должен обратиться в Комиссию по поводу ее предполагаемого (оспариваемого) бездействия, не соответствующего праву Союза. При таких обстоятельствах думаю, что рассуждения Коллегии Суда о «неразумности повторного обращения» не корректны, не соответствуют фактическим обстоятельствам (истец не обращался

в Комиссию по поводу ее бездействия) и противоречат принципу законности судопроизводства.

По поводу ссылки Коллегии Суда на позицию Европейского суда по правам человека и принятые им решения по делам Гальоне и другие против Италии, Хасан Тунч и другие против Турции целесообразно отметить, что применение правовых позиций Европейского суда по правам человека в данном случае необоснованно, поскольку досудебный порядок урегулирования спора между хозяйствующим субъектом и Комиссией как наднациональным органом не равнозначен исчерпанию внутренних средств защиты в государстве-ответчике, установленному пунктом 1 статьи 35 Конвенции по защите прав человека и основных свобод.

Полагаю, что институт досудебного урегулирования не является ограничением в том смысле, в котором данное понятие используется в отмеченных делах Европейского суда по правам человека, предусмотрен правом Союза и предоставляет сторонам возможность самостоятельного урегулирования спорных вопросов.

На основании изложенного считаю, что Апелляционной палате Суда необходимо было согласиться с доводом Комиссии о нарушении установленного досудебного порядка урегулирования спора, хотя только лишь этот довод сам по себе и недостаточен для отмены решения Коллегии Суда от 26 марта 2020 года, поскольку данное нарушение по своей сути не могло привести к принятию неправильного или необоснованного решения. Вместе с тем в целях формирования правовой позиции и последующей судебной практики в решении Апелляционной палаты необходимо было указать данное нарушение порядка судопроизводства (в нарушение нормы подпункта б) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда Коллегия Суда не вынесла постановление об отказе в принятии заявления к производству и рассмотрела спор по существу).

Между тем, Апелляционная палата Суда, обратив внимание на норму пункта 43 Статута Суда и отметив, что «в обращении АО «ТЛК» в ЕЭК от 13 сентября 2018 года со ссылкой на полномочия ЕЭК, установленные ТК ЕАЭС и Порядком подготовки решений о классификации отдельных видов товаров, содержалось требование о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов» (где нет и намек на вопрос о бездействии Комиссии), сделала вывод, что «... Коллегия Суда обоснованно признала соблюденной стадию досудебного урегулирования спора при обращении АО «ТЛК» в Комиссию, по результатам которой им получен отрицательный ответ на его требование о начале процедуры классификации маломерных судов».

Такой подход к применению императивных норм права Союза является попыткой создания (изменения) правовой нормы, что запрещено, опять-таки, императивной нормой пункта 102 Статута Суда, согласно ко-

торой решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых.

Соглашаясь в целом с решением Апелляционной палаты об отмене решения Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 26 марта 2020 года в части удовлетворения требования истца и признания бездействия Евразийской экономической комиссии при рассмотрении запроса акционерного общества «Транс Логистик Консалт» о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов не соответствующим Договору, международным договорам в рамках Союза, полагаю, что в целях формирования единообразной и последовательной судебной практики Апелляционная палата должна была указать в своем решении:

как на несоблюдение истцом установленного досудебного порядка урегулирования спора, так и выразить свою позицию по вопросу о том, относится ли рассмотрение данного спора к компетенции Суда в принципе, а именно, затрагивает ли бездействие Комиссии в деле принятия либо не принятия решения о классификации маломерных судов непосредственно какие-либо права и законные интересы таможенного представителя, который при таможенном декларировании товара действует от имени и по поручению декларанта.

Апелляционная палата была обязана рассмотреть по существу довод Евразийской экономической комиссии, заявленный в ходе судебного заседания, о том, что акционерное общество «Транс Логистик Консалт» как таможенный представитель не является (является) субъектом права на обращение в Суд по рассмотренному спору. Без изложения позиции Суда по данному вопросу само по себе признание оспариваемого бездействия Комиссии соответствующим Договору, международным договорам в рамках Союза и не нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности очевидно недостаточно для достижения цели деятельности Суда, предусмотренной пунктом 2 Статута Суда, – обеспечение в соответствии с положениями Статута Суда единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора и других актов, составляющих право Союза.

Судья

А.Э. Туманян

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Сейтимовой В.Х.
(дело № СЕ-1-2/5-20-АП)

город Минск

12 октября 2020 года

1. 7 октября 2020 года Апелляционной палатой Суда Евразийского экономического союза вынесено решение по апелляционной жалобе Евразийской экономической комиссии (далее – решение).

В соответствии со статьей 60, пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), используя предоставленное данной нормой право, поддерживая резолютивную часть решения, заявляю особое мнение в отношении выводов Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата) в мотивировочной части решения.

Разделяя выводы Апелляционной палаты по существу рассмотренной жалобы, полагаю, что линия правовой аргументации, избранная для обоснования таких выводов, идет вразрез с ранее принятыми Судом решениями, не содержит достаточных правовых обоснований и, таким образом, не способствует достижению основной цели Суда – обеспечению единообразия в применении права Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз).

Кроме того, Апелляционной палатой без должной аргументации отклонены доводы Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК) о процессуальных нарушениях, допущенных Коллегией Суда при рассмотрении дела по заявлению акционерного общества «Транс Логистик Консалт» (далее – АО «Транс Логистик Консалт», истец). Полагаю, что такой подход не способствует формированию устойчивого и единообразного порядка судопроизводства по делам о разрешении споров, создает неопределенность относительно правового положения участников спорной процедуры.

2. В решении Апелляционной палаты (раздел 6.3 решения) указывается, что в соответствии с положениями статьи 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) «основанием для принятия Комиссией решения о классификации отдельного вида товара является различная классификация товара центральными таможенными органами государств-членов».

Подобное толкование положений статьи 22 ТК ЕАЭС необоснованно сужает дискрецию государств-членов в отношении предоставленного им права обращаться в Комиссию с предложениями о принятии ей решений о классификации отдельных видов товаров.

Указанный вывод Апелляционной палаты не согласуется с позицией, высказанной ранее в решении Апелляционной палаты Суда от 7 марта 2019 года по жалобе закрытого акционерного общества «Санофи Авентис- Восток». Так, в разделе 5.1 упомянутого решения указывалось:

«Взаимосвязанное прочтение положений статьи 45 Договора, пункта пункт 7 статьи 52 ТК ТС (1 статьи 22 ТК ЕАЭС), пунктов 4, 13, 14 Положения о Комиссии дает основание полагать, что правом Союза *не установлено* ограничение для принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров исключительно в случае, если инициативное обращение уполномоченных таможенных органов государств-членов Союза обусловлено наличием неединообразной практики в вопросах классификации по одним и тем же видам товаров в государствах-членах Союза.

Обеспечение единообразных подходов при классификации отдельных видов товаров на всей таможенной территории Союза является целью принимаемых Комиссией классификационных решений. *Однако наличие неединообразной практики толкования (применения ТН ВЭД) не является обязательным условием для принятия таких решений».*

В особом мнении, заявленном к решению Апелляционной палаты Суда по данному делу, мной указывалось, что для того, чтобы выявить, установлено ли правом Союза ограничение для принятия Комиссией по предложениям таможенных органов государств-членов решений о классификации отдельных видов товаров конкретными обстоятельствами, требуется полноценное системное толкование соответствующих положений Договора, ТК ТС (ТК ЕАЭС), Положения о Комиссии и иных актов права Союза, в том числе всех норм статьи 22 ТК ЕАЭС и пункта 6 статьи 52 ТК ТС в совокупности, Решения Коллегии Комиссии от 02.12.2013 г. № 284 (в ред. от 23.01.2018 г.) «О Порядке подготовки ЕЭК решений о классификации отдельных видов товаров». Как указывалось, при таком подходе вывод Апелляционной палаты мог бы приобрести более точную формулировку о том, что неединообразная практика толкования и, как следствие, различного применения ТН ВЭД на уровне разных государств-членов не является единственным фактором принятия таких решений.

В соответствии с высказанным мнением полагаю, что отсутствию прямого указания в рассматриваемой норме ТК ЕАЭС на то, что есть «единообразие» (его отсутствие) для целей таможенной классификации на уровне ЕЭК и в целом как правовой категории, имеющей центральное значение для права Союза как интеграционного права, Судом должен придаваться соответствующий смысл.

Абзацем первым пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС установлено, что решения о классификации отдельных видов принимаются Комиссией *в целях* обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС и *на основании* предложений

таможенных органов. Рассматриваемая норма не увязывает напрямую *правовые основания* и *цели* принятия Комиссией решений о классификации.

При этом абзац второй пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС ограничивает собственную инициативу Комиссии по принятию таких решений *выявлением* ею различной классификации товаров в принятых таможенными органами предварительных решениях о классификации товаров, в решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров, принятых (данных) таможенными органами в соответствии с пунктом 6 статьи 21 ТК ЕАЭС.

Положения пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС предоставляют государствам-членам более широкую дискрецию для направления в Комиссию предложений о принятии решений о классификации, чем та, что предоставлена Комиссии. Как представляется, рассматриваемая норма учитывает, что мотивация государств-членов для обращения в Комиссию с соответствующими предложениями может быть различной, и не устанавливает перечень конкретных обстоятельств, в которых государства-члены наделены таким правом. В то же время принимаемые Комиссией на основании таких предложений решения, несомненно, должны согласовываться с зафиксированной в указанном положении целью обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС.

3. Одним из доводов апелляционной жалобы являлось указание на превышение Судом полномочий и попытку вмешательства в компетенцию иных органов и государств – членов в связи с положениями обжалуемого решения, касающимися обязанности Комиссии проводить мониторинг соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право Союза, и исполнения решений Комиссии (далее – мониторинг) по обращению хозяйствующего субъекта.

Значительный фрагмент мотивировочной части обжалуемого решения Коллегии Суда посвящен обязанности Комиссии проводить мониторинг, поэтому полагаю, что в выводах Апелляционной палаты по результатам рассмотрения соответствующего довода Комиссии (раздел 7 решения) должны содержаться как оценка обоснованности сделанных Коллегией Суда выводов, так и анализ применимых правовых норм.

Решения Апелляционной палаты Суда играют в правовой системе ЕАЭС особую роль, обусловленную тем, что право Союза не предусматривает дальнейших стадий рассмотрения спора по заявлению хозяйствующего субъекта – в соответствии со статьей 83 Регламента решение Апелляционной палаты является окончательным и обжалованию не подлежит. В этой связи решения Апелляционной палаты при оценке обоснованности выводов Коллегии Суда и формулировании выводов о неправильном применении Коллегией Суда норм права не должны оставлять неопределенности относительно содержания спорных норм, но должны носить методический характер, разъяснять сторонам нормативные предписания применимых положений права.

В рассматриваемом деле Апелляционной палате надлежало подробно исследовать вопрос об обязанности Комиссии проводить мониторинг как в контексте заявленных требований истца, так и в контексте содержания мотивировочной части решения Коллегии Суда.

В мотивировочной части решения Коллегией Суда допущено смешение правовых категорий, относящихся, с одной стороны, к процедуре мониторинга, и, с другой стороны, к процедуре принятия решений о классификации отдельных видов товаров. При этом в резолютивной части решения упоминается только бездействие Комиссии, касающееся отказа начать процедуру принятия решения о классификации отдельного вида товара.

Проведение мониторинга ошибочно отнесено Коллегией Суда к процедуре принятия решения о классификации отдельного вида товара как составная часть такой процедуры. В действительности указанные процедуры основаны на разных нормах права Союза, имеют различный состав, различные основания, служащие их началу, и влекут разные правовые последствия.

При формулировании выводов в отношении указанного довода Комиссии, Апелляционной палате на основе применимых норм права Союза надлежало оценить: 1. какое место проведение мониторинга занимает в функциях и полномочиях Комиссии; 2. как мониторинг соотносится с процедурой принятия решений о классификации отдельных видов товаров; 3. какую роль играет проведение (непроведение) Комиссией мониторинга на основании заявления хозяйствующего субъекта в обстоятельствах рассматриваемого спора в контексте заявленных истцом требований.

Так, проведение Комиссией мониторинга урегулировано подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года). Согласно указанной норме мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии отнесены к функциям и полномочиям Коллегии Комиссии. На основании указанного положения Коллегия Комиссии полномочна уведомлять государства-члены о необходимости исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии. Судом в решении от 11 октября 2018 года по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» установлено, что мониторинг осуществляется Комиссией на постоянной основе, носит комплексный характер и может быть связан с необходимостью индивидуального инициативного обращения. Итогом проведенного мониторинга является устранение коллизий в актах права Союза, в законодательстве и правоприменительной практике государств-членов.

При этом полномочия Комиссии по принятию решений о классификации отдельных видов товаров установлены статьей 22 ТК ЕАЭС. Правовыми основаниями для реализации указанных полномочий Комиссии являются об-

ращения таможенных органов (абзац первый пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС) и выявление Комиссией различной классификации товаров в принятых таможенными органами (абзац второй пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС).

Порядок подготовки Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденный Решением Коллегии ЕЭК от 2 декабря 2013 года № 284 (далее – Порядок), принятый в развитие статьи 22 ТК ЕАЭС, в пункте 20 устанавливает взаимосвязь между процедурами мониторинга и принятия решения о классификации отдельного вида товара. Так, согласно указанному положению информация о различных подходах таможенных органов, не указанных в пункте 3 Порядка, к классификации отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС, содержащаяся в поступивших в Комиссию обращениях таких органов, физических и юридических лиц *либо полученная в ходе мониторинга* соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право Союза и исполнения решений Комиссии, доводится ответственным департаментом ЕЭК до таможенных органов в целях рассмотрения и внесения (при необходимости) в Комиссию предложения о классификации отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с Порядком.

Таким образом, пунктом 20 Порядка установлено различие между информацией, содержащейся в поступивших в Комиссию обращениях физических и юридических лиц (направленной по инициативе таких лиц), и информацией, полученной в ходе мониторинга (осуществляемого Комиссией на постоянной основе самостоятельно исходя из требований пункта 43 Положения о Комиссии).

Анализ указанных выше норм права Союза позволяет заключить, что информация, полученная Комиссией в ходе процедуры мониторинга, *может быть использована* в целях начала процедуры принятия решения о классификации отдельного вида товара, *но не является ее обязательной частью*. В равной степени с этой целью могут быть использованы обращения физических и юридических лиц, содержащие информацию о различной классификации товаров. Однако Порядком или иными нормами права Союза не установлена усмотренная Коллегией Суда взаимосвязь между обращениями физических и юридических лиц о различной классификации товаров и обязанностью Комиссии начать процедуру мониторинга.

В контексте заявленных истцом требований полагаю, что вопрос об обязанности Комиссии проводить мониторинг на основании заявления хозяйствующего субъекта следовало рассматривать в свете анализа применимых правовых норм. В этом случае Апелляционная палата в своем решении могла бы устранить допущенное Коллегией Суда смешение правовых категорий, разграничить полномочия и обязанности Комиссии по проведению процедур

мониторинга и принятия решений о классификации отдельных видов товаров, установить их взаимное соотношение.

Отсутствие подкрепленной анализом применимых норм аргументации в отношении столь важного довода апелляционной жалобы снижает авторитет апелляционного решения, создает дополнительную неопределенность относительно действительного содержания нормативных предписаний права Союза, не разрешает сложившейся правовой проблемы и не способствует достижению цели Суда – обеспечению единообразного применения права Союза.

4. Апелляционная палата отклонила довод Комиссии о несоблюдении АО «Транс Логистик Консалт» досудебного порядка урегулирования спора. Соглашаясь по существу с выводом Апелляционной палатой о необходимости отклонить указанный довод Комиссии, считаю, что надлежало сделать это по иным основаниям (раздел 5).

Статьей 69 Регламента установлены пределы рассмотрения дела в Апелляционной палате Суда. Пунктом 2 указанной статьи предусмотрено, что при рассмотрении жалобы Суд проверяет, соответствуют ли выводы Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде.

В решении Апелляционной палаты указывается: «Апелляционная палата Суда считает, что Коллегия Суда *обоснованно признала соблюденной* стадию досудебного урегулирования спора при обращении АО «ТЛК» в Комиссию, по результатам которой им получен отрицательный ответ на его требование о начале процедуры классификации маломерных судов».

Рассмотрение спора в Апелляционной палате Суда в соответствии с пределами апелляционного разбирательства, определенными в статье 69 Регламента, представляет собой особую судебную процедуру, которая не предусматривает переоценку апелляционной инстанцией фактических обстоятельств, на основании которых Коллегия Суда сделала вывод по рассмотренному процессуальному вопросу. Оценке в соответствии с пунктом 2 статьи 69 Регламента подлежит *соблюдение Коллегией Суда норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде*.

Суть довода, заявленного Комиссией в апелляционной жалобе, сводилась к тому, что в запросе АО «Транс Логистик Консалт» в Комиссию до обращения в Суд не содержалось требования *о начале процедуры мониторинга*. Указанный довод Комиссии основан на внутреннем противоречии, содержащемся в решении Коллегии Суда, в соответствии с которым обязанность Комиссии проводить мониторинг ошибочно увязывается с реализацией Комиссией полномочий по принятию решений о классификации отдельного вида товара. При этом предмет спора между АО «Транс Логистик Консалт» и Комиссией ограничен рамками требований, заявленных истцом при обращении в Суд,

однако требование о начале Комиссией процедуры мониторинга по заявлению хозяйствующего субъекта истцом не заявлялось.

В этой связи рассмотрение вопроса о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора между истцом и Комиссией в части требования о начале процедуры мониторинга на стадии апелляционного рассмотрения не имеет правовой актуальности. Апелляционной палате надлежало отклонить довод Комиссии как не относящийся к предмету спора. Такой вывод был бы логичен и согласовывался бы с последовательной аргументацией Апелляционной палаты в мотивировочной части решения, в которой устанавливался бы действительный предмет спора, содержание спорных правоотношений и применимое к таким отношениям право.

5. Апелляционной палатой без должной аргументации отклонен довод Комиссии о том, что у Коллегии Суда отсутствовала компетенция по рассмотрению спора, поскольку АО «Транс Логистик Консалт» не является надлежащим истцом, имеющим право на обращение в Суд (раздел 8).

Указанный довод не упоминался в апелляционной жалобе Комиссии, но был заявлен в ходе судебного заседания. Право сторон на дополнение доводов апелляционной жалобы и возражений на нее в ходе судебного разбирательства предусмотрено пунктом 1 статьи 69 Регламента. При этом следует отметить, что довод Комиссии не сопряжен с изменением требований апелляционной жалобы – Комиссия лишь дополнила свои доводы, воспользовавшись предоставленным ей Регламентом процессуальным правом.

В обоснование своего довода Комиссия ссылалась на ранее вынесенное постановление Суда по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня». В рамках этого дела заявление в Суд также было подано таможенным представителем, действовавшим от имени и по поручению декларанта товаров – иного хозяйствующего субъекта. В указанном постановлении Коллегия Суда пришла к выводу, что исходя из природы правоотношений между декларантом и таможенным представителем, а также системного прочтения норм ТК ЕАЭС, оспариваемое решение Комиссии непосредственно не затрагивало права и законные интересы хозяйствующего субъекта – таможенного представителя в связи с его хозяйственной деятельностью – следовательно, такой субъект лишен права на обращение в Суд с заявлением об оспаривании решения Комиссии о классификации отдельного вида товаров.

В рассматриваемом деле по заявлению АО «Транс Логистик Консалт» Коллегия Суда признала наличие у нее компетенции по рассмотрению заявления хозяйствующего субъекта – таможенного представителя об оспаривании бездействия Комиссии. При этом в решении Апелляционной палаты отмечается, что «Коллегией Суда вопрос о наличии компетенции по рассмотрению данного спора разрешен в соответствии со статьей 41 Статута Суда».

Содержащийся в решении Апелляционной палаты вывод создает правовую неопределенность относительно *locus standi* таможенных представителей при направлении заявлений в Суд – в двух спорах по заявлениям таможенных представителей Суд пришел к различным выводам относительно наличия у них права на обращение в Суд с заявлением.

Полагаю, что Апелляционной палате надлежало оценить довод Комиссии на основе иного подхода. Так, статьей 69 Регламента установлены пределы рассмотрения дела в Апелляционной палате Суда. Пунктом 3 указанной статьи предусмотрено, что в случае если сторона обжалует только часть решения, Суд проверяет обоснованность решения в обжалуемой части.

В рассматриваемом споре Комиссия обжаловала в Апелляционную палату решение Коллегии Суда лишь в части удовлетворения требования заявителя. Часть решения Коллегии Суда, в которой требования заявителя не были удовлетворены, в Апелляционную палату обжалована не была.

В то же время довод Комиссии об отсутствии у Суда компетенции по рассмотрению спора в связи с подачей заявления ненадлежащим истцом относится к решению Коллегии Суда в целом. Так, если у Суда не было компетенции по рассмотрению спора по заявлению АО «Транс Логистик Консалт», то Коллегии Суда надлежало вынести постановление об отказе в принятии заявления к производству на основании подпункта «а» пункта 2 статьи 33 Регламента.

Апелляционной палате следовало указать, что в конкретных обстоятельствах спора оценка довода Комиссии об отсутствии у Суда компетенции по рассмотрению заявления применительно лишь к одной части решения Коллегии Суда создавала бы правовую неопределенность в отношении юридической силы необжалуемой части решения Коллегии Суда. На этом основании Апелляционной палате следовало оставить довод Комиссии без рассмотрения по существу.

При этом правовые последствия рассмотрения довода Комиссии об отсутствии у Коллегии Суда компетенции по рассмотрению спора соответствовали бы правовым последствиям признания неправильного применения и (или) несоблюдения норм права Коллегией Суда по иным основаниям и в целом не нарушили бы прав сторон на справедливое судебное разбирательство в рамках производства по конкретному делу.

Полагаю, что недостаточность аргументации сформулированных в судебном решении выводов, ограничивает правовую определенность, снижает стандарт правовой защиты и отправления правосудия.

Судья

В.Х. Сейтимова

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

7 октября 2020 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Федорцова А.А., судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Наумчике М.А., в рамках рассмотрения жалобы Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 26 марта 2020 года по делу по заявлению акционерного общества «Транс Логистик Консалт» об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии,

УСТАНОВИЛА:

В Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разрешении спора обратилось акционерное общество «Транс Логистик Консалт» (далее – АО «Транс Логистик Консалт», истец).

Истец обжаловал бездействие Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК), выразившееся в непринятии мер по его запросу о проверке обоснованности решений о классификации товара в соответствии с кодом единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) и принятии решения о классификации маломерных судов.

Коллегия Суда, признав наличие у истца полномочий на обжалование бездействия Комиссии, приняла заявление АО «Транс Логистик Консалт» к производству и вынесла решение от 26 марта 2020 года.

Как следует из материалов дела, заявитель при оформлении документов по ввозу товара действовал в качестве таможенного представителя.

В соответствии с подпунктом 44 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года, далее – ТК ЕАЭС) таможенный представитель – юридическое лицо, включенное в реестр таможенных представителей, совершающее таможенные операции от имени и по поручению декларанта или иного заинтересованного лица.

АО «Транс Логистик Консалт» от имени и по поручению декларанта общества с ограниченной ответственностью «Трейд Марин» (далее – ООО «Трейд Марин») осуществлял документирование ввозимого декларантом товара.

В отношении ООО «Трейд Марин» решением Выборгской таможни от 24 мая 2018 года по результатам камеральной таможенной проверки из-

менен классификационный код перемещаемого товара, доначислены таможенные платежи и применены меры административной ответственности. Одновременно определением Выборгской таможни от 18 июня 2018 года в отношении таможенного представителя АО «Транс Логистик Консалт» возбуждено дело об административном правонарушении, впоследствии назначено наказание в виде административного штрафа.

После оспаривания решения Выборгской таможни о классификации ввозимого товара в административном и судебном порядке на национальном уровне АО «Транс Логистик Консалт» обратилось в Комиссию с заявлением о классификации отдельного вида товара для таможенных целей. Не согласившись с ответом Комиссии, отказавшей в принятии классификационного решения, хозяйствующий субъект обратился в Суд с заявлением об оспаривании бездействия ЕЭК, которое рассмотрено Коллегией Суда по существу.

Апелляционная палата Суда отмечает, что ранее постановлением Коллегии Суда от 10 марта 2020 года производство по делу по заявлению таможенного представителя ООО «Электронная таможня» об оспаривании решения Комиссии, касающегося классификации отдельного вида товара, прекращено.

В мотивировочной части постановления о прекращении производства по делу Коллегия Суда указала, что исходя из природы правоотношений между декларантом и таможенным представителем, а также системного прочтения норм ТК ЕАЭС, оспариваемое решение Комиссии непосредственно не затрагивает права и законные интересы ООО «Электронная таможня» в связи с его хозяйственной деятельностью.

Исходя из изложенных обстоятельств, Коллегия Суда пришла к выводу, что рассмотрение заявления не относится к субъектной компетенции Суда.

Таким образом, коллегиями Суда рассмотрены дела, которые схожи по субъектному составу (истцами являлись таможенные представители), при этом различные составы Суда пришли к противоположным выводам о наличии (отсутствии) субъектной компетенции по разрешению спора.

В соответствии с пунктом 39 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), международных договоров в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений, действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое решение или его отдельные положения, действие (бездействие) повлекли нарушение предоставленных Догово-

ром и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Из подпункта 2 пункта 39 Статута Суда следует вывод, что Суд рассматривает споры по заявлениям хозяйствующих субъектов при наличии, среди прочего, следующего условия:

решение Комиссии или его отдельные положения, действие (бездействие) Комиссии непосредственно затрагивают права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Руководствуясь принципом правовой определенности, Суд ранее отмечал, что решение Комиссии или его отдельные положения могут признаваться непосредственно затрагивающими права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе, когда соответствующее решение применяется к конкретному хозяйствующему субъекту в связи с его хозяйственной деятельностью (пункт 6.2. решения Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года по делу по заявлению ООО «Севлад»). Данная позиция применима и при судебной оценке действия (бездействия) регулирующего органа Союза.

По мнению Апелляционной палаты Суда, различные правовые позиции судебного органа Союза, относящиеся к схожим вопросам, не согласуются с целью деятельности Суда по обеспечению единообразного применения права Союза (пункт 2 Статута Суда) и требуют обсуждения на заседании Большой коллегии Суда, выработки единого подхода, основанного на праве Союза, с принятием соответствующих разъяснений о применении права Союза.

На основании изложенного, в целях обеспечения единообразного применения пункта 39 Статута Суда Апелляционная палата Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Внести на рассмотрение Большой коллегии Суда вопрос:

относится ли к субъектной компетенции Суда Евразийского экономического союза заявление таможенного представителя об оспаривании решения (действия или бездействия) Евразийской экономической комиссии, связанного с таможенными правоотношениями, установленными Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, иными международными договорами и актами органов Союза?

Председательствующий

Судьи

А.А. Федорцов

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

8 декабря 2020 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Баишева Ж.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л.,

при секретаре судебного заседания Захарове А.Ю.,

рассмотрев в открытом судебном заседании поступившее постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 7 октября 2020 года по вопросу применения пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) в части субъектной компетенции Суда Евразийского экономического союза по обращению таможенного представителя,

УСТАНОВИЛА:

7 октября 2020 года Апелляционной палатой Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) рассмотрена жалоба Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) на решение Коллегии Суда (далее – Решение) от 26 марта 2020 года по делу по заявлению АО «Транс Логистик Консалт» об оспаривании бездействия Комиссии. В рамках рассмотрения жалобы Апелляционной палатой Суда установлено, что Коллегия Суда приняла заявление к производству, признав наличие у АО «Транс Логистик Консалт» полномочий на обжалование бездействия Комиссии, и вынесла по существу спора Решение от 26 марта 2020 года. Как следует из материалов дела, АО «Транс Логистик Консалт» при оформлении документов по ввозу товара действовал в качестве таможенного представителя хозяйствующего субъекта.

Постановлением Коллегии Суда в ином составе судей от 10 марта 2020 года производство по делу по заявлению таможенного представителя ООО «Электронная таможня» об оспаривании решения Комиссии, касающегося классификации отдельного вида товара, прекращено. При этом Коллегия Суда пришла к выводу, что рассмотрение заявления не относится к субъектной компетенции Суда, так как оспариваемое решение Комиссии непосредственно не затрагивает права и законные интересы ООО «Электронная таможня» в связи с его хозяйственной деятельностью.

7 октября 2020 года Апелляционная палата Суда в целях обеспечения единообразного применения пункта 39 Статута Суда (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Статут Суда) постановила внести на рассмотрение Большой коллегии Суда вопрос о субъектной компетенции Суда по заявлению таможенного представителя об оспаривании решения (действия или бездействия) Комиссии, связанного с таможенными правоотношениями, установленными Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, иными международными договорами и актами органов Евразийского экономического союза (далее – Союз).

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Большая коллегия Суда осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза только по заявлению государства-члена или органа Союза. Согласно пункту 2 Статута Суда для целей Статута Суда под органами Союза понимаются органы Союза, за исключением Суда. Кроме того, по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда Большая коллегия Суда разъясняет положения Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанные с трудовыми правоотношениями.

Указанный в пункте 46 Статута Суда перечень субъектов, наделенных правом обращения с заявлением о разъяснении для рассмотрения на Большой коллегии Суда, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

По делам по заявлениям хозяйствующих субъектов, которые указаны в постановлении Апелляционной палаты Суда от 7 октября 2020 года, коллегиями Суда вынесены окончательные судебные акты. Затрагивает ли решение, действие (бездействие) Комиссии права и законные интересы таможенного представителя, является предметом оценки Суда в рамках конкретного дела.

Пунктом 68 Статута Суда установлено, что порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Согласно подпункту «в» статьи 73 Регламента Суда Суд отказывает в принятии к производству заявления о разъяснении в случае, если заявление поступило от заявителя, не указанного в пункте 46 Статута Суда.

При таких обстоятельствах Большая коллегия Суда приходит к выводу, что постановление Апелляционной палаты Суда от 7 октября 2020 года по вопросу применения пункта 39 Статута Суда в части субъектной компетенции Суда по обращению таможенного представителя, не может быть принято к производству Большой коллегии Суда.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 2, 46, 68, 69, 73, 74, подпунктом 1 пункта 95 Статута Суда, подпунктом «в» статьи 73 Регламента Суда, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Отказать в принятии к рассмотрению постановления Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 7 октября 2020 года по вопросу применения пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) в части субъектной компетенции Суда Евразийского экономического союза по обращению таможенного представителя.

2. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи:

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ судьи Нешатаевой Т.Н.

8 декабря 2020 года

город Минск

Не соглашаюсь с вынесенным постановлением Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 8 декабря 2020 года в связи с его недостаточной мотивированностью и в соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю особое мнение.

Соглашаюсь с тем, что таможенные брокеры вправе обращаться в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд) за защитой своих прав. Имея ввиду, что акты Суда призваны уточнять, прояснять, «излечивать» нормы права Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) для их единообразного применения, подчеркиваю, что разночтения в судебных актах относились к вопросу о мониторинге и контроле исполнения международного договора в рамках Союза, к действиям (бездействиям) Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия) в этом вопросе.

Оставляю за скобками все формалистские изыски псевдоюридического характера, призванные закамуфлировать международную проблему, стоящую особняком в вопросе о мониторинге и контроле исполнения международного договора в рамках Союза: что защищает Суд ЕАЭС – интерес властного органа или интерес хозяйствующего субъекта в делах об оспаривании действий (бездействия) международного органа (в данном случае ЕЭК)?

1. Сам вопрос с возникновением неединообразия применения Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) связан с судебными актами по делам по заявлениям ООО «Электронная таможня» и АО «Транс Логистик Консалт» к ЕЭК.

Здесь важным является материально-правовой элемент поставленных вопросов о неединообразии в применении международных договоров при определении заинтересованного невластного субъекта в правоотношении. Проблема соотношения прав властных и невластных субъектов является основополагающей в этих делах.

Поиск баланса интересов в развитии экономики и управления экономическими процессами – сложнейшая проблема для любой интеграционной структуры: «управляя, не стуби». Решение по делу по заявлению АО «Транс Логистик Консалт», постановление о прекращении производства по делу по заявлению ООО «Электронная таможня» не послужили решению проблемы,

но лишь усугубили ситуацию: хозяйствующим субъектам отказано в защите и они получили разделение на достойных и недостойных (первого сорта и второго сорта – перефразируя М.А. Булгакова). К «второсортным» были отнесены таможенные представители: высказана мысль о том, что они вообще не имеют права обращаться в Суд ЕАЭС. Парадоксально, но им предлагается отказать в праве на доступ к суду по надуманной причине, что Договор не касается их интереса! Надуманная позиция не вытекает из Договора и Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда), не разделяющих хозяйствующих субъектов по вопросам оспаривания бездействия в ЕЭК. Подобная позиция, скорее всего, связана с особенностями евразийского правосознания, не всегда четко определяющего приоритет права в отношении власти, и отсутствием консенсусной, солидарной евразийской позиции по этому вопросу.

Правоустанавливающие документы о ЕАЭС предусматривают, что в Суд могут быть поданы различные заявления – как об оспаривании нормативного акта, так и об оспаривании действия (бездействия) в области контроля за применением международных договоров. Следовательно, при разрешении вопроса, поставленного Апелляционной палатой Суда, Большой коллегии Суда необходимо было уяснить, чем отличается заявление об оспаривании решения Комиссии от заявления об оспаривании действия (бездействия) Комиссии.

Указанный вопрос ранее разрешался Судом. Так, при оспаривании решения заявитель доказывает, что принятая Комиссией норма (решение) противоречит Договору, а следовательно, и иным нормам международного права, а также договорам в рамках Союза, то есть в данном случае доказывается несоответствие акта Комиссии источникам международного права иного уровня.

При оспаривании действия (бездействия) Комиссии применительно к ее отказу в проведении (непроведении) мониторинга и контроля исполнения международного договора в рамках Союза в основе требования заявителя лежит неудовлетворение просьбы хозяйствующего субъекта, адресованной Комиссии, о проверке того, как действует норма права Союза и порождает ли она те последствия, для которых была принята. Действие (бездействие) Комиссии обнаруживается в том случае, когда она по тем или иным причинам отказывается проверять то, как норма действует в реальных правоотношениях.

Исходя из указанных различий следует решать вопрос об особенностях затронутых прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (пункт 39 Статута Суда).

Решение и действие (бездействие) Комиссии затрагивают права и интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности по-разному. Суд заметил это различие: при оспаривании решения Комиссии хозяйствующий субъект доказывает, что оспариваемый

акт применяется в той сфере, в которой действует компания-заявитель (данный подход выработан в решении Суда от 4 апреля 2016 года по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» к ЕЭК, решении Суда от 7 апреля 2016 года по делу ООО «Севлад» к ЕЭК).

При оспаривании действия (бездействия) Комиссии по отказу в проведении (непроведении) мониторинга и контроля исполнения международного договора в рамках Союза (действия нормы права Союза) хозяйствующий субъект предоставляет доказательства, что одни и те же нормы права Союза применяются к равным субъектам по-разному, а Комиссия отказывается проверять (не проверяет) различия в правоприменении (неединообразном правоприменении). Такой подход о действии был выработан в решении Суда от 11 октября 2018 года по делу по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» к ЕЭК.

Из указанных различий также следуют особенности доказывания: при оспаривании решения Комиссии подлежит доказыванию несоответствие решения Комиссии нормам с большей юридической силой. При оспаривании действия (бездействия) Комиссии доказываемая то, что норма применяется к равным субъектам по-разному. Соответственно, в деле об оспаривании действия (бездействия) Комиссии предоставляется доказательство того, что Комиссия не выполнила своих функций согласно Договору.

Таким образом, при оспаривании решения Комиссии, затронутые права и интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности подтверждаются доказательствами, субъективно относящимися к деятельности конкретного субъекта. В делах об оспаривании бездействия предоставляются доказательства об объективной деятельности иных лиц, связанной с реализацией нормы права Союза.

Исходя из того, что интересы хозяйствующих субъектов в данных делах неоднородны, в корне неверно предлагать одинаковые критерии как для принятия к производству заявлений об оспаривании действия (бездействия), так об оспаривании нормы права в международном нормативном правовом акте. Уравнивание подходов, скорее всего, приведет к нарушению права на доступ к суду.

2. Суд ЕАЭС в настоящем составе однажды смог провести это различие рассматриваемых дел и сформировать позицию о бездействии в пользу хозяйствующего субъекта ООО «Ойл Марин Групп», указав, что ЕЭК в целях единообразного применения права следит не только за соблюдением международных норм в позитивном национальном праве (трансформацией в законодательстве государств – членов ЕАЭС), но отслеживает практику их применения органами власти (исполнительной, судебной) в государствах-членах. Подчеркнем, что пункт 2 Статута Суда предусматривает именно проверку единообразного применения договоров государствами – членами Союза, в том числе и в отношении хозяйствующих субъектов. Применение (осущест-

вление на практике) – термин, относящийся в том числе к действиям властных субъектов по реализации норм права.

Решение Коллегии Суда по заявлению АО «Транс Логистик Консалт» также касалось этой темы и затем послужило поводом для обращения в Большую коллегия Суд. Решение первой инстанции – Коллегии Суда – продолжило тенденцию формирования единообразной практики с целью понуждения ЕЭК действовать (отказаться от бездействия). В данном акте фактически к позициям решения по делу ООО «Ойл Марин Групп» против ЕЭК был добавлен лишь один новый элемент – по завершении проведения мониторинга, инициированного хозяйствующим субъектом, зафиксированные результаты мониторинга должны быть сообщены данному хозяйствующему субъекту.

Характерная особенность этих дел в том, что доказательства неединообразия в применении норм Договора Комиссия получила (из сообщения национального таможенного органа), но не сообщила об этом хозяйствующему субъекту и не завершила мониторинг. Как правило, доказательства неединообразного подхода имеются у органов исполнительной власти и недоступны хозяйствующим субъектам.

Итак, в двух решениях Суд выработал позицию: по просьбе хозяйствующего субъекта властный орган проверяет практику применения договоров при наличии признаков неединообразия их применения и сообщает результаты хозяйствующему субъекту.

Без учета этих обстоятельств Апелляционная палата Суда в этом деле заняла позицию, что властный орган вправе бездействовать в вопросах мониторинга, поскольку хозяйствующий субъект не доказал, что действует в указанной сфере. Дополнительно предпринимателю ставилось в вину непредоставление доказательств, находящихся в национальных исполнительных органах власти, к которым он доступа не имел.

Таким образом, Апелляционная палата Суда отказалась от ранее выработанного, вступившего в силу (следовательно – уже единообразного) подхода к вопросу о необходимости осуществления Комиссией мониторинга применения договоров по просьбе хозяйствующего субъекта при наличии признаков неединообразного применения норм Договора к хозяйствующим субъектам. Единообразное понимание необходимости мониторинга в этом случае было нарушено Судом ЕАЭС без международно-правовой мотивации.

Фактически Комиссия одержала победу на основе стандарта «власть всегда права». Такие пирровы победы в первую очередь ослабляют сам властный орган – ЕЭК, не выполняющий объединительную для общего рынка функцию и резервирующий за собой право на дрящееся бездействие, что вовсе не способствует интеграционным задачам.

В международных судах еще в XX веке на основе принципа добросовестного применения международных договоров, а также принципа защиты от-

носителю физических и юридических лиц выработан стандарт процессуальной защиты «слабой стороны» (хозяйствующего субъекта в терминологии Договора), что предполагает, что в спорах с органами власти доказательства представляет властный орган (перенос бремени доказывания) (см., например, решения Европейского суда по правам человека по делам *Selmouni v. France*; *Vaka v. Hungary* и иные).

Подобный перенос в настоящее время известен и национальным судам: в административном процессе доказательства предоставляют властные органы (см., например, пункт 1 статьи 65, пункт 3 статьи 189, пункт 6 статьи 194, пункт 4 статьи 195.1, пункт 5 статьи 200 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 года), в то время как в гражданском процессе это бремя распределяется между равными невластными субъектами. В настоящее время этот стандарт применяется Верховным Судом Российской Федерации, например, в трудовых спорах: трудящийся не обязан предоставлять доказательства, хранящиеся в кадровых службах, и иное.

Принцип состязательности имеет различное наполнение в аспекте доказывания: невластный субъект, как правило, не имеет возможности получить доказательства от органов власти. Заметим, в судебной практике перенос бремени доказывания осуществляется с большими сложностями, так как властный орган отказывается представлять доказательства.

Таким образом, единообразие в отношении практики переноса бремени доказывания в делах о бездействии властного органа оказалось подвергнуто сомнению в том числе и по причине рассмотрения этих дел не с позиции международного права, но с позиций национального гражданского процесса. В этом же контексте следует оценивать и прекращение рассмотрения дел по причине длительного ожидания ответа из ЕЭК заявителем: вина за бездействие в этом случае также возлагается на хозяйствующего субъекта. Действительно, как долго следует ожидать действия власти? Международно-правовой ответ: в разумный срок. До истечения разумного срока в один год таможенные представители обратились в Суд.

3. Поскольку в этих делах таможенные брокеры (истцы в Суде ЕАЭС) были из Российской Федерации, обращаю внимание на защиту, которой подлежат данные субъекты с точки зрения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее – ЕКПЧ).

Нормы международного права совершенно по-иному определяют не только требования к процессу в международном суде, не допуская использования институтов гражданского процесса, но и объем традиционных гражданско-правовых понятий – международное право защищает не только «собственников». Так, статья 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ определяет имущественные права очень широко, и любое материальное благо, за счет которого существует хозяйствующий субъект, подлежит защите. Таможенные брокеры (истцы

в Суде ЕАЭС), не являясь собственниками ввозимых товаров, получали прибыль от своей деятельности на рынке ЕАЭС. Отказ в защите их прав, вытекающих из Договора, с точки зрения ЕКПЧ может являться нарушением их права на ведение хозяйственной деятельности, получения материальных благ, прибыли (статья 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ), а также права на судебную защиту (статья 6 ЕКПЧ).

Получилось, что таможенный брокер, действующий на общем рынке ЕАЭС, не вправе заботиться о добросовестном применении норм международных договоров даже в том случае, если к нему нормы применялись недобросовестно, не так же, как к другим субъектам.

Складывается парадокс: на деньги, которые приносят в бюджеты государств – членов Союза таможенные представители, функционируют органы публичной власти и бюджетные организации, но создатели материальных благ не имеют права просить осуществить мониторинг применения международных договоров, в том числе по вопросу использования уплаченных ими средств, тогда как органы публичной власти всегда вправе отказывать в защите интересов таможенных представителей.

Современное международное право таких подходов не допускает. Статут Суда как акт международного права исходит из того, что судьи Суда ЕАЭС смогут договориться между собой и не будут решать один и тот же вопрос амбициозно неединообразно. Тем не менее это произошло.

В основе данного противоречия лежит много причин, препятствующих появлению солидарной консенсусной правовой позиции. Следует лишь отметить несовершенство процедуры назначения судей в Суд ЕАЭС без проверки знаний в области международного права и процесса.

Кроме того, иные положения Статута Суда о выборных процедурах также нуждаются в совершенствовании: сложные вопросы управления Судом необходимо прописать более детально, дополняя их сегодня справедливыми организационно-этическими стандартами, не допускающими использование организационных и судебных процедур взаимосвязано в целях достижения личной выгоды, препятствующей достижению единообразного понимания и применения права.

Возможно, Апелляционная палата Суда, осознав, что по двум указанным проблемам нарушено единообразие судебной практики, исходя из консенсусного посыла, обратилась в Большую коллегия Суда, но не определила в своем постановлении процессуальную основу для этого – норма, предусматривающая право у Коллегии Суда и Апелляционной палаты Суда на такое обращение, отсутствует в Договоре, Статуте Суда и Регламенте Суда.

4. Согласно пункту 72 Статута Суда Большая коллегия Суда рассматривает процедурные вопросы, предусмотренные Регламентом Суда. Данная норма устанавливает возможность закрыть пробелы в процедурных правилах, ко-

торые существуют в актах международного права вследствие несовершенства языковых конструкций. Большая коллегия Суда активно использует предоставленное ей пунктом 72 Статута Суда право, развивая процедурную практику, например, дозволит применение видео-конференц-связи, проведение устной стадии процесса в делах о разьяснении, особые мнения судей к консультативным заключениям, и прочее.

Но все указанные случаи относятся к тем процедурным правилам, которые в том или ином виде закреплены в процессуальных правилах Суда, отсутствует лишь их более подробная регламентация.

Однако в настоящем деле Апелляционная палата Суда предложила использовать процессуальный механизм, которого нет ни в Договоре, ни в Статуте Суда, ни в Регламенте Суда.

Действительно, наличие такого механизма необходимо в тех случаях, когда разные составы большого по численности Суда по неведению или из-за излишних амбиций допускают неединообразное прочтение одной и той же нормы права. Такая ситуация возможна во всех судах с большим количеством судей и дел, и механизм ее преодоления закреплен в нормах позитивного права.

Как правило, для преодоления противоречия создается специальный орган, который в том числе включает в себя судей, не связанных с противоречащими решениями, например, Большая палата Европейского суда по правам человека, в Федеративной Республике Германия – Большой сенат в Верховном суде (см. Закон о судоустройстве Федеративной Республики Германия от 12 сентября 1950 года) или Единый сенат высших федеральных судов (см. Закон об обеспечении единообразия судебной практики федеральных высших судов от 19 июня 1968 года) и т.п.

Другой вариант решения проблемы состоит в том, что в суде не создается несколько судебных составов, практика которых может противоречить друг другу (см., например, Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» в редакциях, которые действовали до вступления в силу Федерального конституционного закона от 3 ноября 2010 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

В нашем случае полагаю, что пункт 72 Статута Суда может быть применен для разрешения конфликта лишь до возникновения неединообразного толкования, но не после появления взаимоисключающих судебных актов обязательного характера. Как следствие, механизм преодоления уже состоявшегося неединообразия практики не предусмотрен Статутом Суда. Возможно, его следует предусмотреть в виде однопалатности Суда (дела рассматриваются всем составом судей), что будет соответствовать стандарту равенства судей.

В любом случае спорные вопросы следует решать до момента появления неединообразия в судебной практике (до момента разрешения конкретного дела по существу), поскольку в противном случае нарушается принцип *res judicata*, согласно которому вступившие в силу судебные акты не могут быть пересмотрены.

В настоящее время Статут Суда предполагает, что судьи смогут как уважать вступившее в силу решение, так и договориться о правопонимании, поскольку одно из главных требований к кандидатам в судьи – высокий образовательный стандарт и морально-этические качества, включающие как отрицание любых форм моббинга (буллинга, сговоров, интриг, самовыдвижений, оговоров, угроз и т.п.), так и неамбициозную договороспособность по вопросам применения международного права, к которому относится право Союза (региональное международное право).

Понимая, что солидарного, консенсусного правосознания (стандарт солидарности) на евразийском пространстве еще не возникло, подчеркиваю, что настоящее особое мнение направлено на развитие права и самого Союза *de lege ferenda* – в будущем.

Судья

Т.Н. Нешагаева

Резюме
по делам № СЕ-1-2/7-19-КС и № СЕ-1-2/5-20-АП
(АО «Транс Логистик Консалт»)

Ключевые слова:

Акционерное общество «Транс Логистик Консалт» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

Об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии.

Таможенное регулирование – таможенный представитель – маломерные суда – классификация отдельного вида товара – обращение в ЕЭК – мониторинг – компетенция Суда – оценка действия (бездействия) Комиссии.

Положение о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору); Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 декабря 2013 года № 284 «О порядке подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров»; Таможенный кодекс ЕАЭС.

Решение Коллегии Суда – удовлетворение требований в части – признание бездействия ЕЭК не соответствующим праву Союза – особые мнения – решение Апелляционной палаты – отмена решения Коллегии Суда в части – отказ в удовлетворении требований истца – особые мнения.

Описание:

АО «Транс Логистик Консалт» (далее – АО «ТЛК») обратилось в Суд Союза с заявлением об оспаривании бездействия ЕЭК, выразившегося, в частности, в отказе начать процедуру принятия решения о классификации маломерных судов.

Решением от 26 марта 2020 года Коллегия Суда удовлетворила требование истца и признала бездействие Евразийской экономической комиссии при рассмотрении запроса акционерного общества «Транс Логистик Консалт» о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы истца.

К решению Коллегии Суда приложены особые мнения судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г.

Не согласившись с решением Коллегии Суда, ЕЭК обратилась с жалобой в Апелляционную палату. Апелляционная палата отменила решение Коллегии Суда в части удовлетворения требования АО «ТЛК» и признала бездействие ЕЭК при рассмотрении запроса хозяйствующего субъекта о начале процедуры принятия решения о классификации маломерных судов соответствующим праву Союза.

К решению Апелляционной палаты приложены особые мнения судей Сейтимова В.Х., Туманяна А.Э.

Правовые позиции Суда:

1. В пункте 1 статьи 45 Регламента Суда содержится перечень вопросов, подлежащих выяснению Судом в процессе рассмотрения спора по заявлению хозяйствующего субъекта к Комиссии, который включает проверку полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения. В делах по заявлениям хозяйствующих субъектов об оспаривании действий (бездействия) Комиссии подлежит выяснению факт наличия у Комиссии полномочия на совершение определенного действия.

(абзац 1 пункта 6.2. решения Апелляционной палаты Суда)

2. Анализ права Союза свидетельствует, что обязанность Комиссии начать процедуру принятия решения о классификации отдельного вида товара на основании обращения хозяйствующего субъекта правом Союза не предусмотрена.

Нормы ТК ЕАЭС и развивающие их положения Порядка принятия решений о классификации отдельных видов товаров не включают хозяйствующих субъектов в перечень лиц, наделенных правом инициирования перед Комиссией вопроса о принятии решения о классификации отдельных видов товаров.

(абзац 3 пункта 6.2., абзац 11 пункта 6.3. решения Апелляционной палаты Суда)

3. Мониторинг, являясь функцией и полномочием Комиссии, проводится для проверки соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право ЕАЭС, и не является составной частью процедуры принятия решений о классификации отдельных видов товаров.

Информация, полученная в ходе мониторинга, не является основанием для начала процедуры принятия решения, а доводится Департаментом таможенного законодательства и правоприменительной практики до таможенных органов в целях рассмотрения и внесения (при необходимости) в Комиссию предложения о классификации отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с Порядком принятия решений о классификации отдельных видов товаров.

(абзацы 2-3 пункта 7. решения Апелляционной палаты Суда)

Case Summary No. CE-1-2/7-19-KC and No. CE-1-2/5-20-АП (Trans Logistic Consult JSC)

Key words:

Trans Logistic Consult Joint-Stock Company (economic entity, legal person) - Eurasian Economic Commission (EEC).

On contesting the inaction of the Eurasian Economic Commission.

Customs regulation - customs representative - small vessels - classification of a particular commodity type - application to the EEC - monitoring - competence of the Court - evaluation of the Commission's action (inaction).

Regulations on the Eurasian Economic Commission (Annex No. 1 to the Treaty); Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 284 "On the procedure for the preparation of decisions by the Eurasian Economic Commission on classifying certain commodity types" dated December 2, 2013; Customs Code of the EAEU.

Judgment of the Chamber of the Court - satisfaction of the claims in a part - recognition of the EEC's inaction as not complying with the law of the Union - separate opinions - judgment of the Appeals Chamber - overturn of the judgment of the Chamber of the Court in a part - rejection of the claims - separate opinions.

Substance of the case:

Trans Logistic Consult JSC (hereinafter, TLC JSC) filed an application with the Union Court to contest the EEC's inaction, which was expressed, in particular, in refusing to start the decision-making procedure with regard to the classification of small vessels.

Pursuant to the decision of March 26, 2020, the Chamber of the Court satisfied the applicant's claim and recognized the inaction of the Eurasian Economic Commission when considering the request of Trans Logistic Consult Joint-Stock Company to start a decision-making procedure with regard to the classification of small vessels as non-compliant with the Treaty and international treaties within the Union and violating the rights and legal interests of the applicant.

The separate opinions of Judges A.M. Azhibraimova, E.V. Hayriyan, D.G. Kolos were attached to the judgment of the Chamber of the Court.

Disagreeing with the judgment of the Chamber of the Court, the EEC filed a complaint with the Appeals Chamber. The Appeals Chamber overturned the judgment of the Chamber of the Court in the part by satisfying the claims of TLC JSC and recognized the EEC's inaction when considering the request of the economic entity on the initiation of the decision-making procedure with regard to the classification of small vessels as compliant with the law of the Union.

Separate opinions of Judges V.Kh. Seitimova, A.E. Tumanyan were attached to the judgment of the Appeals Chamber.

Legal findings of the Court:

1. Paragraph 1 of Article 45 of the Rules of Procedure of the Court contains a list of issues to be clarified by the Court when considering a case on the application of an economic entity filed against the Commission, which includes checking the competence of the Commission to adopt the contested decision. In case of applications of economic entities to contest actions (inaction) of the Commission, it is necessary to clarify the fact that the Commission has had the authority to perform a certain action.

(subparagraph 1 of paragraph 6.2. of the judgment of the Appeals Chamber)

2. Analysis of the Union's law shows that the Commission's obligation to initiate a decision-making procedure with regard to the classification of a particular commodity type on the basis of an economic entity's application is not provided for by Union law.

The norms of the Customs Code of the EAEU and the provisions of the Procedure for making decisions on the classification of certain commodity types do not include economic entities in the list of persons entitled to raise the issue of deciding on the classification of certain commodity types by the Commission.

(subparagraph 3 of paragraph 6.2., subparagraph 11 of paragraph 6.3. of the judgment of the Appeals Chamber)

3. Monitoring is the function and authority of the Commission and its carried out to verify compliance by the Member States with the provisions of international treaties and acts that constitute the EAEU law, and is not an integral part of the decision-making procedure on the classification of certain commodity types.

The information obtained during the monitoring may not be the basis for initiating the decision-making procedure, but should be communicated by the Department of Customs Legislation and Law Enforcement Practice to the customs authorities in order to consider and submit (if necessary) to the Commission a proposal on the classification of a certain commodity type under EAEU Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature in accordance with the Procedure for making decisions on the classification of certain commodity types.

(subparagraphs 2-3 of paragraph 7 of the judgment of the Appeals Chamber)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

23 апреля 2020 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Ажибраимовой А.М., судей Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г. А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Асаналиевой А.К., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений разделов XVIII и XX Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

I. Вопрос заявителя

Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» (далее – заявитель, Национальная палата предпринимателей) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений разделов XVIII и XX Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

Заявитель указал, что согласно пункту 1 статьи 74 Договора предметом раздела XVIII Договора «Общие принципы и правила конкуренции» является установление общих принципов и правил конкуренции, обеспечивающих выявление и пресечение антиконкурентных действий на территориях государств – членов, и действий, оказывающих негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территории двух и более государств.

Пунктом 2 статьи 74 Договора предусматривается, что положения раздела XVIII Договора распространяются на отношения, связанные с реализацией конкурентной (антимонопольной) политики на территориях государств – членов, и на отношения с участием хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств – членов, которые оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств – членов. Критерии отнесения рынка к трансграничному, утвержденные Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 (далее – Критерии), определяют полномочия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) по пресечению нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов.

В свою очередь, согласно положениям пункта 1 статьи 79 Договора, в целях эффективного использования потенциала топливно-энергетических комплексов государств-членов, а также обеспечения национальных экономик основными видами энергетических ресурсов (электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты), государства-члены развивают долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергетики, проводят скоординированную энергетическую политику, осуществляют поэтапное формирование общих рынков энергетических ресурсов в соответствии с международными договорами, предусмотренными в статьях 81, 83 и 84 Договора, с учетом обеспечения энергетической безопасности.

При этом в соответствии с пунктом 3 статьи 79 Договора положения раздела XVIII Договора в отношении деятельности хозяйствующих субъектов (субъектов рынков) государств - членов Евразийского экономического союза (далее – Союз) в сферах электроэнергетики, газа, нефти и нефтепродуктов применяются с учетом особенностей, предусмотренных разделами XIX и XX Договора (при этом изъятия в отношении действия раздела XVIII Договора применительно к хозяйствующим субъектам (субъектам рынков), регулируемым разделом XX, Договором не предусмотрены).

Заявитель отмечает, что предметом правового регулирования раздела XVIII Договора являются, в том числе, отношения хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств - членов Союза, при этом предметом правового регулирования раздела XX Договора являются правоотношения государств – членов Союза.

Заявитель полагает, что в целях исключения правовой неопределенности и разночтения в практике применения разделов XVIII и XX Договора необходимо определить предметы правового регулирования указанных разделов Договора, что подразумевает необходимость определения порядка применения, предупреждения, выявления и пресечения нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках электроэнергетики, газа, нефти и нефтепродуктов, когда разделом XX Договора не установлены конкретные особенности применения таких правил и изъятия в отношении этого раздела.

По мнению заявителя, в практике возникают вопросы касательно контроля за соблюдением общих правил конкуренции (раздел III приложения № 19 к Договору) к рынкам сжиженного природного газа, которые реализуются хозяйствующим субъектом (субъектом рынка) одного государства – члена Союза другому хозяйствующему субъекту (субъекту рынка) другого государства – члена. При этом необходимо принимать во внимание положения Протокола о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики (приложение № 22 к Договору).

В связи с изложенным заявитель просит Суд дать разъяснения по следующим вопросам:

1. Являются ли предметом правового регулирования раздела XX Договора правоотношения по соблюдению общих правил конкуренции на трансграничном рынке реализации сжиженного природного газа, если указанным разделом Договора не предусмотрены особенности его применения в части правового регулирования правоотношений, урегулированных разделом XVIII Договора, а также не предусмотрены изъятия в отношении положений, предусмотренных разделом XVIII Договора, по отношению к хозяйствующим субъектам (субъектам рынка), осуществляющим деятельность по реализации (поставке) сжиженного природного газа?

2. Каким является соотношение предметов правового регулирования раздела XVIII Договора с разделом XX Договора (с учетом положений раздела XIX Договора) как в части реализации политик государств – членов Союза в сфере общих правил конкуренции и энергетики, так и в части регулирования отношений хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств-членов Союза на рынках сжиженного природного газа по соблюдению общих правил конкуренции при реализации (поставке) сжиженного природного газа с территории одного государства – члена Союза на территорию другого (других) государства – члена Союза?

3. Будет ли рынок сжиженного природного газа (его поставок, реализации и т.п., за исключением естественно-монопольных услуг по транспортировке газа по газотранспортным системам) являться трансграничным, если такой сжиженный природный газ поставляется с территории одного государства – члена Союза на территорию другого (других) государства – члена Союза, с учетом вышеизложенного и при соответствии Критериям?

4. Осуществляется ли Комиссией пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не являющимися хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на трансграничных рынках сжиженного природного газа при условии выполнения требований Критериев в части компетенции Комиссии?

5. В случае установления признаков нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках сжиженного природного газа, пресечение которых с учетом Критериев относится к компетенции Комиссии, обязана ли Комиссия реализовать все меры, указанные в подпунктах 1-4, 7 пункта 10 приложения № 19 к Договору?

6. Какое соотношение понятий «сжиженный природный газ» и «газ», содержащихся в приложении № 22 к Договору, а также соотношение указанных

понятий в их системной взаимосвязи с понятиями и категориями транспортировки сжиженного природного газа в специальных криогенных сосудах-цистернах, а не по газотранспортным системам, а также в понятии «газ» конкретизируется состояние газа – «сжатое» исключая тем самым «сжиженное» состояние газа?

7. В случае разночтений в толковании положений Договора между государствами – членами Союза, как осуществляется порядок применения противоположных толкований в части правомочий Комиссии при пресечении нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках, пресечение которых отнесено к компетенции Комиссии. Например, если одно из государств – членов Союза толкует отдельные положения Договора отличным образом, чем его толкуют другое государство – член Союза, каким образом Комиссия должна определять приоритетность указанных толкований в их системной и правовой взаимосвязи с реализацией Комиссии своих полномочий?

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Союзе (далее – Статут Суда), Суд по заявлению государства – члена Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Разъяснение Судом положений разделов XVIII, XIX и XX Договора, приложений № 19 и № 22 к Договору, а также Критериев входит в предметную компетенцию Суда.

Пунктом 49 Статута Суда предусмотрено, что обращение в Суд от имени государства-члена с заявлением о разъяснении осуществляется уполномоченными органами и организациями государства-члена, перечень которых определяется каждым государством-членом и направляется в Суд по дипломатическим каналам.

Соответствующий перечень был направлен в Суд нотой Министерства иностранных дел Республики Казахстан от 20 мая 2015 года № 21-37596.1759.

В соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 6 мая 2015 года № 20 «Об органах и организациях, уполномоченных на обращение в Суд Евразийского экономического союза» (далее – Указ № 20), определены государственные органы, уполномоченные на обращение в Суд.

На основании пункта 2 Указа № 20 Национальная палата предпринимателей в качестве уполномоченной организации в пределах своих функций, предусмотренных законодательными актами Республики Казахстан, может обращаться с заявлением в Суд Союза с целью представления, защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательства в установленном законодательством порядке.

Статус Национальной палаты предпринимателей определен в Законе Республики Казахстан от 4 июля 2013 года № 129-V «О Национальной палате предпринимателей Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21 января 2019 года; далее – Закон о Национальной палате предпринимателей). Согласно подпункту 2) статьи 1 указанного Закона «Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан – некоммерческая организация, представляющая собой союз субъектов предпринимательства, созданная в целях обеспечения благоприятных правовых, экономических и социальных условий для реализации предпринимательской инициативы и развития взаимовыгодного партнерства между бизнес-сообществом и органами государственной власти Республики Казахстан, а также стимулирования и поддержки деятельности объединений индивидуальных предпринимателей и (или) юридических лиц в форме ассоциации (союза)».

Следовательно, Национальная палата предпринимателей вправе обратиться в Суд с заявлением о разъяснении в соответствии с пунктами 46 и 49 Статута Суда от имени Республики Казахстан.

Заявление подписано Председателем Правления Национальной палаты предпринимателей А. Мырзахметовым.

Согласно пункту 1 статьи 23 Закона о Национальной палате предпринимателей Правление Национальной палаты предпринимателей осуществляет текущее руководство ее деятельностью. На основании пункта 8 статьи 23 указанного Закона Председатель Правления Национальной палаты предпринимателей без доверенности действует в интересах и от лица Национальной палаты предпринимателей на всей территории Республики Казахстан и за ее пределами.

Указанные полномочия предусмотрены также в подпункте 18.8 Устава Национальной палаты предпринимателей, утвержденного совместным решением учредителей Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан от 4 сентября 2013 года № 223/НК; № 04-02/303-п (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24 октября 2019 года).

В соответствии с пунктом 39 Указа Президента Республики Казахстан от 12 августа 2010 года № 1037 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13 ноября 2017 года) «О вопросах подготовки информации о выполнении международных договоров Республики Казахстан и представления ее на рассмотрение Президента Республики Казахстан, а также согласования проектов решений международных организаций, участницей которых является Республика Казахстан, и их реализации, подготовки международных мероприятий Республики Казахстан с участием Президента Республики Казахстан, выполнения достигнутых договоренностей, взаимодействия с международными судебными органами и осуществления координации международной деятельности государственных органов Республики Казахстан» обращения от имени

Республики Казахстан в международные судебные органы осуществляются по дипломатическим каналам.

В силу пункта 3 статьи 8 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда) заявление должно быть представлено в Суд на бумажном носителе.

Заявитель не выполнил вышеуказанные требования.

В связи с этим Большая коллегия приходит к выводу о необходимости оставить заявление без движения с представлением срока для устранения недостатков.

В связи с текущей ситуацией, связанной с пандемией COVID-19, Большая коллегия Суда считает возможным установить срок для устранения недостатков до отмены действия карантинных мер в государствах – членах Союза.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 46, 49, 68, 69 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 8, 10, 31, 72, 74 и 84 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Заявление Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений разделов XVIII и XX Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года оставить без движения.

2. Предоставить Национальной палате предпринимателей «Атамекен» срок для устранения недостатков до отмены карантинных мер в государствах – членах Евразийского экономического союза, связанных с пандемией COVID-19.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судья-докладчик

А.М. Ажибраимова

Судьи

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1 июня 2020 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Ажибраимовой А.М., судей Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г. А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Резвановой О.А., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений разделов XVIII и XX Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

I. Вопрос заявителя

Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» (далее – заявитель, Национальная палата предпринимателей) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений разделов XVIII и XX Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

Заявитель указал, что согласно пункту 1 статьи 74 Договора предметом раздела XVIII Договора «Общие принципы и правила конкуренции» является установление общих принципов и правил конкуренции, обеспечивающих выявление и пресечение антиконкурентных действий на территориях государств-членов, и действий, оказывающих негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территории двух и более государств.

Пунктом 2 статьи 74 Договора предусматривается, что положения раздела XVIII Договора распространяются на отношения, связанные с реализацией конкурентной (антимонопольной) политики на территориях государств-членов, и на отношения с участием хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств-членов, которые оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов. Критерии отнесения рынка к трансграничному, утвержденные Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 (далее – Критерии), определяют полномочия Евразийской эко-

номической комиссии (далее – Комиссия) по пресечению нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов.

В свою очередь, согласно положениям пункта 1 статьи 79 Договора, в целях эффективного использования потенциала топливно-энергетических комплексов государств-членов, а также обеспечения национальных экономик основными видами энергетических ресурсов (электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты), государства-члены развивают долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергетики, проводят скоординированную энергетическую политику, осуществляют поэтапное формирование общих рынков энергетических ресурсов в соответствии с международными договорами, предусмотренными в статьях 81, 83 и 84 Договора, с учетом обеспечения энергетической безопасности.

При этом в соответствии с пунктом 3 статьи 79 Договора положения раздела XVIII Договора в отношении деятельности хозяйствующих субъектов (субъектов рынков) государств – членов Евразийского экономического союза (далее – Союз) в сферах электроэнергетики, газа, нефти и нефтепродуктов применяются с учетом особенностей, предусмотренных разделами XIX и XX Договора (при этом изъятия в отношении действия раздела XVIII Договора применительно к хозяйствующим субъектам (субъектам рынков), регулируемым разделом XX, Договором не предусмотрены).

Заявитель отмечает, что предметом правового регулирования раздела XVIII Договора являются, в том числе, отношения хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств – членов Союза, при этом предметом правового регулирования раздела XX Договора являются правоотношения государств – членов Союза.

Заявитель полагает, что в целях исключения правовой неопределенности и разночтения в практике применения разделов XVIII и XX Договора необходимо определить предметы правового регулирования указанных разделов Договора, что подразумевает необходимость определения порядка применения, предупреждения, выявления и пресечения нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках электроэнергетики, газа, нефти и нефтепродуктов, когда разделом XX Договора не установлены конкретные особенности применения таких правил и изъятия в отношении этого раздела.

По мнению заявителя, в практике возникают вопросы касательно контроля за соблюдением общих правил конкуренции (раздел III приложения № 19 к Договору) к рынкам сжиженного природного газа, которые реализуются хозяйствующим субъектом (субъектом рынка) одного государства – члена Союза другому хозяйствующему субъекту (субъекту рынка) другого государства-члена. При этом необходимо принимать во внимание положения Протокола о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в

сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики (приложение № 22 к Договору).

В связи с изложенным заявитель просит Суд дать разъяснения по следующим вопросам:

1. Являются ли предметом правового регулирования раздела XX Договора правоотношения по соблюдению общих правил конкуренции на трансграничном рынке реализации сжиженного природного газа, если указанным разделом Договора не предусмотрены особенности его применения в части правового регулирования правоотношений, урегулированных разделом XVIII Договора, а также не предусмотрены изъятия в отношении положений, предусмотренных разделом XVIII Договора, по отношению к хозяйствующим субъектам (субъектам рынка), осуществляющим деятельность по реализации (поставке) сжиженного природного газа?

2. Каким является соотношение предметов правового регулирования раздела XVIII Договора с разделом XX Договора (с учетом положений раздела XIX Договора) как в части реализации политик государств – членов Союза в сфере общих правил конкуренции и энергетики, так и в части регулирования отношений хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств – членов Союза на рынках сжиженного природного газа по соблюдению общих правил конкуренции при реализации (поставке) сжиженного природного газа с территории одного государства – члена Союза на территорию другого (других) государства – члена Союза?

3. Будет ли рынок сжиженного природного газа (его поставок, реализации и т.п., за исключением естественно-монопольных услуг по транспортировке газа по газотранспортным системам) являться трансграничным, если такой сжиженный природный газ поставляется с территории одного государства – члена Союза на территорию другого (других) государства – члена Союза, с учетом вышеизложенного и при соответствии Критериям?

4. Осуществляется ли Комиссией пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не являющимися хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на трансграничных рынках сжиженного природного газа при условии выполнения требований Критериев в части компетенции Комиссии?

5. В случае установления признаков нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках сжиженного природного газа, пресечение которых с учетом Критериев относится к компетенции Комиссии, обязана ли Комиссия реализовать все меры, указанные в подпунктах 1-4, 7 пункта 10 приложения № 19 к Договору?

6. Какое соотношение понятий «сжиженный природный газ» и «газ», содержащихся в приложении № 22 к Договору, а также соотношение указанных понятий в их системной взаимосвязи с понятиями и категориями транспортировки сжиженного природного газа в специальных криогенных сосудах-цистернах, а не по газотранспортным системам, а также в понятии «газ» конкретизируется состояние газа – «сжатое», исключая тем самым «сжиженное» состояние газа?

7. В случае разночтений в толковании положений Договора между государствами – членами Союза, как осуществляется порядок применения противоположных толкований в части полномочий Комиссии при пресечении нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках, пресечение которых отнесено к компетенции Комиссии? Например, если одно из государств – членов Союза толкует отдельные положения Договора отличным образом, чем его толкуют другое государство – член Союза, каким образом Комиссия должна определять приоритетность указанных толкований в их системной и правовой взаимосвязи с реализацией Комиссии своих полномочий?

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Союзе (далее – Статут Суда), Суд по заявлению государства – члена Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Разъяснение Судом положений разделов XVIII, XIX и XX Договора, приложений № 19 и 22 к Договору, а также Критериев входит в предметную компетенцию Суда.

Пунктом 49 Статута Суда предусмотрено, что обращение в Суд от имени государства-члена с заявлением о разъяснении осуществляется уполномоченными органами и организациями государства-члена, перечень которых определяется каждым государством-членом и направляется в Суд по дипломатическим каналам.

Соответствующий перечень был направлен в Суд нотой Министерства иностранных дел Республики Казахстан от 20 мая 2015 года № 21-37596.1759.

В соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 6 мая 2015 года № 20 «Об органах и организациях, уполномоченных на обращение в Суд Евразийского экономического союза» (далее – Указ № 20), определены государственные органы, уполномоченные на обращение в Суд.

На основании пункта 2 Указа № 20 Национальная палата предпринимателей в качестве уполномоченной организации в пределах своих функций, предусмотренных законодательными актами Республики Казахстан, может обращаться с заявлением в Суд Союза с целью представления, защиты прав и

законных интересов субъектов предпринимательства в установленном законодательством порядке.

Следовательно, Национальная палата предпринимателей вправе обратиться в Суд с заявлением о разъяснении в соответствии с пунктами 46 и 49 Статута Суда.

Заявление подписано Председателем Правления Национальной палаты предпринимателей А. Мырзахметовым.

Согласно пункту 1 статьи 23 Закона Республики Казахстан от 4 июля 2013 года «О национальной палате предпринимателей Республики Казахстан» от 4 июля 2013 года № 129-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04 мая 2020 года) Правление Национальной палаты предпринимателей осуществляет текущее руководство ее деятельностью. Председатель Правления Национальной палаты предпринимателей на основании пункта 8 статьи 23 указанного Закона без доверенности действует в интересах и от лица Национальной палаты предпринимателей на всей территории Республики Казахстан и за ее пределами.

Указанные полномочия закреплены также в подпункте 18.8 Устава Национальной палаты предпринимателей, утвержденного совместным решением учредителей Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан от 4 сентября 2013 года № 223/НК № 04-02/303-п (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24 октября 2019 года).

Следовательно, соблюдены требования пункта 2 статьи 10 и пункта 1 статьи 31 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Во исполнение постановления Большой коллегии Суда от 23 апреля 2020 года, в соответствии с которым заявление Национальной палаты предпринимателей было оставлено без движения, с целью устранения недостатков, послуживших основанием для оставления заявления без движения, в Суд поступила нота Посольства Республики Казахстан в Республике Беларусь (вх. № 5-1-4/249 от 4 мая 2020 года) о препровождении заявления Национальной палаты предпринимателей от 15 апреля 2020 года № 4667/07 на бумажном носителе.

Рассмотрев представленные во исполнение указанного постановления Большой коллегии Суда документы, Большая коллегия Суда подтверждает соблюдение Национальной палатой предпринимателей установленного порядка обращения в Суд.

В связи с этим Большая коллегия Суда приходит к выводу о том, что заявление Национальной палаты предпринимателей о разъяснении *prima facie* соответствует требованиям статьи 10 Регламента Суда.

Ранее по вопросу, указанному в заявлении, по тем же основаниям и обстоятельствам консультативное заключение Судом не принималось.

Большая коллегия констатирует отсутствие оснований для отказа в принятии заявления к производству, предусмотренных статьей 73 Регламента Суда.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 46, 49, 50, 68, 69, 73-75 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 10, 31, 72, 74 и 84 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений разделов XVIII и XX Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

2. Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 15 июля 2020 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судья-докладчик

А.М. Ажибраимова

Судьи

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

7 июля 2020 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Ажибраимовой А.М., судей Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Асаналиевой А.К., рассмотрев в открытом судебном заседании отзыв заявления о разъяснении положений разделов XVIII и XX Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, направленный Национальной палатой предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен»,

УСТАНОВИЛА:

Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» (далее – заявитель, Национальная палата предпринимателей) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений разделов XVIII и XX Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

Постановлением Большой коллегии Суда от 1 июня 2020 года заявление Национальной палаты предпринимателей принято к производству.

2 июля 2020 года в Суд поступил отзыв заявления, направленный Национальной палатой предпринимателей.

В соответствии с пунктом 1 статьи 76 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года, заявитель вправе отозвать заявление о разъяснении в любое время до принятия Судом консультативного заключения. На основании пункта 2 указанной статьи отзыв заявления о разъяснении является основанием для прекращения Судом производства по делу о разъяснении.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 3 пункта 95 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору), статьями 76 и 84 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

1. Прекратить производство по делу по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений разделов XVIII и XX Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в связи с отзывом заявления.

2. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж. Н.Баишев

Судья-докладчик

А.М. Ажибраимова

Судьи

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

Резюме
по делу СЕ-2-1/6-20-БК
(Национальная палата предпринимателей
Республики Казахстан «Атамекен»)

Ключевые слова

О разъяснении положений разделов XVIII и XX Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Общие принципы и правила конкуренции – конкурентная (антимонопольная политика); топливно-энергетический комплекс; энергетические ресурсы; электроэнергетика – газ – нефть – нефтепродукты; сжиженный природный газ; трансграничный рынок; пресечение нарушения общих правил конкуренции.

Договор о Евразийском экономическом союзе – Критерии отнесения рынка к трансграничному – Протокол о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики – Протокол об общих принципах и правилах конкуренции.

Отзыв заявления – Постановление Большой Коллегии Суда – прекращение производства.

Описание

Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» обратилась в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о разъяснении положений разделов XVIII и XX Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. Заявление было принято к производству Большой коллегией Суда после устранения недостатков в прилагаемых документах, послуживших основанием для оставления заявления без движения.

Заявитель просил Суд разъяснить, как соотносятся положения раздела XVIII Договора о ЕАЭС, устанавливающего общие принципы и правила конкуренции в целях выявления и пресечения антиконкурентных действий на территориях государств-членов, а также действий, оказывающих негативное влияние на трансграничных рынках, и раздела XX Договора о ЕАЭС, регулирующего взаимодействие государств-членов Союза в сфере энергетики. Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» позже отозвала свое заявление. В связи с этим на основании статьи 76 Регламента Суда Большая коллегия Суда постановила прекратить производство по делу.

Summary
of case CE-2-1/6-20-БК
(clarification upon the request of National Chamber
of Entrepreneurs of Kazakhstan “Atameken”)

Keywords

On the clarification of the provisions of Sections XVIII and XX of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014.

General principles and rules of competition – competition (antimonopoly policy); fuel and energy complex; energy resources; electric power – gas – oil – petroleum products; liquefied natural gas; trans-border market; suppression of violation of the general rules of competition.

The Treaty on the Eurasian Economic Union – Criteria for classifying the market as a trans-border market – Protocol on the Rules of Access to Services of Natural Monopoly Entities in the Sphere of Gas Transportations Using Gas Transportation Systems, including Fundamental Pricing and Tariff Policy – Protocol on General Principles and Rules of Competition.

Withdrawal of the application – Order of the Grand Chamber of the Court – termination of proceedings.

Description

The National Chamber of Entrepreneurs of the Republic of Kazakhstan “Atameken” applied to the Court of the Eurasian Economic Union requesting clarification of the provisions of Sections XVIII and XX of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014. The Grand Chamber of the Court accepted the request for clarification after the Applicant had eliminated the shortcomings in the documents filed due to which the request was provisionally deferred.

The Applicant asked the Court to clarify the co-relation between the provisions of Section XVIII of the EAEU Treaty, which establish general principles and rules of competition in order to identify and restrain anti-competitive actions in the territories of the Member States, as well as actions negatively impacting the trans-border markets, and Section XX of the EAEU Treaty, which regulates the interaction of the Member States of the Union in the energy sector. The National Chamber of Entrepreneurs of the Republic of Kazakhstan “Atameken” later withdrew its request. In this regard, on the basis of Article 76 of the Rules of Court, the Grand Chamber of the Court decided to terminate the proceedings.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

11 мая 2020 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сей-
тимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л.,
под председательством судьи-докладчика Туманяна А.Э.,
при секретаре судебного заседания Малашко А.П.,
рассмотрев в открытом судебном заседании ходатайство общества с огра-
ниченной ответственностью «Шиптрейд» о принятии мер по исполнению Ре-
шения Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года,

УСТАНОВИЛА:

Решением Коллегии Суда от 18 июня 2019 года требование общества с огра-
ниченной ответственностью «Шиптрейд» удовлетворено, решение Коллегии
Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О клас-
сификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной
номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономи-
ческого союза» признано не соответствующим Договору о Евразийском эконо-
мическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках
Евразийского экономического союза.

Решением Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического со-
юза от 31 октября 2019 года Решение коллегии Суда от 18 июня 2019 года по
делу № СЕ-1-2/1-19-КС оставлено без изменения, а Апелляционная жалоба Ев-
разийской экономической комиссии – без удовлетворения.

28 января 2020 года Решением Коллегии Евразийской экономической ко-
миссии № 20 «О внесении изменения в решение Коллегии Евразийской эконо-
мической комиссии от 31 января 2018 года № 15» в соответствии с подпун-
ктом 4 пункта 4 статьи 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического
союза в пункте 1 Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от
31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя
в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической де-
ятельности Евразийского экономического союза» слова «электрическая энер-
гия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так
и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судна» исклю-
чены.

24 апреля 2020 года общество с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» (далее – ООО «Шиптрейд», заявитель) обратилось в порядке пункта 115 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Статут Суда) в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с ходатайством о принятии мер по исполнению Решения Суда от 18 июня 2019 года (далее – ходатайство).

Ходатайство от имени заявителя подписано представителем ООО «Шиптрейд» Даниловским М.В.

Коллегия Суда, изучив приложенную к ходатайству доверенность от 21 мая 2019 года, констатирует, что ООО «Шиптрейд» в лице директора Веремеенко Артура Олеговича не наделяло Даниловского Матвея Вадимовича полномочиями обращения в Суд Евразийского экономического союза вообще и с подобным ходатайством в частности.

Следовательно, у Даниловского М.В. отсутствует право на обращение в Суд Евразийского экономического союза с ходатайством о принятии мер по исполнению Решения Суда от 18 июня 2019 года, в связи с чем в принятии ходатайства следует отказать.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 1, 2, 4 статьи 32 Регламента Суда, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического Совета от 23 декабря 2014 года № 101, пунктом 115 Статута Суда, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

В принятии ходатайства общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» о принятии мер по исполнению Решения Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года отказать.

Копию постановления направить обществу с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» и Евразийской экономической комиссии.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Судьи

А.Э. Туманян

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

2 июня 2020 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сей-
тимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л.,
под председательством судьи-докладчика Туманяна А.Э.,
при секретаре судебного заседания Малашко А.П.,
рассмотрев в открытом судебном заседании ходатайство общества с огра-
ниченной ответственностью «Шиптрейд» о принятии мер по исполнению Ре-
шения Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года,

УСТАНОВИЛА:

Решением Коллегии Суда от 18 июня 2019 года требование общества с огра-
ниченной ответственностью «Шиптрейд» удовлетворено, решение Коллегии
Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О клас-
сификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной
номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономи-
ческого союза» признано не соответствующим Договору о Евразийском эконо-
мическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках
Евразийского экономического союза.

Решением Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического со-
юза от 31 октября 2019 года Решение коллегии Суда от 18 июня 2019 года по
делу № СЕ-1-2/1-19-КС оставлено без изменения, а Апелляционная жалоба Ев-
разийской экономической комиссии – без удовлетворения.

28 января 2020 года Решением Коллегии Евразийской экономической ко-
миссии № 20 «О внесении изменения в решение Коллегии Евразийской эконо-
мической комиссии от 31 января 2018 года № 15» в соответствии с подпун-
ктом 4 пункта 4 статьи 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического
союза в пункте 1 Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от
31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в
соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической дея-
тельности Евразийского экономического союза» слова «электрическая энер-
гия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так
и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судна,» исклю-
чены.

20 мая 2020 года общество с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» (далее – ООО «Шиптрейд», заявитель, истец), полагая, что решение Суда не исполнено, обратилось в порядке пункта 115 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Статут Суда) в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с ходатайством о принятии мер по исполнению Решения Суда от 18 июня 2019 года.

Изучив ходатайство, представленные материалы, Коллегия Суда считает необходимым в удовлетворении ходатайства отказать.

Согласно пункту 115 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Статут Суда) в случае неисполнения Комиссией решения Суда хозяйствующий субъект вправе обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению. Суд по ходатайству хозяйствующего субъекта в течение 15 календарных дней с даты его поступления обращается в Высший Евразийский экономический совет для принятия им решения по данному вопросу.

В соответствии с абзацем 2 пункта 111 Статута решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводится Комиссией в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, если иной срок не установлен в решении Суда.

Пунктом 103 Статута Суда установлено, что без ущерба положениям пунктов 111–113 настоящего Статута стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда.

Как видно из Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 января 2020 года № 20 «О внесении изменения в решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15», в Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» внесены изменения на основании подпункта 4 пункта 4 статьи 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, согласно которому Решения Комиссии, принятые в соответствии с настоящей статьей, признаются утратившими силу либо подлежат изменению по такому основанию как признание Судом Евразийского экономического союза решения Комиссии, принятого в соответствии с настоящей статьей, или его отдельных положений не соответствующими Договору о Союзе, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза.

Таким образом, Коллегия ЕЭК вынесла указанное решение во исполнение Решения Суда от 18 июня 2019 года.

На основании изложенного, руководствуясь статьей 48 Регламента Суда, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

В удовлетворении ходатайства общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» о принятии мер по исполнению Решения Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года отказать.

Копию постановления направить обществу с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» и Евразийской экономической комиссии.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.Э. Туманян

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-1-2/1-19)

город Минск

2 июня 2020 года

1. 2 июня 2020 года Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) вынесено постановление об отказе в удовлетворении ходатайства общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» (далее – ООО «Шиптрейд», общество) о принятии мер по исполнению решения Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) от 18 июня 2019 года.

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение.

Исхожу из того, что согласно взаимосвязанному уяснению пункта 1 статьи 79, абзаца 3 пункта 2 статьи 84 Регламента судья Суда вправе заявить особое мнение к постановлению об отказе в удовлетворении ходатайства о принятии мер по исполнению решения, вынесенному в виде отдельного судебного акта и являющемуся окончательным актом, завершающим производство в Суде.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

2. Коллегия Суда, отказывая в удовлетворении ходатайства ООО «Шиптрейд», пришла к выводу, что истец не привел достаточных аргументов и фактов, свидетельствующих о невыполнении Комиссией решения Суда от 18 июня 2019 года.

Полагаю, что позиция Коллегии Суда противоречит Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и Регламенту, а также нарушает право общества на судебную защиту.

3. Решением Коллегии Суда от 18 июня 2019 года, оставленным без изменения решением Апелляционной палаты от 31 октября 2019 года, решение Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 15) признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз).

Согласно Решению № 15 судовой дизельный двигатель, предназначенный для вращения ротора электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно, в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры 1 и 6 подлежал классификации в субпозиции 8408 90 единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Союза (далее – Товарная номенклатура).

В порядке исполнения решения Суда Комиссия решением от 28 января 2020 года № 20 (далее – Решение № 20) внесла изменения в Решение № 15, исключив из описания подлежащего классификации отдельного вида товара слова *«электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно»*.

С учетом внесенных изменений Решение № 15 в новой редакции определяет: *«судовой дизельный двигатель, предназначенный для вращения ротора электрогенераторной установки, в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры 1 и 6 классифицируется в субпозиции 8408 90 единой Товарной номенклатуры»*.

4. ООО «Шиптрейд» в обоснование ходатайства сослалось на позицию, изложенную в решении Коллегии Суда, согласно которой требование о классификации судового дизельного двигателя для привода генератора в субпозиции 8408 90 Товарной номенклатуры не соответствует нормам статей 25, 32 Договора, статей 19 и 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – Таможенный кодекс Союза). Общество также мотивировало свое обращение указанием на подход Апелляционной палаты, сформулированный в решении от 31 октября 2019 года, согласно которому классификация спорных двигателей в субпозиции 8408 90 влечет сужение охвата субпозиции 8408 10 Товарной номенклатуры по сравнению с Гармонизированной системой описания и кодирования товаров, являющейся ее международной основой.

Изложенное позволило ООО «Шиптрейд» аргументировать вывод, согласно которому надлежащим исполнением решений Коллегии и Апелляционной палаты Суда является изменение субпозиции Товарной номенклатуры, в которой подлежат классификации судовые дизельные двигатели, предназначенные для вращения ротора электрогенераторной установки. По мнению общества, изложение Решения № 15 в новой редакции не привело к изменению его смысла, в связи с чем действия Комиссии не могут рассматриваться как направленные на исполнение решения Суда.

5. Подпункт 2 пункта 108 Статута наделяет Коллегию Суда правом по результатам рассмотрения дела по заявлению хозяйствующего субъекта при-

знать не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза решение Комиссии полностью или в части.

Решением Коллегии Суда Решение № 15 признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза в полном объеме.

Установлено, что Решение № 15 противоречит Товарной номенклатуре и не соответствует нормам статей 25 и 32 Договора, статей 19 и 22 Таможенного кодекса Союза. По мнению Коллегии Суда, при принятии оспариваемого решения Комиссия неверно признала вращение ротора электрогенераторной установки основной функцией судового дизельного двигателя. Согласно Товарной номенклатуре, а также томам IV и VI Пояснений к ней для классификации товаров группы 84 Товарной номенклатуры определяющее значение имеет функциональное назначение двигателя, заключающееся в приведении судна в движение.

В качестве дополнительного довода о несоответствии Решения № 15 праву Союза Коллегия Суда сослалась на тот факт, что назначение отдельного вида классифицируемого товара, заключающееся в приведении судна в движение и в обеспечении его жизнедеятельности, описано применительно к иному виду товара и приводит к неопределенности относительно действительных оценочных критериев назначения классифицируемого товара.

Апелляционная палата, оставляя решение Коллегии Суда без изменения, определила, что отнесение Комиссией дизельного двигателя, обладающего функцией по приведению судна в движение, к субпозиции 8408 90 «Двигатели прочие» основано на неверной интерпретации Гармонизированной системы описания и кодирования товаров, что приводит к нарушению статьи 25 Договора и статьи 19 Таможенного кодекса Союза.

6. Контекстное толкование части 2 статьи 3 и пункта 3 статьи 8 Договора свидетельствует, что к числу принципов, на основе которых действуют органы Союза, относится добросовестное сотрудничество между ними. Одной из форм реализации данного принципа служит надлежащее и своевременное исполнение Комиссией решений Суда. Данное правило находит правовое закрепление в части 2 пункта 111 Статута, в силу которого решение Суда о признании решения Комиссии или его отдельных положений не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза возлагает на Комиссию обязанность устранить выявленное противоречие и обеспечить соблюдение права Союза.

Из взаимосвязанного уяснения пунктов 1 и 4 статьи 78 Регламента следует, что положения мотивировочной части решения, содержащие толкование норм права Союза, на которых основаны выводы, сформулированные в резолютивной части данного решения, отражают правовую позицию Суда и носят обязательный характер. Соответственно, Комиссии следует обеспечить

совместимость избранных ей формы и способа исполнения решения Суда с выводами, изложенными в резолютивной и мотивировочной частях решения Суда.

Буквальная интерпретация пункта 103 Статута, в котором определение формы и способа исполнения решения Суда предоставлено сторонам спора без ущерба положениям пункта 111 Статута, позволяет заключить, что дискреция Комиссии по выбору мер, направленных на приведение ее решения в соответствие с правом Союза ограничена необходимостью учета позиции истца по соответствующему делу.

Гарантией соблюдения прав хозяйствующего субъекта, являвшегося истцом по спору о признании не соответствующим праву Союза решения Комиссии, служит норма пункта 115 Статута, предоставляющая ему возможность обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по исполнению решения Суда. Данное правовое положение имеет целью как проверку соответствия действий Комиссии по исполнению решения Суда его выводам, так и оценку учета позиции истца при выборе формы и способа исполнения судебного акта.

В соответствии с подпунктом 4 пункта 4 статьи 22 Таможенного кодекса Союза, содержащим специальную норму, посвященную исполнению решений Суда о признании не соответствующими праву Союза решений о классификации отдельного вида товара, указанные акты признаются утратившими силу или в них вносятся изменения.

Систематическое толкование пункта 100 Статута, статей 82 и 83 Регламента об обязательности и окончательности вступившего в силу решения Суда, с учетом принципа добросовестности как общепризнанного принципа международного права, применяемого Судом на основании пункта 50 Статута, дает основания констатировать, что Комиссии при изменении решения о классификации отдельного вида товара, признанного не соответствующим праву Союза, или последующем принятии нового решения взамен утратившего силу следует исключить из правовой системы Союза регулирование, содержащее те же недостатки или имеющее то же действие, что и оспоренный акт, воздержаться от введения мер идентичных тем, которые Суд посчитал противоречащими праву интеграционного объединения.

7. Применение сформулированных подходов к ходатайству ООО «Шиптрейд» позволяет прийти к следующим выводам.

Уяснение содержания Решения № 20 свидетельствует, что при его принятии Комиссия не учла содержание мотивировочной части решений Коллегии и Апелляционной палаты Суда. Данное обстоятельство привело к наличию в Решении № 15 в новой редакции того же недостатка, который заключается в несоответствии ключевого критерия для классификации судового дизельного двигателя в субпозиции 8408 90 Товарной номенклатуры основному клас-

сификационному признаку группы 84 Товарной номенклатуры, состоящему в функциональном назначении двигателя по приведению судна в движение. Решение № 15 в редакции Решения № 20 имеет то же действие, признанное Судом не соответствующим праву Союза, которое выражается в неправомерном сужении охвата субпозиции 8408 10 Товарной номенклатуры и приводит к нарушению Гармонизированной системы описания и кодирования товаров как международной основы Товарной номенклатуры.

В связи с изложенным полагаю, что Комиссия, не признав Решение № 15 утратившим силу, а лишь исключив из его текста такой классификационный признак как использование электрической энергии электрогенераторной установки *«для обеспечения жизнедеятельности судна и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно»*, исполнила решение Коллегии Суда в части указания на правовую неопределенность, но не устранила несоответствие оспариваемого решения Гармонизированной системе описания и кодирования товаров, Договору, Таможенному кодексу Союза и Товарной номенклатуре.

Оценка перечисленных обстоятельств в их совокупности и взаимной связи свидетельствует, что действия Комиссии по принятию Решения № 20 направлены на сохранение правовых норм, признанных не соответствующими праву Союза, в его правовой системе. При таких условиях отсутствуют основания считать решение Коллегии Суда исполненным надлежащим образом, что создает препятствия для единообразного применения права Союза как основной цели деятельности Суда и нарушает принцип добросовестного сотрудничества органов Союза.

8. Из взаимосвязанного уяснения пунктов 3 и 4 статьи 78, а также части 3 пункта 2 статьи 84 Регламента следует, что в описательной и мотивировочной частях постановления, вынесенного в виде отдельного судебного акта, подлежат отражению доводы истца, нормы права и выводы, на основании которых Суд удовлетворяет или отклоняет требование истца.

Вопреки указанным положениям Регламента, в постановлении об отказе в удовлетворении ходатайства ООО «Шиптрейд» не изложены его доводы, а также не сформулирована позиция Суда, на основании которой он не согласился с подходом общества о том, что надлежащее исполнение решения Суда от 18 июня 2019 года состояло в изменении субпозиции Товарной номенклатуры, а изложение Решения № 15 в новой редакции не может рассматриваться как исполнение решения Суда.

9. В силу пункта 115 Статута Суд обладает компетенцией по проверке исполнения Комиссией его решения по делу, рассмотренному по заявлению хозяйствующего субъекта. Факт неисполнения Комиссией решения Суда явля-

ется безусловным основанием для обращения Суда в Высший Евразийский экономический совет (далее – Высший совет).

Принимая во внимание неисполнение Комиссией решения Суда по настоящему делу, прихожу к выводу, что Коллегия Суда, отказав в удовлетворении ходатайства общества, устранилась от реализации возложенных на нее пунктом 115 Статута полномочий по контролю за исполнением решения.

10. Учитывая, что в соответствии с пунктом 3 статьи 84 Регламента постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о принятии мер по исполнению является окончательным и обжалованию не подлежит, а значит, после его вынесения Суд лишен возможности реализовать полномочия по контролю за исполнением решения, считаю необходимым обозначить вопрос о соблюдении права общества на судебную защиту.

Исходя из преамбулы Договора одним из общих принципов права Союза служит обеспечение верховенства конституционных прав и свобод. В консультативном заключении от 20 декабря 2018 года, определяя стандарт защиты прав и свобод, гарантированный Союзом, Суд указал, что их уровень не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах (абзац 5 пункта 3.1 раздела III «Выводы Суда»).

В силу подпункта 1 пункта 50 Статута Суд при осуществлении правосудия применяет общепризнанные принципы и нормы международного права. В связи с изложенным полагаю, что при формулировании общих принципов права Союза, включая право на суд, целесообразно основываться на конституционных традициях государств-членов и международных соглашениях о защите прав человека.

Право на доступ к суду гарантировано Конституциями всех государств – членов Союза (статья 61 Конституции Республики Армения, статья 60 Конституции Республики Беларусь, пункт 2 статьи 13 Конституции Республики Казахстан, пункт 1 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики, часть 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации), что соотносится со статьей 8 Всеобщей декларации прав человека и статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Исполнение решения, обладающего свойствами окончательности и обязательности, представляет собой неотъемлемую часть права на доступ к суду.

Применение данной правовой позиции к обстоятельствам рассматриваемого дела свидетельствует, что Коллегия Суда, отказав в удовлетворении ходатайства ООО «Шиптрейд» о принятии мер по исполнению решения Суда, ограничила право общества на доступ к суду и тем самым не обеспечила соблюдение его прав и свобод на уровне не ниже, чем он гарантирован государствами-членами.

Более того, постановление Коллегии Суда способно привести к тому, что общество в целях защиты своих прав и законных интересов, нарушение ко-

торых не устранено в связи с формальным исполнением Комиссией решения Суда, будет вынуждено обжаловать Решение № 15 в редакции Решения № 20, содержащее тот же недостаток, что нарушает принцип эффективности судебной защиты.

11. С учетом изложенного полагаю, что Коллегии Суда следовало направить ходатайство ООО «Шиптрейд» в Высший совет для принятия им решения в связи с неисполнением Комиссией решения Суда в полном объеме.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

К.Л. Чайка

Резюме по постановлению по ходатайству ООО «Шиптрейд»

Ключевые слова:

Общество с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (Комиссия, ЕЭК).

О принятии мер по исполнению решения Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года.

Классификация судового дизельного двигателя – вращение ротора электрогенераторной установки – товарная субпозиция 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС.

Решение Коллегии ЕЭК от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» – Решение Коллегии ЕЭК от 28 января 2020 года № 20 «О внесении изменения в решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15».

Постановление Коллегии Суда – отказ в удовлетворении ходатайства – особое мнение.

Описание:

Решением Коллегии Суда от 18 июня 2019 года по заявлению ООО «Шиптрейд» Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» признано не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы ООО «Шиптрейд» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Решением Апелляционной палаты Суда от 31 октября 2019 года решение Коллегии Суда от 18 июня 2019 года оставлено без изменения.

28 января 2020 года Коллегия Евразийской экономической комиссии приняла Решение № 20 «О внесении изменения в решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15», исключив в пункте 1 Решения № 15 слова «электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно».

Полагая, что решение Суда не исполнено, ООО «Шиптрейд» обратилось в Суд в порядке пункта 115 Статута Суда с ходатайством о принятии мер по исполнению решения Коллегии Суда от 18 июня 2019 года.

Постановлением Коллегии Суда от 2 июня 2020 года в удовлетворении ходатайства ООО «Шиптрейд» отказано. Суд указал, что согласно пункту 103 Статута Суда стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 января 2020 года № 20 принято в соответствии с подпунктом 4 пункта 4 статьи 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, позволяющим вносить изменения в решения Комиссии, если они или их отдельные положения признаны Судом Евразийского экономического союза не соответствующими Договору о Союзе, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза. Таким образом, Коллегия ЕЭК вынесла Решение № 20 во исполнение Решения Суда от 18 июня 2019 года.

К постановлению Коллегии Суда приложено особое мнение судьи Чайки К. Л.

Summary of order made under the petition of Shiptrade LLC

Keywords:

Shiptrade Limited Liability Company (business entity, legal person) - Eurasian Economic Commission (Commission, EEC).

On taking measures to execute the decision of the Court of the Eurasian Economic Union of June 18, 2019.

Classification of marine diesel engine - rotation of the rotor of a generator unit - commodity subheading 8408 90 of CN FEA EAEU.

Decision of the EEC Board No. 15 "About classifying marine diesel engine in accordance with the Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union" dated January 31, 2018 – Decision of the EEC Board No. 20 dated January 28, 2020 "On amending Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 15 dated January 31, 2018".

Order of the Chamber of the Court – refusal to satisfy petition - separate opinion.

Description:

Pursuant to judgment of Chamber of the Court dated June 18, 2019 made under the petition of Shiptrade LLC, Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 15 "About classifying marine diesel engine in accordance with the "Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union" dated January 31, 2018 declared not in line with the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 and international treaties within the Union and violating the rights and legitimate interests of Shiptrade LLC in the field of entrepreneurial and other economic activities. Pursuant to judgment of the Appeals Chamber of October 31, 2019, the judgment of the Chamber of the Court of June 18, 2019 was upheld.

On January 28, 2020, the Board of the Eurasian Economic Commission adopted Decision No. 20 "On amending Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 15 dated January 31, 2018", having excluded the words "whose electric energy is used both to ensure the work of the vessel and to power electric motors that propel the vessel" in paragraph 1 of Decision No. 15.

Relying on the fact that the judgment of the Court was not implemented, Shiptrade LLC applied to the Court in accordance with paragraph 115 of the Statute of the Court with a petition to take measures to execute the judgment of the Chamber of the Court dated June 18, 2019.

Pursuant to judgment of the Chamber of the Court dated June 2, 2020, the petition of Shiptrade LLC was denied. The Court pointed out that, in accordance with paragraph 103 of the Statute of the Court, the parties to the dispute may

independently determine the form and method of execution of the Court's judgment. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 20 dated January 28, 2020 was adopted in accordance with subparagraph 4 of paragraph 4 of Article 22 of the Customs Code of the Eurasian Economic Union, which allows to amend the decisions of the Commission if they or their individual provisions are found by the Court of the Eurasian Economic Union as non-compliant with the Treaty on the Union, international treaties within the Union and/or decisions of the Union' bodies. Thus, the EEC Board issued Decision No. 20 pursuant to the Judgment of the Court dated June 18, 2019.

A separate opinion of Judge K.L. Chaika has been attached to the judgment of the Chamber of the Court.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

29 июня 2020 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А.,
Чайки К.Л.,

под председательством судьи-докладчика Сейтимовой В.Х., при секретаре
судебного заседания Самсонове Д.С.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Общества с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 мая 2017 года № 51 «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Общество с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» (далее – ООО «Поларис Инт», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» от 11 мая 2017 года № 51 (далее – Решение №51) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, указывая, что Евразийской экономической комиссией при классификации вышеназванного товара нарушены положения статей 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года и Основные правила интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности.

Согласно Решению № 51 бытовой отпариватель для одежды, представляющий собой электрический прибор с напряжением питания переменного тока 220 - 240 В, оснащенный блоком управления, резервуаром для воды со встроенным электронагревательным элементом мощностью от 1500 до 2000 Вт, телескопической стойкой вертикального типа, пароподающим шлангом с насадками, предназначенный для разглаживания одежды паром, поступающим из резервуара по пароподающему шлангу за счет нагревания воды до температуры кипения, в соответствии с Основным правилом интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 классифицируется в товарной позиции 8516 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

В заявлении указывается, что оспариваемая классификация повлекла увеличение таможенных платежей, подлежащих уплате при ввозе таких товаров, вследствие изменения ставки ввозной таможенной пошлины с 0% до 10%, а также пересмотр сложившихся договорных отношений в сторону увеличения цен и в части отказ от сложившихся хозяйственных связей.

Согласно пункту 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (Приложение № 2 к Договору, далее – Статут) Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

ООО «Поларис Инт» - юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством Российской Федерации, и по смыслу абзаца 4 пункта 39 Статута является хозяйствующим субъектом, обладающим правом обращения в Суд.

Рассмотрение заявленных ООО «Поларис Инт» требований о признании Решения № 51 не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в соответствии с подпунктом 2) пункта 39 Статута относится к компетенции Суда.

К заявлению хозяйствующего субъекта о разрешении спора предъявляются требования, предусмотренные статьей 9 Регламента Суда Евразийского экономического Союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент суда).

В заявлении приведены доводы и обстоятельства, указывающие, по мнению истца, на нарушение его прав и законных интересов оспариваемым решением; указано об обращении к ответчику в порядке досудебного урегулирования спора; содержится дата его подачи (17 июня 2020 года).

В заявлении изложены требования, предусмотренные подпунктом 2) пункта 39 Статута.

К заявлению приложены копии оспариваемого решения Комиссии, свидетельств о государственной регистрации ООО «Поларис Инт», Общества с ограниченной ответственностью «Генеральная Сюрвейерская Компания» (далее – ООО «ГСК»), выписок из Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) и свидетельств о постановке на учет в налоговом органе ООО «Поларис Инт», ООО «ГСК», обращения ООО «ГСК» от имени ООО «Поларис Инт» в Евразийскую экономическую комиссию (далее – Комиссия) в досудебном порядке урегулирования спора, ответа Комиссии на указанное обращение, сведения о направлении копии заявления с приложением в Комиссию.

С заявлением также направлены доверенность, выданная ООО «Поларис Инт» от 10 января 2020 года на имя ООО «ГСК» в лице Генерального директора Максима Викторовича Каледина, для представления интересов в Суде Евразийского экономического союза, в том числе с правом подписания и подачи обращения (жалобы) об оспаривании решений Коллегии Евразийской экономической Комиссии, уплаты пошлины, платежное поручение № 654 от 20.02.2020 г. об уплате пошлины ООО «ГСК» при обращении Суд в размере 46 139 рублей.

Заявление подписано Генеральным директором ООО «ГСК» М.В. Калединым на основании вышеуказанной доверенности.

Согласно требованиям статьи 9 Регламента Суда заявление подписывается лицом, указанным в пунктах 1 и 2 статьи 32 Регламента.

В соответствии с указанными нормами Регламента Суда представителями истца, который является хозяйствующим субъектом, в Суде могут выступать руководитель хозяйствующего субъекта – юридического лица или сам хозяйствующий субъект (индивидуальный предприниматель), подписавшие заявление в Суд (пункт 1 статьи 32 Регламента); представителями хозяйствующего субъекта могут быть также иные лица, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами, выданными лицами, указанными в пункте 1 настоящей статьи (пункт 2 статьи 32 Регламента).

Из содержания доверенности от 10 января 2020 года следует, что она выдана Обществом с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» в лице Генерального директора Трегубенковой Анастасии Олеговны.

Согласно приложенной к заявлению в Суд выписке из ЕГРЮЛ № ЮЭ9965-20-96682739 по состоянию на 17 июня 2020 года генеральным директором ООО «Поларис Инт» является Мерникова Ася Александровна.

Учитывая, что официальные сведения о государственной регистрации юридического лица ООО «Поларис Инт» не подтверждают полномочия Трегубенковой Анастасии Олеговны в качестве руководителя названного хозяйствующего субъекта, Коллегия Суда полагает, что заявление в Суд подписано лицом, не имеющим данное полномочие.

В этой связи платежное поручение № 654 от 20.02.2020 г. об уплате пошлины Обществом с ограниченной ответственностью «Генеральная Сюрвейерская Компания» не подтверждает выполнение истцом требования, предусмотренного подпунктом д) пункта 3 статьи 9 Регламента Суда, об обязанности оплаты пошлины хозяйствующим субъектом при обращении в Суд.

В соответствии с подпунктами а) и б) пункта 3 статьи 33 Регламента Суд выносит постановление об оставлении заявления без движения в случаях, если пошлина не уплачена или уплачена не в полном объеме и заявление не соответствует требованиям, предусмотренным настоящим Регламентом, и (или) к заявлению не приложены документы, предусмотренные статьями 8 или 9 настоящего Регламента.

Наличие установленных недостатков является основанием для оставления заявления ООО «Поларис Инт» без движения.

В соответствии с пунктом 3 статьи 33 Регламента в случае устранения недостатков, послуживших основанием для оставления заявления без движения в установленный Судом срок, заявление принимается к производству; неустранение недостатков является основанием для отказа в принятии заявления.

Руководствуясь пунктом 39 Статута, пунктом 3 статьи 33, пунктом 1 статьи 34, статьями 9, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Заявление Общества с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 мая 2017 года № 51 «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, - оставить без движения.

Предоставить Обществу с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» срок для устранения недостатков до 15 июля 2020 года.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

В.Х. Сейтимова

Судьи

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

9 июля 2020 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А.,
Чайки К.Л.,

под председательством судьи-докладчика Сейтимовой В.Х.,
при секретаре судебного заседания Самсонове Д.С.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Общества с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 мая 2017 года № 51 «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Общество с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» (далее – ООО «Поларис Инт», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» от 11 мая 2017 года № 51 (далее – Решение №51) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, указывая, что Евразийской экономической комиссией при классификации вышеназванного товара нарушены положения статей 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года и Основные правила интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности.

Согласно Решению № 51 бытовой отпариватель для одежды, представляющий собой электрический прибор с напряжением питания переменного тока 220 - 240 В, оснащенный блоком управления, резервуаром для воды со встроенным электронагревательным элементом мощностью от 1500 до 2000 Вт, телескопической стойкой вертикального типа, пароподающим шлангом с насадками, предназначенный для разглаживания одежды паром, поступающим из резервуара по пароподающему шлангу за счет нагревания воды до температуры кипения, в соответствии с Основным правилом интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 классифицируется в товарной позиции 8516 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

В заявлении указывается, что оспариваемая классификация повлекла увеличение таможенных платежей, подлежащих уплате при ввозе таких товаров, вследствие изменения ставки ввозной таможенной пошлины с 0% до 10%, а также пересмотр сложившихся договорных отношений в сторону увеличения цен и в части отказ от сложившихся хозяйственных связей.

Согласно пункту 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (Приложение № 2 к Договору, далее – Статут) Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Из содержания заявления следует, что по предмету и субъекту обращение в Суд соответствует предъявляемым Статутом требованиям о компетенции Суда.

Однако предусмотренные статьей 9 Регламента Суда Евразийского экономического Союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент), требования к содержанию заявления хозяйствующего субъекта о разрешении спора и приложению к нему ООО «Поларис Инт» выполнены не в полном объеме.

В соответствии с подпунктами б), г) пункта 3 статьи 9 Регламента к заявлению хозяйствующего субъекта прилагаются копия свидетельства о регистрации юридического лица или физического лица в качестве индивидуального предпринимателя; доверенность или иные документы, подтверждающие полномочия на подписание заявления.

К заявлению приложены копии свидетельств о государственной регистрации юридических лиц, выписок из Единого государственного реестра юридических лиц (далее - ЕГРЮЛ) ООО «Поларис Инт», Общества с ограниченной ответственностью «Генеральная Сюрвейерская Компания» (далее – ООО «ГСК»), свидетельств о постановке на учет в налоговом органе.

С заявлением также направлена доверенность от 10 января 2020 года, выданная ООО «Поларис Инт» на имя ООО «ГСК» в лице Генерального директора Каледина Максима Викторовича, для представления интересов в Суде Евразийского экономического союза, в том числе с правом подписания и подачи обращения (жалобы) об оспаривании решений Коллегии Евразийской экономической Комиссии, уплаты пошлины, и платежное поручение № 654 от 20 февраля 2020 года об уплате пошлины ООО «ГСК» при обращении в Суд в размере 46 139 рублей.

Заявление в Суд подписано Генеральным директором ООО «ГСК» Калединым М.В. на основании вышеуказанной доверенности.

Согласно требованиям статьи 9 Регламента заявление подписывается лицом, указанным в пунктах 1 и 2 статьи 32 Регламента. В соответствии с указанными нормами Регламента представителями истца, который является хозяйствующим субъектом, в Суде могут выступать руководитель хозяйствующего субъекта - юридического лица или сам хозяйствующий субъект (индивидуальный предприниматель), подписавшие заявление в Суд (пункт 1 статьи 32 Регламента); представителями хозяйствующего субъекта могут быть также иные лица, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами, выданными лицами, указанными в пункте 1 настоящей статьи (пункт 2 статьи 32 Регламента).

В соответствии с Федеральным Законом Российской Федерации «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 13 июля 2001 года № 129-ФЗ в едином государственном реестре юридических лиц содержатся сведения и документы о юридическом лице, в частности, фамилия, имя, отчество и должность лица, имеющего право без доверенности действовать от имени юридического лица, а также паспортные данные такого лица или данные иных документов, удостоверяющих личность в соответствии с законодательством Российской Федерации, и идентификационный номер налогоплательщика при его наличии (подпункт «л» пункта 1 статьи 5 Федерального закона).

Из содержания доверенности от 10 января 2020 года следует, что она выдана Обществом с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» в лице Генерального директора Трегубенковой Анастасии Олеговны.

Из выписки ЕГРЮЛ № ЮЭ9965-20-96682739 по состоянию на 17 июня 2020 года (дата оформления выписки) в графе «Сведения о лице, имеющем

право без доверенности действовать от имени юридического лица» (пункты 35-37, 40 выписки) в качестве генерального директора ООО «Поларис Инт» значится Мерникова Ася Александровна.

Представленные истцом официальные сведения о государственной регистрации юридического лица ООО «Поларис Инт» по состоянию на 10 января 2020 года не подтверждают полномочия Трегубенковой Анастасии Олеговны в качестве руководителя названного хозяйствующего субъекта или в качестве иного лица, полномочия которого подтверждались бы соответствующими документами, по смыслу требований пункта 2 статьи 32 Регламента. В этой связи Коллегия Суда также посчитала, что платежное поручение № 654 от 20 февраля 2020 года об уплате пошлины Обществом с ограниченной ответственностью «ГСК» не подтверждает выполнение истцом требования, предусмотренного подпунктом д) пункта 3 статьи 9 Регламента Суда, об обязанности оплаты пошлины хозяйствующим субъектом при обращении в Суд.

В соответствии с подпунктами а) и б) пункта 3 статьи 33 Регламента заявление ООО «Поларис Инт» постановлением Коллегии Суда от 29 июня 2020 года было оставлено без движения.

8 июля 2020 года от ООО «Поларис Инт» в Суд поступило письмо (от 1 июля 2020 года, без номера), в котором утверждается, что доверенность, представленная истцом с заявлением, была подписана Трегубенковой А.О. в лице генерального директора, не отозвана, действует и является действительной с момента выдачи. В данном письме со ссылкой на положения Гражданского Кодекса Российской Федерации указывается, что смена генерального директора, имеющего право без доверенности действовать от имени юридического лица, не прекращает действие доверенности, выданной этим лицом. Иных документов, устраняющих недостатки, указанные в постановлении Коллегии Суда от 29 июня 2020 года, истцом Суду не представлено.

Коллегия Суда полагает, что письмо ООО «Поларис Инт» не может быть расценено как документ, подтверждающий полномочия Трегубенковой А.О. в качестве руководителя юридического лица по смыслу статьи 32 Регламента.

Полномочия представителей хозяйствующего субъекта в Суде при совершении процессуальных действий должны подтверждаться соответствующими документами, при этом возможность последующего одобрения совершения процессуальных действий в отсутствие таких документов Регламентом не предусмотрена.

Предоставление истцу возможности последующего одобрения процессуального действия, совершенного не уполномоченным надлежащим образом представителем, вместо устранения недостатков, связанных с отсутствием документов, подтверждающих полномочия представителя, означает пре-

доставление истцу преимущества за счет его освобождения от выполнения процессуальных требований Регламента и, таким образом, не соотносится с принципами состязательности и равенства сторон спора, зафиксированными в пункте 53 Статута Суда.

Коллегия Суда, исследовав направленное истцом письмо от 1 июля 2020 года и представленную им выписку из Единого государственного реестра юридических лиц № ЮЭ9965-20-96682739 по состоянию на 17 июня 2020 года (дата оформления выписки) на 16 листах с количеством 259 записей за период с 22 октября 2003 года по 20 марта 2020 года, пришла к выводу, что утверждения ООО «Поларис Инт» в письме от 1 июля 2020 года о наличии у А.О. Трегубенковой полномочий на выдачу доверенности от 10 января 2020 года, не состоятельны. Выписка из ЕГРЮЛ № ЮЭ9965-20-96682739 от 17 июня 2020 года содержит единственное сведение о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица. Таким лицом, согласно выписке, является генеральный директор ООО «Поларис Инт» Мерникова Ася Александровна; записей об иных лицах, имеющих право действовать в данном качестве, в указанном официальном документе за период с 22 октября 2003 года (со дня первичной регистрации юридического лица) по 20 марта 2020 года не имеется. Следовательно, доказательств, которые бы подтверждали полномочия А.О.Трегубенковой действовать в качестве генерального директора ООО «Поларис Инт», в том числе на день подписания доверенности от 10 января 2020 года, Суду истцом не представлено.

Таким образом, ООО «Поларис Инт» не устранило недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения, что в соответствии с подпунктом е) пункта 2 статьи 33 Регламента является основанием для отказа в принятии заявления к производству.

Руководствуясь подпунктом е) пункта 2 статьи 33, пунктом 1 статьи 34, статьями 9, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Отказать в принятии заявления Общества с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 мая 2017 года № 51 «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные

интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

В.Х. Сейтимова

Судьи

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

Резюме
по делу № СЕ-3/1-20-КС
(ООО «Поларис Инт»)

Ключевые слова:

Общество с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

О признании Решения Коллегии ЕЭК от 11 мая 2017 года № 51 «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Таможенное регулирование – классификация товаров в таможенных целях – товарные позиции 8424 и 8516 ТН ВЭД ЕАЭС – бытовой отпариватель для одежды.

Решение Коллегии ЕЭК от 11 мая 2017 года № 51 «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» – Конвенция о Гармонизированной системе – Таможенный кодекс ЕАЭС – ТН ВЭД ЕАЭС.

Постановление Коллегии Суда – отказ в принятии заявления.

Описание:

Общество с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 мая 2017 года № 51 «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим положениям статей 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров, Основным правилам интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности, утвержденным решением Совета ЕЭК от 16 июля 2017 года № 54, а также нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

ООО «Поларис Инт» отмечает, что до принятия оспариваемого решения Комиссии, оно классифицировало ввозимые отпариватели в товарной позиции 8424 ТН ВЭД ЕАЭС как пароструйные устройства со ставкой ввозной таможенной пошлины 0%. Принятие Комиссией решения от 11 мая 2017 года № 51 увеличило ставку ввозной таможенной пошлины с 0% до 10%, что в свою очередь повлекло изменение классификации товара таможенными органами и доначисление таможенных пошлин.

Постановлением Коллегии Суда от 29 июня 2020 года заявление ООО «Поларис Инт» оставлено без движения. Коллегия Суда отметила, что заявителем не были представлены сведения, подтверждающие полномочия лица, выдавшего доверенность для представления интересов хозяйствующего субъекта в Суде ЕАЭС, в том числе с правом подписания и подачи обращения (жалобы) об оспаривании решений Коллегии Евразийской экономической Комиссии, уплаты пошлины. Платежное поручение об уплате пошлины иным хозяйствующим субъектом, в отсутствие необходимых полномочий, не подтверждает выполнение ООО «Поларис Инт» обязанности по оплате пошлины при обращении в Суд.

Постановлением Коллегии Суда от 9 июля 2020 года ООО «Поларис Инт» отказано в принятии заявления вследствие неустранения недостатков, послуживших основанием для оставления заявления без движения.

S u m m a r y
of case No. CE-3/1-20-KC
(“Polaris Int” LLC)

Keywords:

Limited Liability Company “Polaris Int” (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (EEC).

On recognition of Decision No.51 of the Board of the Eurasian Economic Commission “On classification of household garment steamer in accordance with the Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union (FEACN of the EAEU)” dated May 11, 2017 as inconsistent with the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 and the international treaties within the Eurasian Economic Union.

Customs regulation – classification of goods for customs purposes – headings 8424 and 8516 of the FEACN of the EAEU – household garment steamer.

Decision No. 51 of the Board of the EEC “On classification of household garment steamer in accordance with the Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union” dated May 11, 2017 – International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System – Customs Code of the EAEU – FEACN of the EAEU.

Order of the Chamber of the Court – application dismissal.

Substance of the case:

Limited Liability Company “Polaris Int” applied to the Court of the Eurasian Economic Union to recognize the Decision No. 51 of the Board of the Eurasian Economic Commission “On classification of household garment steamer in accordance with the Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union” dated May 11, 2017 as non-compliant with the provisions of Articles 3, 25, 32 of the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014, Articles 19, 22 of the Customs Code of the Eurasian Economic Union, the International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System, the General Rules for Interpretation of the FEACN approved by Decision No. 54 of the EEC Council dated July 16, 2017, and as violating the rights and legal interests of the economic entity in the area of business and other economic activities.

“Polaris Int” LLC states that prior to the adoption of the contested Decision of the Commission, it classified imported steamers under heading 8424 of the FEACN of the EAEU as steam-ejecting devices with 0% import customs duty rate. By the adoption of the Decision No.51 dated May 11, 2017 the Commission has increased the import customs duty rate from 0% to 10%, which in turn has led to a change in the classification of the goods by customs authorities and additional customs duties.

Pursuant to the Order of the Chamber of the Court dated June 29, 2020, the application of “Polaris Int” LLC was provisionally deferred. According to the Chamber, the applicant has failed to provide the Court with the documents confirming the authority of its representative, including the authority to sign and file an application (complaint) for contesting the decisions of the Board of the Eurasian Economic Commission and the fulfillment of the duty payment. A payment order for the payment of the duty by another economic entity, in the absence of the necessary powers, does not confirm the fulfillment of Polaris Int LLC’s its obligation to pay the duty when applying to the Court.

By the Order of the Chamber of the Court dated July 9, 2020, the application filed by “Polaris Int” LLC was dismissed due to the failure to eliminate the shortcomings that served as grounds for provisional deferment of the application.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

14 октября 2020 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
председательствующего судьи Баишева Ж.Н.,
судьи-докладчика Айриян Э.В.,
судей Ажибраимовой А.М., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х.,
Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л.,
при секретаре судебного заседания Винник В.В.,
рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

В заявлении Комиссии указано, что в соответствии с пунктами 11 и 31 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору), (далее – Протокол), государство-член Евразийского экономического союза вправе в одностороннем порядке, установленном своим законодательством о закупках, установить в исключительных случаях особенности осуществления закупок отдельных видов товаров, работ и услуг и изъятия из национального режима на срок не более 2 лет соответственно.

При этом в соответствии со статьей 4 Договора основными целями ЕАЭС являются, в том числе, создание условий для стабильного развития экономик государств-членов ЕАЭС в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров и услуг ЕАЭС; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Как следует из заявления, в соответствии с пунктом 32 Протокола уполномоченный регулирующий и (или) контролирующий орган власти государства-члена ЕАЭС в сфере закупок заблаговременно, но не позднее 15 календарных дней до даты принятия акта об установлении изъятий в соответствии с пунктом 31 Протокола в письменной форме уведомляет Евразийскую эконо-

мическую комиссию и каждое из государств-членов ЕАЭС о принятии такого акта с обоснованием необходимости его принятия.

Комиссия сообщает, что согласно позиции Республики Беларусь, положения пункта 31 Протокола предполагают возможность введения изъятия из национального режима только в исключительных случаях на срок не более 2 лет. При этом, по мнению Белорусской стороны, исключительность случаев говорит о некоей однократной возможности возникновения у государства-члена ЕАЭС таких существенных обстоятельств, в связи с которыми оно не может предоставлять национальный режим товарам (работам, услугам), произведенным в других государствах-членах ЕАЭС, и их поставщикам (подрядчикам, исполнителям) при осуществлении государственных (муниципальных) закупок. Тогда как остальные государства-члены ЕАЭС придерживаются позиции о возможности многократного установления такого изъятия.

При этом, положениями раздела XXII «Государственные (муниципальные) закупки» Договора и Протокола, запрет на повторное (многократное) установление особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг и изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок не установлен. Единственное условие их установления заключается в исключительности случаев для их введения.

Комиссией совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами государств-членов ЕАЭС проведена работа по вопросу сближения позиций в отношении возможности повторного установления изъятия из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок. Которая не привела к выработке единообразного подхода по данному вопросу.

Комиссия просит Суд предоставить консультативное заключение по применению положений пунктов 11 и 31 Протокола, в части возможности однократности либо многократности установления государствами-членами Евразийского экономического союза особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг и изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок в установленном порядке.

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут) Суд по заявлению органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Разъяснение положений пунктов 11 и 31 Протокола входит в компетенцию Суда.

Заявление о разъяснении направлено Комиссией, являющейся органом Союза.

Большая коллегия Суда считает, что заявление о разъяснении соответствует требованиям, предусмотренным статьей 10 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского эко-

номического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), содержит обязательные элементы, установленные пунктом 1 статьи 10 Регламента, подписано в соответствии с пунктом 2 статьи 10 и пунктом 1 статьи 31 Регламента Председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии.

Ранее консультативное заключение по вопросу, сформулированному в заявлении, Судом не предоставлялось.

Исходя из положений статьи 73 Регламента, Большая коллегия Суда приходит к выводу, что оснований для отказа в принятии заявления о разъяснении к производству не имеется.

С учетом изложенного и, руководствуясь пунктами 46,73,74, подпунктом 1 пункта 95 Статута, статьями 10, 73 и 74 Регламента, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 11 и 31 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору) в части возможности однократности либо многократности установления государствами-членами Евразийского экономического союза особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг и изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок в установленном порядке.

2. Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 9 декабря 2020 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Копию настоящего Постановления направить заявителю.

4. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

6 ноября 2020 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., под председательством судьи-докладчика Айриян Э.В., при секретаре судебного заседания Винник В.В., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» (Российская Федерация),

УСТАНОВИЛА:

В Суд Евразийского экономического союза обратилось общество с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» (далее – истец, ООО «Поларис Инт»).

В заявлении истец просит Суд признать Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» от 11 мая 2017 года № 51 (далее - Решение № 51) не соответствующим статьям 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе, Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года, статьям 19 и 22 Таможенного кодекса ЕАЭС, единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности ЕАЭС и нарушающим права и законные интересы ООО «Поларис Инт» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В обоснование своих требований заявитель приводит следующие доводы.

ООО «Поларис Инт» является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Истец осуществляет хозяйственную деятельность на рынке бытовой техники марки «POLARIS» более 20 лет и является производителем и импортером «отпаривателей» – приборов, с помощью которых путем горячего пара, ими вырабатываемого, легко разгладить образовавшиеся складки одежды даже в самых труднодоступных местах, а также эффективно очистить мебель, автомобильный салон, ковровые напольные покрытия.

Указанные «отпариватели» упоминаются в оспариваемом Решении № 51, согласно которому такие товары надлежит классифицировать в соответствии

с кодом 8516 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) как прочие бытовые электронагревательные приборы.

Истец полагает, что в Решении № 51 ошибочно выбраны такие классифицирующие признаки прибора как «бытовой» и «электронагревательный», без учета выполняемой функции, что дало основания для отнесения таких товаров в товарную позицию 8516 ТН ВЭД ЕАЭС с более высокой ставкой ввозной таможенной пошлины.

До принятия Решения № 51 истец классифицировал товар «отпариватели» в товарной позиции 8424 ТН ВЭД ЕАЭС как пароструйные устройства, ставка ввозной таможенной пошлины по которым составляет 0 %. При классификации товара в товарной позиции 8424 ТН ВЭД ЕАЭС истец также руководствовался многочисленными предварительными решениями о классификации такого рода товаров, размещенными на сайте ФТС России.

ООО «Поларис Инт» в рамках внешнеэкономического контракта от 01.11.2016 года № ТЕХ-001116, заключенного с «Texton International group Limited» (Гонконг), в период с декабря 2016 года по май 2017 года осуществило ввоз на территорию Российской Федерации товара – машины пароструйные: вертикальные отпариватели и пароочистители электрические бытовые, мощностью до 1700 Вт. Предназначены для использования любых типов тканей и для разглаживания складок на одежде и чистки поверхностей.

Товар был выпущен Псковской таможней под заявленным в декларациях на товары кодом ТН ВЭД ЕАЭС 8424 30 900 0 «Механические устройства (с ручным управлением или без него) для метания, разбрызгивания или распыления жидкостей или порошков; огнетушители заряженные или незаряженные; пульверизаторы или аналогичные устройства; пароструйные или пескоструйные и аналогичные метательные устройства: машины пароструйные или пескоструйные и аналогичные метательные устройства: — машины прочие: — прочие, ставка ввозной таможенной пошлины 0%, НДС-18%.

В 2018 году, после выпуска товаров, в ходе камеральной проверки Псковская таможня пришла к выводу, что заявленный декларантом код подлежит изменению, и ввезенные товары надлежит классифицировать кодом ТН ВЭД ЕАЭС 8516 79 700 0 «Электрические водонагреватели проточные или накопительные (емкостные), электронагреватели погружные; электрооборудование обогрева пространства и обогрева грунта, электротермические аппараты для ухода за волосами (например, сушилки для волос, бигуди, щипцы для горячей завивки) и сушилки для рук; электроутюги; прочие бытовые электронагревательные приборы; электрические нагревательные сопротивления, кроме указанных в товарной позиции 8545: - приборы электронагревательные прочие - прочие — прочие, ставка ввозной таможенной пошлины 10%, НДС-18%.

Как полагает истец, классификация товара «отпариватели» в соответствии с Решением № 51, которым истец обязан руководствоваться, повлекла за собой увеличение таможенных платежей, подлежащих уплате при ввозе таких товаров, вследствие изменения ставки ввозной таможенной пошлины с 0% до 10%. Увеличение подлежащих уплате таможенных платежей на «отпариватели», в свою очередь, послужило основанием необходимости пересмотра уже сложившихся договорных отношений с потребителями в сторону увеличения цен и, зачастую, отказа от сложившихся хозяйственных связей.

Кроме того, переклассификация таможенными органами в соответствии с Решением № 51 уже ввезенных отпаривателей/пароочистителей повлекла за собой доначисление и доплату таможенных платежей, приведя к изъятию из финансово-хозяйственного оборота компании значительных сумм.

Таким образом, оспариваемое Решение № 51 непосредственно затрагивает права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, поскольку его обычная хозяйственная деятельность связана с товаром, ввозимым на таможенную территорию Союза, к которому применяется Решение № 51.

В подтверждение своих требований Истец приводит в том числе довод о том, что Решение № 51 содержит неверную классификацию товара «отпариватели» в товарной позиции 8516 ТН ВЭД ЕАЭС, поэтому не соответствует положениям статей 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Международной конвенции о гармонизированной системе описания и кодирования товаров, статьям 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, ОПИ ТН ВЭД (Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза») и нарушает права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В целях реализации своих прав и законных интересов, как хозяйствующего субъекта, импортирующего товары на территорию Евразийского экономического союза, ООО истец через своего представителя ООО «Генеральная Сюрвейерская Компания» обратился в Евразийскую экономическую комиссию с обращениями (исх. № 31/10/19-2 от 31.10.19 года и № 04/12/19-2 от 04.12.19 года) об оспаривании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии № 51 от 11 мая 2017 года «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее - Решение № 51).

Письмом Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2019 года за № АН-315 8/03 истцу сообщено, что Комиссия не находит оснований для отмены Решения № 51.

Выводы Коллегии Суда

Согласно подпункту 2) пункта 39 Статута Суда Суд рассматривает по заявлению хозяйствующего субъекта споры о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Истец просит Суд признать Решение № 51 не соответствующим статьям 3, 25, 32 Договора от 29 мая 2014 года, Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года, статьям 19 и 22 Таможенного кодекса ЕАЭС, единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности ЕАЭС и нарушающим права и законные интересы ООО «Поларис Инт» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Истец указывает права и законные интересы ООО «Поларис Инт», как хозяйствующего субъекта, которые, по его мнению, нарушены оспариваемым решением Комиссии; приводит обстоятельства и доводы в обоснование своих требований.

Спорные правоотношения возникли после 1 января 2015 года в рамках Евразийского экономического союза.

Коллегия Суда считает, что указанный спор относится к компетенции Суда Союза, установленной подпунктом 2) пункта 39 Статута Суда.

К заявлению в Суд Евразийского экономического союза приложены копии документов о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора, установленного положением пункта 43 Статута Суда Евразийского экономического Союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), иных документов.

Заявление подписано Генеральным директором ООО «Поларис Инт» А.А. Мерниковой, имеющей право без доверенности действовать от имени юридического лица. Оригинальная подпись скреплена круглой чернильной печатью ООО «Поларис Инт».

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда Евразийского экономического союза по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

К заявлению приложена почтовая квитанция о направлении 27.10.2020 года в адрес ЕЭК заказного письма с простым уведомлением, о чем также указано в пункте 12 перечня прилагаемых документов на стр.14 заявления.

Коллегия Суда констатирует, что истцом соблюдены соответствующие положения Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержден-

ного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда). Оснований для отказа в принятии к производству или оставлению заявления без движения Коллегия Суда *prima facie* не усматривает.

Руководствуясь пунктом 39 Статута, статьями 34 и 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Заявление общества с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» от 11 мая 2017 года № 51 не соответствующим статьям 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года, статьям 19 и 22 Таможенного кодекса ЕАЭС, единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности ЕАЭС и нарушающим права и законные интересы ООО «Поларис Инт» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности принять к производству.

Заседание Коллегии Суда по рассмотрению дела назначить на 2 февраля 2021 года на 10.00 в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий:

Э.В. Айриян

Судьи:

А.М. Ажибраимова

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ БЮЛЛЕТЕНЯ
СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
(по состоянию на 01.01.2021г.)**

Председатель редакционного совета:

Чайка К.Л. – заместитель Председателя Суда Евразийского
экономического союза.

Заместитель председателя редакционного совета:

Колос Д.Г. – судья.

Члены совета:

Ажибраимова А.М. – судья;

Айриян Э.В. – судья, Председатель Суда Евразийского
экономического союза

Баишев Ж.Н. – судья;

Нешатаева Т.Н. – судья;

Сейтимова В.Х. – судья;

Скрипкина Г.А. – судья;

Туманян А.Э. – судья;

Федорцов А.А. – судья.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ БЮЛЛЕТЕНЯ
СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
(по состоянию на 01.01.2021г.)**

Члены коллегии:

Абдуллина Г.Б. – советник судьи;

Адерейко А.Н. – советник судьи;

Амельченя Ю.А. – советник судьи;

Будник Я.В. – советник судьи;

Дьяченко Е.Б. – советник судьи;

Мысливский П.П. – советник судьи;

Осипян Э.Ю. – советник судьи;

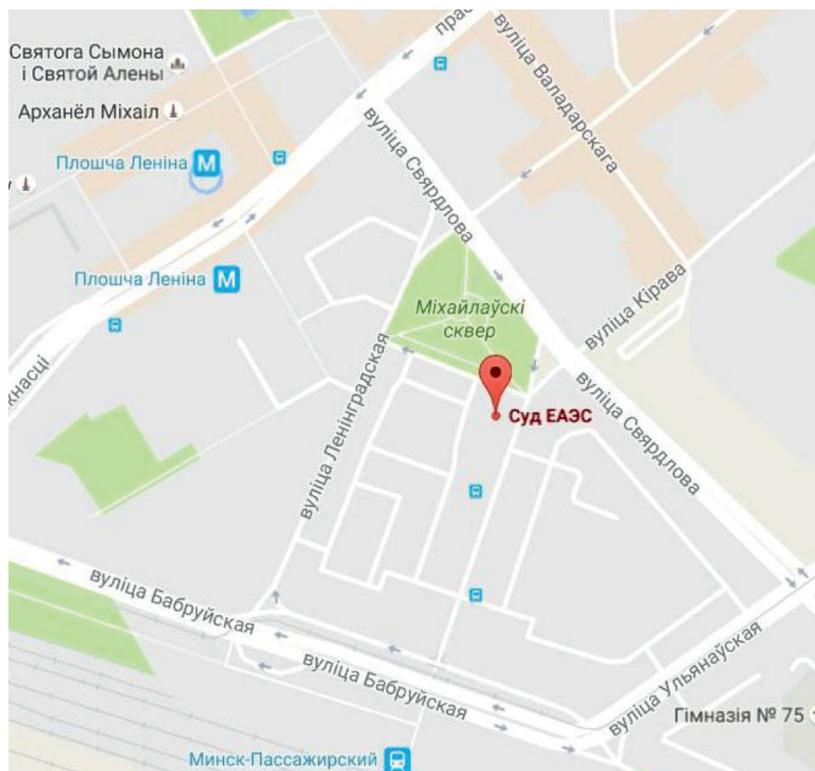
Резванова О.А. – советник судьи;

Самсонов Д.С. – советник судьи;

Симонян Г.В. – советник судьи;

Ответственный секретарь:

Туреханов А.А. – советник Секретариата Суда Евразийского
экономического союза.

Телефон /факс:

+375 17 222 60 98

Интернет-сайт:

www.courteurasian.org

Электронная почта:

info@courteurasian.org

Почтовый адрес:

Республика Беларусь, 220006,
г. Минск, ул. Кирова, 5

Режим работы:

Пн.-Чт. 9.00 - 18.00
Пт. 9.00 - 16.45

Обеденный перерыв:

13.00 - 13.45

Выходные дни:

суббота, воскресенье

Telephone / fax:

+375 17 222 60 98

Internet:

www.courteurasian.org

E-mail:

info@courteurasian.org

Postal address:

5, Kirov st., Minsk, 220006,
Republic of Belarus

Working hours:

Mon.-Thu. 9.00 - 18.00
Fri. 9.00 - 16.45

Lunch break:

13.00 - 13.45

Days off:

Sat., Sun.

Отпечатано в типографии ОАО «ТРАНСТЭК».
Лиц. 02330/36 от 23.01.2014.
Свид. о гос. рег. ИИРПИ № 2/37 от 29.01.2014. З. 386. Т. 300.